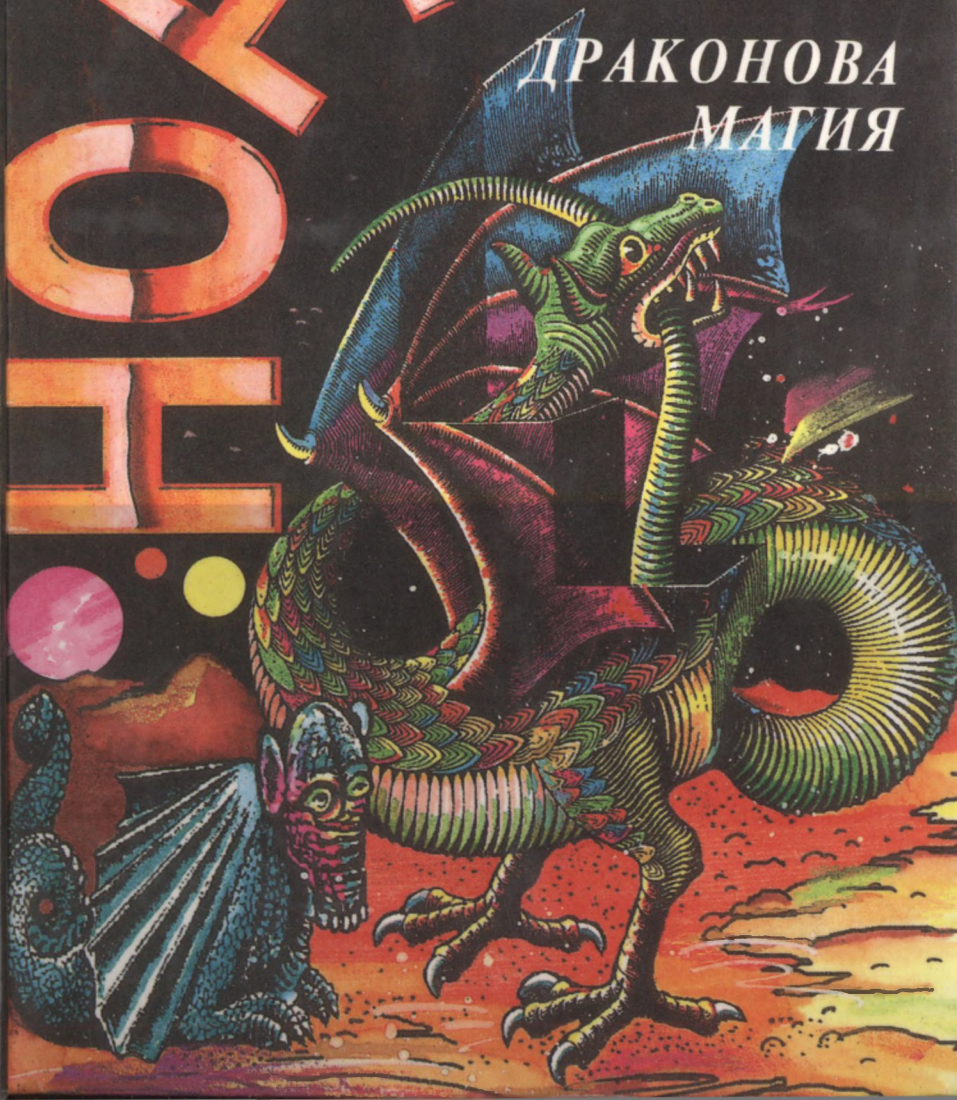

Андрэ НОРТОН

ДРАКОНОВА
МАГИЯ

Андрэ НОРТОН

ДРАКОНОВА МАГИЯ

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

*Операция
«Поиск во времени»
Драконова магия*

романы

Издательство
«Зеленоградская книга»
г. Москва

1995г.

ББК 84.7 США
Н49

Печатается с разрешения автора и его литературного агента.

Перепечатка отдельных романов и всего издания
в целом без разрешения — запрещена.

Всякое коммерческое использование данного издания
возможно исключительно с ведома издателя.

Нортон Андрэ

Н49 Драконова магия. Романы/Пер. с англ. — М.: Изда-
тельство «Зеленоградская книга», 1995г. — 384 стр.
Вып. 27

Что почувствует и как поведёт себя современный человек, оказавшись в совершенно незнакомой ему стране, да ещё в далёком прошлом — будь то легендарная Атлантида, древний Вавилон или средневековый Китай? Прочитав увлекательные фантастические романы, составляющие этот том, Вы узнаете, что об этом думает известная писательница-фантаст Андрэ Нортон.

Н $\frac{4701000000 - 2}{480 (03) - 95}$ Без объявления

ISBN 5 — 86314 — 040 — 2

OPERATION TIME SEARCH

© 1967 by Andre Norton

DRAGON MAGIC

© 1972 by Andre Norton

© Издательство «Зеленоградская книга», 1995г.

© Пер. с англ. «Операция «Поиск во времени» Д. Арсеньева, 1994г.

© Пер. с англ. «Драконова магия» Д. Арсеньева, 1994г.

© Художник Д. Аввакумов, 1995г.

ОПЕРАЦИЯ «ПОИСК ВО ВРЕМЕНИ»

Глава 1

— Атлантида? Сказки! — человек, стоявший у окна, полуобернулся. — Вы же не можете всерьёз... — начал он возражать уверенно, но заметив, что выражение лица его собеседника не изменилось, постепенно умолк.

— Вы сами видели записи трёх первых попыток. Похожи они на результат чьего-либо воображения? Вы проверили и перепроверили все действия, предпринятые против возможного обмана. Сказки, как вы говорите... — спокойный седовласый человек чуть откинулся в кресле. — Меня всегда интересовало, что лежит в основе самых старых сказок. Давно установлено, что норвежские саги, если лишить их сказочных элементов, представляют собой описания исторических путешествий. Большая часть нашего фольклора — это искажённые клановые, племенные или народные предания. Драконы... Ведь на нашей планете действительно когда-то жили драконы...

— Но не на памяти человечества! — Харгривз отошёл от окна, положил руки на пояс и выпятил подбородок, словно готовился к схватке, пусть словесной.

— А вы никогда не задумывались, почему такие легенды сохраняются, держатся многие столетия, рассказываются снова и снова? Дракон, пожирающий людей...

Харгривз улыбнулся.

— Я всегда считал, что настоящий дракон предпочитает диету из нежных юных дев, пока какой-нибудь доблестный рыцарь с помощью меча или копья не отучит его от этой привычки.

Фордхэм рассмеялся.

— Драконы, несмотря на свой вредный режим питания, встречаются в фольклоре народов всего мира. И их копья когда-то жили на земле...

— Но это было, повторяю, задолго до того, как появился наш самый первобытный предок.

— Насколько это нам известно, — поправил собеседника Фордхэм. — Я хочу сказать, что некоторые сюжеты в

сказках постоянно повторяются. Начиная этот проект — вы знаете, что послужило его причиной, — мы должны были установить отправную точку. Одна их наиболее устойчивых наших легенд — Атлантида. Это предание настолько вросло в наше культурное наследие, что многие, наверное, воспринимают её как исторически установленный факт...

— И всё это основано на нескольких строках Платона, приведённых как один из аргументов в споре...

— Но, предположим, Атлантида в самом деле существовала, — Фордхэм подобрал карандаш и принялся катать его по блокноту, однако писать не стал. — Не в этом мире...

— Где тогда? На Марсе?... Наверное, атланты взорвали себя и оставили эти кратеры в пустыне...

— Как ни странно, но в соответствии с легендой атланты действительно взорвали себя или что-то в этом роде. Нет, прямо на нашей планете. Вы слышали о теории альтернативной истории — что после каждого серьёзного исторического решения возникают два альтернативных мира.

— Фантастика... — прервал Харгривз.

— Вы думаете? А что если это факт, если на одной из таких альтернативных временных линий до сих пор существует Аталантида, а на другой период существования драконов совпадает по времени с появлением человечества?

— Но даже если бы это было так, откуда бы мы узнали?

— Верно. Мы отделены от прочих линий целой сетью выборов и решений. Но допустим, что когда мы были ещё близко от других миров, существовала некая течь. Может, отдельные индивидуумы могли даже переходить границу. У нас собрано множество странных, но документально подтверждённых случаев необъяснимого исчезновения людей из нашего мира, в то время как очень необычные люди иногда появляются при очень своеобразных обстоятельствах. Атлантида — такая живая легенда, она так захватывала воображение многих поколений, что мы решили сделать её нашим проверочным пунктом.

— А как именно?

— Мы скормили Ибби все сведения, которые известны об Атлантиде современному миру — от отчётов геологов, утверждающих, что когда-то морское дно здесь было хребтом затонувшего континента до «откровений» служителей культов. В ответ Ибби выдал нам уравнение.

— Вы хотите сказать, что ваш поисковый луч основан на этом?

— Совершенно верно. А результаты записей вы видели. Они получены благодаря расчётам Ибби. Вы сами признали, что изображения не похожи ни на что современное.

— Да. Это я сказал. А где они были сделаны?

— Прямо здесь, на том самом месте, которое вы разглядывали. Сегодня мы предпримем десятиминутную попытку, самую длительную из всех. В качестве начального ориентира используем этот курган.

— У вас по-прежнему неприятности из-за него?

Фордхэм нахмурился.

— Мы распространили слухи, что расчищаем местность для строительства новых лабораторий. Этот Вильсон поднимает шум из-за любого правительственного проекта. На лозунге «Спасём наш исторический курган» он основал целый крестовый поход, чтобы попасть на страницы газет и затормозить проект. В прошлом году он говорил, что мы начинаем новый эксперимент, в результате которого целый округ может быть сметён с карты. Служба безопасности тогда его предупредила. Он отлично знал, что работы совершенно безопасны. Но лозунг «Спасём наш исторический курган», конечно, вызывает не такой интерес, как «Спасайтесь, яйцеголовые собираются всех нас взорвать!» Сейчас его кампания уже пошла на убыль.

Однако курган — прекрасный ориентир, потому что он старше всех остальных созданных человеком артефактов во всей округе.

— А что если вы обнаружите не Атлантиду, а строителей этого кургана?

— Тогда у нас появятся новые записи для привлечения

внимания к проекту, хотя те, что у нас уже есть, для работы подходят больше.

— Это так, — согласился Харгривз. — А если получится?.. Если мы сможем пройти сами?..

— У нас появятся такие природные ресурсы, о которых сейчас и подумать невозможно. Большую часть сокровищ своего мира мы истощили и разграбили. И теперь должны попытаться пограбить кого-то ещё. Ну, что, посмотрим на Атлантиду?

Харгривз рассмеялся.

— Увидеть значит поверить; один снимок стоит многих томов слов. Дайте мне с собой в Вашингтон хороший фильм, и я смогу поддержать вас. Ну, хорошо, покажите мне Атлантиду!

Погода для начала декабря стояла удивительно теплая. Рей Осборн расстегнул воротник кожаной куртки. Сапоги парашютиста-десантника приминали прошлогоднюю траву. Теперь его накрыла тень индейского кургана. Раннее воскресное утро — Вильсон правильно подобрал время. И в ограде дыра, как он и пообещал. Видно только одно здание — верхний этаж этого совершенно секретного сооружения. А по эту сторону кургана никто его не увидит, даже если там кто-то есть на дежурстве.

Что тут собираются сделать? Сровнять курган бульдозерами? Что будут делать люди, когда не останется свободного места? Рей повернулся к кургану и подготовил фотоаппарат к съёмке. Нажал кнопку...

И словно нажал красную кнопку конца света, потому что мир буквально сошёл с ума. Рей пошатнулся, сознавая только невыносимую боль в голове, боль, связанную с яркими фиолетовыми вспышками, которые ослепили его. Тишина... Он потёр слезящиеся глаза. Туман разошёлся, а он стоял непонятно где, пьяно покачиваясь, ошеломлённо и недоверчиво глядя по сторонам.

Свежая яма, землеройные механизмы и даже сам курган — всё исчезло! Он в был тени, но не у высокой земляной

мопили, а в тени гигантского дерева. А за ним ещё одно и ещё!

Рей протянул дрожащую руку. Ощутил грубую кору — вполне реальную! И побежал по мягкому ковру мха между этими деревьями чудовищного обхвата. «Беги назад!» — кричало что-то у него в голове. «Назад?» — спрашивала другая часть ошеломлённого сознания. Но куда это — назад?

Несколько минут спустя он выбежал из полумрака этого невероятного леса на травянистую равнину. Споткнулся о торчащий корень, упал и какое-то время лежал, тяжело дыша. Скоро он ощутил на себе солнечный луч, слишком горячий для зимы. Приподнялся и огляделся.

Впереди, без всяких перерывов, расстилалась равнина, позади стеной стоял лес, ничего этого он никогда раньше не видел. Где... где он? Он весь дрожал, хоть земля под ним и была тёплая. Рей заставил себя сидеть спокойно. Он — Рей Осборн. Он воскресным утром отправился к проекту, чтобы оказать услугу Лесу Вильсону, сделать несколько хороших снимков кургана для статьи, которую сейчас пишет Вильсон. Снимки — у него же в руках ничего нет! Аппарат? Должно быть, выронил, когда это произошло... Что произошло?

Рей обхватил голову руками. Юноша боролся с самой примитивной паникой и старался рассуждать логично. Но как можно думать логично о чём-то невероятном? Только что он стоял в обычном нормальном мире — а в следующее мгновение оказался здесь. Где это — здесь?

Рей медленно встал, сунул руки в карманы куртки. Вернуться назад. Он повернулся к неподвижному лесу и понял, что пойти туда не сможет. Пока ещё нет. При одной только мысли об этом бешено заколотилось сердце. Открытая местность казалась меньшим из двух зол. Поэтому он пошёл в прерию и вскоре обнаружил разрыв в бескрайней равнине. Узкое ущелье, на дне течёт ручей, а вокруг — высокие кусты и деревца.

Пока он искал спуск, внизу затрещали кусты. Из зелё-

ной чащи прямо на почти отвесный склон устремилась тёмная фигура. Острые копыта в лихорадочной спешке застучали по стене, обрушивая почву и камни. Потом, поняв, что подняться невозможно, существо, взмахнув рогатой головой, повернулось к охотникам.

Рей ухватился за траву на краю откоса, чтобы не соскользнуть вниз. Загнанное животное находилось непосредственно под ним, оно наклонило голову и дышало тяжело, с фырканием. Но Рей не мог поверить в его реальность. Лось, если только это огромное чудовище может быть лосем, — дикий лось не бегает по южному Огайо. Рога у него были больше шести футов в размахе, а само животное выше Рея, оно вполне соответствует по размерам деревьям леса.

Из кустов выскочили мохнатые звери, похожие на волков. Уклонившись от удара рогов лося, первый зверь попытался схватить его за переднюю ногу. Он был явно не новичок в этой злой игре. Звери прыгали, клацали клыками и тут же отскакивали, прежде чем огромное животное успевало защититься.

Рей пришёл в себя, услышав крик. Собаки сразу отскочили. Одна из них хрипло залаяла. И через мгновение появились двуногие охотники. У них не было никакого оружия, насколько мог видеть Рей, но один держал в руках короткий металлический стержень. Он направил его в горло загнанному лосю, и из конца стержня ударил красный луч. Взревев, лось встал на дыбы и рухнул, чуть не придавив собак. Они набросились на ещё дрожащее тело, рвали его на куски, но охотники оттащили их от добычи, отогнали хорошо нацеленными пинками и ударами.

Достав из ножен на поясе кинжал, один из охотников принялся свежевать упавшее животное. Другой прикрепил к ошейникам собак поводки, а третий осторожно завернул огненный стержень в ткань и сунул за пазуху короткой кожаной куртки.

Все трое аборигенов были среднего роста, но мощные руки и плечи придавали им внешность гномов. Грубые

чёрные смазанные жиром волосы длиной до плеч перехватывали кожаные ремешки. Кожа цветом напоминала нечто среднее между медным и оливковым. На лицах выделялись широкие рты с толстыми губами и крепкими жёлтыми зубами, тёмные глаза и крючковатые носы.

Все они носили одежду из серой кожи, хорошо выделанной и гибкой, как ткань; эта верхняя одежда доходила до середины икр. Поверх рубах на плечах — куртки без рукавов с металлическими нашивками. Ноги до колен укрывали кожаные сапоги с толстыми подошвами, а на обнажённых руках поблескивали металлические браслеты, усаженные тусклыми камнями. На широких поясах болтались кинжалы в ножнах.

Рей смотрел, больше не пытаясь сопоставить увиденное с реальностью. Сон — это наверняка сон. Со временем он проснётся...

И тут одна из собак обнаружила юношу. Её красные глаза отыскивали источник странного запаха, бывшего в ноздри. С воем она натянула поводок. Кожаный ремень остановил её прыжок. Но она тут же прыгнула снова. На этот раз ремень не выдержал. Однако, как и лось, собака не смогла подняться на откос. Она лишь продолжала тщетно скрестить лапами по гравию и лаяла, как сумасшедшая.

Рей, ошеломлённый внезапным нападением, оказался лёгкой добычей. С диким криком один из охотников показал на него. Предводитель развернул стержень и прицелился. Рей повернулся, но укрыться не смог. Что-то в нём застыло, он не мог даже шевельнуться.

Не в состоянии двинуть даже пальцем, он бессильно ждал появления охотников. С помощью своего необычного оружия они выжгли на стене ущелья ступени. А Рей только знал, что не умер сразу, как лось.

Вот они подошли к нему. Рей посмотрел на них. Больше всего его беспокоила неподвижность лиц и неспособность прочесть хоть какое-то чувство. Маски, подумал Рей, злые маски. С ледяным спокойствием он понял, что встретился с чем-то совершенно чуждым, находящимся за пределами его старого безопасного мира.

Они осторожно окружили и принялись разглядывать пленника. Предводитель нарушил молчание, задав вопрос на гортанном свистящем языке. Когда Рей не ответил, он сварливо выпятил подбородок.

Снова задал вопрос, на этот раз более певуче. Другой язык, догадался Рей. Его молчание слегка смутило похитителей.

Наконец предводитель отдал приказ. Один из охотников снял с пояса кожаный ремень, зашёл Рею за спину и крепко связал его беспомощные запястья. Рей, всё ещё находясь под воздействием незнакомого оружия, вынужден был подчиниться. Но при прикосновении охотника испытал необъяснимое отвращение.

Как только его связали, предводитель вновь поднял стержень. Никакого луча на этот раз, но Рей обрёл способность двигаться. Не оглядываясь, владелец стержня ушёл. Охотник, связавший Рея, концом ремня хлестнул его по плечам и знаком приказал идти. Отвращение Рея перешло в гнев, и не только на похитителей, но вообще на всю эту случившуюся с ним катастрофу. Он не знал, где находится и почему, но чувствовал, что рано или поздно узнает и оплатит виновникам, и это ощущение подбодрило его. Он черпал силы в своём гневе, цеплялся за него, как тонущий цепляется за камень в середине бурной реки.

Они примерно с полмили прошли вдоль ущелья, пока не показался более отлогий спуск. Связанный, Рей не мог спуститься по их лестнице, и даже теперь он заколебался перед спуском. Охранник ударил его кинжалом по рёбрам, ударил плашмя, чтобы заставить двигаться. Но после первого же шага Рей потерял равновесие и покатился в туче пыли и гравия. Остановился он, ударившись о ствол дерева, голова с ободранным лицом оказалась ниже ног.

Конечно, мрачно подумал он, если это сон, то такой удар должен разбудить его. Голова тупо болела. Беспомощный, не в состоянии самостоятельно встать, он лежал, ожидая своих похитителей.

А те спускались неторопливо. Один подошёл и пнул Рея.

Когда Рей не смог встать в ответ на такое подбадривание, двое охотников поставили его на ноги. И сильно толкнули, так что он едва не упал снова.

Кровь текла из порезов на губах и подбородке, привлекая маленьких жалищих мух, а он ничего не мог сделать. Попытался отмахиваться головой, но это лишь вызвало головокружение. Когда они наконец добрались до лося, Рея привязали к дереву, и охотники продолжили свежевать тушу. Обрубив мясо, они бросили несколько кусков собакам, а остальное завернули в свежую шкуру. Потом один из них подцепил внутренности и протасил по траве, оставляя красный след.

Неподалёку в откосе виднелась чёрная дыра с грудой песка под ней. Бросив рядом внутренности, охотник отломил прут, сунул в дыру и поворошил там. Потом отпрыгнул, и из отверстия хлынула волна чёрных муравьёв.

Остальные отвязали Рея и рычащих псов и, прихватив мясо, двинулись вниз по течению ручья. Рей оглянулся на остатки туши. Она вся была накрыта шевелящимся чёрным одеялом.

Как он оценил позже, шли они около часа, прежде чем ущелье расширилось и перешло в долину. Кусты, царапавшие ему кожу и оставлявшие кровавые полосы на обнажённых руках охотников, сменились рошицами и полосками высокой, по пояс, травы.

С каждым шагом состояние Рея ухудшалось. Лицо его, избитое и исцарапанное, распухло. Глаза превратились в узкие щёлки среди измученной плоти. Боль из головы распространилась на плечи и вниз по спине. Он перестал ощущать затёкшие руки. Но он приветствовал эти мучения: они не давали задумываться. Где он? Что случилось? Он больше не верил, что это сон, как ни пытался сначала цепляться за эту надежду.

Наконец не нужно было больше шагать, спотыкаясь. Долина неожиданно оборвалась берегом, а ручей с миниа-турной дельтой устремился в волнуемое море. Море?

Свежий солёный воздух заставил Рея очнуться. Море? В

середине материка? Он с тупым ужасом смотрел на песчаный полумесяц пляжа.

Здесь не может быть моря. Значит, это здесь не в его мире! Он застрял в каком-то кошмаре.

Крик с берега заставил его похитителей ускорить шаг, они подхватили пленника с обеих сторон и потащили за собой. На берегу этого невероятного моря от древесного костра поднимался дым, редкий и тонкий, как утренний туман. У костра охотников приветствовали несколько тёмных фигур.

— По-прежнему сказка? — Фордхэм не отрывал взгляда от экрана.

Когда Харгривз не ответил, он оглянулся. Его собеседник гневно хмурился. Фордхэм встречался с такой реакцией и раньше. И радовался признакам сомнения, вызванным очевидностью.

— Ну, хорошо. Я вижу кое-что... деревья... как на других ваших лентах.

— Деревья? — Фордхэм помолчал. — Вы такие видели когда-нибудь?

— Нет... — неохотно признал Харгривз. Фордхэм продолжал нажимать.

— Такие деревья, — указал он, — в этой части мира не видели уже несколько столетий. Первопоселенцы столкнулись с ними, когда нужно было расчищать землю. Иногда требовались годы, чтобы свести девственный лес, пни и корни.

— Ну, ладно! Признаю: вы действительно создали что-то такое; мы с помощью вашего луча видим местность такой, какой она не может быть сейчас и не была уже много лет. Но путешествия во времени... Атлантида... мне нужны более веские доказательства, прежде чем я дам рекомендации...

— Можете взять с собой фильмы. Я говорил об Атлантиде только как о возможности, я ведь не обещал её. Возможно, вы видите доколумбовское или дореволюционное Огайо.

Мы не можем ни доказать, ни опровергнуть уравнение Ибби. Но вы должны признать, что начало впечатляющее...

— Я хочу ещё раз просмотреть запись того, что мы только что видели, — сказал Харгривз. — Хочу проверить, можно ли заметить изменение, когда включается луч.

— Нам понадобится некоторое время...

Харгривз нахмурился сильнее.

— У меня его достаточно — для этого. Я должен знать, что увезу с собой. Мне придётся отвечать на множество вопросов.

— Вот... — Фордхэм сидел в проекционном зале. — Начинаем. Это раскопки...

Свежая земля под слабым зимним солнечным светом, бульдозер, от которого падает тень, курган...

— Признаю, что видел перемену. Надеюсь, она будет видна и на записи!

Фордхэм рассмеялся.

— Гипноз? Вы думаете, я это делаю? Какой смысл? Или считаете, что я совсем спятил? Мы впервые смогли удерживать луч так надолго, теперь будет больше доказательств.

Харгривз смотрел на экран.

— А нельзя ли... — тут он замолчал.

— Пройти туда самим? Пока мы можем только смотреть. Насчёт того, чтобы пойти — не знаю. Придётся намного увеличить энергию...

— Эти деревья... — Харгривз смотрел на гигантский лес, застывший на изображении. — Тут, наверное, немало и других ресурсов. Похоже на пустой мир...

— Да, будем практичны. Допустим, мы сможем открыть дверь и черпать оттуда ресурсы. Так как вас примут в комитете, если вы подчеркнёте это?

— Захотят быть уверенными, что вероятность успеха хотя бы пятидесятипроцентная. А скоро ли возможен реальный эксперимент?

— Послать туда кого-то? Не знаю. Нам потребовалось два года, чтобы добиться одной лишь картинки.

Харгривз покачал головой.

— Давайте ваши фильмы, я хочу их показать. Мы, возможно, сможем дать вам половину того, что вы просите.

— Щедро. Но, вероятно, следовало этого ожидать, — Фордхэм совсем не был огорчён. Внутренне результат — привести собеседника в свою веру хоть наполовину — его удовлетворил.

Они снова прокрутили фильм, Харгривз сидел в кресле впереди. Вот разрез раскопок, курган, потом мерцание — и деревья. И тут резкое восклицание Фордхэма заглушило гул проектора.

— Лангстон, — крикнул он оператору, — прокрутите назад. И давайте замедленно...

— Что?.. — Харгривз умолк, взглянув на Фордхэма. У того совершенно изменилось лицо.

Снова показался шрам раскопок.

— Левее от кургана... вот здесь... смотрите!

Харгривз посмотрел. Фигура. Разглядеть было трудно, но, несомненно, какой-то человек делал шаг в пределах действия луча. Мерцание, которое только мигнуло при нормальной скорости воспроизведения, теперь превратилось в последовательность вспышек. И вот деревья, а рядом с одним из них — тот же человек.

— Пошли! — Фордхэм с невероятной для своего возраста и привычек скоростью устремился к двери. Они на самом деле побежали по коридору и выскочили на стоянку для машин. Фордхэм рывком распахнул дверцу своей машины и плюхнулся на место шофера. Харгривз едва успел сесть рядом и захлопнуть дверцу, как машина понеслась по бетону, направляясь к воротам.

Охранник вовремя увидел их и, не потеряв присутствия духа, успел отключить автоматический затвор. Харгривз с облегчением шумно перевёл дух. Фордхэм не сшиб ворота, как, по-видимому, собирался.

Они шли на запретной скорости, но, к счастью, дорога оказалась пустынной. Где-то в пути к Фордхэму вернулась осторожность, и он повернул у раскопок не так стреми-

тельно, и дальше они запрыгали по ухабистой дороге, проложенной землеройными машинами.

Но вот директор проекта выскочил из машины и опять побежал — к кургану. Возбуждение или страх придали ему сил, он опередил Харгривза на несколько шагов, но когда тот достиг кургана, то наскочил на резко остановившегося Фордхэма. Директор держал в руках фотоаппарат. Но фигуры, которую они видели на записи, не было видно.

— Он исчез! — подытожил очевидно Харгривз.

Фордхэм с мрачным лицом смотрел на аппарат.

— Исчез, да... туда... — и он через плечо оглянулся на то место, на котором они видели ряды деревьев. И Харгривз вздрогнул, зная, как исчез этот человек, но не зная — куда.

Глава 2

— Где? — Харгривз еле слышал собственный голос.

Ответ Фордхэма тоже прозвучал почти шёпотом:

— Может быть, в Атлантиде.

— Но... вы сказали, что лес может быть доколумбовым... или ещё более ранним, — возразил Харгривз.

— Конечно. Может быть всё, что угодно. Вы видели это, видели фильм, а теперь — вот это... — Фордхэм помахал фотокамерой. — Бедняга вошёл внутрь... или назад... или вышел — можете выразиться, как хотите, и это мы отправили его.

— А вернуть его можно? — Харгривз отбросил посторонние размышления, как всегда, ухватившись за самое главное.

— Потребуется не менее четырёх дней, а может, и больше, чтобы накопить энергии для нового запуска луча. Такие запуски нужно тщательно рассчитывать. Почему, вы думаете, мы избрали именно этот день и час? Тут не просто нажимаешь кнопку или открываешь дверь. Нужно тщательно обработать код. Четыре дня... — учёный осмотрелся. — И мы не можем знать, как там протекает время. Он ведь не будет сидеть четыре дня на одном месте, не знает, что

мы постараемся вытащить его. Когда мы будем готовы, он может находиться в милях отсюда.

Харгривз отвернулся от кургана и взглянул на свежие раскопки.

— Но это нужно сделать. И чем быстрее, тем лучше...

— Конечно, — но Фордхэм говорил так, будто считал задачу безнадёжной. Харгривз же продолжал смотреть на канаву.

— Атлантида — нет! — в голосе его прозвучало решительное отрицание.

Рей споткнулся и упал лицом в песок вблизи грубого очага, сооружённого из камней. Он устал и согласен был просто лежать, не обращая внимания на охотников и тех, кто ожидал их в этом лагере. Лишь бы его не трогали.

В ограниченном камнями поле зрения показались кривоватые ноги в сапогах из жёсткой кожи с клочками волос. Один сапог просунулся под юношу, его перевернули лицом к небу. Подошедший был в такой же кожаной одежде, но поверх неё позвякивала на ходу юбочка из металлических полос. А вместо куртки с металлическими нашивками торс прикрывали грудная и спинная чёрные защитные пластины, точно облегающие бочкообразную грудь и широкие плечи. Левая рука от запястья до локтя — в металлическом обшлаге, но правая была голая, на ней только два браслета с камнями.

Длинные чёрные пряди волос свободно развевал ветер. На согнутой руке у него болтался шлем с двумя крыльями летучей мыши на центральном гребне. На поясе меч. Выше охотников, менее смуглый, он казался принадлежащим к другой расе. Но лицо его — такая же лишённая выражения маска.

После долгого разглядывания он отдал приказ, тут же подошёл один из охотников и перерезал ремень на запястьях американца. Офицер задавал вопросы, охотник отвечал, словами и жестами объясняя, как всё произошло. Когда он закончил, офицер попытался расспросить пленника: сделал

широкий жест рукой, указав на запад, и произнёс одно слово:

— Му?

Рей покачал головой. Офицера его ответ как будто обеспокоил. Он нахмурился, показал на восток и задал другой вопрос, который Рей не расслышал. Неожиданно он понял: они хотят знать, откуда он. Должно быть, так.

Он указал назад, в направлении мрачного леса. А что касается остального, они знают столько же, сколько и он. Но юноша оказался совершенно не готов к реакции на свой ответ.

Глаза офицера сузились как у кошки. Толстые губы разошлись в рычании, обнажив пурпурные дёсны и жёлтые зубы. И он разразился насмешливым хохотом. Совершенно очевидно, не поверил.

Повернувшись к своим подчинённым, он велел другому охотнику рассказать о захвате Рея. Всё повторилось. Но вот охотник указал на обнажённую голову Рея, на его растрёпанные ветром короткие каштановые волосы, коснулся рукой, ещё грязной после свежевания лося, кожаной куртки, привлекая к ней внимание офицера. Тот сделал Рею знак снять куртку. Охотник порывлся в карманах и достал носовой платок, записную книжку и запасную фотоплёнку.

Через несколько минут пленник, дрожа, стоял на ветру, вся его одежда была разложена на песке. А похитители продолжали рыться в карманах, словно были убеждены, что там должно быть спрятано что-то очень важное. Один из них завладел карманным ножом, другой вертел в руках часы, но офицер резко приказал всё отдать. Развернув платок, предводитель сложил в него содержимое карманов Рея, связал и спрятал в плетёную из прутьев корзину.

Рей наклонился к одежде, но офицер ударом тыльной стороны ладони отбросил его. Охотник швырнул пленнику связку кож. Кипя от злости, Рей развернул скудное одеяние в виде юбки, совершенно не подходящее для защиты от усиливавшегося холодного ветра. И подумал, что произойдёт, если он набросится на офицера.

Воображение ещё рисовало ему приятные подробности такой попытки, когда стальные пальцы схватили юношу и развернули, разогнув правую руку. На бледной коже предплечья у него был нарисован небольшой синий кружок с расходящимися от него линиями, детская попытка татуировки, так и не стёршаяся с годами. Офицер оскалился, глядя на неё. Отбросил от себя руку Рея и плюнул.

— Му! — на этот раз не вопрос, а утверждение.

В новом мире наступила ночь. Очевидно, Рей к чему-то готовили в будущем, потому что ему дали кусок жареного мяса лося. Потом снова связали руки — и ноги тоже, — и один из охотников набросил на юношу шкуру, когда он попытался для тепла зарыться в песок.

Где же он? Неожиданно это стало значить больше, чем то, как он оказался здесь. Исторический курган, потом деревья — и вдруг это. Индейцы? Но даже если путешествия во времени возможны не только в фантастике, это не индейцы. И в Огайо нет и не было моря и... Рей пытался подавить поднимающуюся панику, от которой хотелось закричать, броситься бежать...

Ну, ладно, он не знает, как попал сюда и где находится. Самое главное сейчас — что собираются с ним сделать охотники. Спустя какое-то время усталый мозг оцепенел, как и тело, и Рей, чувствуя себя абсолютно выпотрошенным, уснул.

На рассвете его разбудил резкий крик птицы. Под импровизированным навесом из плащей храпел офицер, у костра клевал носом часовая. Итак, сон продолжился. Рей попытался сесть, но ремень резко впился в тело. Погружая пятки в песок, Рей начал передвигаться, пока плечи его не оцарапал камень. Здесь Рей осторожно сел.

На востоке усиливалось розовое свечение. Серая птица отыскивала в волнах завтрак. Часовой, резко кивнув головой, проснулся и шумно плюнул в костёр. Потом встал и со злобной улыбкой взглянул на Рея.

Толкнув пленника в рёбра носком сапога, он развернул Рея, осмотрел ремни на руках и ногах и толчком отбросил

пленника назад на камень. Выполнив свои обязанности, вернулся к костру и принялся раздувать его.

Рей покачал головой. Лицо его было покрыто свернувшейся кровью и пылью. На горле и в висках резко стучал пульс. Если бы освободить руки...

Офицер выбрался из-под навеса и расстегнул пряжку пояса. Бросив одежду рядом со снятыми вечером доспехами, он нырнул в волны. Поплескался там и неожиданно крикнул. Все остальные вскочили, начали переговариваться и указывать в открытое море, где синие-зелёные волны разрезала чёрная тень.

Вернувшись, офицер растёрся и оделся, отдавая в то же время множество приказов, вызвавших у его людей лихорадочную деятельность. Один из них развязал Рею ноги и поднял пленника.

Приближался корабль, но таких Рей никогда не видел. Примерно в полумиле от берега он остановился, из его бортов высунулись вёсла, и корабль снова двинулся, как водяной жук.

Рей видел рисунки римских галер, но у тех были мачты и паруса. У этого же только кормовая и носовая надстройки под крышами; крыши эти одновременно служили верхней палубой. Шкафут был довольно низкий, а в открытой гребной яме сидели гребцы. Острый нос увенчивала ярко раскрашенная голова. А на корме на тонком столбе развевался ярко-красный флаг.

В этом стройном корабле чувствовалась жестокая сила и мрачная эффективность. Кем бы ни были похитители Рея, они явно умеют за себя постоять в этом странном мире.

Корабль бросил якорь, и через несколько мгновений с него на воду спустили шлюпку. Ритмично размахивая вёслами, шлюпка устремилась к берегу, где её нетерпеливо поджидали охотники, забросав костёр песком и приготовив свою поклажу.

Теперь офицер перерезал ремень и на запястьях Рея. При этом он весьма понятным жестом положил ладонь на рукоять меча. Для удобства похитителей пленника следова-

ло развязать, но с его стороны будет глупо пытаться бежать.

Экипаж шлюпки состоял из офицера и шести моряков. Попрыгав за борт, чтобы подвести шлюпку к берегу, они оживлённо расспрашивали охотников. Командир отряда вытолкнул вперёд Рея. Очевидно, он теперь ценная добыча, и офицер в лодке явно завидовал. Офицер-охотник показал на сушу и задал какой-то вопрос, собеседник кивнул в знак согласия.

Взяв собак на поводок, три охотника ушли, остальные направились к лодке. Рей неуклюже забрался в посудинку, руки и ноги у него ещё не отошли от ремней, его сразу толкнули вниз, между двумя сидениями. И шлюпка двинулась назад к кораблю.

Приблизившись к борту, моряки остановили шлюпку. Сверху сбросили верёвочную лестницу. Двое охотников поднялись по ней, потом лестницу сунули в руки Рею. Он неловко поднялся, от качки кружилась голова, мучил страх сорваться и упасть, быть раздавленным между кораблём и лодкой. За ним последовал офицер из лагеря, нетерпеливо подталкивая пленника.

Пленник упал на тесный шкафут, а офицер за ним приветственно поднял руку, обращаясь к человеку в красном плаще. Плащ, похожий на горящий уголь, не мог не привлечь внимания. Рей понял, что это в сущности не плащ, а длинная мантия цвета свежeproлитой крови, которая покрывала высокого худого мужчину от шеи до пят.

С круглого купола коротко остриженного черепа по обе стороны торчащего клювообразного носа на Рея смотрели чёрные глаза. Рот плотно сжимали сморщенные губы, а подбородок напоминал острый задранный вверх крюк. Рукой, коричневой, как земля, человек гладил костлявый подбородок, глядя не на докладывающего офицера, а на Рея.

И под взглядом этих чёрных тусклых глаз пленник неожиданно почувствовал себя нечистым, словно по телу его проползло что-то скользкое и грязное. Офицер и охотники были грубы, но этот человек, неожиданно подумал

Рей, ему совершенно непонятен, он абсолютно чужд его собственному миру. Внутри американца поднимался тихий ужас под этим взглядом, росло осознание необходимости сопротивляться носителю красной мантии и всему, что тот воплощает. И такое сильное отвращение охватило его, что Рей испугался.

«Итак... муриец...»

Рей вздрогнул. Он не должен был понимать эти слова, но каким-то образом понял. Или он «услышал» только в глубине сознания?

«Итак, муриец, подобно всему твоему племени, ты встаёшь против Тёмного? Жалкий поклонник умирающего пламени, ты считаешь, что мы не можем связать твою волю нашей? Помни: Бык легко затопчет пламя. Кто устоит перед его волей?»

Рей покачал головой — не в знак отрицания, а пытаясь избавиться от головокружения, вызванного шоком понижения. Кто такой Тёмный? Муриец... кто такой муриец?

Лёгкая тень сомнения легла на неподвижное, как у мумии, лицо Красной Мантии.

«Не пытайся улизнуть с помощью таких жалких трюков. Ты хорошо понимаешь, что тебе сказано. Отправляйся вниз к своему товарищу и учись унижению».

Чтение мыслей? Что ж, ничем не хуже остального в этом нелепом сне. Рей не сопротивлялся, когда три солдата повели его по шкафуту. В дальнем конце они прижали его к стене и приковали к железным скобам, вделанным в борт.

Когда они ушли, юноша повернул голову и увидел, что у него действительно есть товарищ по заключению. Рядом, так близко, что почти можно было соприкоснуться пальцами, томился другой пленник. Он бессильно висел на скобах, голова его упала на грудь и длинные волосы закрывали лицо. Но в остальном внешне он совсем не походил на экипаж корабля.

Кожа у него была не темнее, чем у Рея, и он такого же роста. Длинные спутанные пряди волос цвета полированной бронзы в одном месте покрывала кровь. С плеча

свисали обрывки жёлтой туники, достигающей в длину до середины бёдер. На талии незнакомца тунику перехватывал широкий украшенный камнями пояс. Пустые ножны на поясе свидетельствовали, что когда-то пленник был вооружён мечом. Как и охотники, он носил высокие сапоги, но гораздо лучшего качества.

Рей подумал, что пленник без сознания. Беда у них общая, и, может быть, дело тоже общее. Он негромко свистнул, ожидая ответа. Послышался стон, слабый, как вздох. Рей снова свистнул, и пленник шевельнулся, медленно повернул голову.

Рею показалось, что совершенное лицо пленника — правда, это совершенство теперь подпортили порезы и зеленоватые синяки — отдалённо напоминает облики греческих статуй. Но ни у одного сына Аргоса не было таких широких скул, таких тяжёлых век, наполовину скрывающих голубые глаза. Пленник удивлённо посмотрел на Рея, его избитые губы зашевелились. Негромко, на языке, которым пользовались охотники, незнакомец задал вопрос. Когда Рей покачал головой, тот заметно вздрогнул.

«Кто ты, не владеющий языком матери-земли?»

Снова прямой обмен мыслями! Рей попытался не уклоняться. На этот раз контакт не вызвал отвращения.

— Рей... Рей Осборн... пленник... — медленно ответил он по-английски. Собеседник как будто понял его.

«Откуда ты? Вспоминай... думай медленно, чтобы я мог прочесть твои воспоминания, увидеть через твои глаза...»

Рей послушно принялся вспоминать своё удивительное путешествие, со времени посещения кургана к необъяснимому лесу, равнине, встрече с охотниками. И снова его охватила паника. Что случилось? Куда он попал? Что это за море? В каком он мире?

«Вот как — ты прошёл. Но я не узнаю твоё время».

— Моё время? — повторил Рей.

«Да, ты из далёкого будущего — или прошлого. Наакалам известно, что человек может так перемещаться. Но по нашим записям, те, что делали такую попытку, никогда не

возвращались. Однако у тебя это получилось случайно, и это удивительно, потому что только посвящённые первого ранга думают о таких делах... да и то после многих лет обучения и подготовки».

Рей плотнул. Незнакомец без всякого удивления воспринял это безумие, он говорит, что такое уже бывало. Прошёл... через что... куда? Где... если бы ухватиться хоть за что-то, имеющее смысл. И он задал первый пришедший в голову вопрос:

— Кто эти люди, на корабле?

Незнакомец с готовностью ответил:

«Мы пленники атлантов, детей Тёмного. Взгляни на их знак».

И он подбородком указал на красный флаг наверху на палубе.

Но это невозможно! Атлантида никогда не существовала, это лишь легенда о континенте, исчезнувшем задолго до того, как был уложен первый камень великой пирамиды. Эта легенда дала название одному из великих океанов его мира, но ведь это вымысел.

«Ты думаешь, плен свёл меня с ума? — спокойно спросил пленник. — Я говорю правду. Мы захвачены сыновьями Ба-Ала, Тёмного из Великой Тени. И через пять дней корабль подойдёт к берегам самой Красной Земли...»

— Но это не может быть правдой! — возразил Рей. — Атлантида — это миф, греческий миф...

«Я ничего не знаю о греках. Но говорю тебе: Атлантида существует. Сам увидишь, когда мы причалим в Пятистенном городе. Она так же реальна, как эти скобы, выкованные в огне кузниц, которые сейчас удерживают нас, как ненависть сына Ба-Ала, который распоряжается на этом корабле и отдаёт приказы его капитану, как следы ударов на наших телах. Красные теперь правят ветрами и волнами западного моря. И позор нам, детям Пламени. Атлантида крепнет. И считает себя сейчас такой сильной, что готова выступить против всего мира».

Бред, конечно...

«Почему ты пытаешься закрыть своё сознание от правды? Ты жив, ты не спишь. Разве ты не чувствуешь, не ощущаешь, не дышишь, не видишь, как я? Признай очевидное, прими свидетельства твоих чувств — ты перешёл из своего времени и мира в наш. Наверное, правы посвящённые, которые говорят, что человек не может проделать такой переход без подготовки. Потому что ты не можешь поверить в правду».

— Не смею, — прошептал Рей. Во рту у него пересохло, он дрожал, но не от холодного ветра, обжигавшего полуобнажённое тело.

«Неужели ты так ничтожен, что не можешь обуздать свои мысли и страхи?» — резко и презрительно спросил пленник.

— Безумие... это безумие... — но гнев, вызванный презрением собеседника, придал Рею силы.

«Нет. Так бывало и с другими. Говорю тебе, посвящённые это делали...»

— И не возвращались, — добавил Рей.

«Верно. Но, может, и не погибли. Скажи, разве не правда, что ты жив. А пока человек жив, всё возможно. Если бы ты оказался в городе Солнца, там тебе показали бы истинные тропы времени. Разве люди твоего мира настолько невежественны, что не знают: время подобно гигантской свернувшейся змее, и кольца этой змеи могут касаться друг друга? Следовательно, можно проскользнуть из одного кольца в другое. Те, кто туда уходил, не возвращались, но наши искатели заглядывали в другие времена и места. Они видели поля Гиперборей, которые исчезли тысячи, тысячи лет назад и теперь превратились в легенду. Не бойся прошлого, смотри в будущее, потому что вокруг нас чёрные псы Великой Тени и схватили они нас здесь и теперь. А такой опасности ты ещё не встречал! — слова его холодно и жёстко раздавались в сознании Рея. — Клянусь клятвой Пламени в этом!»

Если он действительно прошёл в другое время, здесь он

совершенно, абсолютно один, невероятно одинок. И американец снова почувствовал приступ паники.

«Тебя называли мурийцем; лучше бы тебе им быть. Если они догадаются о правде, тобою займется жрец. А они принадлежат Великой Тени...»

— А кто такие мурийцы? — прервал Рей.

«Сыновья великой матери-земли, такие, как я. Я Чо из дома Солнца с матери-земли. Мы мечники самого Ре Му».

— Мать-земля? — узнавать, узнавать как можно больше! Принять как факт, что это правда. Попытаться добыть все знания, какие можно. Они послужат оружием, инструментами, защитой.

«Земля на далёком западе. Легенды говорят, что именно там из немногих выживших семян снова началась жизнь после гибели Гипербореи. Му произвела жизнь, и с её берегов вышли народы майасов, уйгуров и атлантов. Миром правит Ре Му, вернее, правил, пока атланты не погрузились в запретные знания и их не притянула к себе Тень — а может, они пришли к ней добровольно!

Первый Посейдон — предводитель атлантов — был сыном Солнца с матери-земли. Со временем его род вымер, и жители выбрали нового правителя. Он был человек с сильной волей и страстным стремлением к власти и использовал всю свою силу, чтобы преодолеть стену между нашей жизнью и Тенью. Стену эту ограждает Пламя, защищая человека от всего, что живёт во тьме. Этот Посейдон упивался властью, как пастухи с гор упиваются грёзами от сока тракмона.

И этот Посейдон не хотел стоять в Зале Сотни Королей и слушать слово Ре Му, но пошёл своим путём...»

Слушая, Рей забыл страх; он стремился представить себе картину этого нового мира, воздвигая тем самым преграду на пути опасных мыслей.

«Так началось царство Ба-Ала, отца зла, ненависти, похоти, всех тех мыслей и желаний человека, которые приносят ему вред. Началось оно тайно, подпольно, в пещерах, потом стало более открытым. Оно разлагало ряды

воинов и моряков. Только рождённые Солнцем оставались верны Пламени. Но в один печальный день рождённых Солнцем перебили, и с тех пор Атлантида осталась в одиночестве против всего мира».

— Значит, идёт война?

Чо покачал головой.

«Пока нет. Мать-земля опасно ослабла, она была так щедра к своим детям, что от неё осталась почти пустая оболочка. Лучшие её люди и материалы оказались в колониях. Но теперь Посейдон, внук первого последователя дьявола, готов разорвать ткань мира. Он ведёт себя вызывающе — в этом одна из причин того, почему я оказался здесь...»

— Тебя захватили в схватке?

«Нет, такого удовлетворения я не получил. Я был отправлен в Бесплодные Земли в поисках тайных укреплений атлантов, гаваней, где могут скрываться их корабли между рейдами. Мы проводили разведывательную экспедицию на берегу, когда попали в засаду пиратов. Узнав о моём звании, они не прикончили меня на месте, а продали Красной Мантии за три меча чалибианской работы и четыре изумруда. Это больше, чем дали бы за меня на рынке проклятого Санпара, где королева-ведьма правит отбросами всех народов. Это произошло сегодня на рассвете».

— И что с тобой сделают?

«Если спасусь от алтаря Ба-Ала, буду гнить в подземелье — так они считают. За один месяц исчезли три наших корабля, и никто из членов экипажа не спасся. Но если Пламя будет мне благоприятствовать...» — он неожиданно смолк.

Глава 3

Кто-то спускался по лестнице в гребную яму. Рей услышал звон оружия и топот нескольких пар сапог. Перед ним прошли два охотника, неся огромный рогатый череп —

череп лося? Опустив ношу на палубу, они вышли. Но офицер, пришедший за ними, остался; наклонившись, он накрыл череп тканью. И тут Рей уловил торопливую мысль.

«Готовься, товарищ! Как только освободишься, прячься в тени лестницы. Если я не смогу к тебе присоединиться, прыгай в море. Это гораздо лучше, чем то, что ждёт на корабле...»

Чо не спрашивает, умест ли он плавать, подумал Рей. Мурнец пристально смотрел на офицера. Атлант под этом взглядом не поднимал головы, он как будто не чувствовал, что на него смотрят, но движения его становились всё менее уверенными. Он немного покопался, потом посмотрел на пленников. И когда его взгляд встретился с глазами Чо, офицер медленно встал. Двигался он словно по принуждению.

Явно теперь повинуюсь взгляду мурнийца, он приблизился к пленникам, медленно, делая по одному шагу за раз. Остановившись перед Реем, офицер занялся железными наручниками. Освободив руки, атлант опустил на одно колено и принялся освобождать ноги. Но работал всё время на ощупь, не отрывая взгляда от Чо. Рей освободился. Юноша мгновение постоял в нерешительности, потом метнулся в тень, указанную мурнийцем. И обернулся. Атлант уже освобождал Чо.

Неожиданно офицер распрямился. Покачал головой и неуверенно прижал руки ко лбу. Рей переступил с ноги на ногу, держась за поручень. Очевидно, то, что заставляло офицера подчиниться воле Чо, слабело. Сможет ли мурнец восстановить свою власть? Возможно. Офицер снова склонился к кольцу.

Но покачнулся. Восстановив равновесие, ударил мурнийца кулаком в лицо. Второй сильный удар разбил Чо губу. Рей прыгнул, но не в море.

«Уходи! Стража идёт...»

Но американец конца этого приказа не слышал. Он напал. Сжал руками горло офицера, оттащил и сильно

ударил в основание черепа. Атлант упал, а Рей вытащил из ножен его меч и ударил врага по голове тяжёлой рукоятью.

«Уходи...» — снова приказал Чо.

Рей не ответил. Рванул кольца оков, мечом принялся их раскрывать.

— Пошли!

Вместе они пробежали к лестнице. Чо дёрнул крышку какого-то люка в борту.

«Это порт огнемёта. Будем надеяться, что сумеем пройти. Вперёд! Плавать умеешь?»

— Самое подходящее время для вопроса. Умею.

«Тогда вперёд. И постарайся не выныривать, сколько сможешь».

Рей протиснулся в узкий люк, обдирая кожу с плеч. Оказался в воде, и руки и ноги инстинктивно начали грести.

«За мной!» — он увидел рядом белое тело.

Кровь стучала в висках. Он должен вдохнуть, должен! Рёбра обожгло болью. И в тот момент, когда, как ему показалось, он больше не мог выдержать, голова юноши вынырнула из воды на свет и воздух. Перед ним разрезало волны гладкое плечо, и он двинулся за ним. Мышцы спины болели; вода жгла лицо и царапины на плечах. К тому же он наглотался солёной воды, и от этого тошнило. Но он плыл, хотя гребки становились всё более неровными. Берег... корабль... он не видел ни того, ни другого, только иногда пловца впереди.

Тем не менее Рей упрямо продолжал двигаться, держа голову над водой, сокращая время очередного гребка. Только бы передохнуть! Ноги начало сводить судорогой, к рукам словно привесили тяжёлый груз.

И вдруг он больно ударился коленями о что-то твёрдое. Скала! Ноги коснулись песка. Собрав все оставшиеся силы, он бросился вперёд, чтобы его подхватило волной прибоя. Рот и глаза забило песком. Кашляя и отплёвываясь, Рей выбрался из воды и ничком рухнул на берег.

Но уже через пару минут шевельнулся. Соль, разъеда-

шая царапины на лице и теле, привела его в себя. Солнце жгло. Он приподнялся и попытался оглядеться.

Чуть левее лежал Чо, частично в тени скалы, головой на руке. Рей сел и принялся сметать песок с тела. Потом подполз к мурийцу, взял за плечи, попытался поднять.

— Пошли... нам надо уходить... — прохрипел Рей. — За нами пошлют шлюпку, снова схватят.

И так трудно было поверить, как им везло до сих пор.

«Не нужно, — Чо ответил на его настойчивое давление, сел и посмотрел на море. — Сыновья Ба-Ала уходят...»

Рей рукой заслонил глаза от яркого солнца на воде. По бокам корабля мелькали вёсла. Как ни невероятно, находясь совсем рядом с беглецами, атланты не пытались снова захватить их, они уходили.

— Почему?..

«Потому что приближаются охотники...»

Рей посмотрел, куда показал пальцем Чо. Далеко, на самом горизонте, появилась тень, похожая на иглу.

«Военный корабль. Эти стервятники в открытый бой не вступают. Смотри. Они сменили курс и убегают».

Корабль атлантов резко повернул на восток. А новое судно держалось прежнего курса. И без того приличное расстояние между ними всё больше увеличивалось.

— Мурийцы погонятся за ними?

«Нет. Нападать первыми запрещено. Мы можем защищаться, если они нападут; но это всё. Однако атланты в этом не уверены, они бегут от равного по силе врага, как крысы разбегаются, когда крестьянин поджигает сухую траву», — Чо невесело рассмеялся.

— Но откуда здесь мурийский корабль?

«Он пришёл за нами».

— Откуда он узнал?

Чо удивлённо развёл руки.

«Как тебе объяснить? Неужели люди вашего времени настолько незнакомы с самыми обычными силами? Это всё равно что жить калекой. Похоже, так оно и есть. С того

момента как меня схватили, я мысленно зову на помощь. И меня услышали; ко мне идут».

— Зовёшь мыслью?

«Как говорю сейчас с тобой без слов. Но ты должен изучить наш разговорный язык, потому что пользоваться внутренней силой для самых обычных дел утомительно. Мы можем позвать тех, кто нас знает, и они будут нас отыскивать, — Чо вздохнул и в свою очередь задал вопрос: — Почему ты не послушался моего приказа, когда я перестал контролировать атланта?»

Рей покраснел.

— А что я должен был, по-твоему, делать? Сбежать?

Чо внимательно посмотрел на него, но мысли свои не выразил. И когда заговорил, то совсем о другом.

«Смотри, обитатели Тени включили свой приёмник энергии на самую большую мощность. Не думают, что их будут преследовать, но всё равно бегут, как зверь от собак».

По бокам корабля больше не видно было вёсел, но судно с поразительной скоростью исчезало на востоке. Но корабль мурийцев не изменил курс, чтобы перехватить врага. Он направлялся к берегу и уже высоко выступал над водой, так что стал виден оранжевый флаг.

«Теперь они должны спустить вёсла», — сообщил Чо.

Действительно показались алые вёсла, опустились в воду, судно замедлило продвижение. Чистого серебристо-серого цвета корабль величественно разрезал волны. Хотя, на взгляд Рея, он казался каким-то незавершённым без мачт. Достигнув прежней стоянки атланта, корабль лёг в дрейф, с него спустили шлюпку. В неё тут же прыгнули матросы, и она направилась к берегу.

И вот мощные удары вёсел провели шлюпку через прибой, два человека прыгнули с неё и потащили на песок. Рей с любопытством разглядывал прибывших. Сразу стало ясно, что эти высокие молодые люди принадлежат к другому народу, чем его прежние похитители. Кожа их под золотым заггаром была светлая, как и длинные волосы, имели светлые оттенки: от почти белого до рыжего.

На всех кожаные туники, и у каждого меч. На браслетах и широких воротниках блестели камни. Двигались эти люди с лёгкостью и изяществом, какие Рей наблюдал у опытных бойцов-дзюдоистов, которых знал в своём времени.

Но тут они, позабыв о достоинстве, бросились к Чо, ухватились за него, как за потерянную и найденную драгоценность. Поздоровавшись с ними, Чо повернулся к Рёку.

Не отрывая взгляда от американца, он протянул руку в какой-то просьбе. Предводитель группы моряков достал меч из ножен и подал его Чо рукоятью вперёд. Муриец глубоко вонзил его в песок между собой и американцем. Взял правую руку Рёя в свою и вместе со своей положил на рукоять меча.

По-прежнему не отрывая взгляда от американца, Чо пропел какую-то фразу, которую подхватили все окружающие. Вперёд выступил предводитель с коротким кинжалом в руке и оцарапал запястья обоих, так что струйки крови смешались на рукояти меча.

«Объявляю тебя своим братом по мечу и щиту, новый сын двора моей матери, отныне у нас с тобой одна кровь...»

Слова клятвы отчётливо прозвучали в сознании Рёя. На мгновение он заколебался; у него появилось ощущение, что, принимая это родство, он переступает через какой-то порог. Но другая часть сознания жадно ухватилась за предлагаемую безопасность в чуждом мире. Что ждут от него? Он видел, что это какой-то церемониальный обряд, который принесёт с собой... — тут зазвучало внутреннее предупреждение — новую и гораздо большую ответственность, о которой он мог пока только гадать. Но вслух он ответил:

— Да будет так, — и знал, что Чо его понял.

Вторично Рей оказался в длинной корабельной шлюпке. Но на этот раз рядом с ним сидел Чо. И он уже не пленник. А правда ли это? Есть ли у него на самом деле выбор? Надежда боролась с тревогой, когда он вслед за Чо поднялся по лестнице, прошёл по палубе, заполненной людьми,

которые приветствовали появление мурийца, спустился в большую каюту. Но каюта на время отвлекла всё его внимание.

По стандартам его собственного века, подумал Рей, её сочли бы варварской из-за щедрого использования драгоценных металлов и ярких цветов. Но она не «восточная», и вообще такой стиль ему не был знаком. А Рей кое-что знал об искусстве благодаря своему увлечению фотографией.

Стены покрывали панели чёрного дерева, с инкрустацией из сложных рисунков, состоящих из драгоценных камней и росписи по эмали. В нескольких местах занавесы из ярких тканей. В противоположном конце каюты стоял стол из того же дерева, что и панели, по обе его стороны — длинные скамьи, а во главе — кресло с высокой спинкой.

С балок над головой свисали два розовых светящихся шара в корпусах из филигранной резьбы. Цепи, на которых они висели, покачивались при движении корабля, и свет то разгорался, то угасал.

Рей остановился, оглядываясь, а Чо направился прямо к столу. Там он налил из кувшина светлую жидкость в сверкающий кубок, слушая в то же время молодого офицера, которого представил Рею как Хана. Неожиданно муриец со стуком поставил кубок и издал протестующий возглас. И оглянулся на Рея.

«Нас отзывают. Северное море и моря на востоке закрыты, что означает...»

— Войну? — предположил американец. Один мир или другой, то или иное время, тупо подумал он, но война везде.

Чо кивнул.

«Если и когда пожелает Ре Му. А теперь мы идём домой», — он повернулся к Хану, по-видимому, ещё о чём-то спрашивая.

Тут же Рей почувствовал устойчивую дрожь стен и пола каюты. Неожиданно потеряв равновесие, он ухватился за стенную панель. И глянул на скамью — более надёжную опору, — когда Хан резко повернулся. Молодой офицер

поднял руки, словно защищаясь от удара; рот его искривился от боли. Потом, чуть кивнув Чо, он вышел. Чо печально смотрел ему вслед.

«Ланор был его братом по мечу. Он пал рядом со мной с кинжалом пирата в горле. Сегодня у Хана горький день. Но он оплатит этот долг. Мы вспомним о нём, когда встанем перед мечами последователей Ба-Ала, и расчёт будет справедливым. Теперь ешь и пей. А потом ляжем спать. Человек не может долго жить голодным и усталым».

Они пили вино из красивых кубков тонкой работы. И ели с тарелок — настоящих произведений искусства. Впрочем, Рея больше интересовало их содержимое. Только наевшись, он обратил внимание, что панель за головой Чо покрыта не рисунками. Это была карта!

Он наклонился вперёд, дыхание перехватило, когда Рей всмотрелся в линии этой невероятной карты. Лишь некоторые из них — очень немногие — были знакомы ему. Два континента, один на севере, другой на юге, но они весьма отдалённо напоминали знакомые Рею материки. Миссисипи, Огайо, почти вся северо-восточная и южная части Северной Америки здесь оказались под водой, Аляска же прочно соединена с Сибирью. Сердце Бразилии, на юге, затопило внутреннее море, со всех сторон окружённое сушей. Зато, уравнивая отсутствие знакомых ему утопавших земель, гладь океанов по бокам Америки разрывали два новых континента: один на востоке, другой на западе, так что участки суши на карте по форме напоминали ромб, в каждом углу которого разместилось по материке.

Эта карта показала американцу, что он действительно в чуждом мире, больше, чем что-нибудь другое за последние два дня.

«В чём дело?» — Чо поставил свой кубок и поднял руку. Рей не знал, что прочёл на его лице муриец, но, по-видимому, там отразился испытанный им шок.

— Это... Эта карта!

Муриец оглянулся через плечо.

«Скорее украшение. Особой пользы от неё нет», — заметил он.

— Значит... значит, ваш мир не таков? — американец облегчённо вздохнул.

«Вообще-то по этой карте не проложишь курс корабля. Но в целом она верна. Смотри... — Чо подошёл к стене. — Вот Бесплодные Земли, — кончиком пальца он указал на оставшуюся часть долины Северного Огайо.— Сюда приходят охотники, здесь скрываются преступники, но постоянных поселений нет. Жить тут трудно, и сюда тянет только тех, кто должен скрываться или любит риск. А мы сейчас примерно здесь, — палец его передвинулся в море. — Мы двинемся на юг, чтобы пересечь Внутреннее море... — палец его быстро скользнул к Бразилии. — Это Майакс, колония, верная матери-земле, сильная и богатая. Потом мы пройдем западными каналами в западный океан, а оттуда к Му...» — и он показал на материк на западе.

— А Атлантида находится на востоке, — не спросил, но утвердительно заявил Рей.

«Верно. Неужели наш мир так отличен от твоего, что ты боишься даже глядеть на него? Почему это так?»

— Потому что... — Рей поискал слова. — Потому что трудно поверить, что человек может заниматься своим обычным делом в мире, который он всегда знал, а в следующее мгновение оказаться... в другом мире, где ничто ему не знакомо. Вот здесь карта показывает море... — наступила его очередь подойти к карте, — но для меня здесь суша. Она плотно населена, в ней много больших городов — даже слишком много. Рост населения становится угрозой. А здесь — здесь тоже суша, — он положил ладонь на море в Бразилии. — Зато Атлантиды нет вовсе. Му тоже нет, на их месте океан и редкие разбросанные острова...

Он услышал негромкое восклицание Чо.

«Какое огромное время, должно быть, разделяет наши миры, брат! Такие изменения на поверхности планеты происходят нелегко. Ты говорил об Атлантиде, как о леген-

де твоего мира. Легенда на этом кончается, или в ней говорится и о матери-земле Му?»

— Об Атлантиде есть рассказы. Считается, что это только вымысел, не факты. Говорят, она в землетрясении и приливных волнах погрузилась на морское дно из-за злых дел своих обитателей. Океан этот в моё время называется Атлантическим, потому что сохраняется вера, что под ним лежит Атлантида. Но о Му я никогда не слышал.

«А чем ты занимался в этой своей северной земле, брат? Ты воин? Когда ты сбил атланта, то использовал незнакомый мне приём. Я такого никогда не видел».

— Какое-то время я был солдатом. Потом семейные неприятности, пришлось вернуться домой...

«Домой. Но теперь... теперь, когда ты не можешь вернуться домой?..»

Рей покачал головой.

— Эта необходимость канула в прошлое, — он не хотел об этом думать. — Я уже собирался вернуться в армию, когда со мной это случилось. По правительственному проекту в одном месте должны были построить новые здания, — юноша не знал, насколько поймёт его Чо, но хотелось высказаться. — И когда начали расчищать территорию, возникли неприятности из-за старого индейского кургана. Люди протестовали против того, что его собирались сровнять, не исследовав предварительно. Лес Вильсон... мой знакомый... пытался добиться отсрочки работ. Он писал об этом статью и попросил, чтобы я сделал несколько хороших снимков кургана. Я пообещал их сделать. И как раз этим занимался, когда... когда оказался в лесу из огромных деревьев, каких я в жизни не видел. Вот и всё. И я по-прежнему не понимаю, что случилось и почему.

Чо выглядел удивлённым.

«Снимки индейского кургана», — медленно повторил он в недоумении.

— Есть такой прибор — называется фотокамера, — объяснил Рей. — Её используют, чтобы делать изображения окружающего. Очень распространённое занятие. А индей-

цы... ну, это туземцы того северного континента; когда мой народ пришёл с востока, он застал здесь индейцев. Это было примерно четыре века назад, четыреста лет. Некоторые древние племена — они исчезли ещё до того, как появились первые люди моей крови, — делали большие могилы из земли, и эти курганы сохранились. Мы изучаем их, чтобы узнать, как люди жили раньше.

«Если мир твоего времени настолько старше, — медленно проговорил Чо, — должно сохраниться много-много следов исчезнувших народов».

— Да, во многих местах находят развалины и древние могилы давно забытых народов. От некоторых мы застаём только разбросанные камни. И знаем, что когда-то здесь жили и строили люди. И больше ничего...

«Тебе нравится изучать прошлое?»

Рей пожал плечами.

— Я не археолог, но в таких поисках есть своя страсть, как при охоте за сокровищами. И я много читал об этом. У меня хватало времени для чтения, — и снова он отстранил печальные воспоминания.

«Брат, я могу попытаться сказать тебе много слов, — муринец серьёзно смотрел на него, — но слова не прогонят мысли, какими бы добрыми ни были мои намерения. Ты теперь сражаешься на поле, где ни один брат по мечу не может встать с тобой рядом. Это только твоя битва. Но каждому дню свои заботы. Забудь о них на время, если можешь, — он прикрыл рукой карту, — и давай поспим».

Рей вслед за Чо прошёл за занавес в небольшую боковую каюту, в которой стояли две койки. Чо уже снимал оборванную промокшую тунику.

«Отдыхай, пока можно». Таков лозунг наших тревожных дней. Кто знает, что принесёт нам утро?»

Неохотно Рей забрался в тёплое гнездо из мягких покровов. Закрыл глаза, но избавиться от мыслей ещё долго не мог.

— Ну, что мы имеем? — Харгривз упал в кресло. Тёмная щетина подчёркивала крути у него под глазами; он медлен-

но мигал, словно ему трудно было держать веки открытыми.

— Теперь мы знаем, кто это. Его зовут Рей Осборн. Вильсон попросил его сделать снимки кургана. Он знакомый Вильсона, иногда фотографирует для местной газеты.

— Газетчик! — хрипло взорвался Харгривз. — Только газетчика нам здесь не хватало! Он нам нужен, как нейтронная бомба! — он порывлся в пачке сигарет, обнаружил, что та пуста, и гневно отбросил смятую бумагу. — Вероятно, исчезновение Осборна уже заполнило все телефонные провода на востоке и западе.

— Ещё нет. В этом нам немного повезло. Осборн до сегодняшнего утра не должен был доставлять снимки. Я сообщил Вильсону, что мы их конфисковали, а Осборн арестован за проникновение на запретную территорию, — ответил Фордхэм.

— Во имя Иуды, зачем? Да ведь теперь на нас набросится вся свора! Будут тявкать о свободе прессы и всём остальном!

Директор покачал головой.

— Нет. Они все уже привыкли к мысли, что эта установка совершенно секретная. Мы утверждаем, что Вильсон направил сюда Осборна, зная, что это закрытая территория, что он пытался проникнуть в тайну. Это даёт нам выигрыш во времени: у Вильсона уже были неприятности со службой безопасности. К счастью, Осборн одинок...

— Насколько одинок? Как только Вильсон известит его семью, на нас насядут адвокаты и будут облаивать все наши ворота.

— Вот насколько, — Фордхэм взял в руки листок со стола и начал читать. — Рей Осборн, сын Лэнгли и Джанет Осборнов, принадлежащих к самым старым семействам в этой долине, близких родственников не имеет. Самый близкий — троюродный брат. Родился в 1960 году, то есть сейчас ему двадцать лет. Год проучился в колледже, потом бросил. Служил в армии за морем шесть месяцев. Специалист в боевых единоборствах без оружия и в разведке,

интересуется фотографией. Десять месяцев назад его родители попали в дорожное происшествие, отец убит, мать тяжело ранена. Красный Крест добился для него демобилизации, так как некому было заботиться о матери. Он вернулся, нашёл работу на часть дня и ухаживал за матерью, ставшей инвалидом. Месяц назад она умерла. Издателю газеты он говорил, что собирается возвращаться в армию. Близких друзей у него нет; служба в армии и болезнь матери разорвали прежние знакомства. Парень спокойный, много читал, ездил по округе и снимал. Несколько фотографий сумел продать. Никаких неприятностей, его всюду хорошо принимали, но никаких прочных связей или привязанностей ни в городе, ни в других местах не завёл.

Харгривз чуть распрямылся.

— Ну, что ж, если нужно было бы послать туда человека, с этим Осборном нам повезло. Ни семьи, ни друзей. Интересно...

Он смотрел на стену, но явно её не видел.

— Да? — поторопил его Фордхэм после затянувшейся паузы.

— Вы говорите, он рассказывал, что собирается вернуться на службу. Я думаю, можно убедить всех, что он это сделал. Оформим документы, и он — наш человек. Тогда мы тихо прикроем всю эту историю, а тем временем попробуем его вытащить. Наши высоколобые хотят его — и очень. То, что он сможет рассказать, стоит больше двенадцати космических платформ и одной лунной станции. Нужно вернуть его и выкачать из него всё, до последнего глотка воздуха!

— Если сможем...

— Придётся: таков приказ. Не волнуйтесь. Вам пришлют любого человека, любые материалы, какие попросите. Нам необходимо вернуть его. Вы разве не понимаете, что мы сейчас на тропе, о которой на Востоке ещё и не подозревают? Она принадлежит нам одним!

— А если он мёртв?

— Тогда нужно извлечь его тело...

— Мы, вероятно, скоро сможем снова нацелить луч. Но он охватывает только ограниченное пространство. А что если он ушёл на много миль в сторону? Проследить его мы не сможем...

Харгривз немного расслабил галстук на помятой рубашке.

— Сейчас над этим работают в новом направлении. Вы только откройте дверь, и, может, мы сумеем найти нашего человека к тому времени. Но Госпоже Удаче лучше теперь побыть с нами!

Глава 4

Сон о деревьях, о том, что он бежит между заросшими мхом стволами, а его преследует кто-то невидимый... Рей проснулся. Снаружи, за узким иллюминатором, море и ночь. Вторая койка была пуста, Чо исчез. На этот раз Осборн проснулся, полностью осознавая себя. Он здесь, а то был сон. Постепенно юноша принимал окружающее. Мир вокруг был реален, как ткань под руками. Он сел на койке.

Он потянулся за юбочкой, которую отбросил, ложась, но нащупал другую одежду. Возясь с незнакомыми пряжками и застёжками, оделся. Обул лёгкие сандалии, завязал неуклюже высокие ремни. И вышел во внешнюю каюту.

С наступлением темноты розовый свет шаров стал сильнее. В каюте никого не оказалось. Идти на палубу или подождать здесь? В нерешительности он взглянул на стену, увидел полированное зеркало и подошёл к нему.

На него смотрел незнакомец, худой, загорелый, с непослушными каштановыми волосами. Лёгкая туника полуобнажала тело, худое, но выносливое. На плечах поблескивали серебряные пряжки, усаженные маленькими зелёными камнями, талию охватывал пояс с такими же камнями. Но Рей неожиданно почувствовал тревогу. Это не Рей Осборн. И уверенность, с которой он проснулся,

начала таять. Он резко отвернулся от зеркала, и в это время в каюту кто-то вошёл.

Глаза Рея расширились. Это был Чо, но муриец ничем не походил на знакомого ему оборванного пленника. Красно-золотая туника окутывала его тело. Руки и предплечья украшали дорогие браслеты. На поясе висел меч, его рукоять холодно сверкала драгоценными камнями. Длинные волосы были аккуратно убраны назад и перехвачены металлической лентой над лицом, всё ещё со следами синяков. Подобно каюте и обстановке, в нем подавляло то же изобилие ярких цветов и украшений, которое в утерянной эпохе Рея считают варварским.

Муриец рассмеялся.

«Какой у тебя удивлённый вид, брат! Неужели одежда так меняет человека? Она соответствует моему рангу. Да и тебе, — он критично взглянул на Рея, — наша одежда подходит. Ты выглядишь истинным мурийцем. Вернее, будешь выглядеть, когда отрастут волосы. Для свободно-рожденного воина они слишком коротки. А теперь — еда!»

Чо хлопнул в ладоши, вошёл человек с подносом, в простой тунике. Муриец знаком пригласил Рея к столу, на который начали ставить закрытые тарелки и блюда. Рсю оказалось трудно и даже невозможно определить содержимое блюд. В прошлый раз он ел как в тумане от усталости и голода, зная только, что это еда. Теперь он стал внимательнее. Мясо тушёное, мясо жареное, нарезанное маленькими кусочками. Маленькие лепёшки, которые нужно макать в джем. И терпкое вино.

Когда они закончили, муриец вздохнул.

«Не хватает только свежих фруктов. Но на корабле во многих днях от порта их и не может быть. Ты хорошо отдохнул?»

— Мне снилось... — Рей не знал, почему сказал это, и удивился резкости ответа Чо.

«Что снилось, брат?» — вопрос прозвучал как приказ, и Рей с готовностью ответил.

— Снились деревья, лес, какой я увидел, впервые оказавшись в этом мире. Снилось, что я бегу, а позади...

«Позади? — голос мурийца по-прежнему звучал властно. — Что позади?» — спросил он Рея, когда тот сразу не ответил.

Американец пожал плечами.

— Не знаю, что, знаю только, что я бежал от него. Неважно, это всего лишь сон... — он удивился серьёзности Чо.

«Всего лишь сон». Как ты можешь так легко говорить об этом, брат? Сны — духовное руководство многих. Они предупреждают; они показывают чувства, которых мы не видим в бодрствующем состоянии. Неужели люди твоего времени не думали о значении снов?»

— Ну, не совсем так. Да ведь и совершенно естественно, что я во сне видел лес и бежал от какой-то загадочной опасности. Всё у меня так и началось.

«Может, ты и прав. — Но Рею показалось, что Чо не убеждён. — Пойдем на палубу?»

Он протянул Рею плащ и взял себе другой. Над кораблём висела круглая полная луна, время от времени её закрывали лёгкие облака. Вёсла были убраны, но корабль двигался вперёд, хоть и шёл без паруса. Рей понял, что постоянная вибрация корабля, вероятно, исходит от какого-то двигателя. Чо подошёл к рулевому, Рей присоединился к нему.

— Что движет корабль сейчас, когда нет вёсел?

«Сейчас покажу...» — с готовностью ответил Чо, спускаясь на шкафут. В проходе между рядами скамей для гребцов показался полуоткрытый люк; заглянув в него, Рей увидел небольшую каюту с металлическими стенами. Апу, второй после Чо по старшинству на корабле, прилаживал рычаг к гудящему ящику. Именно от него исходила вибрация.

«Наш приёмник энергии. Волны энергии посылаются станциями на берегу, их улавливают на кораблях. Вблизи берега или гавани им нельзя пользоваться, а на некоторых старых кораблях нельзя даже во Внутреннем море. В таком случае используют вёсла. У каждого корабля своя длина волны, из которой он извлекает энергию, и то только в строго установленное время, конечно, если нет чрезвычайной необходимости...»

Тут к ним с сообщением подбежал Хан. Рея раздражало незнание языка, и Чо перевёл для него.

«Корабль к западу. Но он не может быть нашим, потому что наши давно отозваны. Возможно, пират — или атлант. Мы не будем обмениваться с ним сигналами, чтобы не спровоцировать нападение...»

Его прервал возглас Хана. Далеко в черноте моря над водой мигнул оранжевый свет. Чо отдал приказ, и на борту корабля мгновение спустя вспыхнул зелёный огонь. Свет в море потускнел, потом покраснел.

Чо принялся отдавать приказы. Рей отошёл с пути моряков, которые разбегались по своим местам. Свет корабля из зелёного стал жемчужно-белым, превратив ночь впереди в день. И далёкий свет тоже стал белым.

Чо чуть успокоился.

«Это один из наших. Корабль атлантов не может подде-
лать такой сигнал. Мы должны узнать, почему он задержался
здесь после отзыва».

Их ровный свет прервался серией вспышек. Другой ответил тем же, и Чо прочёл Рею:

«Корабль флота «Огненная змея». Повреждён бурей. Может идти только на вёслах. А вы кто?»

— Ответьте, что мы им поможем, — приказал муриец Хану. И на этот раз Рей, к своему удивлению, его понял.

Снова замелькал далёкий свет.

«Корабль сильно повреждён. Мы самостоятельно не доберёмся до Внутреннего моря. Рождённая Солнцем Эйна прощается...»

Снова Чо отдал несколько приказов. Корабль сменил курс и двинулся на запад, ориентируясь на луч.

«Мы примем экипаж на борт и потопим корабль, — сообщил своё решение Чо. — Нельзя нянчиться с повреждённым кораблём, когда по морю рыщут волки с Красной Земли! Не повезло леди Эйне при первом выходе...»

— Женщина командует кораблём? — переспросил Рей.

«Конечно. У всех рождённых Солнцем долг перед Ре Му. Женщина может быть послана по приказу Ре Му в

колонию. И как же она сможет командовать флотом, если до этого не командовала кораблём? — удивлённо пояснил Чо. — А разве у твоего народа не так, брат?»

— Нет. По крайней мере, в моей стране.

«Велики, должно быть, наши различия. Когда-нибудь мы с тобой сравним. Эта леди Эйна — из дома Солнца в Уйгуре. Я никогда не встречался с ней, но слышал об её уме и храбрости. Она собственной рукой уничтожит свой корабль, если потребуется».

Они на всех парах мчались вперёд, и огонь становился всё ярче. Хан по-прежнему посылал вспышки, время от времени получая из-за волн ответ. Неожиданно Чо что-то крикнул Апу, работавшему у приёмника. А потом доложил Рею:

— Их заметил рейдер. Теперь начнётся гонка: кто из нас доберётся первым.

От ножом резавшего воду носа корабля расходилась белая пена. Люди на палубе заняли позиции для боя, прикрываясь высокими щитами, высвободив мечи. Некоторые возились со странного вида приземистыми машинами.

Теперь они видели «Огненную змею» в свете её собственного сигнального луча. Она низко лежала в воде, палуба шкафута почти на уровне волн. И где-то в темноте подбирался для убийства рейдер.

Офицеры поспешно передавали приказы Чо солдатам. Рею видны были люди на обречённом корабле, по его наклонной палубе скользили тени. Шлюпки спустили на воду. И вот все они оттолкнулись и двинулись навстречу кораблю Чо. Чо показал на единственную оставшуюся шлюпку.

«Она ждёт леди Эйну. Леди должна сама потопить корабль».

По покрытой водой палубе быстро пробежала стройная фигурка, прыгнула в ожидавшую её шлюпку. Мощными гребками моряки увели лодку от тонущего корабля. Наступила тишина. На покинутом корабле по-прежнему ярко сиял свет, так что устремившиеся к кораблю Чо лодки были

хорошо видны. Но вот вверх рванулся столб пурпурного пламени, заполнив море и небо своим гневным блеском. С оглушительным рёвом и свет, и «Огненная змея» исчезли.

Первые уцелевшие уже поднимались на корабль Чо, и капитан приветствовал их. При его появлении моряки выкрикивали какой-то лозунг и приветственно поднимали руки. Потом поднялся офицер. Он помог взойти на борт следующему, и на палубу ступила рождённая Солнцем леди Эйна.

Стройная и не очень красивая, держала она себя с достоинством, как по представлениям Рея вела бы себя императрица. На её тёмных волосах не было шлема. На лбу лежала нить жемчуга, концы её исчезали в волосах. Это обозначало её ранг. Поверх короткой — по колено — туники грудь и спину защищала броня.

— Привет, лорд Чо! — звучно произнесла она. Голос у неё был низкий, но разносился далеко. — «Огненная змея» больше не плывёт по воде, и я прошу у тебя милости к моим людям.

И опять, к изумлению Рея, речь девушки оказалась ему понятна, хотя он был уверен, что она не посылала ему мысленного сообщения.

Чо в ответ прикоснулся пальцами ко лбу.

— Леди Эйна, рождённая Солнцем из Уйгура, должна только высказать свои пожелания. Этот корабль и весь его экипаж в её распоряжении.

Девушка рассмеялась, частично приоткрыв оборону своего достоинства.

— Тогда давай поскорее уходить, лорд Чо, чтобы не случилось худшего. За нами гонится один из Красных, привлечённый нашими сигналами.

Чо кивнул и отдал приказ. Леди Эйна подозвала своих офицеров.

— Это Хейк, а это Ромага.

Чо в свою очередь представил своих людей. Последним муриец положил руку на плечо Рею и привлёк к себе американца.

— Это мой брат по мечу... Рей...

Леди Эйна улыбнулась.

— Я счастлива увидеть вас, лорды, хотя хотела бы, чтобы мы встретились в лучшее время и по другой причине. Похоже, Атлантида начинает открытую войну...

— Да, об этом свидетельствует отзыв кораблей. Не пройдёте ли в каюту?

Уверенной походкой, как человек, привыкший к морю, она спустилась в большую каюту. Чо усадил её в кресло и приказал принести вина.

— Неужели это правда? Они осмелились открыто напасть на «Белую птицу»? — спросила леди Эйна, прихлёбывая из переданного Чо кубка.

— Такую причину указали в отзыве. Так что теперь они вызовут на себя весь гнев Ре Му.

Девушка нахмурилась, поворачивая кубок в пальцах.

— Обитатели Тени увидят, что хоть мать и терпелива, наступает конец даже её терпению. И они не скоро забудут — те, что переживут, — последующее наказание. Правда ли, лорд Чо, что ты побывал в плену у Красных? Мы получили сообщение об этом.

В ответ мурiec протянул руки вперёд. На его запястьях ещё видны были следы оков.

— Десять дней меня держали пираты, а потом продали атлантам...

Она ахнула.

— Значит, это правда! Они осмелились наложить руки на рождённого Солнцем, обращались с ним, как с преступником, как с бездомным человеком! А как ты освободился?

— С помощью Пламени, действуя на их тёмный разум...

Глаза её сверкнули.

— Да! На это у них нет ответа, хоть они и пытались его найти. Сам Ба-Ал бессилен против этого. Так что ты сбежал...

— А также с помощью моего брата, — и он снова коснулся плеча Рея. — Потому что я почти лишился сил и не мог долго удерживать власть. А он освободил меня, несмотря на это.

— Ну, сначала ты освободил меня, — поправил мурийца Рей.

При этих словах леди Эйна вздрогнула и внимательно посмотрела на Рея.

— Кто ты, не говорящий на языках наших земель? С какого корабля ты пришёл, лорд Рей?

— Ни с какого...

— Тогда откуда? Я не знаю колоний в Бесплодных Землях...

— Я думаю, сквозь время из далёкого будущего. Конечно, это звучит невероятно, но, наверное, так и есть. Другого объяснения у меня нет. Я жил в своём времени и неожиданно оказался в лесу, там меня захватили охотники-атланты. Отвезли на свой корабль... а там уже томился Чо.

Девушка продолжала смотреть на него прищуренными глазами, как будто проникала в мозг, читала и взвешивала каждую мысль.

— Это правда. Я слышала в храмовой школе, как о таких путешествиях во времени говорили наакалы. Но ведь никто из тех, кто отправился в испытание, не вернулся. А ты не похож на нас... Итак, ты пришёл издалека. Неудачно же ты выбрал время, или какой-то случай сделал за тебя такой злополучный выбор.

Рей удивился её спокойному принятию того, что он сам счёл бы самым неправдоподобным объяснением. Какой приём ожидал бы мурийца в мире Рея? Он даже думать об этом не хотел. Может, всё-таки ему повезло.

Леди Эйна встала.

— Благодарю за помощь, лорд Чо. А теперь я должна связаться с матерью-землёй. У вас найдётся свободная каюта для отдыха?

Чо отвёл в сторону занавес и показал ожидающую койку. Девушка вошла и остановилась, задержав в руке готовый опуститься занавес.

— Доброй удачи нам всем, братья, с этого часа и навсегда, — и опустила занавес.

Час спустя Рей плечом к плечу с Чо стоял на носу

«Повелителя ветра». Их тяжёлые плащи промокли от брызг. Луна скрылась за набежавшими тучами. Но они знали, хотя и не видели, что где-то в темноте рейдер пытается перерезать их курс.

«Если мы открыто нападём на них, когтем и зубом, они ускользнут, как трусливые пожиратели падали с равнин. Но сражаться, когда мы одни в море, которое они считают своим, было бы глупо. Насколько нам известно, это только пёс, который сразу вызовет флот, а тот набросится на нас, как кондоры Майакса слетаются на добычу пумы».

— А что если они нападут первыми?

Муриец коротко рассмеялся.

«Пусть только попробуют».

С того времени как они заметили «Огненную змею», экипаж ждал в боевой готовности. И хоть «Повелитель ветра» лёг на прежний курс, стена щитов продолжала стоять, боевые машины были приведены в готовность, и люди занимали позиции для боя. По приказу послышался слабый звон и над скамьями гребцов подняли защитные экраны, вставшие в уровень с верхней палубой. Рядом с Реем из ящика высунулась длинная труба, около неё стояли три моряка. Подошёл с докладом один из офицеров леди Эйны.

«Да, всё готово, — подытожил муриец. — Моряки с «Огненной змеи» пришли к нам не с пустыми руками, они прихватили свои огнемёты. Теперь их устанавливают рядом с нашими. Нам стоит только выстрелить огнём. И рейдер затупит свои зубы о смерть!»

Чо перешёл с носа на корму, Рей за ним. По дороге муриец следил за приготовлениями, но добравшись до юта, принялся расхаживать взад и вперёд, дёргая край плаща, пока не оторвал целую полосу. Рей тщетно пытался увидеть что-нибудь в темноте.

— Если бы только они показались, — проговорил он. Когда-то давно и очень далеко отсюда (ему легче было думать, что их миры разделены не временем, а пространством) его учили воевать. Не так, как здесь, но все войны

похожи. И произнося эти слова, он уже знал ответ: ожидание — старинное оружие, которым люди пользовались во многих местах и много столетий.

«Именно этого они не сделают, — ответил Чо. — Они хорошо знают, как отражается ожидание на противнике. Бдительность слабеет. И тогда начинается нападение. Нам нужно следить непрерывно. Если когда-нибудь я перессеку пять стен, которые сыны Ба-Ала считают своим щитом, если встану лицом к лицу с ними, прижму спиной к этим самым стенам и у них не найдётся никакой норы, куда можно улизнуть, — только тогда кончится ожидание, и они за всё заплатят. Но эти тучи, закрывающие луну... Не дай Солнце, чтобы утром был туман!»

Рей взглянул на низкие облака.

— Они предвещают плохую погоду?

«Может быть. Можем только надеяться, что Солнце не покинет нас. Пошли снова вперёд».

Гребные скамьи накрыли досками, образовав на шкафуте новую палубу, которая казалась достаточно прочной. Её заполнили молчаливые люди. На передней палубе стояли уже три трубы с ящиками, и рядом — их расчёты. Начинало светлеть.

— Ничего не видно, рождённый Солнцем! — доложил вперёдсмотрящий.

Снова Рей удивился тому, что понял слова чужой речи. Но сейчас не время для расспросов.

— Ничего... — словно про себя повторил Чо. — Как ты думаешь, на рассвете будет туман?

Хан высоко поднял голову, словно принимаясь к ветру, глянул на облака на небе, потом на воду.

— Туман — обязательно, рождённый Солнцем, а может, и дождь. Боюсь, мы должны будем плыть только по приборам.

Чо кулаком ударил по поручню.

— Прикрытие, под которым рейдер сможет подобраться незаметно!

— Да, рождённый Солнцем. Но и для нас это прикрытие... если судьба будет нам благоприятствовать.

Чо резко повернулся.

— Так должно быть. Они закинут сеть, и та останется пустой. Но не следует их недооценивать и думать, что судьба и дальше будет улыбаться нам. Я считаю, никто не должен расслабляться, пока мы не окажемся во Внутреннем море.

— Правда в твоих словах, рождённый Солнцем. Атлантам знакомы все хитрости Отца Теней, все злые мысли, порождённые им.

— Да будет так, — голос Чо звучал мрачно и холодно. — Даже если судьба подведёт нас и мы будем захвачены, в наших руках ещё самое последнее и могучее оружие. Леди Эйна показала нам его прошлым вечером.

— Взорвать корабль? — спросил Рей.

— Так мы уйдём к Солнцу с честью, прихватив с собой на последний суд множество врагов. Ни один корабль матери-земли не должен попасть в их руки, пока жив хоть один с подлинной кровью. И такой конец даст нам быстрый и чистый уход; мы хорошо знаем, что у атлантов для пленных такого не будет.

Вскоре к ним присоединилась леди Эйна.

— Готовы, лорд?

— Ждём рейдер. Он придёт, — Чо кивком указал на море, голос его звучал убеждённо. — Ты доложила?

— Я сообщила о гибели «Огненной змеи», и Великий одобрил мои действия. Ре Му шлёт привет и просит вас поторопиться: если на нас нападут, он не успеет прислать помощь, — и тут девушка запнулась. — Но произошло кое-что ещё, лорд Чо, и это внушает мне страх...

Голос её звучал негромко, и Рей заметил, что она зябко кутается в плащ, даже костяшки пальцев у неё побелели, так сильно она его сжимала.

— Я... меня отрезали.

Чо развернулся, на лице его появилось удивлённое выражение.

— Как это?

— Связь с матерью-землёй прервалась — и прервал её не Ре Му. Никогда раньше такого не происходило.

— Как прервалась?

Эйна вздрогнула, как будто исчез её тёплый плащ и ветер пронизал её до костей.

— Как будто набросили чёрный занавес. Я задала мысленный вопрос — ответа не последовало. Я подождала два поворота серебряного указателя времени и попробовала снова. Никакого ответа, даже от наблюдателей в храмах на берегу Майакса!

И когда Чо ничего не сказал, она добавила, почти умоляюще:

— Что это может значить?

Лицо Чо оставалось замкнутым, словно муриец глубоко задумался и совсем не замечал окружающего. Девушка коснулась его рукой, и Чо вздрогнул от этого лёгкого прикосновения.

— Что... что это? — снова спросила она.

— Это может значить, что атланты проникли в Священные Таинства, чтобы узнать секреты рождённых Солнцем... — сказал он.

Эйна отпрянула от собеседника, словно он сказал что-то чудовищное. Хан громко вскрикнул. Но глаза Чо сверкали.

— Чтоб им жить в вечном мраке и холоде! Как они осмелели! Но Ре Му будет предупреждён о случившемся. Это значит, что доступ к внутренней силе для нас закрыт. Мы должны рассчитывать только на своё оружие, чтобы не открыть им того, что должны защитить ценой жизни.

К леди Эйне вернулись спокойствие и самоконтроль.

— Может ли человек спорить с судьбой? Но мы должны быть достойны того, что нам доверено. А говорить о поражении до начала битвы не стоит, — она улыбнулась Чо, словно не хотела, чтобы он посчитал её слова порицанием. — Я попробую ещё раз, но если появится рейдер, вызовите меня, — и она ушла.

Чо посмотрел на Рея.

«Похоже, тебя действительно завлекли в сеть. Наши

раздоры для тебя ничего не значат. И тебе было бы гораздо безопасней остаться в Бесплодных Землях, чем оказаться на воде, когда кругом красные волки».

Он был прав — это не его раздоры, подумал Рей. Этот конфликт разрешился за много эпох до его рождения. Но есть ещё кое-что... Раньше это были просто слова, ритуал чуждого народа. Но Рей вспомнил об этом.

— Ты говорил, когда наша кровь смешалась на рукояти меча, что мы стали братьями.

«Да!»

— Но разве это не значит, что мы должны стоять в битве рядом? Я пришёл сюда не по своей воле, но теперь я могу самостоятельно сделать выбор... и я его делаю... Не имея больше родины, я остаюсь с друзьями. Мне кажется, они у меня есть...

«Об этом можешь не спрашивать!» — ответил Чо.

— И враги тоже есть — там... — Рей указал на море. — Так что я выбираю...

Чо кивнул: «Ты никогда не пожалеешь об этом, брат».

«Аминь», — подумал Рэй, но вслух этого не сказал.

Глава 5

— Итак, они заблокировали ваше радио, — предположил Рей, по-своему интерпретируя услышанное от леди Эйны.

«Блокировали... радио?» — переспросил Чо.

— Ну да, вашу систему связи.

«Ты думаешь, мы это делаем с помощью машин? — Чо улыбнулся. — Я забыл, как мало ты о нас знаешь. Нам, рождённым Солнцем, не нужна машина, чтобы связаться с Ре Му. Даже его высшие офицеры обучены наакалами воспринимать мысли, как я сейчас касаюсь твоего разума. Именно так леди Эйна доложила о гибели «Огненной змеи». Но только рождённые Солнцем или специально обученные могут делать это».

— Но как же атланты смогли вмешаться в телепатичес-

кую передачу? — спросил Рей. Он по своему опыту частично мог в это поверить.

«Это мы и должны выяснить. Никто, кроме специально подготовленных, не может посылать мысли, и число их хорошо известно. Так мы по крайней мере думали до сегодняшнего дня. Мы знаем, что у Красных Мантий есть нечто подобное, но считали, что в истинную передачу мыслей они вмешаться не могут. Оказывается — могут! Ре Му и мать-земля никогда не узнают о нашей судьбе, если мы не доберёмся до Майакса. В нашей истории такого никогда не бывало. Мы считали, что и не может быть!»

Небо на востоке медленно светлело, но так и осталось свинцово-серым; пошёл дождь, приникая сквозь плащи, заставляя вздрагивать от холода.

«Туман и дождь, как предсказывал Хан, — заметил Чо. — Будем надеяться, что сынам Ба-Ала так же трудно будет разглядеть нас, как и нам их. Пошли позавтракаем».

Внизу они обнаружили леди Эйну. Она сидела за столом. Лицо её в розовом свете выглядело измученным. Она принуждённо улыбнулась и покачала головой в ответ на вопросительный взгляд Чо.

— Стена остаётся, лорды. Если придётся сражаться, мы будем одни.

Чо тяжело опустился на ближайшую скамью.

— Да будет так. Но, может, до этого не дойдёт. Если Пламя захочет. Давайте поедим... — он хлопком вызвал слугу, и леди Эйна выпрямилась.

— Корабли матери-земли славятся своими обедами. Уйгур не может сравниться с деликатесами Му. Так говорили мне офицеры, которые возвращались оттуда, — заметила она.

— А где расположен ваш Уйгур? — спросил Рей.

Она повернула голову и широко раскрытыми глазами посмотрела на американца. Чо подошёл к карте на стене каюты. Нажал пальцами на её раму, и часть, на которой была изображена Атлантида, сдвинулась вправо. Открылась

остальная часть Му в Тихом океане, а за ней появились очертания Азии, но очень отличающиеся от знакомых Рею. И здесь море глубоко врезалось в сушу, занимая весь Китай и часть пустыни Гоби. Новый берег создавали высоты будущего Тибета. Чо указал на них.

— Вот Уйгур.

Но леди Эйна продолжала смотреть на Рея.

— Как может быть, что ты не знаешь Уйгур?

— По этой же причине ещё два дня назад я ничего не знал и о Му. Я из другого времени, помнишь? У нас не сохранилось никаких воспоминаний об Уйгуре.

— Но об Атлантиде остались... — медленно проговорил Чо. — Почему Красная Земля сохранилась как легенда в будущем, когда всё остальное исчезло? Что сделали эти поклонники Тени, какой безумный костёр разожгли, что его дым и жар прошли через неисчислимые столетия?

Взгляд леди Эйны стал мрачным.

— Могу подумать только об одной катастрофе. Что твой народ знает о Красной Земле, лорд Рей?

— Что она находилась в центре океана, но в наше время там только океан и небольшие острова на западе и востоке. Что она затонула при одновременных землетрясении и приливных волнах в результате злых деяний своих жителей.

— Утерянная земля. А искали её в твоё время, пытались найти остатки?

— Искали так старательно, что научно доказали: её никогда не было. Считается, что это только легенда.

Слуга принёс поднос, и они принялись есть, утоляя голод. Но Рей всё время посматривал на карту и удивлялся. Действительно, почему не сохранилось никаких следов этой цивилизации? Конечно, мир, который он видел на карте, географически сильно разнился от мира его времени. Но некоторые районы остались прежними. А не могут же все, абсолютно все памятники высокоразвитой цивилизации исчезнуть бесследно.

— Показался рейдер! — в дверях стоял Хан.

Ложка выпала из руки Рея, расплескав содержимое тарелки. Чо одним прыжком пересёк каюту, но американец был рядом с ним, когда они достигли верхней палубы.

— Там! — Хан указал на тёмное пятно в тумане.

— По местам! — закричал Чо.

Кто-то присоединился к Рею у поручня — леди Эйна. Она должна оставаться внизу, мельком подумал он, но потом вспомнил, что девушка командовала таким же боевым кораблём и знает о морских сражениях куда больше него.

Но рейдер как будто их не заметил, он оставался на прежнем курсе и исчез в тумане. Однако после его исчезновения напряжение на «Повелителе ветра» не ослабло.

— Он вернётся, — пообещал Чо. — Пытается вынюхать нас, как охотничья пантера вынюхивает след. Вернётся!

Он оказался прав. Совсем скоро в тумане снова показались очертания вражеского корабля. Он чуть повернул и в этот раз оказался ближе к «Повелителю ветра». Рей обнаружил, что ему трудно думать об этом зловещем чёрном клине на воде как о другом корабле, с людьми, такими же, что молча стоят вокруг него. Голосов не было слышно, лишь волны плескались о нос «Повелителя ветра», который держался прежнего курса.

Потом, словно враг всё время знал, где находится корабль мурийцев, и лишь играл с ним в кошки-мышки, рейдер опять изменил курс и направился прямо к мурийскому кораблю.

Чо спокойно отдал приказ.

— Апу, держи нас на прежнем курсе и иди на полной скорости, что бы ни случилось. Попытаемся уйти с боем. Хан, огнёмётами пользоваться только вблизи, когда они точно достанут. До приказа никому не стрелять.

Офицеры разошлись по местам, Хейк и Ромага из команды леди Эйны заняли позиции на шкафуте. Солдат-слуга принёс из каюты три длинных щита из красноватого металла и такие же длинные манжеты на руки. Чо надел манжету на левую руку Рея и показал, как прикрепить к ней щит.

«Это защита от огнёмётов, — объяснил мурнец. — Если увидишь, что на нас нацелят чёрную трубу, как те, что у наших людей, прячься за щитом. Не думаю, чтобы у них нашлось «дыхание смерти»: на рейдеры таких аппаратов не ставят. По крайней мере, будем на это надеяться: против него защититься невозможно».

Прикрываясь своим щитом, Чо пошёл к рулю.

— Ещё ночь и день, и мы войдём во Внутреннее море — и освободимся от преследования.

Леди Эйна пожалала плечами, словно сбрасывая с них тяжесть.

— Чего же нам тогда бояться? — почти весело спросила она. — Истинная кровь сможет удержать на такое время поклонников Тени. Смотрите, даже сейчас они опасаются нападать, хотя у них для этого удобная позиция...

И действительно, тёмный корабль словно колебался. Впрочем, туман хорошо скрывал и искажал его вид, так что это могла быть только иллюзия. Но Рею тоже показалось, что нос рейдера чуть отклонился от продолжавшего идти прежним курсом «Повелителя ветра». Леди Эйна оказалась права, враг перестал приближаться, наоборот, отошёл подальше. Атланты миновали место встречи и скрылись в тумане без боя.

— Они боятся нас! Не смеют проверять мощь матери-земли в открытом бою! — воскликнула девушка.

Чо покачал головой, он был явно встревожен.

— Мне это не нравится. По всем правилам они должны были напасть. Но они отвернули...

— На что может рассчитывать рейдер во встрече с кораблём флота, готовым к бою? — возразила она. — Просто его капитан разумный человек. Они будут рыскать поблизости и ждать, не пошлёт ли им Ба-Ал хоть какое-нибудь преимущество, но оскалить зубы не решатся...

В следующие несколько часов казалось, что она правильно оценила ситуацию, что рейдер опасается открыто напасть на мурийский корабль. Он оставался в тумане, но на виду, шёл параллельно, но не больше.

Хан, однако, разделял опасения Чо. Время от времени он отрывался от руля и смотрел на их зловещего спутника. Так продолжалось, пока в полдень водянистый солнечный луч не разорвал облака.

Чо приказал принести еду на палубу. Все поели, оставаясь на местах.

— Возможно, они ждут ночи и темноты, — Чо отряхнул крошки с пальцев.

— Будем надеяться на это, рождённый Солнцем, — ответил Хан. — Ночной бой — рискованное дело. Мы можем уйти...

Чо откинул плащ.

— Нет! Они приближаются!

Рейдер летел к ним со скоростью стрелы. Рей извлёк меч, который дал ему Чо, и с любопытством взглянул на полированное лезвие. Оружие пришлось ему не по руке. Он держал его неуклюже, провёл пальцем по острой кромке. Во рту у него пересохло, юноша обнаружил, что всё время сглатывает. Наконец он снова вложил меч в ножны. Ему лучше послужат голые руки и знание единоборств. Несмотря на то, что в своём мире он много тренировался, в настоящем бою американец принимал участие впервые.

А вокруг уверенно и привычно готовился к бою экипаж, проверяя оружие. Рей завидовал знаниям и умению моряков. У них-то есть занятие на время ожидания и защита, когда придёт время боя.

«Не забывай о щите», — предупредил собрата Чо.

Рей мрачно кивнул.

И вот неожиданно, как тропический шквал, началось нападение. С носа рейдера ударил зелёный луч, яркий даже на солнце, и коснулся борта «Повелителя ветра». Рей почувствовал запах горелого.

— Слишком низко! — крикнула леди Эйна.

Дюйм за дюймом зелёный луч пополз вверх, туда, где ждали мурийцы. Чо сильными пальцами впился в руку Рея.

«За щит!»

Рей присел за щитом, чувствуя, что эта преграда нежиз-

данно стала слишком лёгкой и бесполезной. Луч пополз по палубе, на которой они стояли.

Один из моряков, стоявший у «дыхания смерти», ужасно закричал. Он конвульсивно поднял правую руку. По голой коже, извиваясь, как отвратительная рептилия, ползло зелёное пятно. Моряк снова закричал, отскочил от машины и упал на палубу рядом с Реем. Американец инстинктивно бросился к нему, вытянув руку, но Чо удержал его.

«Нет! Мы ничего не можем сделать. Он уже мёртв, а оно нападает на всё живое».

Человек ещё раз вскрикнул и затих, остальные отступили от его тела.

«Смотри, оно ищет новую жертву. Ещё не наелось», — прошипел Чо.

Зелёное пятно больше не казалось частью луча, оно стало чем-то осязаемым, живущим собственной злой жизнью. Соскочив с руки мертвеца, оно упало на палубу, удлинилось, как змея, и поползло вперёд. Хан откинулся от руля. В руке он держал кристалл в форме жемчужины. Офицер выставил его вперёд, из него вылетела искра и ударила прямо в змеинный свет. Послышался резкий писк, от которого заболело в ушах, и зелёное существо исчезло, оставив на палубе чёрное пятно, от которого поднимался дымок.

— Оно... оно живое! — выдохнул Рей.

«Это не та жизнь, какую мы знаем, — ответил Чо. — Одно из их любимых оружия. Они попробуют снова...»

И снова с рейдера к ним устремился луч, на этот раз нацеленный гораздо выше. Он ударил в щит Хана и прилип к нему, как будто пытался пройти сквозь него, преодолеть металлическую преграду. Но отступил и начал цепляться за другие щиты.

Когда он добрался до Рея, тот с удивлением ощутил какое-то давление и от неожиданности отступил на один-два шага. Но остановился: давление на самом деле было невелико. Край щита коснулся его тела, и за ним что-то дёргалось, поворачивалось, пыталось найти щель в метал-

ле, добраться до него. Но вот оно исчезло, луч скользнул по щиту и ударил в палубу. Однако вторую жертву так и не смог найти.

«Повелитель ветра» не отвечал контратакой, и это удивляло Рея. Корабль не отклонялся от курса и не уменьшал скорость, как и приказал Чо. Теперь рейдер немного отстал, как будто необходимость выпустить луч замедлила его ход. Первый удар не удался, но он нанёс второй. Этот второй удар походил на дождь.

Рей посмотрел вниз. У его ног в палубу воткнулись два металлических осколка, они ещё дрожали. Хан закричал: из его плеча торчал такой же осколок. Чо подскочил к нему и принял руль.

— Пускайте «дыхание смерти!» — выкрикнул он.

Один из моряков рядом с Реем установил трубу на ящик, а его товарищ вставил в неё шар болезненно жёлтого цвета. Ещё один резко надавил на небольшой рычаг.

Жёлтый шар лениво поднялся в воздух, подлетел к рейдеру и разбился о его носовую палубу. Поднялся столб оранжевого дыма. Рейдер быстро повернул, но дым всё равно пополз по палубе, гуще тумана, закрывавшего корабль раньше. И накрыл всё, кроме небольшой части над самой ватерлинией.

Чо передал руль одному из моряков.

— Это... это вопреки всем приказам, только на случай крайней необходимости. Как ты, Хан?

Офицер цеплялся за Рея, который подскочил, чтобы поддержать его. Лицо Хана под загаром приобрело болезненно зелёный цвет. Должно быть, осколки металла несли какой-то смертельный яд.

— Другой должен принять мои обязанности, рождённый Солнцем... я...

Он всей тяжестью повис на Рее, и американец, отложив щит, осторожно уложил его на палубу. Чо руками поддерживал его голову.

— Не горюй обо мне... я уйду к Солнцу. Загни от Пламени свечу... ради...

Голова молодого офицера на груди Чо повернулась, и муриец осторожно коснулся покрытого каплями пота лба. Потом посмотрел на рейдер, который покачивался на волнах, словно никто не держал его руль.

— Вы заплатили, последователи Тени... но плата с вас будет взята снова и снова! Клянусь в этом Пламенем! Плата за кровь Хана будет взята в самом Пятистенном городе! Может, не в этом году, но будет взята!

Рей помог завернуть мёртвого офицера в плащ. Когда они выпрямились, моряки осторожно собирали с палубы металлические стрелы, стараясь не коснуться обесцвеченного конца. Но для моряка, умершего от зелёного огня, и для Хана битвы словно не было.

— Рождённый Солнцем! Посмотри на рейдер!

Они уже далеко отошли от вражеского корабля, пока тот качался на волнах без управления. Но теперь им как будто снова управляла уверенная рука, и рейдер, хоть и не на прежней скорости, снова шёл за ними.

— Этого не может быть! — воскликнула леди Эйна. — «Дыхание смерти» должно было убить всех на борту!

— Наверно, у них появилась защита, о которой мы не знаем, — ответил Чо. — Но корабль наверняка повреждён. Нам бы продержаться до утра, и мы в безопасности. Но если они вызовут помощь...

— Да, — подхватила леди Эйна, — остаётся только это. Смотрите, они ползут, но нас не оставляют.

«Повелитель ветра» сильно опередил тёмный рейдер. Однако тот упорно держался позади и шёл тем же курсом. Искалеченный пёс, но не отказавшийся от охоты. И в этой целеустремлённости было нечто неестественное.

Ночь под затянутым тучами небом наступила рано. Молчаливый корабль атлантов продолжал преследование, мрачно резал воду, хотя ни воли, ни энергии, чтобы догнать «Повелителя ветра», у него не было. Мурийцы зажгли белый фонарь — ответа не последовало. Но огонь осветил волны, и абордажная группа с рейдера не могла подобраться незаметно.

Рей потёр горевшие от боли глаза, слишком уставшие от напряжённого слежения за морем. Как и все окружающие, он не снимал щит, и его тяжесть всё более резала руку.

Завтра поздним утром, объявил Чо, они прибудут ко входу во Внутреннее море и могут ожидать помощи, если она понадобится, из фортов при входе.

Чёрные тени у руля — это Хан и погибший моряк, они завернуты в плащи и готовы к погребению. А молчаливый враг в темноте продолжал идти следом.

Леди Эйна ушла вниз, но Чо остался у руля, и Рей решил тоже нести вахту. Он никогда раньше так не уставал — как ему казалось. И никогда не был, неохотно признался он себе, так испуган. Человек может смело встретить рукопашную, даже ответить сталью на сталь. Но этот ползучий зелёный огонь, подобный живому, этот дождь отравленного металла — всему этому в его подготовке не было места. Пальцы американца тосковали по огнестрельному оружию, но до него ещё целые эпохи. И ещё гранаты — про себя он составлял список того, что нужно ему вместо бесполезного меча, лежавшего на коленях.

Наконец Чо передал руль дежурному и сказал:

— Надо отдохнуть.

В каюте леди Эины не было. Рей отставил щит в сторону и снял промокший плащ. Он видел, как Чо подошёл к ближайшей койке и, споткнувшись о стол, чуть не упал на неё, уронив голову на руки.

Рей повернулся лицом к стене и закрыл глаза. Только что ему хотелось только спать, закрыть глаза и забыть обо всём. Но едва закрыв их, он вновь увидел — деревья! Ряд за рядом, вздымающиеся к небу, с ветвями, начинающимися высоко над головой. Между ними взад и вперёд, как вечные волны, метались тени. И глубоко внутри проснулась тревога. Захотелось идти туда, всё глубже погружаясь в тень деревьев. Где-то там врата, разрыв в ткани времени, и если он его найдёт, то сможет вернуться...

Деревья становились всё темнее и темнее, пока стволы, ветви и беспокойные тени не слились и не превратились в

одно и то же. Желание вернуться к вратам стихло. И Рей наконец уснул.

В кабинете директора теперь находились не двое, а пятеро. Но один из пятерых привлекал общее внимание.

— Я ничего не могу обещать, джентльмены. Психофизика — экспериментальная программа, как и эта ваша «Операция Атлантида».

Фордхэм опустил трубку.

— Я знаю, что одновременно осуществляется сотня экспериментальных программ...

— Скажите лучше «тысяча» и будете ближе к истине, — поправил первый говоривший.

— Ну, хорошо, тысяча, доктор Бертон. А скажите: кто-нибудь знает всё, что делается. Видит всю картину?

— Мы отправляем отчёты...

Фордхэм устало улыбнулся.

— Кто их читает? Вероятно, несколько разных комитетов. Но кто-нибудь пытается скоординировать всю картину?

— Вероятно, нет, пока не произойдёт что-нибудь подобное и положение не станет чрезвычайным, — признал Бертон.

— Верно ли я вас понял, доктор Бертон? Вы считаете, что у вас есть возможность воздействовать на нашего человека и заставить его вернуться к месту отзыва — путём какого-то умственного процесса? Конечно, если Фордхэм откроет дверь — или как вы там это называете — откроет снова? — нетерпеливо спросил человек в генеральской форме.

— Выделите слово «возможность», генерал Колфакс, — ответил Бертон. — Мы достигли некоторых поразительных результатов, но всё зависит от испытываемого и обстоятельств. Одно обстоятельство говорит в нашу пользу: этот Осборн неожиданно оказался в ситуации, к которой совершенно не готовился, и, следовательно, попал под сильнейший стресс. В соответствии с этими данными, — он подобрал листок бумаги, но не заглянул в него, — он

никогда не сталкивался с нашим типом подготовки. Но он, как утверждают, «одиночка», а это значит, что он умеет самостоятельно справляться с обстоятельствами и в панику не впадает. Никто не может догадаться, что он подумал о переходе. Можно основываться только на сведениях о наших испытуемых.

Он мог остаться у пункта перехода, пытаясь вернуться, если догадался о том, что произошло. Если это так, наша проблема решается относительно легко. Если же он испугался и побежал, мы можем попробовать мысленный призыв. Я надеюсь на это, потому что в том времени он будет уникален. Итак, предполагая, что он не ушёл слишком далеко, мы можем приблизительно настроиться на его умственный тип и вернуть беднягу назад.

— Во всём этом множество «если», — заметил генерал Колфакс. — По-моему, безопаснее отправить туда отряд...

— Предположим, вам удастся отправить свой отряд, генерал, — вмешался Фордхэм. — Отправить в дикую местность, какой была Америка примерно четыре тысячи лет назад. Найти человека в такой стране нелегко. Если доктор Бертон сможет позвать его...

— Опять если! Почему вы считаете, что страна окажется другой?

— Вы видели фильм, — просто ответил Фордхэм. — Похоже увиденное на южную часть Огайо, по-вашему? Таким деревьям...

—...нужны столетия, чтобы вырасти. Да, знаю, — ответил Колфакс. — А если устройство доктора не сработает?

— Нужно посмотреть правде в лицо, — Харгривз помигал покрасневшими глазами. — Мы можем никогда больше не увидеть Осборна. Он мог погибнуть через мгновение после записи. Мы не уверены даже, что можно пережить такой переход. Но даже если мы его не найдём, рано или поздно нам придётся посылать исследователей. Может, мысленный призыв доктора поможет в следующей попытке, если не получится с Осборном.

— Когда вы будете готовы? — спросил Фордхэм у Бертона.

— У нас ещё нет приборов размером с утки-токи. Придётся всё размонтировать, перевезти, снова собрать. Не могу даже приблизительно оценить. Будем работать круглосуточно и срезать все углы. Но потребуется не меньше нескольких недель...

— Несколько недель... — повторил генерал Колфакс. — Интересно, что произойдёт тем временем с Осборном. Если он ещё жив!

Глава 6

Рей проснулся и лежал, мигая, стараясь вспомнить что-то из своего сна, что-то очень важное. Но оно уже исчезло. Над ним стоял Чо, едва видимый в сером сумраке начинавшегося дня:

«Рассвет», — сказал мурнец, как будто в этом сообщении был какой-то важный внутренний смысл.

Американец встал, морщась от боли в затёкших мышцах, и вслед за Чо вышел на верхнюю палубу. Туман и облака исчезли. Вокруг расстилалось гладкое море, словно не знающее, что такое волны. На востоке небо стало розовым и светло-золотым. Но на палубе по-прежнему лежали два зашитые в плащи тела.

Чо остановился...

— Хан... друг мой... — и подошёл к поручню. Моряки приподняли доски, на которых лежали тела. Здесь собрался весь экипаж, по представлениям Рея; все стояли по стойке смирно. Флаг, развевавшийся на ветру на корме судна, был наполовину спущен.

— Море... — голос Чо с каждым словом обретал силу, — наше наследие с древних дней, откройся для твоих сыновей. Выполнив с честью свой долг, они теперь отдыхают. Укрой их тела, а дух их уже в залах Солнца...

Доски наклонили. Рей слышал, как перехватило дыхание у леди Эйны. Восходящее солнце окрасило воду в золото; «Повелитель ветра» вновь устремился вперёд.

Ночью и в тумане накануне за ними неотрывной тенью шёл чёрный рейдер. Рей не знал, почему думал, что этим ясным утром его не будет, и не понимал, почему так встревожился, снова увидев вражеский корабль в пределах видимости; вероятно, перегнать их тот всё-таки не мог. Но экипаж «Повелителя ветра» продолжал оставаться наготове, все постоянно поглядывали назад. Разговоры прерывались долгими паузами.

— Это неправильно! — Чо, глядя на далёкого преследователя, крепко сжал обеими руками поручень. — Они мертвы; должны быть мертвы. Корабль с экипажем из мертвецов!

Леди Эйна прикусила нижнюю губу, как будто хотела удержаться от высказывания. Ответил Рей:

— Может, ты и прав, зная, какие силы в твоей власти. Но пока он не подходит ближе... — однако американец тоже чувствовал нервное напряжение экипажа, вызванное постоянным присутствием тени на море, не приближающейся, не дающей возможности ударить, но остающейся постоянной угрозой, всё время усиливаемой воображением.

— Да, пока он не подходит ближе... — повторила леди Эйна. — Мы должны быть уже совсем близко от морских ворот Майакса. Знаешь, лорд Чо, я никогда не видела мать-землю. Как и лорд Рей, я окажусь в незнакомой стране, когда мы причалим в гавани города Солнца. Похожа она на Уйгур? — девушка почти болтала, пытаясь за словами скрыть мысли.

Чо вежливо поддержал её, решительно отвернувшись от кормы.

— Не похожа. Уйгур — это мешанина из гор и узких долин, а на матери-земле раскинулись широкие равнины, по которым протекают большие реки. Город расположен в устье такой реки. Иногда по ночам его жители ради удовольствия выходят на лодках в море. Они поют, арфистки играют...

Леди Эйна вздохнула.

— Так в мирное время. Да, наша продуваемая ветрами земля совсем другая; у нас табуны лошадей бродят дико и свободно до самых пограничных постов, за которыми сбежавшие преступники сражаются с людьми-зверями и дьяволами Тьмы, чтобы сохранить жизнь...

— Значит дьяволы Тьмы по-прежнему попадают? — спросил Чо.

— За месяц до отплытия «Огненной змеи» вместе с данью мехами принесли шкуру и клыки одного. Иногда молодёжь устраивает на них охоту. У меня есть кинжал с рукоятью из клыка дьявола. Но того дьявола убили ещё во времена юности моего отца. Они живут на высотах и держатся в одиночку; спускаются только в тяжёлые годы, когда голод гонит их на поиски новых охотничьих территорий.

— Вот как. А в Му говорили, что все дьяволы давно убиты, и сейчас ими только пугают детей. Дьяволы, Рей, похожи — отчасти — на человека, они заросли густой шерстью, но ходят прямо. Клыки у них длинные и изогнутые, верхние, вот так. И живут они высоко в горах, в самых диких местах. Охотятся в темноте ночей. И оставляют большие необычные следы на горном снегу...

— Снежный человек, — подсказала Рею память.

— Значит, они живут и в ваше время? — оживлённо спросила леди Эйна.

— Ещё одна легенда — из той страны, которую вы называете Уйтуром. В моё время там самые высокие горы нашего мира. О ваших демонах существуют рассказы, видели их следы, но ни одного пока не удалось убить или захватить...

— Как странно, — медленно проговорила девушка. — Дьяволы известны в ваше время, а такая страна, как Му, забыта. А много ли ещё сохранилось?

— Спроси лучше, почему одно сохраняется, а другое забывается, — вмешался Чо. — Дьяволы Тьмы, Атлантида — почему именно их помнят?

День выдался безоблачным, полным света. Стало тепло,

и все сняли плащи. Над водой появились птицы, а сама вода стала сине-зелёной. Поверхность моря кое-где бороздили полосы водорослей; однажды из воды высунула голову большая рыба и умными глазами посмотрела на проходящего «Повелителя ветра».

— Дельфин!

Леди Эйна взглянула, куда указал Рей.

— Морской плясун, — поправила она. — Значит, их ты тоже знаешь, лорд Рей?

— В моё время ими очень интересуются. Мы знаем, что они умны. И пытаемся установить с ними контакт.

Девушка перевела взгляд с американца на дельфина и обратно.

— Нам известно, что морские плясуны настроены дружелюбно, они помогают пловцам и находятся под защитой Солнца. Ни один человек не решится поднять на них руку. Но они морские создания, а мы по морю можем ходить лишь по поверхности в наших кораблях и немного плавать. В остальном же оно для нас закрыто.

— Конечно, у вас ведь нет подводных лодок, — кивнул Рей, — нет аквалангов или водолазных костюмов.

Чо внимательно слушал.

— Значит, твой народ сумел открыть для себя глубины моря? Как?

Рей, по мере сил, описал подводные работы и исследования. Как люди в его время не только плавают под водой в кораблях, но и, вооружённые аквалангами, могут свободно находиться в море, став почти его частью, какой были до того, как первые амфибии выползли из воды и начали жить на суше.

— Но... как это удивительно! — воскликнула леди Эйна. — Ах, плавать под водой! Поистине ваше время — время чудес, когда человек раскрыл для себя весь мир! Нас учат, что некогда войны были побеждены, наверное, и в будущем...

— Война по-прежнему с нами, — ответил Рей. — Многое из того, что мы узнали, вызвано необходимостью

защищаться и нападать во время войны. Нет, мой век далёк от золотого...

— Золотого? — вопросительно повторила девушка.

— Люди считают, что когда-то в прошлом был золотой век, век мира и счастья...

Чо сухо улыбнулся.

— Где же тогда этот век, брат? В наше время, которое для вас легенда? Нет, ты сам видишь, что среди нас нет мира. Во дни Гипербореи? У нас есть свои легенды, и в них рассказывается о смерти и разрушении из-за человеческой жадности и похоти. Если и существовал золотой век, где искать его? В прошлом — нет! Нас учили искать его в будущем.

— В моё время будущее тоже полно тьмы, — пробормотал Рей.

— Лорд, сигнал!

Они повернулись на юго-запад по крику вперёдсмотрящего. На фоне полуденного неба поднимался белый след полосой на голубом фоне.

— Сигнальная башня внешних ворот, — пояснил Чо.

— Похоже, мы всё-таки выиграли гонку, — заметила леди Эйна.

Рей поглядел за корму. Рейдер по-прежнему был там, но едва видный. Он как будто остановился.

Именно это, подумал Рей, и тревожило всех — ожидание нападения со стороны того зловещего чёрного пятна.

Леди Эйна глубоко вздохнула.

— Воздух чище после его ухода. Смотрите теперь вперёд, а не назад. Будущее по-прежнему ждёт нас.

Моряки засуетились. Убрали металлические щиты, защищавшие гребцов. Расчёты накрывали военные машины. Впереди, на узком полуострове, далеко уходящем в море и оканчивающемся острой скалой, показалась высокая башня.

Чо отдал необходимые приказы и вернулся на палубу.

— Пойдём прямо, — сказал он, вернувшись. — В Маноа останавливаться не будем, сразу поплывём к каналам. Смотрите, нас признают салютом знамени.

Над вершиной башни показалось белое облачко, потом флаг чуть опустился и снова поднялся. На мгновение ветер развернул его, и Рей увидел герб — восходящее солнце на зелёном фоне.

Обогнув рифы, корабль двинулся на запад, и вскоре чуть южнее показался ещё один полуостров. На нём стояло приземистое, прижимающееся к земле здание, похожее на форт. Чо улыбнулся. Напряжение покинуло его лицо.

— Мы внутри. Теперь можно поесть и выпить, не торопясь.

Было ещё было светло, когда они вернулись на верхнюю палубу. Чо беспокойно расхаживал взад и вперёд, не обращая внимания на остальных.

— Мы теперь плывём не одни, — сказал он леди Эйне. — Вон перевозчик зерна, а дальше торговый корабль с матери-земли, ещё дальше — корабль северного флота. Все корабли этого флота отозваны сюда и бездействуют, ожидая, когда Северное море снова станет безопасным. У остальных дела в этих водах. Во Внутреннем море всегда безопасно, северные бури и южные шквалы здесь неизвестны.

— Почему они отворачивают? — спросил Рей. Два корабля впереди изменили курс, открывая дорогу «Повелителю ветра».

— Потому что мы идём под этим знаком, — пояснил Чо. Он указал на их флаг с солнцем, окружённым лучами на алом поле. — Они видят, что у нас важные новости, и открывают нам проход по чистой воде.

Когда наступила темнота, на флаг направили свет, по-прежнему требуя беспрепятственного прохода. Так было и на следующий день, в тесных, полных судов водах вблизи гавани Маноа. Столицу имперской провинции Рей видел только с моря. Но плывущие в небе белые башни и огромные пирамиды производили впечатление древней цивилизации.

За эти дни Рей обнаружил, что уже довольно хорошо усвоил язык матери-земли. По крайней мере он легко

понимал сказанное, хотя когда отвечал, язык не всегда справлялся со шёлкающими согласными и сливающимися гласными. Он, как мог, практиковался под руководством Чо и в языке атлантов.

Первая задержка встретила в каналах, ведущих в западное море. Рей никак не мог найти сходства с материком своих дней. Должно быть, когда-то в будущем позвоночник Южной Америки ещё поднимется, образуя Анды, но сейчас с палубы «Повелителя ветров» были видны только невысокие пологие холмы за портовым городом канала.

На борту началась суматоха, приплывали и уплывали чиновники. Но наконец их пропустили, и киль «Повелителя ветров» начал резать воды другого моря.

— Слава Солнцу, мы наконец свободны! — Чо вернулся, проводив с корабля последнего портового офицера. — После случившегося мне не нравятся задержки, да и портовые сплетни не интересны.

— Ре Му... — начала леди Эйна.

— Да, ему мы должны доложить правду, не скрывать её, чтобы не вызвать тревоги. А правда эта неприятная. Ре Му — может быть, он решит, что мы могли бы справиться лучше. Мы не можем сравниться с ним в мудрости. И я в первый раз командовал кораблём...

— Да, но ты с ним и возвращаешься, — прервала леди Эйна.

— Этого могло бы и не быть, если бы судьба нам не улыбнулась, как не улыбнулась тебе. Леди, нет бесчестия в поражении, если действуешь изо всех своих сил и способностей — и пробуешь снова.

— Какое голубое море, — неожиданно сказала девушка, как будто мысли её занялись чем-то новым. — У берегов Уйгура оно серое, а на севере, где омывает Бесплодные Земли, тёмное...

— Почему вы называете те земли Бесплодными? — спросил Рей. — Это дикие места, да, но не бесплодные. Какие там леса... — он умолк, думая о тёмных и высоких, но живых деревьях.

— Может быть, потому, что там нет колонии, — ответил Чо. — Для нас, жителей матери-земли, они кажутся запретными, вечно скрывающими от людей свои тайны.

— Но в твоё время это не так? — спросила леди Эйна. — Расскажи нам об этом.

И он рассказал об огромных и постоянно растущих перенаселённых городах, о том, как поверхность земли покрывается всё новыми поселениями, рассказал о скоростных шоссе, об аэропортах, о полётах в космос...

— Вы стремитесь овладеть луной, отправить корабли на другие планеты! — поразился Чо. — Человек многого достиг, но ты говоришь, что всё это порочно.

— Да. Чем больше нового придумывает человек, тем более смертоносным становится его оружие и находки. Машины поднимаются в небо, но они падают и разбиваются, и те, кто в них летят, погибают. Или эти машины несут смерть с неба, и женщины и дети погибают в своих домах. Люди могут поговорить с любым уголком мира, но нарушают все установленные ими же законы. У некоторых столько богатства, что они его и сосчитать не могут; другие умирают с голоду. Вот так оно у нас...

— И так было всегда, — подтвердила леди Эйна. — Но вы по-прежнему люди, одни добрые, другие злые. А тебе приходилось летать в небе?

— Да.

— И каково это? — спросил Чо.

— Немного похоже на плавание по морю. Видишь землю сверху, если она не закрыта облаками.

— Я бы хотела попробовать, — помечтала леди Эйна. — Хорошо бы ты принёс с собой такую птицу...

Рей рассмеялся.

— Я мог бы прихватить с собой много полезного, но о самолёте и не думал.

Они плыли по западному океану, а он рассказывал о своём времени. Леди Эйна никогда не уставала от рассказов о самолётах, которые несут людей над облаками.

— Наакалы могли бы построить такой, — заметила она.

— Нужно лишь подсказать им, чтобы занялись поисками в этом направлении.

Чо удивился.

— Никто не подсказывает наакалам. Им решать, какие тропы мудрости открываются перед нашими ногами.

— Услышав рассказ лорда Рея, они пойдут по этой тропе, — настаивала девушка. — Как приятно было бы поглядеть сверху на облака, летать, как птица...

Её настойчивость, очевидно, встревожила Чо.

— Да, Рей должен поговорить с наакалами. Так и будет, когда они узнают о нашем прибытии. Но мы не можем ничего предлагать им...

— А кто такие наакалы? — быстро спросил Рей, заметив, что леди Эйна готова спорить.

— Жрецы Пламени, хранители древней мудрости и искатели новой, чтобы научить ей человечество. Они ездят по колониям, распространяя знания, расширяют, когда могут, наши сведения о мире. Многие они рассказывают только Ре Му и, может, ещё немногим рождённым Солнцем, которые умеют хранить тайны и подготовлены к принятию мудрости. Такой чести была удостоена моя мать, когда после смерти отца стала дочерью храма.

— Я тоже вступлю в храм, когда закончится моя служба на море, — сказала леди Эйна.

Чо улыбнулся.

— Так ты говоришь сейчас, моя леди. Но готов биться об заклад, что не пройдёт и года, как ты призовёшь к своей правой руке воина. И мы больше не услышим о храмах...

Глаза её сверкнули, губы изогнулись.

— Ты умеешь читать будущее, как наакалы или прошедшие Девять Посвящений? — она отвернулась и ушла в каюту. Рей посмотрел на Чо в поисках объяснений.

Муриец по-прежнему улыбался.

— Так говорят все женщины — они, мол, не хотят иметь с нами ничего общего и предпочитают храм. Но быстро забывают об этом, когда приходит время надевать брачные браслеты...

— Мы теперь близко к Му?

— До наступления ночи бросим якорь в гавани и спать будем в доме моей матери. Не думаю, чтобы нас призвали на аудиенцию до завтра, хотя леди Эйна может быть призвана и вечером.

Уже через час послышался долгожданный возглас «Земля!» Выпустили вёсла, и гребцы заняли свои места. Один из офицеров задавал ритм на небольшом барабане, и моряки с привычной лёгкостью повели корабль дальше.

— Портовая стража, — Чо указал на приближающийся к ним катер.

— Что за корабль? — окликнули их с катера.

— «Повелитель ветра», корабль северного флота, капитан рождённый Солнцем Чо, со срочными известиями для Ре Му.

— Проходите, — и катер направился к торговому судну

Овальная гавань была полна кораблей. Тяжёлые купеческие суда, стройные пассажирские, военные корабли баржи, множество рыбачьих яхт на якоре. А в доках копошились толпы рабочих.

А дальше терраса за террасой поднимался город, какой может привидеться только во сне. Белый блестящий металл, радужные краски, он всё выше и выше уходил своими башнями и стенами. По сравнению с этими дворцами дома Маноа казались теперь деревенскими хижинами.

— Здесь сердце нашего мира. Как он тебе, брат? спросил Чо. — Есть ли такие города в твоём веке?

— Не думаю, чтобы нашёлся равный ему. По размеру — да, но не по красоте.

Они пригналили, и Чо передал командование помощнику. Их встречал почётный караул с обнажёнными мечами Его командир обратился к Чо.

— Быстрое плавание, рождённый Солнцем.

— Три дня от Внутреннего моря, — с гордостью ответил Чо.

— Прекрасное время, мой лорд. Леди Эйну ждут носилки. А вы, мои лорды, направитесь в дом леди Эйи?

— Да... — нетерпеливо ответил Чо.

К ним подошла леди Эйна.

— Наши пути расходятся, мои лорды. Друзья и боевые товарищи не нуждаются в прощальных церемониях. До нашей следующей встречи да хранит вас Пламя.

Она приветственно подняла руку и ушла со своим эскортом, быстро исчезнув в толпе. Но офицер остался.

— Каков будет приказ, рождённый Солнцем?

— Пошли быстрее...

Офицер расчистил им дорогу. Рей пошёл бы медленнее, чтобы осмотреться, но Чо торопил его. Два или три поворота с одной запруженной улицы на другую увели их из района оживлённого движения. Конечно, и здесь везде сновали экипажи, лошади, верблюды, но было много и пешеходов. Рею, которого всё время подгоняли, трудно было разобраться в типах одежды, ярких красках и расах. Но ему показалось, что он идёт по улицам города, в котором встречается и смешивается весь мир. Он надеялся со временем в спокойной обстановке поближе познакомиться с этими звуками, видами и впечатлениями.

Вскоре Чо свернул в узкий тихий переулок, обогнав эскорт. И прошёл в небольшую калитку в левой стене.

— Благодарю за общество и помощь, мой лорд, — обратился он к офицеру, распахивая калитку. Рей на мгновение заколебался, а офицер улыбнулся.

— Все знают лорда Чо. Он достойный сын леди Эйи. Да упадёт на тебя свет Пламени, лорд! — и, отдав приветствие, он удалился.

Рей вошёл в большой сад, закрыв за собой калитку, которую Чо оставил распахнутой. В саду росли пальмы и цветы, виден был бассейн, отделанный замшелым мрамором. В спокойной воде отражались папоротники. У бассейна стоял Чо. Он взглянул на Рея.

— Она идёт...

Женщина, приближавшаяся по тщательно подстриженному газону, не смотрела на них. Она была как будто погружена в свои мысли. Высокая, ростом почти с Чо, с

кожей, почти такой же светлой, как жемчуга на шее и платье. Густые золотистые волосы доставали до талии. Но Рей видел только спокойную красоту её лица.

В нём ожили воспоминания, и он не смог справиться с собой. Повернулся и отошёл к красной двери в белой стене. Шёл слепо, ничего не видя перед собой. Дверь, однако, не поддалась. И он сильно, до боли ударил по ней рукой

«Сын мой...»

Не слова — мысль, как при первой встрече с Чо. И от этих слов каким-то образом исходило облегчение, отступали воспоминания. Но он не поворачивался, не смел. В последний раз ударил кулаком по упрямой двери. Он не хочет... не может повернуться и увидеть..

— Рей...

Его собственное имя, но не так, как он боялся услышать с возрождённой горькой болью. Голос другой. Он опустил руку.

— Рей...

Такому призыву он не мог не подчиниться. Неохотно, о, как неохотно, он повернулся — и увидел глаза, всепонимающие глаза. Они смотрели прямо в юношу, и не только в него настоящего, но в того, каким он был месяцы назад. Глаза преодолели преграду между его миром и этим, они знали... Он был уверен, что они знали...

— Рей... — в третий раз. Не требование внимания, а приветствие. И рука на его руке. Он ощутил прикосновение, как и взгляд этих всепонимающих, всевидящих всезнающих глаз. Рука потянула его назад в сад и тем самым как-то провела через другую — невидимую — дверь. И на время Рей освободился от мира своего рождения

Глава 7

— Проснись!

Рей открыл глаза. Он дрожал от холода, всё внутри превратилось в лёд. Но он не лежал на снегу. Хотя и не спал на койке, на которой уснул.

На полу перед ним протянулись полосы лунного света, такие яркие, что глаза на время ослепли. А под босыми ногами холодный пол. Как он оказался в этом зале и почему стоит здесь, держась одной рукой за дверной засов? Он понятия не имел, чувствовал только полное замешательство.

— Проснись! — снова негромкий приказ сзади.

Он повернулся и увидел фигуру в плаще с капюшоном — наполовину в тени, наполовину освещённую луной. Поднялась рука и откинула капюшон. Рей узнал леди Эйю. Она протянула к нему руку, и на её ладони ожил маленький шар, загорелся ярким белым светом, от которого заболели глаза.

— Пошли... — голос её прозвучал негромко, еле слышным шёпотом. Женщина повернулась, словно не сомневалась, что он послушается, и, беззвучно ступая по освещённому луной полу, направилась к полуоткрытой двери.

Там она положила шар на треножник, и шар мгновенно вспыхнул ещё ярче, осветив комнату со стульями, кроватью и столом, заваленным свитками.

— Сюда! — она знаком указала ему на стул у стола, и Рей сел. Он по-прежнему дрожал от холода, впрочем, не от холодного воздуха, а от какого-то внутреннего озноба.

Леди Эйя налила вина в белую чашу в форме цветка. Капнула туда что-то из флакона размером с палец.

— Выпей! — она передала чашу ему в руки.

Рей снова послушался. Жидкость согрела глотку, а когда он проглотил, стало тепло и внутри. Он поставил опустевшую чашу, а леди Эйя подошла к нему, положила руки на плечи и посмотрела юноше в глаза.

Его словно подхватило силой, которую он не понимал и не мог контролировать. Слабое инстинктивное сопротивление Рея было мгновенно подавлено. Он не знал, что ей нужно. Однако женщина явно ждала от него какого-то ответа.

Наконец она разорвала контакт, убрала руки с плеч. И только тогда Рей понял, какой сильной была её хватка.

— Что?.. — впервые решился он задать вопрос, но не знал, о чём спросить. Как он оказался в этом зале? Чего она хотела от него?

— Ты шёл во сне, — объяснила она ему, — тебя вела сила, которой нет в твоём бодрствующем разуме. Мне нужно узнать происхождение этой силы, откуда она явилась...

— Шёл во сне! Но...

— Ты хочешь сказать, что раньше этого не делал, — заметила леди Эйя. — Это правда, насколько ты её понимаешь. Слушай, сын мой. Ты знаешь, что я принадлежу храму. И получила соответствующую подготовку. Твоё время опирается на материальное, на знания того, что человек может увидеть, услышать, попробовать, ощутить. У нас другая мудрость, её не так легко продемонстрировать. Наша наука имеет дело с невидимым, с неслышимым, с тем, что можно ощутить только косвенно, но не при ясном дневном свете.

Но ты не нашей крови, ты вырос не в нашем мире, и многое из того, что в тебе, для нас ново. Ты можешь владеть неизвестными нам силами. Можешь подчинять себе силы, которые мы не понимаем. У нас хождение во сне означает, что человек находится под чьим-то контролем. Это злое происшествие, и жертва должна пройти очищение в храме...

— Под контролем?

— Им руководит чужая воля. Так поступают сыны Тени. Рей покачал головой.

— Я не атлант. Я говорил Чо... и тебе... правду.

Леди Эйя кивнула.

— Я знаю это. Для человека храма прикосновение к Тени подобно саже на лице человека. И если бы тобой владела чужая воля, я бы узнала это, когда несколько мгновений назад «читала» твой разум. Но ведь что-то заставило тебя пойти, когда мозг отдыхал. И важно узнать,

что именно. Возможно, твоё время по-прежнему владеет тобой и требует твоего возврата. Или, возможно...

— Что?

Когда женщина говорила, всё это казалось вполне вероятным, хотя вся прежняя жизнь и подготовка американца делали её слова такими же невесомыми, как этот лунный свет.

— Что кто-то другой стремится использовать тебя. Когда ты попал к атлантам, на тебя смотрел жрец в красной мантии, верно? И ему отдали твои вещи, которые отобрали, когда взяли тебя в плен. У него есть твой мысленный образ и то, что ты носил на себе, держал близко к телу. А на таком основании человек с сильным умом может многое выстроить. Однако сейчас ты в безопасности. Напиток, который ты только что выпил, на время сделает тебя недоступным такому вторжению. И люди храма будут с тобой работать.

— Но... это какое-то колдовство! Так не бывает! Как если бы я стал втыкать булавки в куклу и представлять себе, как страдает мой враг...

У неё резко перехватило дыхание, и Рей поднял голову.

— Что ты знаешь о булавках, куклах и пожеланиях зла?

Голос её утратил тепло, стал далёким и явно недружелюбным.

— Сказки моего времени. Разумные люди им не верят.

— Не верят? Значит, они не разумные люди, а глупцы. Должно быть, древние силы почти забыты. Но они приходят на призыв желающего зла. Не презирай старые рассказы, человек из времени, потому что в них содержится истина. В мире есть свет и есть тьма, и каждый человек склоняется к тому или другому. Если он готов заплатить цену — ничто не дается без платы, — то обретёт знания и силы путём трудного учения. Те, кто не прошёл обучения, видят только материальные предметы. Они не понимают, что нужно бежать от того, что кроется за этими игрушками. К тому же в наше время это — не игрушки. Слушай и верь. Насмешка может стоить тебе жизни!

Вопреки своему желанию, Рей понял, что её слова произвели на него впечатление. Леди Эйя сама искренне верит в них, поэтому и он должен принять их как часть здешней жизни.

— Ты думаешь, жрец атлантов хотел как-то меня использовать? Но почему?

— Если подумаешь, сам назовёшь несколько причин. Ты ведь не глуп. Прежде всего, ты новый элемент, который можно использовать во время кризиса. С такими новыми элементами нужно обращаться осторожно...

— Но я ведь всего лишь человек, никакими особыми знаниями не обладаю...

Она утратила свою отчуждённость.

— И раньше бывало, что один человек нарушал равновесие, поворачивал ход истории на новый путь. То, что спрятано у тебя в сознании, может быть использовано теми, на чью сторону ты встал. Это одна из причин, почему они могут попытаться установить над тобой контроль. Хотя делать это в самой крепости Солнца — невероятная наглость! С другой стороны, ты среди нас, тебя приняли, ты в безопасности. И можешь послужить их ушам и глазам. Нет, — она верно поняла выражение его лица, — не сердись. Ты играл бы им на руку, сам этого не сознавая. Может быть, — она нахмурилась, — в своей озабоченности я поступила неверно. Может, лучше было бы следить за тобой и ждать...

— Посмотреть, куда я иду? — он понял её мысль. — А если я попробую снова...

Леди Эйя покачала головой.

— Нет, по крайней мере в течение нескольких дней. Разве я не сказала тебе, что напиток освобождает тебя от влияния? Но те, что в храме, будут знать больше. А теперь, — она снова положила руки ему на плечи, на этот раз подняв юношу на ноги, — возвращайся в постель, ты будешь спокойно спать, а утром проснёшься освежённым.

Повернувшись на койке и ощутив тепло солнца на плечах и голове, Рей подумал, не приснился ли ему этот

ночной разговор. Но он помнил его во всех подробностях, как не бывает со снами.

— Хо! — в комнату вошёл Чо. — Вставай, брат. Ждёт не только еда, но и прекрасное утро!

Они поплавали в бассейне с серебристым песком на дне и фантастическими чудовищами, вырезанными на бортах. Потом надели шёлковые туники.

— Твои волосы отрастают, — заметил Чо. — Это хорошо. Свободнорожденный воин не ходит коротко остриженным, как раб или слуга, — он пригладил свои длинные волосы и закрепил их у шеи зажимом с драгоценным камнем.

Леди Эйя уже сидела за столом на террасе над садом. Они присоединились к ней. Женщина крошила в ладони маленькие зелёные лепешки и бросала их ярко окрашенным птицам на каменной площадке внизу, смеясь их жадности. Она протянула Рею и Чо руку, отряхнув с неё крошки, и американец постарался скопировать поцелуй Чо.

— Прекрасное утро, мои сыновья. Но мы не сможем провести его, как хотим...

— Вызов? — быстро спросил Чо.

— Да — во дворец. Может, потом покажем Рею город.

Но американцу показалось, что она серьёзно посмотрела на него, о чём-то думая. Может, она считает его угрозой всему этому, шпионом не по своей воле? Возбуждение, охватившее Рея после пробуждения, улеглось. Солнце не закрыли тучи, но призрак ночного холода снова пополз по спине.

Чо тем временем объяснял ему, как нужно вести себя на приёме в соответствии с этикетом, и Рей заставил себя сосредоточиться на его словах. Полуофициальные встречи с мурийским императором как будто не следуют строгому протоколу, но всё же некоторые правила неукоснительно соблюдаются.

Немного погодя леди Эйя прервала сына.

— Рей, Ре Му не похож на других людей нашего мира,

да и вашего, я думаю, тоже. Он поистине особенный, отличный от всех рождённых Солнцем. Во время подготовки он проходит через такие испытания, какие не выдержит обычный человек. Правление у нас не переходит от отца к сыну, как в некоторых царствах, но после тщательного отбора из числа рождённых Солнцем определяется лучший в каждом поколении. И на троне Солнца восседает тот из нас, кто доказал своё право держать в руках бразды правления. Но не волнуйся в его присутствии. Он лучше других чувствует правду и ложь, и честному человеку с искренним сердцем нечего его опасаться.

Она успокаивает его или предупреждает? Рей не мог понять. Но отступить было некуда, и насколько ему известно, он никогда не стремился ко лжи. Рей удивился собственным мыслям. Почему он должен сомневаться в своей честности? Предупреждения... колдовство... нужно забыть о них, сосредоточиться только на происходящем. Он ничего не скрывает, каждое его слово — правда.

На приём они отправились в завешенных носилках. Рею этот способ передвижения не нравился, но таков обычай. Их сопровождала охрана, солдаты расчищали дорогу, чтобы путешествие было как можно более коротким. Когда носильщики наконец опустили носилки, Рей вышел во двор, где играли фонтаны. Чуть дальше прямо перед ними поднималась широкая лестница; леди Эйя начала подниматься по ней, Рей шёл на шаг-два позади и слева от неё, а Чо справа. Часовому на верху лестницы она назвала их имена, и тот отступил, пропуская их в зал.

Дальний конец зала перегораживал занавес цвета слоновой кости, а рядом висел серебряный гонг с молотом из того же металла. Леди Эйя дважды ударила в гонг, и прежде чем стихло эхо её ударов, из-за занавеса послышался голос.

— Входи, Эйя, дочь моя, с сыном моего брата и незнакомцем извне.

Они вошли в большую комнату, с полом и стенами из слоновой кости, без всяких украшений. Куполообразный потолок был открыт в центре, а прямо под этим отверстием

сидели четыре человека. Вместо ярких шелков, которые Рей видел до этого, трое из них носили длинные белые мантии, какую он видел накануне ночью на леди Эйе; капюшоны откинuty. Все они были пожилые люди, сутулые, волосы у них такие же белые, как одежда.

Четвёртый сидел немного в стороне. На нем была жёлтая туника с поясом из того же красноватого металла, который защищал их в бою. На голове возлежала корона в форме солнечного диска, с девятиглавым змеем поверх.

Леди Эйя опустилаcь перед ним на одно колено; Чо и Рей менее проворно последовали её примеру.

— Приветствую, Эйя. И тебя, Чо, — тёмно-синие глаза человека, правящего большей частью мира, устремились к Рею. — И тебя, незнакомец, пришедший издалека. Идите сюда... — он встал со своего кресла и провёл их в другой конец зала, где стояли скамьи из слоновой кости, крытые шёлком. Император усадил пришедших лицом к себе.

— У леди Эйны было, что нам рассказать... — начал он.

Рей не мог не смотреть на императора. Эти тёмные глаза, похожие на глаза леди Эйи, они словно видят не только внешность, но и то, что под нею. Старые, очень старые. И мудрые. С такой мудростью американец не встречался в своём времени и мире. Но ведь это человек среднего возраста.

Император смотрел на Чо.

— Ты считаешь, что этот рейдер не был обычным кораблём?

— После смерти двух членов экипажа мы выпустили «дыхание смерти». Оно обволокло весь корабль, но тот продолжил идти за нами. Как будто не все на борту погибли.

Наакалы тем временем подошли ближе. Один из них заговорил.

— По нашим сведениям, от этого оружия нет защиты. Наверное, они обладают знаниями, которых у нас нет.

— Если так, боюсь, они дорого заплатили за них и в будущем заплатят ещё дороже, — ответил Ре Му. — Их

стоит пожалеть... — он помолчал и слегка улыбнулся. — Ты хорошо справился, Чо. А теперь... — и он снова взглянул на Рея.

— Думаю, ты уже оказал нам услугу, человек из будущего, когда освободил Чо из плена атлантов. Может быть, ты обладаешь неизвестными нам силами и способностями. Но встанешь ли ты на сторону Му?

— Мой собственный мир исчез. Если я и помог Чо, то вначале он помог мне. Что касается остального — не знаю, — немного погодя Рей добавил: — Возможно ли мне вернуться в своё время?

Ре Му повернулся к жрецу, и наакал ответил высоким тонким голосом:

— Если бы юноша пришёл к нам во сне, как мы сами посещаем во сне другие времена, наверное, это было бы возможно. Но физически — совсем другое дело. Никто из тех, кто уходил таким путём, не вернулся.

— Мне кажется, ты должен принять это, — заключил Ре Му. Глаза его всматривались всё глубже, глубже. Он добавил: — Твое имя Рей, у нас оно связано с Солнцем. Это могучий символ*. Скажи, когда все считали, что корабль атлантов мёртв, что ты почувствовал.

— Что от него исходит зло.

— С этим мы все согласны. Я тоже считаю, что в нём заключено зло. А чтобы успешно противостоять новому злу, нужно хорошо подумать, — правитель замолчал, а когда заговорил снова, голос его прозвучал официальнее.

— Пусть юноша числится среди рождённых Солнцем, как сын нашего дома. И обязанности его будут соответствовать положению. Должен тебе сказать, сын мой, что у нас обязанностей куда больше, чем прав. И тебе может показаться, что наш мир жесток. Изучай его, как можешь, а мы будем изучать твой мир.

Аудиенция, по-видимому, подошла к концу, и они мог-

* Слово «гау» по-английски означает «луч». (Прим. перев.)

ли уходить. Выйдя в коридор и больше не видя Ре Му, Рей постарался понять, почему император так подействовал на него. Дело было не в физической силе, не в остроте мысли и даже не в глубокой мудрости его слов. Это касалось не того, что он говорил, а того, что стояло за ним, словно огромный развевающийся плащ; вся фигура императора вызывала благоговение и преклонение.

Они вернулись к носилкам и ожидающей охране. Леди Эйя улыбалась.

— Так как мы закончили аудиенцию, — сказала она, — я попросила, чтобы нас отнесли на рынок. Рей сможет увидеть деловое сердце города.

По-видимому, теперь можно было смотреть в окна. Во всяком случае Чо поднял занавески, и Рей принялся разглядывать город. На широких и хорошо вымощенных улицах множество клумб в каменных бассейнах, часто попадались и деревья. Но вот носилки остановились, и леди Эйя со словами благодарности отпустила эскорт и носильщиков.

Рей увидел толпы людей, одетых не так нарядно, как он и его спутники. Но отрепья никого не носил, и все казались сытыми.

— Продавцы цветов... — леди Эйя указала в сторону, где буйствовали яркие краски. Чо подошёл к одному из киосков и вернулся, немного поторговавшись, с небольшим букетом, испускавшим сладкий аромат. Он отдал букет матери. Она понюхала цветы.

— Почему в нашем саду не растёт дыхание весны? Пламя видит, мы много раз пытались его вырастить, ухаживали и лелеяли. Но оно всегда засыхает и умирает. Одна из загадок, которой не решить никаким наакалам. А теперь, — она взяла Чо за руку, — мне нужно сделать подарки пришедшим в мой дом. Лучшего времени для этого не будет...

— Пока мы его ещё имеем? — рассмеялся Чо. — Ну, давай воспользуемся этим. Куда, моя леди?

— Я думаю, к Крафити.

Они миновали ряды цветочников и прошли по боковой

улице, занятой многочисленными магазинами. Солнце играло на выставленных в витринах подносах. Рей никогда не видел, чтобы открыто выставляли такие богатства. И смотрел ошеломлённо, постоянно отставая от остальных. Многие камни имели оправы красноватого металла, и Рей спросил о нём Чо.

— Это орихалк. Он обладает многими необычными свойствами и состоит из золота, меди и серебра, но точные пропорции кузнецы хранят в тайне.

Один из купцов встал, приветствуя леди Эйю.

— Пламя благоприятствует мне сегодня, если рождённая Солнцем леди и лорды удостоили мой жалкий магазин...

— И правда, Крафити, если будешь продолжать торговать шедеврами, тебе часто придётся терпеть нас. Я много слышала о жемчужном головном уборе...

— Пусть рождённая Солнцем присядет, всё будет ей показано. А-Хам, — обратился он к помощнику, — принеси корону номер сто десять.

— Сейчас увидим истинную красоту, — прошептал Рею на ухо Чо. — Крафити искусный мастер, а его агенты доставляют ему камни со всего мира.

Помощник вернулся с эбеновым подносом. На чёрной поверхности стоял женский бюст в натуральную величину, из того же чёрного дерева, а на голове у него красовалась корона.

Сеточка из розовых жемчужин покрывала волосы, а на лбу сверкала девятиглавая змея из драгоценных камней, некоторые размером с ноготь Рея. Леди Эйя погладила пальцем голову змеи и сказала:

— Хороши твои искушения. Увидев её, я не успокоюсь, пока она не станет моей.

— Конечно! Создавая её, я думал о рождённой Солнцем. И никому другому не отдал бы. Если ты не захочешь её, я разобью корону, а камни пушу на другие изделия.

— Я её беру. Пусть отнесут ко мне в дом. А теперь покажи браслеты, мне нужны подарки для воинов, вернувшихся ко мне в дом, исполнив свой долг, — она улыбнулась

Рею. — У нас есть обычай делать небольшие подарки вернувшимся после трудного пути. Выбери себе браслет и носи на счастье.

Рей посмотрел на груду ослепительно ярких браслетов. Потом снова взглянул на леди.

— Выбери ты: ведь это твой подарок.

Женщина улыбнулась, и он понял, что она довольна.

— Вот этот, — леди Эйя взяла чёрный браслет в форме девятиглавой змеи, с маленькими бриллиантами вместо глаз. — Змея означает мудрость, а в ней нуждаются все. И браслет отличается от остальных...

— Кроме вот этого, — быстро добавил Крафити. И протянул молочно-белый браслет той же формы, но с глазами из рубинов.

— Это тебе, Чо, если он тебе нравится.

— Конечно, — ответил Чо.

— Нанесите на внутреннюю сторону их имена, — приказала леди Эйя. — На чёрном — «Рей», на белом — «Чо», и пришлите вместе с короной.

— Будет сделано, рождённая Солнцем.

Рей взглянул на лежавшие рядом браслеты, белый и чёрный, оба по контрасту казались ещё ярче. Змеи... здесь как будто почитают змей, подумал он. Нет тех предрассудков, что в его время. Браслеты были прекрасны, это настоящие произведения искусства и дружеские подарки. И всё же... Он не знал, почему, но ему захотелось, чтобы они остались в магазине, чтобы их носили другие. Как будто чёрный браслет таил в себе что-то мрачное.

Рей быстро встал, неожиданно заметив, что остальные смотрят на него. А леди Эйя — особенно пристально.

— В чём дело? — немного резко спросила она.

— Ни в чём. Контраст, белое на чёрном, особенно привлекает...

Она взглянула на браслеты.

— Да, верно. И всё?

— Всё, — твёрдо ответил он. Он не собирался прислушиваться к своему воображению, и так в этом мире ему слишком много уделяют внимания.

Глава 8

Внешне жизнь в доме леди Эйи выглядит роскошно, но Рей обнаружил, что она совсем не праздная. Сам он первым делом должен был научиться читать свитки и писать по-мурийски. А это давалось нелегко. С течением времени Рей начал замечать, что некоторые сферы мурийской жизни не так открыты перед ним, как свитки, которые он изучал.

Леди Эйя часто исчезала, исполняя какие-то обязанности в храме. Храм располагался в большом здании в центре городе, и это было единственное место, куда Рея не приглашали. Но, как он понял, именно оно было сердцем страны. Почему же ему не показывают святилище?

Или о нём просто забыли, думал однажды утром Рей, глядя в окно на зелень сада. Он слышал разговор Чо с матерью и понял, что они идут в храм на церемонию, посвящённую погибшим в море. Но Рею об этом ничего не сказали.

Может, он снова ходит по ночам, отвечая на призыв чужой воли, как считает леди Эйя? Если и так, он об этом не знает. Или его всё же подозревают и потому не допускают в уважаемое всеми святилище?

Солнце — символ их верховного существа. Это понять оказалось легко, и это одно из старейших верований человека. Но есть ещё Пламя, о котором они постоянно упоминают, как символ религиозной власти.

Пока он держится в отведённых для него рамках, ходит только туда, куда его зовут, на рынок, на пристань вместе с Чо, однажды участвовал в приёме на реке, гостями которого были и леди Эйина, и его хозяйка. Рей запоминал увиденное и потом обдумывал. Но всё сильнее становилось в нём ощущение, что ему показывают только поверхностное, внешнее, а главное, то, что составляет суть этой жизни, он не видит. Несмотря на то, что все относятся к нему дружески, он остаётся чужаком.

— Мой лорд...

Он так задумался, что вздрогнул, услышав эти слова от двери. И тут же ощутил подозрение. Может, наоборот, он никогда не остаётся в одиночестве? Он посмотрел на слугу.

— Да, Тампро?

— Посыльный, лорд, от Великого.

— Но леди Эйя и лорд Чо ушли...

— Посыльный хочет говорить с тобой, лорд. У него срочное дело.

Императорский посыльный — к нему?

— Пусть войдёт.

Но Тампро уже исчез, а мгновение спустя на его месте оказался человек в мундире дворцовой гвардии.

— Рождённому Солнцем приветствие. Великий просит, чтобы ты присутствовал в Небесном Зале.

Рей кивнул. Мысли его смешались, он даже позабыл, какой формальной фразой полагается отвечать на такое приглашение. Просто прошёл к носилкам, заметив, что занавески снова опустили и он не может ничего видеть, зато и его не видят. Почему? Воображение подсказало несколько ответов, каждый нелепес предыдущего. Носильщики побежали рысцой. Значит, дело действительно срочное.

Вскоре он услышал негромкий окрик стражи, ответ своего сопровождающего. Шум улиц стих, вокруг наступила относительная тишина. Наконец носильщики остановились и поставили свой груз.

Рей вышел, но не в тот двор с фонтанами, в котором уже побывал. Он оказался в узком промежутке между двумя стенами. Ни одно растение не смягчало строгость белых каменных поверхностей. Сама мрачность этого места разбудила подозрения. Прямо впереди американца ждала дверь, ведущая в башню.

Гладкие белые стены ничто не нарушало кроме двери. Но посмотрев вверх, Рей увидел золотые символы. И хотя он многое уже узнал, эти символы были ему не знакомы. В дверях стоял офицер-посыльный, он знаком приглашал Рея войти.

— Великий ждёт! — в голосе его слышалось нетерпение.

— Наверх... — он отступил, пропуская Рея на лестницу, которая поднималась вдоль стены башни. Американец начал подниматься, а офицер остался внизу.

Внутри башни царила удивительная простота, как будто она сознательно была построена так, чтобы повторить какую-то более древнюю и грубую форму архитектуры, архитектуры того времени, когда люди только начинали строить каменные сооружения и учились в процессе строительства. Лестница привела в пустую комнату, занимавшую всю ширину башни. От неё вверх вела новая лестница — через вторую пустую комнату и третью.

И вот Рей оказался на самом верху. Здесь его ждал не только Ре Му, но и двое наакалов. Круглую стену через равные интервалы прерывали непрозрачные овальные экраны. Это явно были не окна. Снаружи стоял день, но через овалы свет совсем не пробивался, комнату освещали шары, стоявшие на треножниках вблизи трёх сидений. Остальная часть комнаты была пуста, как и все нижние помещения.

Рей склонился, чувствуя себя глупо, но выполняя придворный ритуал. Однако его никто не приветствовал. Напротив, он обнаружил на себе пристальные взгляды, и его тревога усилилась. Словно инквизиция, только он не знал за собой преступлений...

— Это так. Мы призвали тебя не для ответа, — заговорил Ре Му. — Ты приглашён не из-за своих действий в прошлом, а ради будущего...

Рей удивился.

— Вы считаете, что я могу причинить вам вред? — вот они, подозрения леди Эйи. Он был прав, испытывая дурные предчувствия.

— Нет. Ты можешь принести нам добро, а не зло. Расскажи ему, У-Ча.

— Вот в чём дело, — сказал один из наакалов. — Атланты действительно перекрыли линии мысли, такого не бывало с тех пор, как живые существа снова вышли из моря после гибели Гипербореи.

Мать-земля всегда рождала людей, способных поддерживать мысленную связь с колониями. Так Ре Му отдаёт приказы вице-императорам во внешних землях. А теперь мы можем связаться только с внешними постами Майакса, не дальше. Те, кто добровольно избрал Тень, поставили преграду, которую мы не можем преодолеть. И какое зло готовят они за этим облаком — мы должны узнать об этом ради матери-земли.

— Это так, — Ре Му слегка наклонился вперёд, и снова Рея окружила могущественная аура, окутывающая правителя как плащом. Сделал ли это император сознательно или нет, американец не знал. — Мы не можем прорваться через этот барьер. Но есть небольшая вероятность, что это сможешь сделать ты. Ты пришёл из времени, в котором людям свойственны другие мысли и силы. То, что останавливает нас, может не остановить тебя. Хочешь помочь нам и попробовать увидеть, что готовит враг?

— Ты хочешь послать меня в Атлантиду? — медленно спросил Рей.

— Не физически, нет. Мысленно, — ответил наакал У-Ча.

— У нас есть различная защита для таких путешествий, — добавил Ре Му. Потом он помолчал, глядя на Рея. — Да, я вижу, ты мало что знаешь о мозге и его возможностях. В ваше время сила основывается на другом. И ты боишься, потому что не понимаешь и не контролируешь свой мозг. Но не будь таким подозрительным. Разве ты уже не научился общаться мысленно? Когда тебя научат, ты, как и все рождённые Солнцем, сможешь пользоваться своими внутренними силами. Но я уважаю твои колебания, потому что для тебя это неизведанная страна, на которой нет дорог и которая не отмечена на картах.

Он им нужен, подумал Рей. Они будут осторожно обращаться с нужным им инструментом. Это правда, что он общался мысленно с Чо и другими, и это ему не повредило. И всё же... леди Эйя предупредила его... он уже мог быть использован как орудие — другой стороной.

— Это не так, — Ре Му снова прочёл его мысль. — Неужели мы стали бы тебя использовать, если бы сомневались? Ты сейчас же увидишь доказательство.

Второй наакал извлёк из-под плаща кристалл, такой же, какой Рей видел в руке леди Эйи, когда ходил во сне.

— Держи обеими руками и коснись сначала сердца, потом лба.

Жрец не передал кристалл, а бросил его в воздух, и Рей легко поймал шарик. Послушно сжал обеими руками. Кристалл был не холодный, как он ожидал, а чуть тёплый. Он сначала поднёс руки с кристаллом к груди, потом по сигналу наакала поднял ко лбу.

— Верни его мне... — наакал протянул руку, и Рей тоже бросил маленький шар. Тот слегка сверкнул, но в остальном остался прежним. Трое посмотрели на него и одновременно кивнули.

— Ни один запятнанный Тенью не смог бы этого сделать, — заключил Ре Му. — Так каков твой выбор? Он должен быть сделан свободно.

— Как я узнаю, что искать — если соглашусь? — спросил Рей.

— Тебя пошлют в нужные места, — ответил император.

— Когда?

— Немедленно. Задержка опасна.

Рей провёл языком по губам. Да или нет? Он не сомневался, что они верят в то, что собираются сделать. Хотя для него это очень сомнительно. И всё же — пусть попробуют, если это так много для них значит.

— Хорошо, — быстро сказал он, неожиданно испугавшись, что победит нерешительность.

Наакалы принялись за работу. Один из них коснулся камня в стене, тот повернулся, и в полу открылся бассейн, полный посверкивающей в глубине водой; Рея раздели и выкупали в этой воде, и тело у него при этом покалывало. Потом на него одели белую мантию, как у жрецов, и посадили в кресло, в котором ранее сидел Ре Му. Император встал за Реем и руками закрыл американцу глаза.

— Перед тобой висит тёмный занавес, — сказал правитель Му.

И Рей неожиданно увидел его, чёрный, толстый, ошутимый, в тяжёлых складках.

— Пройди через него — вперёд! — прозвучал в его ушах приказ.

Рей повиновался. Он почувствовал пальцами гладкую поверхность занавеса, почувствовал в руке вес ткани и раздвинул его. И закричал от боли, обожжённый пламенем.

— Назад! — где-то далеко прозвучал слабый голос.

Но Рей споткнулся и рванулся вперёд. Там раскрылась щель, она обещала спасение от невидимого огня. Он устремился в неё и оказался среди света.

Он стоял в конце длинного зала с колоннами, стены зала скрывались в тени. На стенах неяркие, но подробные фрески изображали сцены, какие могут привидеться только дьяволам. Рей попытался отвернуться, испытывая тошноту. Но воля, которая двигала им, заставила смотреть на все ужасы, словно оценивая их непристойность и жестокость.

Проходя мимо колонн, Рей обнаружил, что он не один в зале. Впереди, у чёрного каменного алтаря, располагалась группа людей, занятых какими-то действиями. Послышалось пение, которого он не понимал. Он остановился за столбом, зная каким-то образом, что должен быть свидетелем.

Алтарь венчала золотая статуя: существо с бычьей головой с широко разведёнными рогами, не соответствующими человеческому телу. И вокруг этой блестящей жёлтой статуи зависло чёрное туманное облако. Рей без удивления узнал его: зло, воплощённое в мыслях, а существо-зверь — символ этого зла.

Алтарь окружили пятеро. Двое в красных мантиях, с бритыми черепами, как жрец атлантов, которого Рей видел на корабле. Явно слуги этого отвратительного божества. На третьем доспехи воина, а четвёртый — в богатой одежде со множеством драгоценностей.

У него маленький круглый рот с бледными губами,

похожими на присоски осьминога. Маленькие глаза глубоко упрятаны в складках нечистой кожи. Рей мгновенно испытал инстинктивную ненависть и отвращение, как будто все его чувства так обострились, что ответ приходит немедленно и в высочайшей степени точный.

На нижней ступени алтаря лежал пятый. Он был раздет и связан, это беспомощный пленник. Но от него исходило какое-то свечение, которое Рей узнал, — отражение отчаянной храбрости. Судя по цвету кожи и волос, Рей увидел пленника-мурийца.

Пение прекратилось, один из жрецов поднялся, в руке его тускло блеснул нож.

— Рыба! — пленник плюнул на красную мантию. — Мы выступит против вас и вашего бога-дьявола!

Лезвие опустилось, тело пленника изогнулось дугой, он захлебнулся собственной кровью. Второй жрец ждал наготове, чтобы поймать хлынувшую кровь в чашу. Потом чашу передавали из рук в руки, и собравшиеся пили из неё...

Рей, испытывая тошноту, держался за стену, пока не осознал, что зал ужасов исчез. Теперь он стоял на высокой стене над гаванью, полной кораблей. Здесь он оставался некоторое время, как будто гавань внимательно разглядывали его глазами, хотя сам он видел только множество судов разного рамера, тесно сгрудившихся рядом друг с другом.

Потом гавань, в свою очередь, исчезла, и он оказался в другом зале, на этот раз не храма, а дворца. Стены, тоже красного камня, украшали шпалера с фантастическими рисунками.

На троне, окружённый придворными, сидел тонкогубый человек в драгоценной мантии, которого Рей видел в храме. И над всеми собравшимися опять повисло чёрное облако. Рей понял, что это эманация духа зла, и не сомневался в своей способности видеть её. Перед Посейдоном — на троне сидел сам правитель Атлантиды — стояла группа закованных в цепи пленников-мурийцев.

Слабо и как будто издалека услышал Рей слова правителя. Теперь зрение у него было гораздо острее слуха.

— Вы одни. Ваша мать-земля покинула вас. Сегодня вечером кровь вашего капитана утолила жажду Ба-Ала. Му теперь как пылинка на краю нашего плаща, мы стряхнём её, и ту унесёт ветром. И вы увидите это...

Один из пленников откинул назад голову, чтобы высвободить лицо из-под прядей длинных волос.

— Последователи зла, Му будет жить вечно! Если сё воля, чтобы мы умерли здесь ради её блага, мы умрём. Вы, порождение пропасти Тьмы! Неужели вы верите, что сын Му будет по вашим приказам творить зло?

Посейдон жестоко улыбнулся.

— Вот как... — теперь его голос зазвучал так тихо, что Рей с трудом различал слова. — У вас на устах высокомерие, на языке вызов. Нет, сейчас я больше никого из вас не убью. Хочу, чтобы вы обожгли ноги, когда вас заставят бегать по угольям того, что некогда было Му.

— Мать-земля не погибнет, пока дышит хоть один из нас. Если ты думаешь по-другому, ты большой дурак! — тут же последовал ответ пленника.

Жирные маслянистые щёки Посейдона потемнели, словно раздулись в гневе.

— Прочь их! В ямы слизи!

Лишь воля поддерживала Рея, когда он смотрел, как уводят пленников. Потом он оказался в магазине купца, весьма похожем на те, в которых он побывал на рынке города мурийцев.

— Больше мы не должны держаться в стороне от торговых путей Му, — в голосе человека, который поднял ко рту стакан, выпил и обмахнул губы тонкой тканью, прозвучало удовлетворение.

— Мать-земля сильна... — собеседник явно сомневался.

— Ба! — купец снова выпил и с удовольствием облизнулся. — Разве у жрецов Ба-Ала тоже нет знаний?

И тут Рей попал в верхнее помещение башни или высокого здания, потому что в ближайшее окно свет шёл

снизу. Впервые с того момента, как он прошёл через ворота времени, его окружили предметы, имеющие родство с его собственным миром. Как ни странно выглядели эти трубы и другие предметы, комнату вполне можно было назвать лабораторией. А в дальнем углу за столом сидели два атланта в красных мантиях.

— Нам снова нужен человек, чтобы накормить его, — проговорил один из них. И хоть Рей стоял совсем близко к ним, голоса их опять звучали словно издалека.

— Один ждёт, мурийский пленник. Пусть узнает объятия Любящего, как узнали уже его соплеменники! — лисье лицо жреца озарилось оживлением, похожим на голод, и тёмное облако сгустилось над его головой.

Но его собеседник смотрел на свои руки, лежавшие на столе, и на его смуглом лице ясно читалось сомнение.

— А что если мы открываем ворота, которые не сможем закрыть? Иногда я боюсь, что мы слишком далеко зашли, слишком поспешно...

— Разве повелитель Тени не защитит своих? День Пламени клонится к закату.

Какое злодеяние они совершили, Рей не помнил. И если воля смотрела его глазами, зрелище было милосердно изъято из памяти юноши, когда он снова встал перед тёмным занавесом. Снова прошёл он через занавес, испытывая острую боль, чувствуя, как кулаки сжимают ткань. И потом, слабый и больной, открыл глаза в башне Му, а непрозрачные экраны на стенах глядели на него, как незрячие глаза.

На него смотрел Ре Му, но в лице его не было прежнего спокойствия. И наакалы тоже словно увидели свою судьбу, которую невозможно отворотить. Рей ощущал усталость как тяжёлое бремя, как что-то вроде болезни.

— Так вот что они делают... открывают ворота, к которым нельзя прикоснуться человеку... — прошептал Ре Му. — Разве они не знают, что то, что они пробуждают, всегда в конце концов оборачивается против своих якобы хозяев? Его можно вызвать, но вот отправить назад — это совсем

другое дело. Да пребудет мир с теми, кого они отправили к Солнцу. А ты, — обратился он к Рею, плотнее запахивая мантию на плечах американца, — наш долг перед тобой неизмерим, потому что если бы мы не узнали, что они задумали, нас ждала бы катастрофа.

— А что произошло в той лаборатории?

— Будь благодарен, что не можешь вспомнить. Мы должны идти — готовить свой ответ. Но увиденное всегда будет отягощать нас, пока мы не упокоимся в своих могильных нишах. Они совершили грех, у которого нет искупления, и теперь должны ждать расплаты. У-Ча, принеси воду жизни...

Старший наакал протянул императору чашу с сверкающей водой. Поддерживая Рея за плечи, император приподнял его, и Рей выпил всю жидкость. И ощутил, как в нём зарождается новая жизнь и энергия.

— Ты должен отдохнуть. А они проследят, чтобы тебя не тревожили. Потом мы отправим тебя домой...

Глаза Рея уже смыкались. Он почти не сознавал, что наакалы расстелили матрац на полу, что Ре Му собственными руками помог им уложить американца. Но несмотря на страшную усталость, Рей дрожал от непрошенных воспоминаний, от того, что он видел или думал, что видел. Но тут тёплая рука коснулась его лба, слышались слова на непонятном языке. Воспоминания исчезли, и остался только сон.

Когда он проснулся, всё вокруг было освещено мягким светом. Светились экраны, окутывая комнату и его... Что-то шевельнулось, и юноша медленно повернул голову. Даже такое лёгкое движение потребовало напряжения всех сил и воли. Ему улыбалась леди Эйя.

— Мне рассказали, что ты сделал, и я пришла, чтобы увести тебя в один из твоих домов.

Глаза Рея, вопреки его желанию, закрывались. «В один из твоих домов...» — но какое отношение к нему имеют дома мурийцев? Это не его мир, не его время, и он тут чужак...

Деревья, высокие-превысокие, как башни Му, поднимаются от земли. Между ними плывут тени, рисуя на почве зыбкий лабиринт. И где-то среди них... дальше... ещё дальше... он должен идти туда...

«Рей! Рей!»

Слабо, как голоса атлантов во сне, донёсся призыв, повелительный, требовательный, и Рей прислушался — и перестал бежать меж деревьев к неведомой цели.

«Рей!»

Кто-то схватил его за руки. Он попытался высвободить их и не смог.

«Вернись!»

Теперь зов не слабый, а громкий, как удар грома, предвещающий бурю, и Рею захотелось укрыться, опасаясь молнии.

«Вернись!» — снова приказ, отданный так, будто сопротивление невозможно.

Рей открыл глаза. К нему склонилась леди Эйя. Это она держала его руки. За ней стоял старший наакал, положив руки на плечи леди, словно они должны быть связаны вместе.

«Останься!» — это пришёл приказ наакала. Вот он снял руки с плеч леди Эйи и наклонился к Рею. И между его ладоней, словно из воздуха, появился хрустальный шар. Свет от экранов хлынул в него, шар окружило светящееся облако и окутало американца.

Он снова закрыл глаза. Но теперь никаких деревьев, пропала необходимость что-то искать — ничего, кроме целительного сна.

Глава 9

Длинноногая птица пробежала по самой границе прилива, отыскивая жертвы моря. Она уже нашла небольшого моллюска и предвкушала новые находки. Но, обогнув скалу, закричала и отлетела в сторону.

Рей, встревоженный криком, поднял голову с рук и

осмотрел крошечную бухту. Нод его головой поплясала бабочка с металлически синими крыльями, но тут же улетела. Берег был пуст. Он хотел этого. В каком-то смысле он всегда один. Несмотря на дружеское отношение мурийцев, он всегда ощущал преграду между ними и собой, чувство, что всё окружающее нереально, по крайней мере для него.

Что произойдёт с этой землёй и её жителями? Какая всемирная катастрофа так изменила облик планеты, что она приняла вид, какой знают в его время. Спаслись ли остатки мурийцев, ушли ли на устойчивые земли, уцелели ли на островах, в которые превратились вершины гор Му? Цивилизация должна была погибнуть в таком хаосе. Выжившие погрузились в варварство, и забылось всё, кроме легенд. Императоры Му превратились в полузабытых богов приходящих в упадок народов.

Что сейчас: последние дни Му или расцвет?

Бесплодные Земли — вот его страна, если что-то тут может быть связано с ним. Когда-нибудь... когда-нибудь он туда вернётся.

Жадная птица, обманутая и ободрённая молчанием Рея, вернулась. Посмотрев на американца, птица обогнула скалу на другом краю бухты.

Но тут же метнулась назад с диким криком, и Рей услышал всплеск, словно кто-то или что-то бредёт по мелководью. Он надеялся, что никто к нему не подойдёт, и никто не подошёл. Но голоса он различал легко благодаря какому-то капризу природы и строения окружающих скал. Одно слово привлекло внимание американца.

— ...в храме Ба-Ала в ночь праздника середины года. Рисковать своей шеей ради Му? Если они в это верят, они глупцы. Я говорю: освободитесь, как освободились атланты. Изгоните рождённых Солнцем. Если они не уйдут, что ж, пусть встретятся в Ба-Алом. Как я знаю, он нашёл, как использовать их, — и говорящий рассмеялся.

— Когда ты поплывёшь на восток? — спросил другой голос.

— На третий день или раньше, если сможем освободиться. Эти глупцы мурийцы не сомневаются во мне — да и почему бы им сомневаться? Я всего лишь торговец зерном из Уйгура, направляюсь в Майакс. Проходил по тому же маршруту два года назад. В этом плаще меня узнают. Есть только одно препятствие. Одна из этих проклятых рождённых Солнцем — леди Эйна — она теперь в городе и знает меня в лицо. Я бывал в её доме, прежде чем раскрылось дело со спрятанным кораблём и меня приговорили к изгнанию. Если она встретит меня на запретной территории, то доложит об этом. Рождённых Солнцем — Ба-Алу, вот что я скажу!

— А как ты минуешь восточную стражу, чтобы попасть к твоим друзьям?

— Это моя тайна. Передай мне, что ты узнал, и я всё доставлю в целости, не бойся. Это не первое такое моё плавание. И твои братья по Тени приветствуют меня.

— Я не смею слишком расспрашивать. Некоторые части храма мне недоступны, они защищены, и туда нельзя заходить. Эти жрецы Пламени умеют читать не только поверхностные мысли. Хорошо уже то, что меня приняли, пусть только как послушника.

— Ты узнаешь всё, о чём велено, — в первом голосе теперь зазвучала угроза. — Мы знаем, что недавно они каким-то способом сумели преодолеть завесу тьмы. И узнали о Любящем; так сообщили связанные сознания. Ты должен установить, как они это сделали и какую защиту создают — это очень важно. А теперь возвращайся, прежде чем тебя спросят, почему тот, кто пошёл к больному отцу, оказался на берегу и разговаривает с капитаном торгового судна из Уйгура.

— Нас увидели? — в этом возгласе послышалась паника. — Но ты сказал, что это безопасное место и мы встретимся тут без страха, что нас обнаружат.

— Совершенно безопасных мест не бывает, глупец! В нашем деле всегда существует риск. Если не веришь, тогда ты хуже глупца. Никогда не забывай, что идёшь по натяну-

тому канату над огненной ямой, несмотря на твой охранительный талисман. А теперь — иди!

Рей прятался за скалой в конце бухты. Но он опоздал и сумел увидеть только белую мантию наакалы и кожаную куртку, некогда синюю, но теперь поблекшую и запятнанную солёными брызгами. Простой шлем без гребня скрывал волосы второго, и со спины он выглядел как капитан любого маленького торговца.

Они исчезли на тропе, поднимающейся на утёс, а Рей встал и отряхнул песок с одежды. Он пытался вспомнить, где ближайший пост стражи на дороге. Он проходил такой на пути сюда.

Но когда он поднялся наверх, не было видно никого похожего на тех, кого он собрался выслеживать. Поднимая тучи пыли, прошли несколько слонов с плотно привязанным грузом. Всадник с повешенным через плечо рогом императорского посыльного обгонял громоздких животных.

Всех останавливали у ворот города. Древний обычай, давно оставленный, недавно возобновили, и многие ворчали, не понимая причины этого.

— Имя и звание? — спросил усталым голосом солдат. Он уже проделал это сегодня пятьдесят раз и ещё проделает столько же.

— Рождённый Солнцем Рей со двора леди Эйи.

— Проходи, — но смотрел солдат с явным удивлением. Рождённый Солнцем, пешком и один. Это настолько необычно, что вызывает подозрения.

Рей торопливо зашагал по улице, не зная, что солдат доложил о нём командиру. Крепость — он должен как можно скорее добраться до крепости. У внешней стены дворца он снова назвал себя часовому.

— Рождённый Солнцем Рей с важным сообщением для Ре Му!

Он прошёл во двор с фонтанами, и после некоторого ожидания его позвали в комнату для аудиенций. Там собрались не только император и наакалы, но и воины, с

удивлением смотревшие на Рея. Но Ре Му подозревал его к себе.

— У того, кто приходит так торопливо, должно быть, действительно важное дело.

Рей взглянул на офицеров, и правитель мурийцев поднял руку. Военные отошли.

— Можешь говорить...

Американец быстро рассказал о своей встрече, и лицо Ре Му наддело маску власти.

— Ты хорошо поступил, что сразу пришёл к нам. Можешь описать этих людей, их лица?

— Нет, Великий. Видел только, что на одном мантия наакала, а другой — капитан торгового судна из Уйгура. Но я думаю, что услышав их голоса, узнаю.

— По твоим словам, леди Эйна знает моряка. Это хорошо. Но вот послушник...

Один из наакалов, стоявших рядом с императором, пошевелился. В голосе его прозвучала холодная ярость.

— Будь уверен, мы отыщем предателя и узнаем, как ему удалось обмануть Пламя. И то, что мы узнаем из его уст, будет тут же сообщено тебе, лорд Пламени.

— Значит, нам остаётся моряк. Будь готов, рождённый Солнцем, вернуться сюда и помочь опознать его. А теперь можешь идти...

Рей вернулся во двор леди Эйи. Ему хотелось пойти в порт и поискать капитана из Уйгура в грязной синей куртке. Но уже наступил вечер, и здравый смысл говорил ему, что силы закона будут действовать гораздо эффективнее, чем он со своим любительским усердием.

— Рей! Где ты был? — Чо шёл по садовой тропинке. — Мы тебя искали...

— Ходил на берег моря, — Рей заколебался. Можно ли рассказать Чо остальное? У него не брали обещания хранить тайну. Он поднялся на террасу и увидел там хозяйку дома.

— Простите, — торопливо извинился он. — Я не знал, что уже так поздно.

— Но мне кажется... — выражение её лица изменилось.
— У тебя есть и более важная причина, чем забывчивость. Разве не так?

— Так... — и он вторично поведал свою историю. — Потом я доложил Ре Му.

— Клянусь Пламенем! Предатели в городе! — воскликнул Чо.

— В самом храме! Но как зло смогло так хорошо замаскироваться, что мы не обнаружили его? — леди Эйя была потрясена, Рей такой её никогда не видел.

— Наакалы сказали, что найдут его, — её тревога в свою очередь обеспокоила Рея. За последние дни он привык считать хозяйку настолько уверенной в себе, что она во всех трудностях оставалась самой надёжной опорой.

— Тот, кто пойдёт против наакалов, — проворчал Чо, — найдёт жизнь не настолько приятной, чтобы слишком долго продолжать её. Можно его пожалеть.

— Нет! — голос его матери прозвучал очень резко. — Нельзя жалеть того, кто сознательно искажает свет, чтобы служить Тьме. Ибо он знает добро и по своей воле служит злу. Он выбрал Тень, как её выбрали атланты. Жаль слабых духом, а не сердцем...

— Я думаю, мы теперь на один-два шага ближе к тому дню, когда флот двинется на восток, — Чо эта мысль явно понравилась.

Рей вспомнил своё путешествие во сне. Было ли это сном? Для Чо битва — это сражение чёрного с белым, добро побеждает зло. Муриец так всегда говорит об этой борьбе в те редкие минуты, когда речь заходит о будущем. Но в башне атлантов находилась настоящая лаборатория, и её стёрли из памяти Рея. Теперь ему захотелось вспомнить, потому что воображение хуже фактов, и когда он начинал вспоминать, ему представлялось множество невообразимых ужасов.

— У них новое оружие, — пробормотал он, — необычное оружие...

Чо посмотрел на него.

— Не могу задавать вопросов, но ты говоришь, как человек, который знает.

Хотя его не просили хранить в тайне и путешествие во сне, Рей инстинктивно никогда не говорил о своём посещении башни. А Чо впервые коснулся этой темы, хотя и косвенно.

— Сам не понимаю, что я знаю, и знаю ли что-нибудь вообще, — только и ответил Рей. И хоть он говорил правду, мурiec всё равно воспринял его ответ как нежелание рассказывать.

— Неважно. Мы все живём по приказу, — пожал плечами Чо.

Рей колебался. Слишком мало в этом мире тех, на кого он может положиться — Чо, случайно и потому что мурiec ему нравится, леди Эйя... А если он утратит даже то немного, что имеет? Но прежде чем он заговорил снова, слуги принесли ужин, и разговор пошёл о незначительных дневных происшествиях.

Американец ел то, что ему подавали, не чувствуя вкуса, просто потому что хотел есть и утолял голод. Но он заметил, что леди Эйя почти не притронулась к еде. Наконец она встала и отошла к краю террасы, глядя за стену на огни города.

— Сколько лет всё это ещё продержится? — спросила она. Говорила она негромко, но все услышали. — Мы переживём эту войну — так говорят предсказания в храме. Но всё равно со временем наступит конец. Может, не при нашей жизни и не при жизни сыновей наших сыновей. Но тёмное будущее всё равно проглотит нас. И ты говоришь, Рей, что в твоё время о нас не знают. Атлантида пала, но люди смутно помнят об этом; Му исчезает, и даже легенды об этом не сохраняются. Море покрывает оба наши материка, встают новые земли, с новыми народами, которые не знают законов. И всё начинается сначала. Из разбойничьих банд возникают государства, появляются новые города, новая наука, новые стремления — но нет конца боли и злу войны. Разве не так?

Рей кивнул.

— Так.

— Ты говоришь, в твоё время люди высадились на Луне, добрались до других планет. Но если они не могут победить войну у себя, значит, будут разносить её повсюду, может быть, донесут до звёзд. И что в этом хорошего?

— Ничего, — согласился Рей. — Однако...

— Однако, — подхватила она, — такова наша природа, война и в нас самих и вне нас. И пока мы не победим самих себя, мы всюду с собой будем нести зло. Так что коснёмся своими чёрными кровавыми пальцами даже ярких звёзд. Но такие мысли приходят к нам от Тени, чтобы мы поверили, что бороться не стоит, чтобы легче было сдаться. Мы выступим против Атлантиды, чтобы в наше время и в нашем мире Тень не окутала землю — нашу землю. Мы стара, стареют Майакс и Уйгур, Атлантиду разъедает зло. А что с Бесплодными Землями, Рей?

— Равнины и леса... — юноша умолк, думая о лесе. — Деревья...

— Деревья? — Что повторил это слово, и Рей понял, что произнёс его вслух.

— Таких деревьев не знают в мои дни, — объяснил он. — По крайней мере, не в той части земли. И в этой стране людей не приветствуют, — и Рей понял, что разгадал малую часть загадки. Действительно, лес не приветствовал человека, сопротивлялся, пытался его изгнать.

— Но это же твоя страна, — сказала леди Эйя.

— Будет моей. А сейчас она не для человека, если он не хочет воевать с нею.

— Со временем будет воевать, — в голосе её прозвучало обещание.

В сгущающемся сумраке подошла Лисса, служанка леди Эйи.

— Посыльный из крепости. Рождённых Солнцем лордов просят немедленно явиться.

— Идите с миром, — леди Эйя протянула им руки, по одной каждому. — Хотя я думаю, что мира у нас осталось мало. Тем более нужно его ценить.

На этот раз не было носилок, зато пришёл отряд охраны. И на тихих боковых улицах громко звенели мечи, ударяясь о доспехи, а на главных улицах этот звон даже заглушал общий шум.

Ре Му сидел на троне в зале для аудиенций, с ним были два наакала и группа военных. Отряд вместе с Чо и Рсем отдал приветствие обнажёнными мечами, и звон металла о металл заставил человека, стоявшего перед троном, злобно оглянуться.

— Скамью рождённым Солнцем, — Ре Му принял их приветствия. Двое военных поднесли узкую скамью.

Правитель Му снова обратился к стоявшему перед ним человеку.

— В твоих документах говорится, что ты плывёшь с грузом зерна в Майакс.

— Да, Великий.

Рей удивлённо вздрогнул. Это же предатель из Уйгура. Он готов был поклясться в этом.

— Твой родной порт — Чан-Чал?

— Да, Великий.

Он оказался моложе, чем ожидал Рей. И в нём чувствовалась уверенность — либо умелая маскировка человека, привыкшего к опасности, либо безрассудная смелость и решимость противиться врагу до конца.

— И сколько лет ты служил во флоте?

— Пять, как положено, Великий. Я ведь не рождённый Солнцем, чтобы ходить по палубам только три года...

Это не маскировка, понял Рей. Он знает, что ему конец, но готов умереть, сражаясь. Теперь он говорил явно вызывающим тоном.

— Ты слышал о некоем Сидике?

— Да. Офицер флота, осуждённый за присвоение государственных средств.

— Он приговорён к пяти годам изгнания. Однако ходит по нашим улицам. Ты его не видел?

— К чему загадки, Великий?

Один из стражников шевельнулся, словно хотел про-

учить пленника за дерзость. Но лёгкий жест императора удержал его на месте. Тёмно-синие глаза Ре Му сверкнули на спокойном неподвижном лице.

— Никаких загадок. Тебя опознала рождённая Солнцем леди Эйна. Она хорошо знала Сидика.

— Она права. Кто я такой, чтобы спорить с рождённой Солнцем? Я вернулся, вопреки приговору, как бывало и с другими раньше. Продай меня на рынке, в соответствии с законом.

Рей удивился. Почему этот человек из Уйгура так храбр? Считает, что его подозревают только в нарушении запрета на возвращение и не знают больше ничего? Но разве Ре Му занимался бы таким ничтожным случаем? Если бы Сидик не вызывал подозрений, его бы не привели сюда.

— Лорд Рей!

Американец вздрогнул, потом встал в ответ на жест императора.

— Ты раньше слышал голос этого человека?

— Да, Великий. Он тот, о ком я говорил.

— Ты готов поклясться в этом?

— Готов.

По кивку Ре Му Рей вернулся на место. Если Сидик и заподозрил худшее, то никак не выдал себя внешне.

— Предатель!

Сила этого обвинения пробила невозмутимость Сидика. Он побледнел под морским загаром.

— Твой сообщник выдал ваши планы. И получил достойную награду от служителей Пламени, которых пытался осквернить самым своим присутствием в храме. Мы знаем, зачем ты явился сюда. Жалкий глупец! Думаешь, Ба-Ал придёт тебе на помощь? Что его обманутые последователи поднимут меч в твою защиту? Говори, и, может быть, сострадание облегчит приговор...

Сидик пошатнулся мгновением раньше, но теперь снова скрылся за щитом отчаяния и решимости.

— Если я умру, значит, умру. Но от меня мало что узнают...

— Ты так думаешь? — Ре Му улыбнулся — еле заметно. Увидев эту улыбку, Рей содрогнулся. Не хотел бы он, чтобы ему так улыбнулись. — Ты пойдёшь с наакалами.

Тень промелькнула по лицу человека из Уйгура, потом исчезла.

— Значит, пойду с наакалами. Но пока смогу, буду молчать.

— Ты полон зла и добровольно служишь злу. Однако ты храбр, хоть и в злом деле. Но сейчас время одному пострадать ради многих. Солнце Му провозглашает, — голос Ре Му снова прозвучал официально, — да будет так!

Сидика увели. Проходя мимо американца, тот взглянул на него.

— Помни обо мне, рождённый Солнцем, — слова его прозвучали презрительно. — Ба-Ал узнает, с чьей помощью умер его верный слуга. И ты ещё побываешь в его храме. Мы перед смертью умеем видеть, и я знаю, что говорю, — он отрывисто рассмеялся, и солдаты утащили его.

Чо вскочил и смотрел ему вслед.

— Он увидел... увидел тебя в Красном храме. Человек, близкий к смерти, действительно иногда видит будущее. Пусть тот, что наверху, позволит, чтобы ты вошёл в храм как победоносный воин, а не как пленник!

— Мы стали слишком самодовольны в последнее время, — послышался голос Ре Му. — Ещё день, и предатели оказались бы вне нашего досягательства. Может, от Сидика мы узнаем больше. Послушник оказался робок и лишь недавно переметнулся к ним.

Он, казалось, о чём-то задумался и позабыл о них. Рей ожидал, что теперь, когда их роль сыграна, их отпустят, но этого не произошло. Потянулись долгие минуты ожидания, в комнате было тихо, только время от времени со слабым скрипом менял позу стражник. Чего они ждут? Рей поёрзал на скамье. Он хотел привлечь к себе внимание и освободиться от этого бессцельного присутствия. Ему казалось, что даже в этой комнате с белыми стенами сгущаются тени и

наползают на трон, словно ночная тьма наступает естественно, а как угроза.

Занавес на двери распахнулся, вошёл стражник, приветствовал императора и передал ему писчую табличку. Ре Му прочёл её и поднял голову.

— Сидика не знают лично те, кому он служит. И сегодня вечером, перед тем, как его схватили, ему запретили рисковать и связываться с хозяевами. Лорд Рей, что он сказал, когда его уводили?

— Что он видит меня в храме Ба-Ала.

— В храме Ба-Ала. Но не видел, как ты там оказался. Молись своим богам, чтобы он увидел только часть правды.

Чо выступил вперёд

— Великий, Сидик неизвестен своим хозяевам на востоке, и какое-то время они не будут его разыскивать. Нельзя ли одному из нас занять его место и вступить в сердце вражеской земли?

— Те, кто посылают шпионов, сами их ждут и готовы к этому лучше нас. Как ты считаешь, У-Ча? Обдумаем эту возможность?

— Так написано в звёздах.

— Тогда... — Чо чуть не задохнулся, — тогда позволь мне выполнить эту задачу!

Ре Му медленно покачал головой.

— Не будем торопиться. Посмотрим, посмотрим...

— Великий... — заговорил старший наакал, но голос его снизился до шёпота, так что слышал только император. Рей заметил, как он кивнул.

— Лорд Чо, ты должен поискать на картах Бесплодных Земель удобные пристани, в которых могли бы укрыться разведчики флота.

— Да, Великий!

— А ты, лорд Рей, иди с А-Камом и ознакомься со сведениями, сообщёнными Сидиком.

Младший наакал отошёл от трона и подождал, пока Рей присоединится к нему.

Они прошли во вторую дверь и оттуда в пустой коридор. Рей решил, что это тайный ход для Ре Му. Он вопросительно взглянул на своего проводника и увидел блеск кристалла в его руке. Оттуда ему в глаза устремился ослепительный луч.

Глава 10

«...Сидик из Уйгура, со двора леди Ма-Лин, сын гофмаршала, родом из У-Вала. На пятнадцатом году ты начал обучение во флоте и служил на корабле под командованием...»

Имена, длинный список имён звенел в голове Рея. Голос продолжал монотонно излагать события жизни Сидика, и хотя Рей пытался заткнуть уши, закрыть мозг, он обнаружил, что не может. Голос держал его в рабстве, то, что он сообщал, не может быть стёрто. Рей узнавал мельчайшие подробности жизни Сидика. В то же время, хоть и не мог открыть глаза, он чувствовал на себе руки, ощущал влагу на коже и холодные, странные запахи.

«Тебя схватила мурийская стража, но ты сумел вывернуться, возложив всю вину на послушника Ру-Гена, заявив, что это он обратился к тебе с просьбой помочь ему сбежать из Му, а ты отказывался. Экипаж «Рассекающего волны» тоже будет подвергнут обработке. Ты выполнишь следующий приказ. Через два часа после того, как твой корабль бросит якорь у пристани поста У-Ма-Чал, ты должен один уйти на берег. Пройдёшь вдоль берегового изгиба, пока не доберёшься до двух высоких вертикальных скал. Здесь ты подождёшь небольшой лодки. Тот, кто приплывёт на ней, скажет: «Восток поднимается». Ты ответишь: «Запад опускается». Сядешь в лодку и сделаешь то, что должен сделать».

Что... почему? Он запутался в сети и тщетно пытался освободиться.

«В течение месяца ты будешь наблюдать и делать то, что тебе велят. Затем в гавани Пятистенного города на три дня остановится корабль флота, замаскированный под перевоз-

чика фруктов с юга. На нём будет поднят флаг-сигнал чумы, чтобы отпугнуть пограничников. Ты должен до наступления четвёртого дня подняться на его борт. Понятно?»

Рей не понимал, но почувствовал, как утвердительно кивает.

— Ты Сидик из Уйгура!

Рей открыл глаза. И в зеркале увидел мужчину с жёлтой кожей и чёрными волосами, падающими на лицо, которое благодаря какому-то чуду стало старше и грубее его собственного.

— Твоя одежда...

В зеркале появилась рука и указала на связку, ожидающую его на стуле. Рей натянул кожаную куртку, грязно-синюю и в пятнах от солёной воды, пахнущую потом и солью. Вместо сандалий морские кожаные сапоги с кружком естественных волос на верху голенищ. Ногти у него теперь ободраны, под ними грязь. Грязь глубоко въелась в кожу рук. На месте маленькой татуировки на предплечье широкий медный браслет. На поясе ножны из чёрной кожи, на голове бронзовый шлем без гребня.

— Мы сделали, что могли, — слышался голос из-за спины, хотя никого за собой в зеркале он не видел. — Помни, что ты должен сутулиться при ходьбе: теперь ты с далёких пограничных окраин и не обладаешь манерами. Что ты делаешь? — резко воскликнул встревоженный голос. Рей в это время провёл ладонью вдоль правой руки, потом вдоль левой. Он не мог вспомнить, что ищет. Чёрное, да, оно было чёрное! И оно должно быть здесь, это очень важно!

Он снова попытался разогнать туман, в который был погружён его мозг.

— Чёрный... — Рей видел в зеркале, как его губы произносят слова. — Чёрный браслет... мой!

Неожиданно он увидел его мысленно так же ясно, как отражение в зеркале. Чёрный браслет принадлежит ему. Он не тронется из этого места, пока ему не отдадут браслет! Он

цеплялся за это со странным упрямством, как будто в этом была гарантия его безопасности.

За ним обозначилось движение, хотя в зеркале он по-прежнему ничего не видел. Но теперь он нашёл силы повернуться; хотя трудно было заставить упрямое тело повиноваться даже в таком небольшом деле.

Их было трое. Первый, судя по одежде, — офицер; потом человек в тунике слуги, он возился со множеством баночек и бутылочек, через плечо у него висело полотенце в пятнах того же жёлтого цвета, что и нынешняя кожа Рея; и, наконец, наакал. И в руке жреца Рей увидел то, что ему было нужно, — чёрный браслет в виде змеи с бриллиантовыми глазами. Он протянул к нему руку.

— Это выдаст его первому же попавшемуся атланту! Ни один торговец не станет носить такое сокровище... — офицер сделал шаг, чтобы помешать ему.

Но наакал внимательно смотрел на Рея.

— Не знаю. Он хочет его очень сильно, и в таком деле не нужно вмешиваться. Зачем он тебе, сын мой?

Для Рея чёрный браслет превратился в дымящееся живое существо. Оно ему нужно; он должен взять его — оно принадлежит ему, и они не должны его отбирать!

— Мой! — голос его стал похож на рычание, рука потянулась к кинжалу на поясе. Комната, весь мир сузился до браслета и необходимости получить его.

Но, кажется, драться ему не придётся, потому что наакал, по-прежнему глядя на него пронзительным взглядом, протянул ему браслет, другой рукой делая офицеру знак отойти.

— Для этого есть причина, хотя сейчас ни он, ни мы её не знаем. Но не носи его открыто, сын мой.

Рей безумно обрадовался прохладному ощущению на руке. Нет, носить его открыто слишком опасно; он должен хранить его в тайне... в безопасности. Он удовлетворённо спрятал браслет под одеждой.

— Теперь слушай, — голос жреца зазвучал властно, и Рей внимательно посмотрел на него. — Возможно, ты

будешь считать, что мы нехорошо поступили с тобой сегодня ночью. Но время и судьба не оставили нам выбора в час нашей нужды. Ни один человек с матери-земли не может принять обличье Сидика и открыть закрытые для наших глаз врата. Мы знаем, что Тень не смогла помешать тебе, когда ты в прошлый раз проник в её логово. Поэтому мы снова должны использовать оружие, которое ты даёшь нам в руки. И вот что: под властью Пламени мы читаем будущее по искрам и звёздам. И хотя смерть нависнет над тобой облаком, плащом окутает твои плечи в предстоящие дни, по нашим предсказаниям, она не сможет взять тебя. То, что в твоих руках, сильнее любого меча. Мы используем тебя без твоего согласия, потому что мы в отчаянном положении. И ты можешь возненавидеть нас за это. И всё же... — он помолчал. — Иди с миром, и пусть девять раз благословит тебя Пламя, — и наакал изобразил рукой жест, как будто извлёк из воздуха нечто невидимое, заполнил этим невидимым свои ладони и пролил незримым душем на американца.

Офицер сделал шаг вперёд.

— Твой корабль уходит на рассвете. Через десять дней ты достигнешь места встречи. Во время прохода по каналу оставайся внизу, не выходи на палубу. Скажи, что заболел. Твой помощник проведёт корабль. Теперь... пора...

И вот ранним утром в сопровождении офицера и нескольких стражников он вышел из дворца. Рей понимал, что ему не отказаться. Принуждение, наложенное на него в крепости, заставляло идти. Он двигался, как шахматная фигура, и будет так двигаться, пока не выполнит нужное им дело. Выиграв битву за браслет, он снова погрузился в туман, мозг его оцепенел и оступел. В нём не осталось сил для сопротивления.

Они пришли на пристань, пробрались к перевозчику зерна. С тёмной палубы их окликнул человек. Рей замигал в свете лампы.

— Капитан... — приветствовал его моряк. — Всё готово...

— Это помощник, Ра-Пан, — пришла подсказка какой-то части сознания.

— Выходим на рассвете, — ответил Рей.

— Есть, сэр.

Офицер из крепости и стражники не стали задерживаться. Они ушли, не прощаясь, а Рей остался стоять у поручня. Над гаванью широко раскинулся город. Тут и там виднелись огни, но немного. Город ещё спал. Рей беспокойно поёрзал. Где-то там... он нахмурился... ему трудно было думать. Сидик из Уйгура, он Сидик из Уйгура. Он не должен, не смеет думать о другом.

Наступал рассвет. На палубе появился Ра-Пан. Рей повернулся к нему и произнёс несколько слов, как будто язык сам подготовил их за него:

— Что-то мне плохо... Прими команду.

Помощник не увидел в этом ничего особенного. Рей спустился в маленькую тёмную каюту. В ней ниша без занавеса. Там койка Сидика. Рей упал на неё. И хоть пытался уснуть, в сознании всё время всплывали воспоминания и мысли Сидика, и от этого он действительно почувствовал себя больным. Напился затхлой воды из кувшина. Но наконец пришёл сон, на этот раз без сновидений.

Проснулся Рей, дрожа от холода. На столе его ждала деревянная доска для резки хлеба с двумя лепёшками и куском мяса. Он проглотил хлеб, но от запаха мяса его замутило, он оставил его и поднялся на палубу. Дул свежий ветер, они шли в открытом море. У руля стоял Ра-Пан. В распоряжении Рея были все знания Сидика о корабле и его действиях, и он понимал, что экипаж принимает его за настоящего капитана. Но всё же легко можно было допустить ошибку и тем вызвать подозрения. Рей взглянул на восток. Там, в полумире отсюда, лежала Атлантида. А он даже не знал, что должен сделать, когда прибудет туда, — если вообще прибудет. Но в то же время он был уверен, что не сможет сделать ни одного движения, которое отдалило бы его от Атлантиды.

Они прошли по каналу. Пришлось дожидаться своей очереди, и поэтому Рей провёл три дня в душной каюте. И вот они вышли во Внутреннее море.

— Остановимся в Маноя, — раздалось одно из редких высказываний Ра-Пана.

Это было не предположение, а утверждение. Мгновенно проснулось чувство опасности. Это не запланировано. А Рей уже понял, что самосохранение требует, чтобы он выполнял наложенный на него приказ.

— Нет. Мы идём в У-Ма-Чал.

Ра-Пан нахмурился.

— Мы обычно этого не делаем.

Может, контроль наакалов над экипажем ослаб? Если так, команда может взбунтоваться.

— Неважно, — Рей попытался взглянуть на помощника тем же повелительным взглядом, каким смотрел на него жрец. Он должен проявить свою власть, иначе его придётся списать ещё до того, как начнётся его миссия.

— Ты отказываешься выполнять мои приказы? — резко спросил он.

Помощник как будто хотел отвести взгляд и не смог. Он облизал губы.

— Но мы всегда заходили в Маноя.

Показалось ли Рею, что голос помощника прозвучал неуверенно? Отныне нужно держаться настороже, чтобы ни Ра-Пан, ни другие не могли в нём усомниться.

— А в этот раз зайдём в У-Ма-Чал! — подчёркнуто резко сказал он. Ра-Пан кивнул, глаза его снова затуманились.

Американец стал следить за экипажем. Ел только то, что попробовал помощник, спал с мечом наготове и старался отдыхать как можно меньше.

Ещё семь дней, и они подошли к восточному выходу из Внутреннего моря. И сразу как будто кончилась хорошая погода: ночью небо затянули тучи. Рей стоял у поручня, пытаясь разглядеть маяк города. Под одеждой что-то острое царапнуло кожу. Пальцы его сомкнулись на браслете. Во всём мире есть ещё только один такой же...

Кто это сказал? Когда? Белая полоса — принадлежащая кому-то, кого он хорошо знал. Он достал браслет и повертел его в руках, пытаясь вспомнить. Искорками вспыхивали алмазные глазки.

— Ах...

Рей сжал браслет в кулаке. Рядом с ним стоял Ра-Пан. Оцепенение в его взгляде исчезло. Он смотрел на сомкнутые пальцы Рея, как будто мог проникнуть сквозь плоть и кости.

— Что тебе нужно? — спросил американец. — Ты должен быть у руля.

— Я пришёл спросить, будем ли мы причаливать вечером... — но он смотрел не в лицо Рею, а на его руку.

— Разве я уже не сказал? Возвращайся на свой пост!.

Несмотря на опасения американца, помощник отошёл. Рей вздрогнул. Он приблизился к концу этой части дела, а что будет дальше, не хотелось и думать.

— Портовой сигнал, капитан! — вперёдсмотрящий указал на вспышки на берегу. — Спрашивают, куда мы идём.

— Ра-Пан, — Рею показалось, что это подходящая возможность, — отправляйся к ним.

Он ожидал, что помощник возразит, но уйгур повиновался, прихватив с собой одного матроса. Рей торопливо начал приготовления. Спустил шлюпку, один сел за вёсла и начал грести, ориентируясь на линию берега. Но тут голоса с берега, далеко разнёсшиеся по воде, заставили его вздрогнуть.

— ...стоит шестимесячного жалования, а он носит его под одеждой. Кто узнает? Убить его или связать и оставить жрецам Ба-Ала. Может, они даже заплатят за него.

Негромкий ответ и резкое возражение.

— Сидик? Нет, они что-то с ним сделали. Это не Сидик, говорю вам! Вместо него подставили одного из своих людей. А такая новость стоит на востоке большой награды!

Рей перестал грести. Итак, помощника больше не сдерживает обработка. А оставить его на берегу — нет. Теперь он их видел — тёмное пятно на песке. Они спорили там.

Один удар весла уведёт его далеко, а их там только двое...

Он сделал последний гребок, вложив в него всю силу. Выпустив вёсла, Рей выпрыгнул на мокрый песок. Увидел, как тени повернулись, одна скользнула в сторону, но у другой в руке блеснул меч.

— Я думаю, тебе ничего не удастся продать сегодня Ба-Алу! — воскликнул Рей. Наклонившись, он набрал песка и швырнул его в лицо мечнику. И устремившись ко второму, ударил ребром ладони, способом, к которому враг был совершенно не готов.

Короткий возглас, и его противник упал. Рей инстинктивно пригнулся, развернулся, готовый к встрече со вторым, прыгнул, столкнулся с ним, оба упали, и Рей услышал удар черепа о камень. Сам он поднялся невредимый, хотя и запыхавшийся. Один из моряков неподвижно лежал на камне, другой вытянулся на песке.

Рей подошёл к первому. Пальцы американца не нашли и признака пульса. Он подтащил одно тело к другому и принялся забрасывать их песком. Юноша не знал, есть ли у них соучастники, но по крайней мере немного времени он выиграл.

И только когда он, приняв некоторые предосторожности и затопив лодку помощника, пошёл вдоль берега, он ощутил запоздалую реакцию. Его учили искусству единоборств, но впервые он собственными руками убил человека. Он брёл по песку, отыскивая условленное место встречи. Внутри всё застыло, но повернуть он не мог, как не могла вернуться та личность, какой он был до вселения в сознание Сидика из Уйгура.

Становилось холодно, а он оставил плащ в лодке, на сидении, — как безмолвный ответ на вопрос, что случилось с капитаном Сидиком. В воздухе запахло морозом, и Рей, чтобы согреться, принялся размахивать руками.

Берег повернул, и Рей увидел две заострённые скалы. Они хорошо были видны даже ночью, ошибиться невозможно. Несомненно, это место встречи. Но он пришёл слишком рано, никто другой не появился.

Рей сел у ближайшей скалы и посмотрел на море. Сегодня он убил своими руками. Он обнаружил, что сгибает пальцы, трёт их, словно пытается стряхнуть не только песок. Они убили бы его, может, не сразу, но гораздо более жестоким способом, выдав атлантам. Рей смутно помнил человека на алтаре в храме с красными стенами, ожидающего смертельный удар. Такова была бы и его судьба, если ещё не хуже. И всё же... Он продолжал оттирать руки.

Но вот с моря слышались звуки, еле слышный скрип вёсел. Рей подошёл к краю воды. Через прибой пробирался скиф, на нём две закутанные фигуры.

— Восток поднимается, — голос гортанный, низкий.

— Запад опускается, — почти шёпотом ответил Рей.

— Быстрее уходим. Крысы Му следят, мы слишком близко к форту, это опасно.

Рей вброд добрался до скифа.

— Хорошо, что ты поторопился, — заметил атлант. — Тут усилили патрули, и мы не можем задерживаться. Ты пришёл один?

Это подозрительно? Но наакал не предупредил его...

— Меня предали...

— Кто? И... за тобой следили?

— Предал Ра-Пан, мой помощник. Его подкупили муррийцы, — импровизировал Рей. — Но он мёртв.

— Да? Это хорошо.

Гребец вёл лодку сильными частыми ударами вёсел. Они вышли из-под защиты берега, а на море воздух стал ещё холодней. Рей не мог сдержать дрожь, хотя и пытался. В темноте показался корпус, на фоне неба обрисовалась острая крыша каюты. Они ударились о борт корабля, в руки Рею сунули верёвочную лестницу. Он поднялся на палубу. Ни одного огня, не горел даже затенённый палубный фонарь. Должно быть, они действительно опасались, что их заметят. Один из людей со скифа взял его за руку и повёл вниз.

— Пошли. Мы должны уходить.

Они спустились по крутой лестнице и, миновав кожа-

ный занавес, вошли в главную каюту. Их окружили красные стены, увешанные поразительной коллекцией оружия. Пол из чередующихся чёрных и белых квадратов покрывали пятна грязи. Пахло пролитым вином, потными телами и ещё более неприятными доказательствами того, что аккуратность не входит в привычки капитана.

А груды добра, валявшегося кругом, вполне могли бы быть добычей пиратского корабля. На столе громоздились металлические тарелки и глиняные кружки. На лавках лежали рваные и грязные шёлковые покровы. Сам стол выглядел как настоящее произведение искусства — из чёрного дерева с инкрустацией из серебра и слоновой кости, хотя сильно поцарапанный и побитый.

Атлант-проводник Рея бросил на скамью свой плащ и налил в кубок с отломанным краем вина.

— Выпей. Ночь холодная. Нужно плеснуть тепла в вены.

Неужели он дрожал так заметно, подумал Рей. Он надеялся, что это припишут холодному ветру. Выпил, подавившись, но сделав вид, что закашлялся. Поверх кубка он внимательно изучал своего хозяина. Атлант был на дюйм-два ниже его самого, с толстыми предплечьями и плечами, но их ширина уравнивалась заметным брюшком. Длинные руки венчали волосатые лапы.

В отличие от мурийцев, которые всегда гладко выбриты, этот носил густую чёрную бороду, щедро смазанную жиром, её острый конец касался груди. А поразительно толстые и красные губы были такие яркие, будто он их нарочно выкрасил.

Несмотря на густую бороду под бронзовым шлемом без гребня оказался наголо бритый череп. Только на макушке была оставлена чёрная прядь. Тоже смазанная жиром, она змеёй извивалась по коричневому куполу черепа.

Он улыбнулся, показав жёлтые зубы, похлопал по своей шёлковой тунике, покрытой пятнами от еды. Рей подумал, что его золотой пояс не предназначался для такого брюха. К поясу нарастили цепь, так что он стал на несколько дюймов длинней.

— Добро пожаловать на «Чёрный ястреб», брат. Я капитан Таут. В Му меня не любят, хотя сейчас я отбираю у них меньше, чем раньше. Все торговцы толпятся в охраняемом Внутреннем море.

Рей опустил кубок и знаком отказался от повторения.

— Я Сидик из Уйгура.

— Хо... но ты ведь моряк. Разжалованный офицер флота? Они иногда к нам присоединяются. Как поживает мать-земля?

Рей заставил себя усмехнуться.

— А ты, похоже, побывал в розыске в прошлом, капитан. Му... начинает просыпаться. Я едва успел уйти.

Капитан Таут кивнул.

— Ну, я всегда говорил, что мурийцы слишком доверчивы, но совершенно ослепнуть не могут. Ты как будто промок, Сидик... Долой эти мокрые тряпки! — он порывлся в сундучке и вернулся с новой одеждой.

— Хорошее барахло. Мы его взяли на корабле в Северном море ещё до отзыва флота. Принадлежало офицеру. Он встретился с Ба-Алом, как я слышал.

Рей неохотно, но не смея проявить своё нежелание, надел одежду мертвеца. Украдкой переложил браслет в новый тайник.

— Ложись, если хочешь, — капитан Таут указал на одну из ниш. — Землю увидим только утром.

Он вышел, оставив Рея одного. Выбрав менее вонючую койку, Рей устало вытянулся на ней. Он зашёл далеко, но что ждёт его через час или на следующий день?

Глава 11

Этой ночью Рею не снились деревья, но он пробегал и проходил мимо сцен, которые странно сливались одна с другой, а он становился одновременно их участником и сторонним наблюдателем. Он был Сидиком из Уйгура и вспоминал свою жизнь. Но он был и кем-то другим, стоял в стороне и наблюдал за Сидиком, потому что ему отчаян-

но требовалось знать и помнить всё, что делал когда-либо Сидик.

Наконец Рея разбудил крик «Земля!» Он немного поваялся, чувствуя, что не отдохнул. На палубе слышались шаги, раздавались приказы. Таут сказал, что утром они причалят. Должно быть, он долго проспал, погрузившись в эти видения.

Рей медленно сел. На соседнем стуле лежала просоленная одежда Сидика, теперь сухая, но мятая и ещё больше поблекшая. Но он предпочёл её, чем награбленное добро. Застёгивая пояс с мечом, он поднялся на палубу.

— Эгей! — капитан Таут стоял у руля. — Ты, должно быть, сильно устал, друг. Проспал много часов. Хочешь первым увидеть Красную землю? Нам благоприятствовал Ба-Ал, он послал попутный ветер. Я поставил пять серебряных монет, что мы до вечера прибудем в гавань. И я войду в неё с радостью. Крысы Му обладают острым зрением, зубы у них тоже острые... — он улыбнулся и подошёл ближе к поручню, чтобы плюнуть в море. — Когда купцы не заходят в Северное море, добычи мало. Служба Посейдону обещает больше выгоды. Но быстрее бы он исполнил свои щедрые обещания. И, друг, мне всё равно, даже если ты повторишь мои слова перед уродливым лицом Кроноса — нынешнего Посейдона. Мы, волки севера, не его подданные, мы становимся его союзниками лишь иногда. И нам нужны не просто обещания. А теперь, что скажешь по поводу хлеба и другого добра, чтобы набить живот. Никакого чёрного варева, которое пахнет пылью и жуками, как на кораблях самого Кроноса...

Он снова отвёл Рея в каюту. И пища, хотя подавали её на весьма разномастной посуде, оказалась лучше всего того, что ел Рей после Му. Похоже, капитан Таут любит поесть и гордится своим столом.

— Я думал, — Рей отклонил очередное блюдо, предложенное капитаном, — что ты служишь во флоте атлантов...

— Во флоте! — капитан Таут удивился. — Я — Таут? Конечно, нет, я вольный капитан. Десятков таких, как я,

бросают сейчас якорь в гавани Пятистенного города. Но только на время, заметь, только на время. Добычи давно не было, а у Посейдона большие планы. Но мы никому не подчиняемся; воюем только с толстыми купцами и мурийцами, которые своими мечами мешают нам до них добраться. Но если бы они поговорили с нами громко и ясно, как Кронос, пообещали бы добычу в Красной Земле, мы предпочли бы сторону Му. Мурийцы выполняют свои обещания. Но Му мы не нужны. И нам приходится принимать сторону Атлантиды. К тому же, у нас есть собственный вольный город Санпар. Кронос отправил туда посла для откровенного разговора с нами — настолько откровенного, насколько это вообще для него возможно. Мы хорошо знаем, что в Красной земле нужно смотреть в оба и часто оглядываться через плечо. Но Кроносу мы нужны и потому подняли его флаг. Но, конечно, всё время следим, чтобы с берега до нас не дотянулась его тень. Мы не любим Кроноса. Он слишком легко приказывает сделать то и это. Довольно скоро учишься быть чуть глуховатым в этом отношении. И он отдаёт людей Ба-Алу или новому дьяволу, которого призвали красные мантии, — Любящему.

Мы словно волки, встретившиеся в Бесплодных Землях. Оба рычат, принимают, оскаливают клыки, но не нападают, чтобы не вызвать собственную смерть. Страх и ненависть одинаково влияют на судьбу. Поэтому мы ждём и наблюдаем, готовя клыки для того дня, когда он решит, что стал достаточно силён...

— У вас десять кораблей?

— Десять, и на этом для тебя найдётся место, друг, если пожелаешь. Нам пригодился бы добрый моряк, который не присягал в верности Красной земле. Должен тебя предупредить, Сидик. Не думаю, чтобы Кронос оказался таким щедрым хозяином, чтобы ты долго оставался у него на службе. Когда тебе надоест запах страха в его земле, приходи к морским волкам. Предупреждаю тебя: хоть ты истеки кровью у него на службе, настанет день, когда он выбросит тебя без единой серебряной монеты. И хорошо

ещё, если не отдаст Ба-Алу. Когда понадобилось отправить за тобой корабль, он выбрал мой, потому что я обладаю весом среди вольных капитанов. Но если бы меня захватили мурийцы, он бы засмеялся и даже капли вина не пролил, чтобы напоить мой жаждущий дух.

Мы возвращаемся; значит, что-то он проиграл. Но ради тебя самого смотри, чтобы твои новости его не разочаровали. И помни: у нас ты сможешь найти убежище.

— Почему ты предлагаешь мне службу? Ты ведь ничего обо мне не знаешь, — удивился Рей.

Тяжёлые плечи капитана поднялись и опустились в подчёркнутом пожатии.

— Почему? Не знаю. Может, потому что ты молод и моряк, как все мы. Мне не нравится Ба-Ал и красные мантии, которые каркают в его храмах. А может, потому что так я хоть немного позлЮ Кроноса. Слушай! — они услышали движение на палубе. — Пошли наверх. Кажется, я выиграл ставку. Мы в гавани.

Рею не терпелось увидеть главный порт Атлантиды. Он располагался в просторном заливе с узким входом. Дальше шёл город, не такой яркий, как столица Му, и гораздо более мрачный со своими тёмными стенами.

— Крепость Кроноса. Говорят, её нельзя взять штурмом из-за пяти стен и трёх каналов, — капитан Таут снова улыбнулся. — Но это никогда не проверялось. Мне бы сотню хороших мечей и одну-две улыбки судьбы, и тогда... тогда мы могли бы доказать, что это не так.

Рей взглянул на волчий экипаж на шкафуте судна. Моряки бросали на береговую линию голодные взгляды.

— Я тебе верю, — сказал он.

Таут рассмеялся.

— А Кронос не поверил бы. Помни, если я тебе понадоблюсь, приходи.

Пират прошёл мимо множества кораблей и бросил якорь чуть дальше за торговым причалом. Спустили маленькую шлюпку, и в неё сели два моряка. Рей кивнул капитану.

— Пусть Солнце... — он смолк, понимая, что память его

подвела. Положил руку на рукоять меча, хотя никто не бросал ему вызов.

Капитан пиратов лишь пристально взглянул на него.

— Попридержи язык, Сидик. Ты слишком долго пробыл в Му. Тут сначала наносят удар, а потом задают вопросы, если услышат такое приветствие. Иди! Но помни, мы ждём здесь...

Рей перебрался через поручень, немало удивлённый. Он тихо сидел в шлюпке, глядя на пристань, но мысли его занимал капитан Таут. Эта необычная настойчивость, неоднократные напоминания, чтобы в случае неприятностей Рей отыскал его, — к чему это? Судя по внешности, пират скорее продал бы его, как только догадался, что Сидик не тот, за кого себя выдаёт. Подозрительность — теперь необходимая защита Рея; доверчивость может слишком дорого обойтись...

На причале их ждал человек в простых доспехах.

— Откуда ты, незнакомец? — в вопросе явно слышалось высокомерие.

— Из Уйгура, — коротко ответил Рей.

— Не могут ли звать тебя Сидиком?

— Могут.

— Если тебя так зовут, иди со мной, — приказал солдат, — если же нет, ты скоро поймёшь, что опасно играть в детские игры — с теми, кто тебя ждёт.

Атлант пошёл через толпу, и Рей заторопился за ним. Вскоре перед ними встала красная стена. Они повернули и дошли до открытых ворот с острыми зубьями опускаемой решётки. Солдат поговорил со стражником, и их пропустили по узкому мосту через канал, в котором плескалась тёмная вода.

Мост закончился у других ворот, на этот раз в стене из белого камня. За ней открылся второй канал и мост через него к чёрной стене. Атлант заговорил.

— Видишь, какая защита у атлантов? Она хорошо продумана. Если враг посмеет напасть на нас, ворота

закрываются, а мосты опускаются. Ни одна армия не пройдёт здесь...

Рей вспомнил похвальбу капитана Таута, что с хорошими бойцами он показал бы жителям города, что им есть, над чем задуматься. Но самому Рею оборона показалась непреодолимой для того оружия, которое он здесь видел.

Пришлось миновать ещё две стены и последний канал, прежде чем они оказались в городе. Здания попадались трёх цветов: красные, чёрные и серо-белые. И тоже выглядели так, будто были построены как крепости, в которых предстоит обороняться.

Совсем другой народ ходил по этим улицам. Ни светлой кожи, ни роста мурийцев. Много вооружённых. Говорили они на своём гортанном языке так, словно опасались, что их подслушают, даже соседи. В столице Кроноса пахло, как не пахнет в городе, населённом обычными людьми, живущими вместе. Нет, здесь пахло страхом. Рей удивился, откуда он это знает, но был уверен в своей правоте.

Проводник привёл его на большую площадь. Прямо перед ними возвышалось массивное здание из белого мрамора, которое раньше могло служить храмом. Но выглядело оно так, словно его сознательно обезобразили и осквернили. Рей заметил, что атланты избегают к нему приближаться. Перед широкой лестницей, ведущей к этому зданию, стояли два столба, задрапированные тускло-алой тканью, теперь порванной и грязной.

Солдат рассмеялся и показал:

— Видишь храм Пламени, построенный мурийцами? Когда Тёмный пришёл к нам, наши отцы обошлись с этим храмом не больно-то вежливо.

— А почему столбы укутаны? — спросил Рей.

— Об этом говорить запрещено, — солдат быстро посмотрел по сторонам. — Пошли... — и он торопливо зашагал по площади. Им всё равно пришлось пройти вблизи обезображенного здания, и солдат указал на неровную линию на уровне груди человека, идущую по стене. На камне видны были ржавые коричневые пятна.

— Здесь стояли рождённые Солнцем и те, кто им остался верен, когда наступил конец. Они не кричали, даже умирая. Упрямцы, эти рождённые Солнцем. Детей их отдали Ба-Алу, и говорят, даже самые маленькие не плакали. Они были храбры, но и только. Никакая храбрость не защитит и не укроет от воли Ба-Ала. Теперь они все сгинули, кроме немногих, которых держат в ямах слизи и передают жрецам для экспериментов...

— А что ещё делают с теми, что в ямах слизи? — Рей больше не смотрел на стену. Он боролся с картинами, которые рисовало воображение, возбуждённое словами солдата.

— Иногда их вызывают и допрашивают. Посейдон держит их для какой-то цели. Пошли, уже поздно.

— Скажи мне, — немного погодя снова заговорил солдат. — Ты видел Му, человек из Уйгура. Правда ли, что мать-земля богата, как об этом рассказывают?

— Мне кажется, да.

— И много в ней рождённых Солнцем?

Рей решил воспользоваться возможностью посеять сомнения.

— Очень много. Они очень сильны там. Эти их древняя родина.

— Кронос пообещал отдать нам их женщин, когда мужчин отправят на алтари Ба-Ала. Мы нападём на Му, и вся их сила им не поможет. И все её богатства будут принадлежать нам, а рождённые Солнцем станут нашими рабами. Так пообещал Ба-Ал! — в голосе атланта звучала полная уверенность.

Рей сжал кулаки. Память его больше не окутывал покров тумана. С того времени как он оказался в городе, поверхностный слой воспоминаний Сидика прорвался. Подумать о том, что так обойдутся с леди Эйей... с леди Эйной...

— Это будет нелегко. Я видел мурийцев. Они хорошие воины... не дети, которых легко смести с дороги.

— Да, но у них нет Любящего, — заметил солдат. — А вон храм Ба-Ала.

В конце широкой улицы располагалось большое приземистое здание из красного камня. Но Рей успел только бросить на него беглый взгляд, как они свернули в боковую улицу и подошли ко дворцу Посейдона. Здесь атлант передал Рея офицеру дворцовой стражи.

Они прошли длинными тёмными коридорами, в которых было совсем мало окон, да и те располагались высоко и были узки, как бойницы. Потом поднялись по узкой винтовой лестнице. Во дворце было сыро и холодно, множество теней вызывали дрожь. Скорее мрачная крепость, чем дворец, никакого сходства с дворцом Ре Му. Наконец через небольшую арку они вышли во двор под открытым небом.

Офицер объявил о появлении Рея:

— Человек из Уйгура.

Рей прошёл несколько шагов, понимая, что именно сейчас проверяется его игра. Стоит ему сделать хоть небольшую ошибку, как тогда, с Таутом, и это будет означать его смерть. Он — Сидик, и должен быть только Сидиком. Другого выхода у него нет.

— Ну, где он, где он? — капризно спросил кто-то. — Пусть он подойдёт, чтобы я его увидел, Магос.

— Иди сюда, человек из Уйгура, — раздался приказ. Рей вышел на свет солнечного заката.

— Ты опоздал, — пожаловался первый голос.

— Пришлось задержаться, Грозный Повелитель, — осторожно ответил Рей.

— Иди! Иди сюда!

Рей приблизился к золотой кушетке и опустился на колени, склонив голову. Он надеялся, что выглядит как самый покорный и испуганный слуга.

— Подними голову! Я хочу посмотреть, что ты за человек, Сидик из Уйгура!

Это был сам Кронос, Посейдон Атлантиды, каким американец и видел его во сне. Нет, сейчас опасно вспоминать это, сейчас, здесь, в этом обществе.

Маленькие глазки на опухшем лице с толстыми щеками

прятались под завитыми и надушенными курчавыми волосами; жирные руки двигались величественными жестами; время от времени они подносили к надутым губам сладости, которые грудой лежали на блюде на маленьком столике сбоку. За правителем застыл жрец в красной мантии, с бритым черепом, с очень яркими глазами. Рей подумал, что его следует опасаться больше, чем Посейдона, которому тот поклялся служить.

— Желает ли Грозный услышать слова своего раба? — Рей следовал официальной формуле, которую его заставили заучить.

— Он может говорить сейчас, Магос? — спросил Кронос у жреца.

— Это сбережёт нам время, Грозный. А если ты сочтёшь необходимым, он повторит свой доклад позже на совете.

— Ну, говори, человек из Уйгура.

— В соответствии с приказом, отданным твоему рабу, я отправился в Му, — начал Рей. Слова всплывали легко, словно записанные в его мозгу, и теперь слова правителя их высовоободили.

Посейдон поёрзал на своих подушках.

— Да, да! — нтерспеливо перебил он. — Но какая у них защита?

И снова слова пришли к Рею.

— Все береговые форты усилены, призваны резервы. Флот отозван, он получает пополнение людьми и кораблями, чтобы потом отправиться в западное море...

— Всё это мы уже знаем, глупец! Неужели у тебя нет для нас ничего нового? А как насчёт дела, которое ты должен был специально разузнать?

— Твой раб подкупил послушника в храме... они кое-что знают...

— Ах, так? Им известно о Любющем?

— Да. Наакалы прошли через завесу тьмы и видели Любящего... — по-прежнему слова у Рея возникали сами собой, он знал, что это не его речь; ему были внушены

ответы именно на такие вопросы. Хотя с какой целью, он не знал.

Кронос сжал руку в кулак и ударил по подушке.

— Вот как... — он капризно посмотрел на жреца. — Ты говорил, что этот занавес невозможно пройти, а его преодолели. Неужели наакалы настолько сильнее вас?..

— Грозный! — Красная Мантия сделал предупреждающий жест, указывая на Рея. Но если жрец не хотел, чтобы здесь обсуждались эти проблемы, его хозяин не пожелал молчать.

— Значит, наакалы сильнее вас? — повторил он резким голосом.

— Как я тебе говорил, — заявил жрец спокойным уверенным голосом, — ни одно сознание, рождённое в Му, не может проникнуть сквозь этот занавес. Но мы кое-что почувствовали. Если они проникли в храм...

— Если! — прервал его Кронос. — Конечно, проникли. Ты... У них есть защита от Любящего? Что сказал этот твой щенок-жрец?

— Они работают над ней, Грозный Повелитель. Но он смог узнать только, что это луч чёрного света, — откуда приходят к нему эти слова? Рей хотел зажать рот, заглушить собственный голос. Но голос больше не принадлежал ему; им пользовался кто-то другой. И в Рее проснулся новый страх. — Послушника раскрыли и взяли до того, как он узнал больше. Твоему рабу едва удалось бежать...

— Луч чёрного света, — задумчиво повторил Магос.

— Ты о нём слышал? Что это такое? — спросил Кронос.

— Мне нужно посмотреть в записях, — жрец дал уклончивый ответ. — Что ещё ты можешь нам сообщить? — он как будто хотел отвлечь внимание Кроноса от этой темы.

— Уйгур колеблется, — услышал Рей собственный голос. — Он больше не готов встать на защиту матери-земли, как верят в Му...

— Хорошо! Хорошо! — Кронос довольно присвистнул.

— Видишь? — он повернулся к жрецу. — Семена, посаженные нашими агентами, прорастают. Скоро они

принесут плоды. В назначенный день Му обратится за помощью к союзникам, и никто ей не ответит. Она останется одна и станет нашей лёгкой добычей.

— Скажи мне, — снова обратился жрец к Рсю, — слышал ли ты, будучи в Му, о незнакомце, который в последнее время пользуется вниманием Ре Му? О человеке не из Му, а издалека, обладающем странными силами?

— О нём говорят, — Рей по-прежнему представлял собой лишь орудие в руках тех, кто послал его сюда. — Но верно ли это, твой раб не может сказать. Жители говорят, что Ре Му и наакалы призвали себе на помощь силы извне... извне... — тихо повторил он.

Кронос резко сел, и подушки полетели на пол.

— Может ли это быть правдой? — он снова ожидал ответа от Красной Мантии.

— Кто может сказать, Грозный? Слухи ходят о многом, но в них мало правды. Однако это логично: мы позаботились о себе, и помощь пришла не из того мира, который мы знаем. Может, и наакалы тоже позвали на помощь. Это объясняет, почему оказался пройденным занавес... так они смогли использовать призванного.

— Неужели он сильнее нашего? — спросил Кронос.

— Мы призвали из Тьмы, они обратились к другим силам — если это действительно произошло. И можно ли сказать, кто сильнее, пока они не встретятся в битве? Но кто бы ни встал под знамёна Му, у нас есть Любящий и его родичи, которые постоят за атлантов. Ты ещё что-нибудь об этом знаешь? — спросил он у Рся.

— Нет, сын Ба-Ала! В городе ходит много слухов. Но, как ты сам сказал, не во всех слухах найдётся доля правды.

— Но и этого достаточно, чтобы мы подготовились. Человек из Уйгура, ты нам хорошо послужил. Верно, Грозный? — спросил Магос у Посейдона.

Казалось, вопрос оторвал правителя от какой-то мысли.

— А... о, да-да. Ты можешь идти. Офицер покажет отведённое тебе помещение.

Рей попятился, по-прежнему на коленях, и не вставал,

пока не добрался до двери. Но он заметил, что Посейдон и жрец зашептались, и ему показалось, что Магос успокаивает своего хозяина.

Глава 12

Рей опирался на широкий подоконник. В верхнем этаже дворца окна были шире, чем бойницы внизу. Ночь, но в гавани мерцало много огней. Его поселили в крепости настолько высоко, что он мог заглянуть за её стены.

Где-то там пират, на котором он сюда приплыл. Рей вновь думал о неожиданном предложении капитана Таута в случае необходимости искать помощи на его корабле. Почему капитан говорил об этом, и не один раз, а несколько?

Ему выделили совершенно пустую, почти не меблированную комнату. Кажется, Посейдон не очень-то заботится о своих верных слугах. Четыре красные стены, пыльный пол, рваная койка, скамья... Даже одежду у Рея отобрали, на нём теперь был мундир младшего офицера армии атлантов. Но хоть не заперли, как он этого ожидал. Надвечёрный шлем без гребня, Рей вышел в тихий коридор. Коридор выглядел так, словно им и вообще этой частью большого дворца пользуются очень редко. Но Рею это подходило.

Он прошёл в другой, лучше освещённый и заполненный коридор внизу. На скамьях в его дальнем конце сидели солдаты и младшие офицеры. Рей слышал гул их голосов, изредка смех. Но у него не было желания присоединиться к их обществу. Однако несколько слов привлекли его внимание.

—...мурийцы. Да, сегодня вечером. Редкое зрелище в зале аудиенций.

Мурийские пленники! Он должен их увидеть. Это... это ещё одно проявление воли, которая управляла им во время встречи с Кроносом. И сопротивляться ей было невозможно.

Гулко ударил гонг, атланты у двери построились и пошли. Рей безрассудно встал в конце отряда.

Вот и красный зал, который он видел в своём путешествии во сне, и на золотом троне снова сидит Кронос. Рей задержался за колонной, приняв застывшую позу стражника, надеясь, что на него не обратят внимание. Посейдон поднял скипетр, символ власти, данный первому правителю Атлантиды здесь, на востоке. Когда-то император Му вручал этот бронзовый трезубец. Шум в зале стих.

— Пусть приблизятся Двенадцать Дающих Законы! — в огромном зале голос Кроноса прозвучал резко, ему не хватало достоинства, к которому он, несомненно, стремился. Двенадцать человек заняли места, по шесть с каждой стороны трона.

— Слушайте, люди Атлантиды! Такова воля Посейдона, любимого Ба-Алом. Через двенадцать дней, на третий день месяца убивающего ветра, флот Атлантиды выступит к земле, которая ложно называется матерью. Му, наш угнетатель, подчинится огню и мечам. Так сказано и так будет записано...

Двенадцать подняли руки.

— Такова ли ваша воля, представители провинций? — спросил Кронос.

— Да, Грозный, — ответили они, как один человек.

— Да будет так. И слово закона не может быть изменено.

Все в зале пропели в один голос:

— Таков закон, и слово закона не может быть изменено.

Кронос чуть склонился вперёд. Облизал бледным языком выпяченные губы, словно готовясь насладиться новым изысканным блюдом.

— Приведите мурийских крыс, которые уже попали в наши сети!

Рей увидел, как из противоположного конца зала вышел отряд, между солдатами брели десять человек, закованных в цепи. Пленники с трудом держались на ногах. Они были сплошь выпачканы какой-то зелёной слизью и могли идти, только помогая друг другу. Но когда их поставили перед

Кроносом, они не приветствовали его и держали головы высоко поднятыми.

— У вас как будто ещё сохранился дух. Наверное, наше гостеприимство было слишком щедрым, — усмехнулся Кронос.

Один из пленников ответил хрипло и с трудом:

— Что тебе нужно от нас, ложный повелитель?

— Может, пора сказать не «ложный», а «истинный» и сменить службу?

Рей знал, что это не настоящее предложение, а грубая насмешка. А муриец покачал головой.

— Мы предлагаем свободу и честь всем, кто присоединится к нам, — с улыбкой продолжал Кронос.

— Честь! — ответ мурийца прозвучал резко и с издевкой.

Щеки Посейдона побелели.

— Вот как, — теперь уже злоба в его голосе слышалась совершенно отчётливо. Он долго молчал. Магос потянул правителя за рукав. И Кронос кивнул красной мантии.

— А, Магос. Да-да, помню. Тебе нужны люди для лабораторий, верно?

Рей услышал короткий приглушённый взглас одного из пленников. Остальные молчали.

— Магосу и Ба-Алу нужны люди, сильные люди. Можешь получить их, Магос. Они как будто сильны, так как им хватает духа так стоять перед нами. Может быть, я приду взглянуть, как ты их используешь. Мне говорили, это интересно.

Теперь Рей знал, зачем послала его сюда та несгибаемая воля. Но может ли он — один человек — совершить такое? Пока же приходилось наблюдать и ждать, быть готовым использовать малейшую возможность. Его ли эта мысль или опять действует чужая воля? Слишком рискованно полагаться на случай...

Пора! Они двинулись мимо него. Он стоял неподвижно, как статуя, в тени колонны и смотрел, как проходят пленники и стража. Потом воспользовался случаем и пристроился в хвосте процессии. Окружающие ничего не

заподозрили. Они готовы к попытке побега пленников, а не к помощи извне в самом сердце дворца Кроноса.

Вверх по лестнице... да, этот путь ведёт в крыло, в котором расположена и его комната. Американец быстро поднялся, вошёл в свою комнату и оставил дверь приоткрытой. Отсюда ему было видно продвижение отряда в дальнем конце коридора. Вот... они поместили пленников... снаружи выставили часового...

Рей одним рывком стащил покрывало с койки и подождал, пока стража пройдёт мимо. Потом выскользнул из двери и добрался до следующей ниши. Достал из сумки на поясе две квадратных металлических монеты, какими его снабдили, и бросил на пол. Они с громким звоном ударились о камень, и часовой подошёл посмотреть.

Американец ударил его ребром ладони в горло между нагрудной бронёй и шлемом. Подхватил атланта, прежде чем тот упал, и беззвучно опустил на пол. Потом накрыл неподвижное тело покрывалом и быстро втащил в свою комнату свёрток с потерявшим сознание человеком.

И только тогда подбежал к двери, которую охранял часовой, и открыл наружный запор. Предводитель муррийцев, тот, что говорил с Кроносом, взглянул на него.

— Что... кто ты?..

— Пошли! — Рей занялся цепями, используя ключ, снятый с пояса часового. Но муриец отшатнулся от него.

— Ложная надежда... новая попытка. Не поддавайтесь, друзья...

— Я вас освобождаю... — раздражённо прошипел Рей. Нужно действовать быстро; сейчас не время споров.

— Кто ты?

— Я из Му.

— Легко сказать, но трудно доказать.

— Может, решишься довериться мне? Или подождёшь удовольствий Магоса? — спросил Рей. — Раздумывать некогда...

— Он прав, — согласился один из пленников. — У нас будут свободны руки, мы уйдём из этой комнаты и уж

постараемся, чтобы нас захватили только мёртвыми. Для меня и этого достаточно!

— Это наша единственная надежда. Даже если доберёмся до гавани, там нет корабля. А уходить в глубь суши глупо...

Рей вспомнил о Тауте. Очень сомнительно, но это всё, что у него есть.

— Возможно, и корабль найдётся. Пошли!

Они осторожно вышли в коридор. Предводитель мурийцев остановился и поднял меч, который выронил часовой.

— Знает ли кто-нибудь этот дворец? — спросил Рей. — Я только сегодня появился здесь...

Один из пленников вышел вперёд.

— Меня посылали сюда и раньше, но Магос меня не использовал, — он не мог сдержать дрожь худого тела. — Могу провести к выходу.

— Тогда вперёд!

Но шли они медленно, постоянно прислушиваясь. Проводник направился не к лестнице, по которой раньше спустился Рей, а провёл отряд в боковой зал и дальше по более узкому спуску, неожиданно остановившись возле двери.

— Караульная стражников, которые служат Магосу, — прошептал он. — Там, возможно, есть оружие...

Рей протиснулся мимо мурийцев. Внешне он походил на любого из дворцовых стражников и мог войти без задержки. Он открыл дверь. На него удивлённо взглянули три человека.

— Вы! — Рей постарался говорить властно. — Вставайте! Мурийские пленники сбежали!

Двое стражников продолжали смотреть на него. Третий вскочил.

— Как?

Рей нетерпеливо ответил:

— Откуда мне знать? Приказ всем искать их.

Но стражник настороженно следил за ним.

— Тревоги не было...

— Ещё не успели. И неужели нужно предупреждать их о погоне? Пошли...

Двое, что ничего не спросили, послушно направились к двери, а третий повернулся и протянул руку к молоту у гонга. Но Рей ударил раньше, резко и точно, как и в верхнем коридоре. Не стал ждать, когда жертва упадёт, но пнул ближайшего стражника, свалив его с ног, в то же время заметив, что муриец мечом прикончил того, что успел дойти до двери. Секунду спустя все мурийцы оказались в помещении и принялись снимать со стражников оружие и одежду. Нашли и другое вооружение, может, принадлежавшее свободным от вахты солдатам, и скоро больше половины мурийцев переоделись в мундиры стражи.

Когда они были готовы, Рей заговорил:

— Мы должны теперь съехать. Я команду отрядом. Мы доставляем рабов на корабль в гавани. Но у нас ещё одно поручение — арестовать капитана Таута — пирата из Северного моря, которого подозревают в измене. Вы пленники, — кивнул он тем, кто остался в прежней одежде. — Сможете выдержать это?

— Лорд, выдержим! — в ответе прозвучала свирепая решимость. Плохо придётся тем, кто сегодня встанет у них на пути. Рей сорвал гонг, подающий тревогу, и прихватил его с собой. Двух потерявших сознание стражников связали и сунули под стол, а мертвеца спрятали за дверь, где его трудно будет заметить.

Потом отряд выстроился в коридоре. Рей был поражён. Эти люди совсем не походили на солдат Кроноса, и неожиданно они ими стали! Длинные волосы убрали под шлемы, отрепья сменили на мундиры, а в полутьме лица их было трудно разглядеть. Шагали же они как хорошо обученные солдаты.

С поднявшейся уверенностью Рей отдал приказ выступать. Между стражниками шли теперь четыре пленника, держа за спиной руки, так что они казались связанными. Отряд вышел во двор и здесь впервые встретился с часовы-

ми. Веди себя уверенно, по крайней мере внешне, приказал себе Рей.

— Кто идёт? — спросил стражник у ворот, к которым Рей подвёл свой отряд. Это был не главный вход во дворец, но боковой; муриец-проводник предложил воспользоваться им.

— Командир Сидик по приказу Посейдона, — ответил Рей. Во рту у него пересохло, трудно даже стало говорить, и слова его звучали хрипло и низко. Наверное, так больше походило на речь атлантов, хотя Рею показалось, что слышны были и удары его сердца.

— Куда?

— Дело на пристани. Мне бросать приказы ветру? — он позволил себе лёгкий приступ гнева, почти уверенный, что здесь их везение кончится. Придётся сражаться. Но часовой знаком велел им проходить.

Они быстро зашагали. Рею страшно хотелось перейти на бег. Он в любую минуту ожидал услышать сзади окрик или удар гонга. Гонг, который он прихватил из караульного помещения, полетел в ближайший куст.

Они оказались на городских улицах. Стояла ночь, и потому улицы были пусты. Но им предстояло ещё миновать пять стен и пересечь три канала. Глупо ожидать, что им будет продолжать так поразительно везти. Он поделился этим с мурийцами.

— Вот в чём дело, — заметил их предводитель. — Они ждут неприятностей снаружи, а не изнутри, и если во дворце не поднимут тревогу... Ну, — он пожал плечами, — мы можем попытаться.

Они зашагали дальше, миновали разрушенный храм Пламени, вышли на нижние улицы и наконец оказались перед первыми воротами в стене. Рей подошёл к часовым.

— Кто идёт?

Рей почувствовал, что они не насторожены и не удивились, увидев отряд.

— Командир Сидик по приказу Посейдона.

— И каков твой приказ, командир? — по-прежнему ни

следа тревоги, ни признака, что это не обычные вопросы стражи у ворот.

— Доставить рабов-гребцов в гавань. И арестовать капитана-пирата... — даже ему самому этот блеф показался слабым.

— У тебя есть письменный приказ, командир?

Вот оно! Рей подошёл на шаг ближе.

— Конечно. Хочешь взглянуть? Вот... — американец приблизился ещё на шаг, будто к свету, и протянул руку. Офицер двинулся ему навстречу. Рей ударил другой рукой, подхватил падающего человека и развернул его. К горлу атланта уже был приставлен кинжал с пояса Рея.

— Вы... — начал он, обращаясь к остальным стражникам.

— Давайте! — услышал он негромкий приказ предводителя мурийцев. Люди из его отряда набросились на стражников. Те были сметены, лишь один успел сдавленно вскрикнуть. Мурнец отдал приказ, и упавших утащили с виду. Он повернулся к Рсю.

— Тебе он нужен?

— Он может послужить ключом к нашему выходу.

Мурнец приподнял безвольно опущенную голову офицера.

— Он без сознания...

— Придёт в себя, — заверил его Рей. — Но пошли дальше...

Они прошли ворота, закрыли их за собой и заклинили. Рей шлёпнул офицера по лицу, а один из мурийцев принёс из караульной воды и плеснул на атланта. Тот ахнул, открыл глаза. Рей зажал ему рукой рот, чтобы тот не смог крикнуть. И снова коснулся кинжалом горла.

— Ты пойдёшь с нами, — медленно, чтобы тот понял каждое слово, проговорил он, — и будешь делать то, что я скажу. Тогда будешь жить. Но если не послушаешься — что бы с нами ни случилось, ты об этом не узнаешь. Понял?

Тот кивнул.

— Давай, — Рей опустил руку и развернул атланта,

теперь они стояли рядом. Но предводитель мурийцев встал позади и прижал острис меча к спине пленника.

— Пошли, — приказал Рей.

И они замаршировали ко вторым воротам, а по пути Рей шёпотом отдавал приказы пленнику. Послушается ли тот, это ещё предстояло узнать. Но Рей не сомневался: атлант понимает, что имеет дело с людьми, которые выполняют свою угрозу.

— Кто идёт? — донёсся вопрос от вторых ворот.

Пленник откашлялся и ответил:

— Командир Ву-Хан. По приказу... провести этого командира с его отрядом в гавань.

Наступила тишина, Рей услышал лёгкий звук и почувствовал движение Ву-Хана, к телу которого сильнее прижали острис.

Если у часового и возникли сомнения, он их не высказал. Возможно, Ву-Хан действительно окажется ключом. Но проходя через вторые ворота, Рей знал, что сможет вздохнуть свободнее, только когда они окажутся в гавани.

Третьи ворота, следующий мост, мурийцы идут строем, Ву-Хан исполняет предназначенную ему роль. Четвёртые ворота, ещё один мост. Слишком хорошо, всё идёт слишком хорошо. Внутри Рея зазвучал сигнал тревоги. Кто мог подумать, что им это удастся?

Последний мост, а за ним — последние ворота. По-прежнему никакой тревоги, при помощи Ву-Хана они прошли совершенно свободно. Но хорошо, что они не слишком понадеялись на удачу, потому что на середине узкого моста над мутным каналом атлант неожиданно бросился всей своей тяжестью на Рея, одновременно закричав. Американец успел среагировать только потому, что они шли рядом и он почувствовал, как напряглось тело офицера. Рей рванулся вперёд, и атлант, вместо того, чтобы сбросить его в воду, сам с криком упал туда. Предводитель мурийцев, перескочив через Рея, побежал к воротам, позади раздался крик, мост задрожал. Часовые у ворот поднимают

мост и раздавят беглецов между ним и спускающейся решёткой.

Рей вскочил на четвереньки, подниматься на ноги у него не было времени. Кто-то потащил его за плечи, и он оказался у разрыва в мосту, который уже начали поднимать.

Но половина отряда успела миновать это место и сражалась у ворот, и только поэтому остальные сумели перепрыгнуть с дрожавшего конца на безопасную площадку. Мосты предназначались для того, чтобы остановить нападающих, а не как препятствие для беглецов, у ворот оставался карниз. На него они и спрыгнули.

Они пробились через ворота и только тут услышали сигнал тревоги. Оказавшись на тёмной дороге, все побежали к морю.

— Куда теперь? — спросил предводитель мурийцев.

— Плавать все умеют?

В темноте послышался смех.

— Мы все с флота.

— Тогда к воде.

Они бежали, придерживаясь теней, пробегали мимо груд ящиков и корзин на пристани. Рей на секунду остановился, осматриваясь. На пути отсюда он запомнил корабль флота, который должен помочь ему найти стоянку Таута.

— Стража!

Ему не требовалось предупреждение, он сам услышал тяжёлый топот и крики.

— К воде...

Все сбросили доспехи. Те, что выдавали себя за рабов, уже нырнули и плескались в воде, поджидая остальных. Море было холодное; Рей ахнул, погрузившись в воду. Потом поплыл, зная, что мурийцы последуют за ним. Но он совсем застыл, когда добрался до верёвки, свисавшей с борта корабля. На мгновение замер, потому что каждое движение давалось с трудом, и потому что надеялся получить сигнал сверху от дежурного. Но долго ждать было слишком опасно. Придётся действовать так же безрассуд-

но, как всю эту ночь. Он поднялся, осторожно перебрался через поручень и ступил на палубу.

— Стой спокойно, приятель! — фонарь осветил обнажённое лезвие и тёмную фигуру, державшую его.

Рей узнал этот голос.

— Капитан Таут!

— Глубоководная змея! Никак Сидик будто бы из Уйгура... — послышалось в ответ, но лезвие не исчезло, оно по-прежнему готово было нанести удар.

— Явился по твоему приглашению, капитан...

— Вместе с целой сворой, — фыркнул Таут. — А ещё что?

Даже сюда доносился шум в гавани.

— Что за змеиное яйцо ты тронул, человек из Уйгура, и какое мне до этого дело?

— Какое дело, не знаю, — так же резко ответил Рей. — Но ты сам предложил мне убежище. Можешь отправить нас... или часть нас... назад в руки стражи Кроноса. Но предупреждаю тебя: это будет нелегко. Или... — он помолчал, прежде чем выстрелить вслепую, — или можешь дожить до того, когда поведёшь своих людей во дворец Посейдона с обнажённой сталью в руках.

— Так. У тебя готов план, и ты хочешь, чтобы пираты выполнили грязную работу. Вы... кто вы такие, что являетесь ко мне на палубу без спроса и приглашения? — ворчал он, встречая поднимающихся из воды мурийцев. Те выстроились за Ресем, у всех в руках мечи, которые они не бросили и в воде.

— Грязная работа, как ты говоришь, капитан, уже сделана. Помоги мне, и у тебя появится могучий союзник...

— Му! — утверждение, а не вопрос. — И что предложит мне Му за то, что я потащусь за полмира?

— Включение в её армию, прощение всех прошлых грехов, возможность разбогатеть в Атлантиде...

— У тебя есть полномочия на всё это? — прервал его Таут.

Рей достал из-под одежды браслет.

— Возми это. Вместе с этими людьми — в Майакс. И увидишь, что будет выполнено всё, что я обещал.

— Ты очень уверен в себе..

— И в тебе! — смело ответил Рей. Настало время, когда нужно использовать самые невероятные возможности, других всё равно не будет.

Он увидел вспышку света на лезвии. Капитан сунул оружие в ножны. И американец услышал, как Таут рассмеялся.

— Клянусь железными когтями Ба-Ала, если ты сумел вывести ночью десять мурийцев из города, я сумею вывести их из гавани. И, если позволит бог моря, твои люди вступятся за меня в Майаксе, чтобы нас не затопили недруги.

— Вступятся.

— А ты?

Рей потёр рукой лоб. Он чувствовал не боль. Знание, холодное и чёткое. Он не может участвовать в рывке Таута на свободу. Та воля, что привела его в Атлантиду, всё ещё не отпускала.

— Я ещё не закончил здесь свои дела, — медленно прошептал он, зная, что говорит правду.

— Но ты возвращаешься на верную смерть, — возразил офицер-муриец.

— У меня нет выбора, — голос Рея звучал уныло. — Когда вернётесь к матери-земле — если вернётесь, передайте, что там действительно подготовили оружие для службы себе.

— Если ты должен остаться, — вмешался Таут, — иди к парусному мастеру. Его мастерская возле винной лавки в конце третьей верфи. Назови ему моё имя. Может, получишь помощь.

— Мы вернёмся с тобой... — начал один из мурийцев.

Рей покачал головой.

— Му пригодятся десять мечей и люди, владеющие ими. Вы теперь знаете город и его защиту.

— Это верно, хотя признавать трудно, — согласился

офицер. — Но помни! Когда вернёшься в город Солнца, у твоего знамени будут ждать десять верных бойцов, лорд. И пусть Пламя озарит твою тропу!

Рей повернулся к лестнице, ему хотелось побыстрее уйти, хотя на этот раз он, возможно, идёт прямо в руки Ба-Ала.

Глава 13

Рей вцепился в сваю под пристанью. Он слышал голоса, хотя слов различить не мог. И знал, что охота началась. Корабль пирата из укрытия ему не был виден. Сможет ли Таут выйти в море? Ему придётся прорваться сквозь весь флот. Да и попытается ли он? Слишком легко перешёл Таут на сторону Му, и это вызывало у Рея подозрения. Может, тот просто дождался ухода американца, а теперь призовет стражу и сдаст ей мурийских пленников. Но если таков его план, зачем он дал уйти Рею? За него он получил бы ещё большую награду.

Но атланты могут решить, что он приведёт к другим контактам с мурийцами в городе, и захотят выследить его... Однако ведь сам Таут дал ему связь. Впрочем, у этого парусного мастера его может поджидать стража...

Он ещё плотнее втиснулся в узкую щель, но не мог перестать дрожать, и не только от холода и промокнутой одежды. Почему он вернулся... что послало его? Превратив его в Сидика, наакалы каким-то образом одновременно внедрили ему в сознание ряд приказов. И он не понимал этих приказов...

Шум над головой прекратился. Должно быть, начали поиски в другом месте. Рей поплыл назад, но не к тому причалу, с которого они уходили, а к другому, немного западнее. Куда идти теперь? Пытаться вернуться в город всё равно что подойти к ближайшему стражнику с поднятыми руками. А он так устал, что хотелось только заползти в какой-нибудь тёмный угол и хоть немного поспать.

Сейчас его положение слишком ограничено. Рей сомне-

вался, чтобы он смог уйти, если на него внезапно нападут. Лучше выбраться на открытое место, где, возможно, появится шанс. Он неуклюже передвинулся вдоль одной из верхних балок, перешёл к другой, пробираясь к настилу, а вода вокруг лениво плескалась. Он часто останавливался и прислушивался к шуму наверху или к звукам вёсел в гавани.

Подождав немного, юноша наконец выбрался на пристань. Тут лежали груды тюков, он поспешил перебежать к ним и втиснулся в щель между двумя грудями. Они защищали от ветра, но Рей всё равно дрожал. Должно быть, он задремал, не сознавая этого, потому что вдруг увидел в щели между тюками не тьму, а серость и услышал шаги. Утро? Идут портовые рабочие?

Рей выбрался из убежища со стороны моря, готовый в любой момент нырнуть в маслянистую воду, если потребуется. Впервые взглянул он на себя, пытаясь определить, какое впечатление произведёт, если выйдет к людям.

Когда они прыгали в воду, он оставил на берегу юбочку, шлем и латы стражника. Теперь на нём оставалась только нижняя рубашка, но такая грязная от пребывания в не слишком чистой воде гавани, что напоминала рабочую одежду. Сапоги — он хмуро взглянул на обувь. Нет, от них отказаться он не может. Остаётся понадеяться, что они не похожи на форменные.

В качестве оружия у него были только кинжал и две руки. Он оценивающе посмотрел на них. В стране, в которой неизвестны те виды единоборств, каким он научился в своём мире, руки служат лучшим оружием защиты, чем сталь. Он потёр их о грязную одежду.

Он рёлоден, в животе нылю. Облизав соль с губ, Рей постарался не думать об еде.

— Подставляй спину, медуза! Думаешь, груз можно сдвинуть взглядом?

Крик сопровождался щёлканьем кнута. Рей вздрогнул, готовый прыгнуть в пенистую воду. Но вместо этого пробрался к краю горы тюков и выглянул. В сопровождении надсмотрщика с бичом по гавани шагала группа рабочих.

Вероятно, рабы, подумал Рей. Если не считать того, что на них верёвочные сандалии, а на нём сапоги, большой разницы между ним и этими сумрачными сутулыми работниками нет.

Но если он присоединится к этой группе — заметят ли его? Возможно, надсмотрщик внимательно следит за рабами и так же быстро заметит, что один лишний, как заметил бы отсутствующего. Лучше не пробовать.

Рей добрался до конца пристани и нашёл место, откуда можно выбраться на набережную. Тут расположился целый штабель ящиков, которые грузили в повозки, и длинная цепь грузчиков ждала своей очереди. Рей подождал в тени. И заметил худого человека с лицом, наполовину скрытым растрёпанной бородой. Одетый в рваную тунику, он тоже старался не попасться на глаза надсмотрщику; взгляд его метался между ящиками и тем, кто присматривал за погрузкой. Но вот человек быстро встал в хвост очереди и вскоре подошёл, чтобы взять ящик. Однако не побрёл за предыдущим, а побежал в сторону с ящиком в руках.

Рей воспользовался возможностью, которую давал ему этот отчаянный поступок.

— Вор! Держи вора! — американец не знал, так ли полагается кричать в подобных обстоятельствах. Но в ответ услышал крик надсмотрщика. Несколько человек бросили свои грузы и побежали за вором. Рей присоединился к ним, будто бы догоняя бегущего, который метался между повозками и грузчиками. Потом увидел приветливый дверной проход и нырнул в его тень. Дверь подалась, когда он навалился на створку, и пропустила его.

Здесь было темнее, чем ранним утром снаружи. Много дурных запахов, но пахло и едой, и у Рея свело живот. Он шёл тихо, задерживаясь на секунду у каждого дверного занавеса. Слышались негромкие звуки, шорохи, скрипы — достаточно, чтобы понять, что дом обитаем. Так Рей добрался до конца коридора, никого не увидев. Здесь нашлась ещё одна дверь со внутренним затвором. Он осторожно отодвинул его.

За дверью открылся узкий переулок, усеянный мусором. Рей оглянулся справа налево. Человечество за столетия не меняется. Это мог быть задний двор любых трущоб. Некоторые запахи слегка экзотичны для его времени, но и только.

В переулок выходило множество окон. Но заинтересуется ли им тот, кто выглянет?.. В таком районе люди занимаются своими делами, ничего не видят, ничего не слышат, если это их не касается.

Пробираясь сквозь груды мусора и отбросов, Рей уже почти добрался до конца переулка, как застыл на месте. Стон? Вроде бы стон. И послышался он из-за той гнилой корзины, полной мусора. Рей прижался к стене и пнул грудку разлагающихся отходов.

У него были только одна-две секунды, чтобы пожалеть о своей глупости. Из-за корзины на него набросился человек с ножом в руке, блеснувшим ярко, как солнце. Хорошо подготовленный к таким внезапным нападениям, Рей уклонился. Рука его сомкнулась вокруг запястья, нож отлетел к стене, но чуть с опозданием.

Рей прижал руку к боку. Не в сердце, но просто потому, что повезло. Он чувствовал, как тёплая кровь течёт по рубашке. Но серьёзна ли рана, осмотреть не решился. Не болит пока, и то хорошо.

Он наклонился и подобрал нож, который выронил противник. Держа его в руке наготове, носком ноги толкнул расслабленное тело. Должно быть, напавший ударился головой о стену...

Тело перевернулось на спину, но голова странно свесилась на бок, под необычным углом к плечам. У Рея перехватило дыхание. Умер, подумал он. Сломана шея. Атлант был молод, почти мальчик, очень худ, кости отчетливо проступали под жёлтой прыщавой кожей. Одежда у него была получше, чем у рабочих в гавани, и пояс с сербрыными пряжками. А на нём сумка.

На пальцах два кольца, и серьга в ухе. Вор... вероятно, удачливый. Может, этот трюк не раз срабатывал в про-

шлом. Стон, словно он сам жертва нападения, привлекал внимание тех, кто не заботится только о своих делах. И можно уходить с добычей, доставшейся от слишком любопытного или глупого зеваки.

Рей сильнее прижал руку к боку. Рана начала жечь. А ему нельзя допускать, чтобы даже лёгкая рана осталась необработанной. Прислонившись к стене, он осмотрел порез. Юноше показалось, что он неглубокий, скорее помеха, чем настоящая рана. Но всё равно нельзя терять кровь, чтобы не ослабеть и не привлекать внимания тёмными пятнами на и так грязной одежде.

Это не оставляло выбора. И он принялся за работу.

Немного погодя Рей уже выходил из переулка с большей уверенностью, чем входил в него. Сапоги и туника, которые могли выдать лазутчика мурийцев, исчезли. На нём теперь была коричневая одежда мёртвого вора, а рану под ней плотно стягивали обрывки рубашки. Обувь, похожая на мокасины, чуть велика, но это лучше, чем если бы она была мала. И ещё сумка с серебряными монетами. Больше ничего не связывало его с Сидиком из Уйгура.

Топот ног сзади... Рей заметил, что прохожие оглядываются, некоторые скрылись в дверях. Он решил, что благоразумнее последовать их примеру, хотя и не допустил ошибки, оглядываясь через плечо, чтобы увидеть, от кого все прячутся.

Судьба и нос привели его во что-то вроде таверны. В ней остро пахло кислым вином и едой. Раньше смесь таких запахов могла бы вызвать у Рея отвращение, теперь же ему просто хотелось есть. Из таверны была хорошо видна улица. По мостовой маршировал отряд солдат, вот они остановились у входа, и Рей понял, что на этот раз судьба подвела его. Придётся подвергнуться проверке. Он осмотрелся.

Три стола со скамьями по обе стороны. И дверь, ведущая в другую комнату или комнаты, оттуда доносился запах пищи. В зале находилось только два посетителя.

Один выглядел так, будто провёл здесь всю ночь. По-

ложив голову на руки, он громко храпел. Видно, осушил слишком много стаканов, последний ещё валялся рядом с ним на столе. Его пальцы расслабленно лежали на стекле.

Второй сидел за другим столом лицом к Рею. На нём была такая же куртка в пятнах от солёной воды, какая была на Рее, когда он играл роль Сидика, и он жадно ел, набирая ложкой подливку и откусывая большие куски хлеба, который держал в левой руке. Но Рей заметил, как он бросил быстрый взгляд на солдат снаружи, и решил, что посетитель вовсе не так уж заинтересован в еде, как старается показать.

Из внутренних помещений вышла женщина. Её перевязанные кожаными ремешками волосы были собраны на голове в нелепом подобии сложных причёсок, которые Рей видел у женщин при дворе Посейдона. Платье без рукавов, с кружевами спереди от верха до пояса мешком висело на её костлявой фигуре. Подрубленное на уровне середины икр, когда-то оно было ярко-оранжевым, но теперь поблекло и испачкалось.

Жирное и распухшее лицо как-то не соответствовало худому телу, так что она представляла собой довольно странную картину. Словно чужая голова приставлена к телу. Руки пониже плеч обхватывали широкие медные кольца, в одну ноздрю был вставлен позолоченный гвоздь.

Она опёрлась кулаками на стол перед Реем, наклонилась и спросила:

— Что закажешь? — говорила она, нелепо заывая, и Рей едва догадался, что она говорит, так сливались слова.

— Еду... вино... — он не знал, какие блюда можно заказывать в таком заведении. Рей показал на другого обедающего. — То же, что у него. Если готово.

Её хмыканье можно было принять и за согласие, и за отрицание. Однако хозяйка повернулась и направилась внутрь. Но ещё до того, как она успела дойти до двери, послышался резкий звук, и все повернулись ко входу.

В проёме двери стоял командир отряда, за ним два солдата. У офицера был вид человека, который знает, что

ему нечего опасаться сопротивления. Требуя внимания, он ударил мечом плащмя по ближайшему столу.

Вот оно, подумал Рей. Он измерил расстояние между собой и дверью во внутренние помещения, но на пути стояла женщина. К тому же он не был уверен, что там найдётся выход. Можно броситься туда и оказаться в ловушке.

Женщина тыльной стороной ладони обтёрла губы. Потом улыbnулась.

— Вина для лордов?

— Только не твоё гнилое пойло, — ответил офицер. — Эй ты... — он указал на моряка. — Кто ты и откуда?

Тот проглотил пищу.

— Риссак, помощник с «Морского коня». Я в этом порту бываю больше лет, чем у тебя растут волосы на подбородке...

— Для слишком резвых есть ответ — нож поперёк языка, — огрызнулся офицер, но не стал продолжать. — А ты... — он уже повернулся к Рею.

— Ран-Син, — сымпровизировал Рей, — с севера.

— Встань! — приказал офицер.

Рей встал. Допустим, он перевернёт стол — сможет потом выбраться на улицу? Едва ли, там ждут солдаты, они, несомненно, готовы остановить любого сомнительного посетителя, который попытается скрыться.

Но, к его удивлению, офицер не приказал схватить его. Он осмотрел американца с ног до головы, потом снова — с головы до ног. Возможно... возможно, таким группам сообщили описание, и смена одежды теперь даст Рею преимущество.

— А этот? — один из солдат указал на храпящего.

Офицер нетерпеливо покачал головой.

— Ничего похожего...

Итак, подумал Рей, он прав. У них есть какое-то описание. И, похоже, этот офицер принимает во внимание только то, что говорится в официальных бумагах. Но откуда они знают, думал Рей, глядя вслед уходящим солдатам, что

надо искать? Если капитан Таут выполнил свою часть договора, неужели они считают, что не все сбежали, что не все остались на пиратском корабле, ушедшем в Северное море?

С другой стороны, капитан мог обмануть его, и это очень вероятно. Или же Таут потерпел неудачу, его корабль захватили, и пленники на допросе сообщили, что Рей остался в районе набережной. Ему следует считать, что произошло худшее.

Но что ему остаётся делать? Воля, руководящая им, больше никаких приказов не давала. Зачем этот невидимый и неслышимый контролёр, помещённый так глубоко, что с ним невозможно бороться, зачем он вернул Рея назад? Наверное, для чего-то большего, чем игра в кошки-мышки с солдатами Посейдона. В этом Рей был уверен.

Женщина ушла на кухню и вернулась с подносом. На нём миска с тушёным мясом, кусок хлеба и графин со скверно пахнущей жидкостью, которая в этом заведении, видимо, выдаётся за вино.

Рей достал монету из сумки вора и увидел, что женщина широко раскрыла глаза. Слишком много, сказал он себе. И не пустил монету по столу, как вначале собирался, а зажал в пальцах, так что виден остался только край.

Она улыбнулась с тем же заискивающим выражением, с каким смотрела на офицера.

— Тебе нужно ещё что-то, мой лорд?

— Комната... где человек может отдохнуть спокойно...

— Отдохнуть... — повторила она. — О, мы найдём тебе такую, — глаза её переместились с монеты на его лицо. Потом она указала подбородком.

— Туда и вверх по лестнице, — она показывала на внутреннюю дверь. — Возьми комнату с синим занавесом.

Рей выпустил монету. Женщина ладонью прижала её к столу и спрятала в одежду. А Рей прихватил поднос и пошёл, стараясь не уходить слишком быстро, чтобы не вызвать подозрения.

Комната за синим занавесом находилась на втором

этаже, к ней вела крутая лестница. Из кухни двое смотрели, как он поднимается: вторая женщина, постарше и ещё более уродливая, чем карга-официантка, и горбатый мужчина, который резал какие-то овощи и так наклонялся во время работы, что едва не задевал ножом за подбородок.

За синим занавесом оказалась крохотная каморка. Ни стола, ни стула, только кровать, точнее, просто матрац, приподнятый на четырёх ножках над грязным полом, и полка с кувшином у стены. Зато было окно со ставнями, теперь закрытыми. Рей поставил поднос на полку и подошёл к окну. Сначала оно не поддавалось его усилиям, но он поработал кинжалом, распахнул ставни и открыл окно.

В нескольких футах за окном всё заслоняла глухая каменная стена, вероятно, соседнего здания. Рей посмотрел вниз. Узкий проход между двумя стенами был завален мусором, предательские западни ждут всякого, кто попытается уйти отсюда быстро. Но с открытым окном Рей почувствовал себя спокойнее.

Он сел на край грязного и дурно пахнувшего матраца и принялся есть. Горячая, странного вкуса еда была сильно наперчена, вероятно, чтобы заставить посетителей заказывать больше выпивки. Но голод утоляла, и Рей съел всё, до последней капли, и подобрал остатки хлебной коркой.

Потом откинулся на спину и задумался. Во время разговора с Кроносом эта внушённая ему воля взяла верх и диктовала ответы. Он остро это ощущал. Он был уверен также, что не сам по себе освободил мурийцев, хотя способ осуществления ему разрешалось найти самому. Итак, оба эти происшествия — причина его пребывания здесь. Но что ещё он должен сделать?

И долго ли сможет скрываться, дожидаясь, пока его снова призовут к выполнению своих обязанностей? Негодование на такое использование перестало быть горячим и быстрым, оно превратилось в неяркий, но жгучий огонь. Но он должен сдерживаться, пока не увидит пославших его. Гнев ослепяет, и человек может легко допустить ошибку.

Рей пристально посмотрел через окно на стену.

— Ну, хорошо, — он тщательно подбирал слова, но не произносил их вслух. — Я здесь. Жду. Если буду ждать долго, мне конец, и то, чего вы ждёте от меня, не будет сделано. Кто бы вы ни были, хоть намекните. Что вам от меня нужно?

Он пытался думать об этом, послать беззвучный призыв, словно мог преодолеть три океана и добраться до мозга наакала — или Ре Му. Или того, кто вложил в него это принуждение.

Внезапно ему показалось, что камни стены потемнели. Деревья! Рей закрыл глаза, потом снова медленно открыл. Он смотрел словно через перевёрнутый бинокль. Ряды деревьев, но крошечных. Однако мозг говорил ему, что на самом деле они огромны...

Нет! Это не ответ — не деревья! Он плотно закрыл глаза. Деревья тут ни при чём. Он не станет смотреть на них, думать о них...

— Давайте! — он думал о воле, словно о радиопередатчике, работающем на уходящей волне, так что ловить её можно только время от времени. Опустил голову на руки, глаза его оставались закрытыми. — Давайте! — молил он. — Дайте знать, что мне делать! Дайте знать, прежде чем станет поздно!

Фордхэм держал в руке полоску перфорированной бумаги. Итак, Бертон считает, что здесь ответ?

— Не мните, не спибайте, не рвите, — процитировал Харгривз. — Вероятно, мы должны обратиться теперь к чёрной, белой, красной, зелёной или синей магии, но отказываюсь признать, что человек способен до этого опуститься! Откровенно говоря, я в это не верю. Это... это просто неприлично!

— Не человек, нет... — поправил Бертон. — Мы запросили уравнение. С его помощью определённый тип мозга ответит на призыв. Ваш собственный компьютер выдал его

нам. Точно так же, как раньше выдал уравнение для Атлантиды.

— Которое могло оказаться совершенно неверным! — вспыхнул Харгривз. — Всё, что мы увидели и записали, был лес, помните? Я поверю в Атлантиду, когда увижу более веские доказательства.

— Ну, хорошо, никто ведь и не настаивает, что это действительно была Атлантида, — возразил Фордхэм. — Но доктор Бертон прав. Мы ввели данные, получили уравнение, использовали его и вновь получили — то, что вы сами видели, то, что мы записали. И потеряли там человека. Логично считать, что он не остался на месте. И если это сработает...

— Е с л и сработает, — подчеркнул Харгривз.

Фордхэм провёл рукой по лицу. Он устал, так устал, что трудно сделать даже малейшее движение. Когда он спал по настоящему? Он не смог вспомнить.

— Это не всё, что нам нужно, — вмешался Бертон. — Вы должны это понять. У нас есть данные из его армейского досье, отчёты людей, знавших его, медицинские сведения и прочее. Я совсем не уверен, что получится, но нужно попробовать. Чтобы действовать увереннее, нужны были бы карты его поведения, гораздо больше отчётов хотя бы за двухлетний период...

— Но так как у нас этого нет, — устало завершил Фордхэм, — попробуем так. Чудеса случаются...

Харгривз пожал плечами.

— Я начинаю думать, что прав был генерал Колфакс. Послать поисковую группу...

— И потерять и её тоже? — спросил Фордхэм. — Нет, пока существует другая возможность, — он снова взглянул на полоску бумаги. По мнению компьютера, это уравнение и есть человек — живой, дышащий, ходящий, разговаривающий, думающий, ненавидящий, любящий человек. Так ли это? Они этого никогда не узнают, если только выстрел наудачу не попадёт в цель и Рей Осборн не выйдет из леса

гигантских деревьев и не вернётся в свой мир в ответ на призыв экспериментальной установки.

Глава 14.

Опасность? Рей поднял голову, внимательно прислушался. Из коридора не доносилось ни звука. Рей встал, неслышно подошёл к окну и выглянул в узкий проход. Никого. Но где-то внутри него возникло такое ощущение, будто его внимательно разглядывают. Стоит только повернуть голову, и увидишь человека в углу комнаты.

И одновременно пришло лихорадочное стремление окатиться под открытым небом. Он не мог ему сопротивляться. Стены вокруг словно сомкнулись, отрезали воздух. Над всем нависла угроза, какую ощущаешь в ночном кошмаре. Не забывая об осторожности, Рей понимал, что не может больше оставаться в этом временном убежище, что его вытряхивают отсюда, как он сам вытряхнул бы испуганного зверька из корзины.

Но это было не то принуждение, которое заставило его остаться в порту. Теперь он был уверен, что это действует враг. И всё же не мог сопротивляться.

Ну, ладно, он уйдёт отсюда. Иначе — Рей облизал губы — если давление будет возрастать, он просто закричит, выдаст себя, и враги его тут же схватят.

А если подчиниться принуждению — так он может сохранить хотя бы частично собственную волю. И пока у него есть силы, он будет сражаться, уклоняться, бежать! Если бы он только знал, зачем его оставили здесь; имея цель, имелась причина держаться.

Капитан Таут упомянул парусного мастера. Можно ли пойти к нему? У Рея не было причин верить в добрую волю капитана пирата. Но это всё, что у него осталось, — тень надежды.

Американец резко повернулся и прижал руку к боку. Поморщился от боли в ране. Едва оказавшись наедине в

комнате, он осмотрел рану. Та уже подсыхала. Порез был чистый и начал заживать.

Рей снова подошёл к окну и осмотрел проход внизу. Высунувшись, но так, чтобы не потерять равновесия, он увидел, что слева, к фасаду таверны, выхода на улицу нет, там высокий забор и тупик. В другую сторону — да, вероятно, выход там имелся. Быстро сорвав покрывало с постели — он обнаружил, что оно единственное, — Рей привязал его к ножке. Получилась не очень длинная верёвка, но этого хватило, чтобы благополучно спуститься. И вот он выбрался в окно и повис над отбросами. Выпустил верёвку и упал, как его учили, свернувшись, чтобы не пораниться. Но на занятиях ему никогда не приходилось прыгать на свалку.

Пробив верхний слой мусора, американец с силой ударился обо что-то твёрдое. Несколько мгновений лежал, ощущая боль в боку и опасаясь обнаружить сломанные кости.

Наконец, всё сильнее ощущая, что за ним охотятся, Рей выбрался из груды мусора. Одной рукой держась за стену, чтобы не поскользнуться, он начал продвигаться к задней стороне таверны. Если шум от его падения и встревожил кого-то из обитателей, очевидно, они решили не интересоваться его причиной.

Узкий проход достиг конца здания, но стену продолжил забор из высоких прогнивших досок. Слева по-прежнему тянулась стена другого здания без окон. Доски забора были сухие и непрочные, и Рей подумал, что легко смог бы проломить их, но пока необходимости в таких решительных мерах не видел.

Он пробрался через вонючую лужу и, наконец, упёрся в тупик. Потребность выбраться на свободу, иметь пространство для маневра настолько усилилась, что Рей забыл об осторожности, набросился на забор, бил ногами, рвал гнилые доски, пока не вывалился в переулок, очень похожий на тот, в котором встретился с вором.

Отряхнув грязь, прилипшую в проходе, Рей посмотрел

направо, налево в поисках укрытия. Если в этом лабиринте portовых трущоб вообще возможно где-либо укрыться.

Если он не утратил чувство направления, парусная мастерская должна находиться слева. Впереди кто-то рылся в мусоре, ворошил его длинной палкой и время от времени что-то укладывал в мешок, который тащил за собой. Рей видел только худые, как палки, руки, торчащие из тряпок, таких старых и грязных, что они утратили всякий цвет. Чем ближе подходил Рей к мусорщику, тем меньше тот походил на человека. Но когда юноша оказался на расстоянии длины палки, он повернулся с невероятной для такого ходячего скелета скоростью и резко взмахнул своей дубинкой, чтобы сбить Рея с ног, одновременно высунув голову из лохмотьев и мерзко захихикав.

Тренированные рефлексy Рея снова спасли его. Он увернулся от палки. А мусорщик, потерявший равновесие, когда палка не коснулась Рея, отступил на шаг-два.

— Яаааааа! — первая неудача не помешала мусорщику напасть вторично. Рей не мог заставить себя приблизиться к этому существу. Это не человек, как тот вор, он настолько ниже человека, что внушал только отвращение.

Рей пнул мешок, в который существо собирало добычу, и опять уклонился. Размахивая палкой, мусорщик пошатнулся, зацепился за мешок и упал с пронзительным криком. Рей убежал.

Он тяжело дышал, добежав до конца переулкa. Переулок был узкий, едва ли шире его расставленных рук, и выходил на оживлённую улицу. Здесь двигались тяжёлые повозки, в порт они шли нагруженные, обратно — пустые. Ими правили люди в форме, на некоторых повозках сидела и дополнительная стража. Рей прислонился к стене, выбрав, как он надеялся, незаметное место в тени, и смотрел вначале без интереса, но потом, постепенно приходя в себя, с вниманием.

По-видимому, на корабли флота грузят военные припасы. Подготовка к нападению на Майакс или Му. Наверное, вначале попытаются справиться с Майаксом, прежде чем

примутся за Му. Но как надеется Кронос вовлечь в войну весь мир? Может, существует способ добраться до Му не с запада, а с востока. Полную карту этого мира Рей не видел. А как же Африка? Если этот материк существует здесь, кто им владеет? Как мало полезного он ещё знает!

Но американец тут же забыл о возможных географических изменениях. Он ушёл из таверны, избежал нападения мусорщика, но его продолжают искать, и это заставило юношу двигаться.

Необычное поведение сразу привлечёт внимание стражников на повозках. Рей побрёл, держась у стен зданий. Он направился в сторону гавани. Если... если воля, держащая его здесь, пожелает его возвращения в город, быть может, ему помогут эти телеги. Юноша незаметно присматривался, искал возможности спрятаться на одной из возвращающихся.

Как будто такой возможности нет — во всяком случае, не днём. Рей дошёл до перекрёстка и оказался на широкой улице. Она словно хребет, а доки служат рёбрами. Здесь повозки останавливались и ждали, Рей миновал их, стараясь идти спокойно, борясь со стремлением пригнуться, каждое мгновение ожидая крика и удара сталью.

Переулок, по которому он прошёл, тянулся вдоль гавани. И сейчас Рей был близок к её западному концу. Он принялся отыскивать парусную мастерскую или винную лавку.

«Стой!» — прошло несколько мгновений, прежде чем Рей понял, что приказ не был произнесён вслух, а прозвучал у него в голове. И одновременно он ощутил давление, заставляющее подчиниться.

«Иди!» — ведь он остановился, да. Остановился от удивления, так неожиданно, что какой-то прохожий налетел на него и отскочил с бранью. Рей не понял его слов.

«Иди!» — снова это принуждение, которому он должен подчиниться.

Рей отвернулся от бранящегося атланта. Он ничего не мог поделать; должен был ответить на этот властный при-

зыв. И это вовсе не призыв волн, которая удержала его здесь. Теперь он подчинился новому призыву, а та, другая воля, съёжилась, сжалась. Словно два эти принуждения не уживались в нём.

«Иди!»

Куда идти? Сознание не знало этого, но тот, кто контролировал его тело, был очень уверен в себе. Рей пошёл на восток, не торопясь, спокойно, как шёл раньше. Но не мог разорвать принуждение, заставлявшее его делать шаг за шагом.

Доки были полны народа, и Рей пробирался между людьми, повозками, вьючными животными. Миновав таверну, из которой сбежал совсем недавно, продолжал идти дальше...

Впереди мелькали яркие краски — одежды, попоны. Но вот Рей увидел красное пятно, которое, казалось, светилось каким-то внутренним пламенем. И оно ждало — ждало его. Он оказался в плену, заключённый в собственном теле, которое теперь подчинялось не ему, а этому одушевлённому красному столбу... Нет, это не столб, это мантия цвета крови, и одет в неё не простой человек.

Страх живёт в каждом человеке с рождения до смерти. Существуют мелкие страхи, но есть и ужасы, от которых человек готов закопаться в пыль или с криком бежать. Страх может побудить к действию, но он же бывает врагом в битве или покрывалом, затмевающим здравый смысл. Рей считал, что много раз в прошлом встречался со страхом. Но с таким, как на этой дороге в пристани Атлантиды, — никогда!

«Иди!»

И он шёл. У него не было выбора, ему неоткуда ждать помощи. Загипнотизированный ужасным облаком страха, влекомый вперёд...

Они были уже в нескольких шагах друг от друга, американец и этот, в красной мантии, с замкнутым лицом, на котором не прочесть ни торжества, ни радости битвы. Вся

воля жреца работала на одно: удерживать и привлекать. И он это делал.

Рей смотрел на худое лицо с крючковатым носом, с заострённым подбородком и вдруг понял, что оно ему знакомо. Жрец поднял руку, и взгляд Рея упал на сверкающую блестящую полоску. Браслет от часов, сообщил какой-то участок мозга. Браслет от часов... часы?.. здесь?.. Его часы! Его часы, те, что отобрали атланты в самом начале этого дикого приключения. Это... это же жрец с корабля!

Рука, державшая часы, сделала жест. В голове Рея взорвалась боль, он упал под ударом воина, который шёл за ним.

...Рей лежал в темноте на чём-то ужасно жёстком и таком холодном, что ныли все кости. Он попытался коснуться головы, в которой пульсировала боль, и услышал скрежет. Что-то дёрнуло его за запястье и помешало завершить движение.

— Проснулся наконец, друг? — слова пришли из темноты. Потребовалось немало времени, чтобы понять их смысл. — Я думал, что тут валяется только пустая оболочка, а тебе удалось уйти от них...

— Кто... кто ты? — Рей взглянул в направлении голоса, но было слишком темно, и он ничего не увидел.

— Как и ты, пленник, который должен доставить удовольствие Кроносу. Да сгнут кости под его плотью и да будет его бездомный дух вечно носиться по ветру!

— Ты муриец? — Рей попытался приподняться, но снова опустился, потому что боль в голове усилилась.

Послышался звук, похожий на смех, но только в таком месте не может быть смеха.

— Нет, я прирождённый атлант, хотя и не друг Кроноса и его приспешников. А ты?

Рей колебался. Кто он? Можно сказать: шпион.

— Я пришёл из Му, — это больше, что он может сказать, не раскрывая ничего сверх того, что они и так знают.

— И что это значит? — энергично спросил тот. — Была высадка? Война?

— Ещё нет.

— Но, может быть, скоро? Это лучшее известие для ушей того, кто провёл здесь пять лет...

— Здесь? — Рей не мог поверить. Эта дыра... Как можно отмечать здесь время и сохранить рассудок?

— Нет. В этой камере я недолго. В темноте, где дни не отличаются от ночей, трудно определять время. Но мне уже восемь раз приносили еду. Однако до того, как меня притащили сюда, я сидел в камере наверху, где утром наступает день и иногда даже видно солнце. Но что происходит за стенами камеры, я не знаю.

— Атлантида выступила против Му.

— Долго же они не могли на это решиться. Уже добрую сотню лет жрецы Ба-Ала своим колдовством готовятся к этому. Пять лет назад, когда я попытался уплыть отсюда, они приближались к завершению. Ходили слухи...

— Но как тебе удалось выжить?

Снова звук, похожий на смех.

— Кронос считает себя храбрым, но против древнего пророчества идти не решается. Не смеет пролить кровь, пока не станет хозяином всего мира... А до этого ещё очень далеко. Он боится убить подлинного владельца трезубца, так как давно предсказано, что это навлечёт на землю гнев моря.

— О чём это ты?

— Полагают, что род истинных Посейдонов оборвался сто лет назад, но на самом деле это не так, потому что дочь последнего Посейдона не согласилась выйти замуж за подобранного ей жрецами жениха, а сбежала в горы, заставив всех считать себя погибшей. Там она обменялась браслетами с капитаном своей стражи, рождённым Солнцем, который остался ей верен. А я прямой потомок этого брака, и Кронос об этом знает. Он убил всех рождённых Солнцем, которые попали ему в руки, разрушил храм Пламени, но не смеет убить меня... ибо написано в звёздах,

и даже жрецы Тени могут прочесть это, что Атлантида будет стоять, пока жива истинная кровь. Кронос держит меня под рукой, но не убивает.

— Но ты верен Му?

— А как может быть иначе? — просто ответил тот. — Я из дома Солнца Атлантиды; сын не может выступить против матери. Кронос не из рождённых Солнцем; именно поэтому его ненависть к ним такая чёрная и горькая. Но скажу тебе, друг: пусть Солнце поторопит корабли Му. Не могу поверить, что они ждут, пока сыновья Тени нападут первыми...

— Надеюсь, они придут, — ответил Рей. Но что он-то делает в этой ссоре, до которой ему нет дела? Он лишь надеялся, что какое-нибудь чудо спасёт его от судьбы, уготованной ему атлантами, но понимал, что слишком рассчитывать на это не следует.

— А ты, друг? Тебя привели сюда недавно. Говоришь, ты из Му, но при свете их факелов я заметил, что ты не похож на жителя матери-земли...

— Меня зовут Рей, и я из Бесплодных Земель...

— Из Бесплодных Земель? Разве там основали колонию?

— Я не из народа Му, но Ре Му даровал мне звание рождённого Солнцем, — медленно ответил Рей. Даровал? Нет, усыпил его подозрения, чтобы сделать своим орудием... Чтобы им управляла эта воля. Воля... Рей неожиданно понял, что принуждение прошло. Либо изгнано жрецом в красной мантии, который завлёл его сюда, либо ушло само, потому что он больше не нужен наакалам.

— Бесплодные Земли, — повторил заключённый. — Подожди... Идут!

Резкий щелчок, и стену прорезала полоска света. Рей попытался защитить глаза. Вошли два солдата с святищами стержнями.

— Добро пожаловать, собаки Кроноса! — воскликнул его товарищ по камере. — Как дела? Уже бьётесь с людьми Му или по-прежнему готовите грязное волшебство Тени, надеясь отгородиться новыми стенами от мурийской стали?

Рей повернул голову. К стене рядом с ним был прикован молодой человек, худой, и его весёлый тон контрастировал с глубокими морщинами у рта. В длинных чёрных волосах блеснула седина.

Один из солдат хмыкнул, поставив на пол кувшин с водой и бросив несколько кусков хлеба. Его товарищ сунул световой стержень в железное кольцо на стене, и они вместе вышли.

— Интересно, что бы это значило? — пленник указал на свет. — Они задумали какую-то хитрость. В тюрьме перестаёшь доверять даже камням стен. Кронос ничего не делает без причины. Он научился этому у Магоса.

Он взял кусок хлеба и протянул его Рею.

— Поешь, пока можно, друг. Кронос любит эксперименты и может захотеть проверить, долго ли мы протянем без еды. Ты уже назвался, позволь и мне назвать себя. Меня зовут Уранос.

— Съешь половину, — посоветовал он Рею. — Лучше иметь сегодня меньше, чем ничего не иметь завтра. В своём неправильном черепе Кронос вынашивает план, который ничего хорошего нам не сулит. Меня он боится, но боится не того, что я могу сделать, а просто потому, что я — это я. А ты, должно быть, тоже чем-то для него опасен, иначе он не стал бы держать нас вместе. Обещание звёзд не спасёт меня...

— Я встретил человека, капитана-пирата. Он поклялся, что имея подходящих людей, сумел бы взять город. Несмотря на все эти стены и каналы, — медленно проговорил Рей, сам не понимая, почему вспомнил об этом.

Уранос нахмурился.

— Очень даже может быть. В стенах Кроноса сокрыты секреты, которые созданы в такой тайне, что неизвестны и ему.

— Как это?

— Помещения и проходы под землёй, в которых сотни лет не бывал человек. Я о них слышал, и, может, твой капитан тоже. Или знает не только по слухам. Если он

обнаружил такой ход, город открыт перед ним. Но капитан верен Тени, так?

— Больше нет. Я на это надеюсь. Он уплыл со сбежавшими пленниками-мурийцами на борту...

— Тогда в будущем Кронос может встретить незваных посетителей, — Уранос улыбнулся. — Хотел бы я взглянуть на него, когда это случится. И ещё я думаю, сегодня он не будет спать спокойно...

— Почему?

— Я думаю, нас подслушивают, и отчёт о нашем разговоре тут же принесут Кроносу!

— Подслушивают? — Рей взглянул на стены.

— Годы такого гостеприимства выработали у меня острый слух. Такое случается не впервые. Теперь начнётся суматоха, будут искать подземные пути. Только шепни предупреждение трусу, и он сразу почувствует нож у своего горла. Но проходов сотни, они давно запечатаны, и все он никогда не обнаружит. Так что будет потеть от страха...

— Но вдруг найдёт ход и устроит в нём засаду? — Рею казалось, что его товарищ по камере слишком оптимистично настроен.

— Как решит судьба. Но я думаю, этого не произойдёт.

Неужели эти люди действительно способны видеть будущее или хотя бы часть его? Как там сказала леди Эйна? Они видят будущее, но могут принять решение, которое его изменит.

— Откуда ты знаешь?

Уранос пристально взглянул на него.

— Если ты прошёл Первые Посвящения — а судя по твоему возрасту, ты их прошёл, — как ты можешь спрашивать? Что ты за человек? Говоришь, из Бесплодных Земель, Ре Му даровал тебе звание, но ты не колонист. Кто же ты?

— Я не из этого времени...

— Как это?

— Я родился в мире далёкого будущего. И прошёл сюда сквозь время. Как и почему, не знаю сам.

Уранос долго молчал. Рей подумал, а поверил бы он сам, если бы ему рассказали такую историю.

— Вот как... Наакалы тоже послали призыв? И ты ответил на него?

— Нет, я оказался здесь случайно, — и американец в нескольких словах рассказал свою историю.

— А что если ты не сможешь вернуться?

— Не знаю. Не знаю вообще, есть ли у меня будущее — после этого часа или дня. Судя по нашему нынешнему положению, вероятно, нет.

Уранос покачал головой.

— Надо быть готовым к худшему, но не отказывайся легко от будущего, мой друг. Забудем об этом ненадолго и дадим возможность послушать тем, кто нас слышит. Расскажи мне о своём мире. Нет, сначала я о своём...

И он рассказал о своей юности в горных долинах, о том, как ловил лошадей на равнинах.

— Друг, нет ничего в мире прекраснее бегущей лошади, когда её грива развевается на ветру, копыта стучат, как боевые барабаны. Моряки говорят о кораблях, охотники — о загнанных лосях, но моё сердце заняли кони. Пять раз скакал я на Дышащем Пламенем к победе! — страстное желание прозвучало в его голосе.

— Скажи мне... — начал он после паузы и тут же резко указал на дверь. — Снова идут, — прошептал он.

И Рею показалось, что первой вошла злая тень, и нависла над ними, приглушив свет.

Глава 15

На этот раз в сопровождении стражников вошёл жрец в красной мантии.

— Привет, брат Тени, — обратился к нему Уранос. Стражники высвобождали цепи из колец на стене. — Зачем слуга Ба-Ала тревожит нас?

Жрец перевёл взгляд с Ураноса на Рея, потом снова взглянул на рождённого Солнцем. Американец подумал,

что никогда не встречал такого холодного пронзительного взгляда.

— Выводите их.

Стоять было трудно. Их держали на коротких цепях, и мышцы спины и бёдер затекли. Но стражники подтолкнули их и вывели в узкий коридор.

— Нас считают могучими героями, — заметил Уранос. — Смотри, брат, за нами прислали восемь воинов и жреца.

Но если он и пытался подтолкнуть атлантов на что-нибудь, никто не отозвался на его насмешки. Солдаты сомкнулись вокруг них и быстро повели вслед за жрецом. Они долго поднимались и спускались по тёмным переходам, и в какой-то момент Рею показалось, что он попал в гигантскую паутину, а в середине её, как раздувшийся паук, сидит Кронос. Но вот они оказались в более широком и лучше освещённом коридоре и остановились перед дверным занавесом, металлическим, а не из ткани.

Стражники беспокойно переминались, смотря на занавес. Рей подумал, что им здесь не по себе. Жрец положил правую руку на занавес, и тот от лёгкого прикосновения открылся. Со вздохом облегчения ближайший к Рею солдат толкнул его вслед за жрецом. Ураноса тоже подтолкнули внутрь.

Внутри их ждали два жреца в красных мантиях, они привычно подхватили цепи. Рей не успел опомниться, как ему прочно связали сзади руки.

— Вперёд! — приказал приведший их жрец.

Миновав пустую комнату, они вошли в помещение со стенами цвета засохшей крови. Тут стояло большое кресло из цельного куска чёрного камня, не очень удобное на первый взгляд. Но человек сидел на нём так же привычно, как Кронос на своих подушках. Магос о чём-то думал. У него был довольный вид, как у стервятника, сидящего на стене бойни.

Он улыбался, если эту гримасу тонких губ можно назвать улыбкой, и чуть наклонялся вперёд, слушая, что шепчет

ему на ухо другой жрец. Но вот взгляд его остановился на пленниках, а улыбка стала шире и злей.

— Итак, мой лорд, рождённый Солнцем Посейдон, который никогда им не станет, ты наконец пришёл ко мне, — обратился он к Ураносу. — Помнишь нашу прежнюю встречу, когда я говорил с тобой о воле нашего Тёмного хозяина, а ты отказался слушать? В тот день ты отказался от будущего, Уранос. Теперь ты сожалешь об этом?

Уранос высоко поднял голову.

— Магос, ты называешь себя сыном Ба-Ала на земле. Интересно, согласна ли с этим Тень. Но я верю, что ты старательно играешь свою роль. Иначе зло не могло бы проникнуть в здравый мозг. И если собираешься снова уговаривать меня...

— Уговаривать тебя — т е б я! — верховный жрец рассмеялся холодным высоким смехом, который мог бы доноситься из костлявых челюстей черепа. — Магос не спрашивает вторично. Да ты мне и не нужен больше. Теперь ты послужишь другой цели.

— Как решит Солнце. Будущее в храме...

— В святилище Ба-Ала.

— Не думаю. В городе ещё стоит другой храм.

Улыбка Магоса исчезла. Глаза его горели. Рей не думал, что у человека может быть такой взгляд.

— Пламя давно погашено. Ты заплатишь долг...

— Как я говорил тебе, Магос, в конечном счёте платить будешь ты. И такой платы мир ещё не видел.

В голосе Ураноса прозвучала такая уверенность, словно он ясно видел будущее и не угрожал, а пророчествовал.

— Как ты смеешь верить в это? Ты, насекомое, на которое слуга Ба-Ала наступит сандалией и даже не заметит, что раздавил тебя. Ты смеешь так говорить со мной, со мной, правителем мира под Тенью!

— А слышал ли твои слова Кронос, Магос? Он себя считает правителем мира.

Улыбка вернулась на хищное лицо жреца.

— Кронос? Кто такой Кронос? Когда человеку нужно

что-то сделать, он пользуется инструментом. Но когда дело сделано, инструмент выбрасывают. Может, ломают. Когда понадобится, Кронос исчезнет. И не думай обратиться к Кроносу...

Настала очередь Ураноса рассмеяться.

— И опять скажу, Магос, Кронос может не согласиться с твоими словами. Я думаю, о них ему донесут, и даже в твоей келье ночью может появиться некто, умеющий неслышно пользоваться сталью...

Но Магос продолжал улыбаться.

— Это неважно. И не твоё дело.

— Тогда зачем ты послал за нами, сын ямы?

— Подобно другим людям, Уранос, иногда мне нужно развлечься. И меня интересует игра случая. Мой друг Гонт, — он указал на жреца, который шептал ему на ухо, — поставил на кон интересное кольцо из Уйгура. Говорят, оно даёт своему хозяину большие возможности. Я получу кольцо, если человек проживёт семь дней в моих лабораториях, испытывая некоторые изменения. Я горжусь мастерством своих работников и хочу получить это крайне привлекательное кольцо. И потому подумал, каких же пленников из этих стен можно потратить, и тогда призвал тебя...

Уранос, возможно, не сломался, но был потрясён. Он воскликнул:

— Дьявол!

— Меня так называли и другие, проходя в ту дверь, — верховный жрец указал на проход в дальней стене комнаты. — А потом благословляли меня, когда я посылал им смерть — много, много позже. Ты силён, Уранос; этот второй тоже кажется сильным. Я думаю, что выиграю пари.

Он встал, жрец сзади ледяными когтями толкнул американца в спину, заставил идти вперёд. Магос сделал два шага к занавесу, но потом повернулся и вновь подошёл к креслу.

— Я истинный сын Тени. Мне пришлось в голову, что в деле должен участвовать и Ба-Ал. Поэтому вы сделаете выбор между чёрным и белым камнями. Тот, кому мой

повелитель пошлёт чёрный камень, выиграет мне пари, а тот, кто получит белый, немного подождёт. Да, так гораздо лучше.

Остальные жрецы подхватили его смех. Рей видел, как Гонт принёс чашку и нарочито картинно бросил туда два камня, один белый, другой чёрный. Магос снова поднял руку.

— Положи ещё один белый. Если оба вытянут белые, я буду знать, что Ба-Ал желает их получить для себя. Воля Тени — наше высшее желание. Гонт будет тянуть от лица Ураноса, а Па-Тан — за чужестранца. Тяни, Гонт...

Магос взял чашку и поднял её выше уровня глаз младшего жреца. Гонт протянул руку и показал на ладони белый камень.

Вперёд вышел Па-Тан и в свою очередь запустил пальцы. Потом бросил камень на пол, тот покатился и остановился у ноги Рея. Тоже белый.

— Наш господин сказал, — нарушил молчание Магос. — Так и будет по его воле.

Остальные жрецы подхватили его слова. Но Рей подумал, не трюк ли это. Зачем Магосу угрожать, а потом откладывать исполнение приговора? Или действительно камни выпали случайно и Магос настолько суеверен, чтобы остановиться, считая, что сам Ба-Ал руководил ищущими пальцами жрецов?

— Уранос, — верховный жрец сделал шаг вперёд. — Что ты предпочитаешь: алтарь и нож или... — он помолчал, — ...или объятия Любящего?

— Неважно, как умирает рождённый Солнцем воин, если умирает он с Пламенем. Умирает тело, но не то, что делает человека человеком. И в смерти я побеждаю тех, кто выбрал тропу Тени. Алтарь этого дьявола, о котором ты говоришь... Любящего...

— Дьявол, о котором я говорю? — повторил Магос. — Не следует так легкомысленно отзываться о вещах, которых не знаешь, Уранос. Пусть будет Любящий, и ты призовёшь в тот час своё Пламя, и оно тебе не ответит. И

тогда ты будешь молить о смерти, но она придёт лишь в своё время и по своему желанию. И для тебя тоже! — впервые с того времени, как они оказались в этой комнате, верховный жрец посмотрел на Рея. — Отведите их в храм, чтобы они были под рукой, когда наступит час...

Снова прошли они тёмными коридорами, в которых словно царит вечная ночь. Рей видел маслянистые капли на стенах и слизистые следы, оставленные безымянными обитателями этих подземных путей.

Потом начали подниматься по лестнице, всё выше и выше, миновали по крайней мере два этажа и оказались в коридоре с красными стенами, со светящимися стержнями, расставленными через равные интервалы, потом прошли через зал с росписями, который Рей видел в своём давнем сне.

— Мы в храме Ба-Ала, — Уранос заговорил впервые после того, как они ушли от Магоса. — Видишь, брат, как владыка Тени забавляется на глазах у своих поклонников?

Рей бросил на непристойные сцены взгляд и отвёл глаза.

— Молчи! — жрец злобно ударил Ураноса по губам. — Позже наступит время речей, да, и воплей, и призывов к давно угасшему Пламени. Говорят, рождённые Солнцем не знают, как просить милости. Ты будешь кричать, как и тот мурец, что последним попал в объятия Того, Кто Ползает!

Их поместили в маленькую каморку, снова приковали к стене, и жрецы вышли.

— Какова цель Магоса? — спросил Рей, когда они остались одни. — Он разыграл представление с камнями или действительно верит, что выбор сделал Ба-Ал?

— Кто знает? — отъехал Уранос. — Но если это игра, то нацеленная не на нас, я думаю. Этот Любящий... хотел бы я знать больше.

Рей решил, что не согласен: ему бы этого не хотелось. Он прислонился головой к стене, и старая проблема вернулась с прежней силой. Почему воля удержала его в сердце вражеской страны? Какое дело он ещё не завершил? С тех пор как его призвал жрец на набережной, место, которое

занимала в нём чуждая воля, опустело. Может, бежала, или её изгнала сила жреца?

Зачем он здесь?

Камень за спиной резко похолодел; Рей вновь потерялся. На этот раз не в лесу из гигантских деревьев, но в месте, которое не мог описать, где находилось не его тело, но какая-то другая его часть плыла бесцельно и неуправляемо. Затерялся, да. А он считал, что это невозможно...

Потом... то, чем он стал... этот плывущий почти несуществующий ключок... его зацепило... его потянуло в другом направлении... притягивает воля!

Рей снова очнулся в своём теле, кожу покалывало, стало тепло, как когда-то от сверкающей воды в муринской крепости. И снова в нём твёрдо укрепились воля... она ждёт... хотя он не знал, чего она ждёт.

— Брат!

Рей повернул голову и взглянул на товарища. Уранос натянул цепь до предела и попытался коснуться Рея вытянутой рукой. Но лицо его отражались забота и беспокойство.

— Что с тобой? — спросил он Рея, встретив его взгляд.

— Теперь — ничего, — ответил американец и понял, что сказал правду. С волей к нему вернулась уверенность. Но не надейся на неё, предупреждала осторожность.

— Ты... ты как будто ушёл из своего тела... — прошептал Уранос.

— Но я вернулся, — ответил Рей. — И еще... — он заколебался.

— Да? — спросил Уранос.

— Мне кажется... слушай! — он прижался головой к стене, и ему показалось, что сквозь камень проходит звук, далёкий и слабый.

Атлант тоже повернул голову, прижался к стене правым ухом и прислушался.

— Похоже на морской прибой, — спустя некоторое время сказал он.

— Что это?

Но долго рассуждать им не пришлось. Вернулись жрецы

и сняли цепи со стены. А когда их вывели в главный коридор храма, звуки приблизились, стали резче, словно какое-то акустическое свойство здания усиливало их. Теперь до них доносился настоящий рёв. Уранос покрутил головой.

— Это... это битва! — неожиданно воскликнул он.

— Му!

Но как? Рёй задал вопрос самому себе. У матери-земли не было времени собрать армию и нанести удар в самое сердце вражеской территории. Но может ли он быть уверен и в этом?

— Всё возможно, — Уранос взглянул на жреца, который держал его цепи. — Смотри внимательно на крылья своей Тени, брат из ямы. Когда Пламя пляшет, тьма уходит. И когда мать-земля очистит эту страну, негде будет укрыться твоему Тёмному богу...

Жрец ударил его.

— Ба-Ал не улетит, как перо на ветру. Любящий заставит тебя забыть обо всём... и скоро!

Уранос выплюнул кровь из разбитой губы.

— Позаботься о себе. Собираются духи убитых! Думаешь, они не смогут провести мстителей, не кричат на улицах о конце правления Ба-Ала? Говорю тебе: Пятистенный город сгинет с лица земли, и само название его забудется в памяти человечества. Ба-Ал снова исчезнет в яме, из которой выполз, а те, кто ему служат, останутся перед лицом света, которого боятся больше меча. Тот же, кого вы призвали, будет хозяином, а не слугой, прежде чем и его отправят назад!

Он говорил не угрожая, а уверенно, словно пророк, который убеждён в том, что видит будущее.

Жрец снова замахнулся, но не ударил. Рёв слегка стих, послышался топот, словно кто-то бежит по коридорам. Жрец в латах поверх мантии и с бронзовым шлемом в руке выбежал из-за колонн.

— Мурийцы!... — он задышался. — Они затопили корабли у выхода из бухты. Две их горящие галеры пробили

строй флота. Войска высадились на севере, и кочевники с равнин восстали и присоединились к ним. Магос приказывает привести эту пададь на вершину пирамиды, чтобы он смог показать, как наша сила пожрёт их.

Вот... вот что он должен сделать, сообщила наконец воля в Рее. Вот битва, в которой он послужит оружием.

Но осознание этого постепенно ослабло. Жрецы торопливо поволокли их с Ураносом по очередным коридорам. Вокруг сомкнулись люди, одетые отчасти как жрецы, отчасти как воины в кольчугах. Так их и вывели из храма.

Здесь шум битвы слышался отчётливей, он доносился из-за стен и каналов, раздавался в доках. В городе чувствовалось заметное напряжение, улицы заполнились солдатами, и продвижение отряда из храма замедлилось. Отчасти это напряжение объяснялось шоком, понял Рей. Атланты не ожидали удара — так быстро и в таком месте. Но как сумели силы мурийцев собраться так быстро и в такой тайне, как сумели захватить врага врасплох, запереть атлантов в их собственном городе?

Рассвет давно миновал, но небо было затянуто тёмными тучами. Один из стражников указал на это.

— Смотрите, ваше Солнце скрылось. Ба-Ал так же прикроет нас своей защитой сегодня!

Уранос столкнулся с Реем, и американец заметил, что рождённый Солнцем глубоко дышит, жадно втягивает в себя воздух, хотя тот и наполняли испарения города. И вспомнил, что его товарищ-пленник очень долго пробыл в камере, и для него этот воздух свеж, как свобода.

— Нас ведут к западной стене. Смотри: вон пирамида, — заметил Уранос.

Впереди возвышалось сооружение из чередующихся чёрных и красных блоков, казавшееся очень тёмным под низким небом. Площадка вершины выступала метров на десять над прилегающей к пирамиде стеной. На ней конвой ожидала небольшая группа атлантов.

Лестница, ведущая наверх, оказалась очень крутая, с

узкими ступеньками. Дважды Рей спотыкался, и его хватали и тащили дальше жрецы.

Первым наверху стоял Магос. А рядом с ним, по-прежнему в золотом дворцовом наряде, без оружия и доспехов, — Кронос. Он даже не взглянул на пленников, когда их втокнули на площадку. Правитель кусал ногти на толстых пальцах и смотрел не на пламя и дым над гаванью, а на низкие тучи. По лестнице на площадку вбежал офицер.

— Грозный, — доложил он, — тех, кто вошёл в город через разрушенный храм, оттеснили снова...

Кронос повернул голову. В углах его мясистых губ скопились белые клочья пены. Он словно ничего не видел, глаза с диким выражением были устремлены куда-то внутрь себя. И Рей понял, что этот якобы владыка мира полон страха.

— Убивайте! Убивайте! — завопил он. — Пусть будут кровь и огонь! Пусть ни один не уйдёт! Не возвращайся без их голов!

Офицер пробежал мимо Рея. И американец заметил, что у того осунувшееся измученное лицо, словно принёс он дурные новости, сообщил о поражении, а не о частичной победе.

Следующий приказ отдал Магос. Кронос снова уставился на тучи, откуда доносился звук, похожий на сердитый прибой. На самом деле шумело не море, а огромное поле битвы.

— Поставьте их у столбов и прочно привяжите, — приказал Магос жрецам.

Платформу, на которой они стояли, окружал ряд столбов, крепких, прочных, на несколько футов выше человеческого роста. Ураноса и Рея поспешно привязали к ним. Уранос кивнул Рею, когда Магос подошёл и осмотрел их путы. Потом верховный жрец обратился к Кроносу:

— Всё готово, Грозный! Начнём?

Внешне он держался почтительно, но злобная улыбка искривила его губы. Кронос неохотно повернулся.

Пальцы его, окровавленные, потому что вместе с ногтя-

ми он грыз плоть, были прижаты к вздымавшемуся животу. Как будто он испытывал боль в нём. Но правитель собрался с силами и рассмеялся, глядя на Ураноса.

— Ха! Истинная кровь умирает. Атлантида гибнет. Разве не так говорили все эти годы? Ну, так те, кто так говорил, не знакомы с Любящим! — и он взглянул на Рея.

— Сидик из Уйгура... а может, и ещё кое-кто, как сказал мне Магос. Если тебя призвали наакалы из другого мира, сейчас самое время проверить, кто призвал большую силу. Я думаю, что меньшая — ты. Ведь Тедор сумел призвать тебя, колдуя над вещью, принадлежавшей когда-то тебе. Такое колдовство действует на слабых. Подчинившись ему, ты доказал, что родом не из тех страшных существ, которых мы призываем из потустороннего мира. И ты станешь их пищей и поможешь вызвать новых...

Кое-что из этого имело смысл, кое-что нет. Очевидно, атланты догадались об его происхождении и считали, что он — представитель какой-то новой неизвестной силы — но правда ли это? Рей попытался обратиться к скрывавшейся в нём воле. Она по-прежнему присутствовала в нём, но призыв остался без ответа.

— Видят ли те, что за стеной? — спросил Кронос.

— Да. У них видящие стекла, и они все направлены на нас.

— Тогда начинайте, начинайте! Чего вы ждёте? Или это опасно для нас? — Посейдон отступил на шаг-два, направляясь к лестнице.

— Нет, Грозный. Любящий не обратится против своих хозяев. Подготовьте их к его объятиям...

К Рею подошли стражники, разрезали одежду, обнажив его по пояс. Один из них достал кинжал и сделал надрез на груди американца. Мелкий порез в форме креста, но из него обильно полилась кровь. Сам по себе порез был не опасен, и Рей не догадывался, зачем он сделан. Он заметил, что с Ураносом проделали то же самое.

— Прочь! — получив разрешение Магоса, стражники быстро удалились с этого злополучного места. Кронос

отступил к самому краю площадки. Очевидно, несмотря на уверения Магоса, он не решался приблизиться к своему абсолютному оружию.

Магос поднял грубую коричневую чашу. Её словно слепили когда-то из речной грязи. Жрец бросил в неё тускло тлеющие уголья, которые взял из жаровни. Установив чашу на равном расстоянии от столбов с пленниками, он принялся раздувать угли, а потом высыпал на них горсть чёрного порошка.

Поднялся выющийся коричневый дым, а с ним такая вонь, что Рей закашлялся и слёзы потекли у него по щекам. Как будто нечистоты всего города сжались в эту пригоршню и вспыхнули.

Дым разошёлся, но тошнотворный запах не рассеивался. Кронос ещё дальше отступил к лестнице. Но Магос улыбался, и всю оставшуюся жизнь — если только он останется в живых, — подумал Рей, он будет помнить эту улыбку.

— Ваше зло не отвечает на призыв? — ехидно спросил Уранос. — Ты произвёл лишь дым и вонь. А что дальше, Магос?

— Смотри, Уранос. Тот, Кто Ползает, идёт принимать наши подношения, чтобы стать сильным и распахнуть дверь для своих родичей! — ответил жрец.

Рей посмотрел на камень, указанный жрецом. На нём появилась странная тень. И она росла! У него на глазах она приобретала форму, словно вытягивала материю из того места, на котором лежит. Она не только увеличивалась, но и становилась осязаемой. Это была больше не тень.

Глава 16

Для Рея весь мир сузился до этой тени, которая больше не была тенью. Раздутые бока раздулись ещё сильнее; выдвинулась голова, слепая, без следа глаз. Но она раскачивалась, как будто обладала и зрением, и слухом. Появились чёрно-зелёные рога, они как черви выдвинулись из головы.

Ног не было, зато внизу открылся провал пасти, она

ритмично сжималась и расслаблялась, дрожала, утолщалась, росла. Выдвинулись два щупальца с присосками. На чёрной в основном туше местами сидели отвратительные зелёные пятна, от которых исходил тошнотворный запах. Гигантская улитка без раковины, слизняк... В сознании Рея возникали сравнения, но ни одно не было таким выворачивающим желудок, как это существо.

Магос прошёл вперёд, и то ли по звуку его шагов, то ли по вибрации от них существо повернуло голову. Длинная его шея ещё больше вытянулась, рога энергично замахали.

— Ищи добычу, житель Тьмы, — приказал жрец. — Кровь привлечёт тебя, ищи добычу!

Существо высоко подняло голову. Рей хотел закрыть глаза, но не смог. Ещё мгновение, и порезы на телах его и Ураноса привлекут эту тварь.

Рога продолжали гибко извиваться, словно искали что-то в воздухе. Потом существо неожиданно опустило голову и выгнуло спину, как слизняк при движении. Гладко, как поток грязной воды, оно скользнуло к пленникам.

Рей видел, что оно сделало выбор. И его буквально парализовало от ужаса: оно выбрало его. Проползло немного и снова собралось. Снова поднялась голова, размахивая рогами, словно проверяя запах. Зловоние стояло ужасное. Рею захотелось, чтобы всё кончилось быстрее. Пусть оно набросится на него. Но оно ждало, словно наслаждалось в предвкушении пиршества, поглощало отвращение и ужас жертвы, сознательно не торопилось.

Потом поплыло снова — ближе. От него не спастись. Не спастись? Или спасение есть? Сам Рей Осборн подумал это, или ожила пославшая его воля? Предположим... Что предположим, он не знал, но ухватился за мысль отчаянно — как человек, попавший в зыбучие пески, хватается за любую соломинку, так и юноша ухватился за что-то внутри себя, чем можно сражаться.

Чёрное... чёрное... ползущее существо из Тьмы... чернота. Но что сражается с чернотой? Белое — свет! Белизна храмовых стен в Му; белизна мантий наакалов; белизна —

Пламени! Но огонь ведь красный... или жёлтый... Нет! Пламя бело, белизна ослепительной чистоты! Белое! Воля в нём, всё в нём, что боится смерти, как человечество страшится уничтожения, всё напряглось для защиты. Белое пламя...

А это существо из ямы — оно боится Пламени! Рей почувствовал, как оно остановилось, ощутил его колебание. Голова страшилища стала быстрее поворачиваться из стороны в сторону. И оно больше не молчало. От низкого воющего звука резало уши. Да и звук ли это?

Пламя... устремляющееся вверх Пламя... Пламя, которое движется и образует стену перед тварью. Оно здесь... он видит его... белое пламя, которое может своим сиянием сжечь глаза, но не делает это. А воля в нём растёт и расцветает... но только благодаря ему, через него. Так вот в чём дело... Он инструмент, через который... И тут воля перекрыла все его собственные мысли; он должен был целиком, без остатка, участвовать в битве.

Тварь ещё немного отступила, вой её стал ещё выше и резче. Страх... её страх растёт! Он должен использовать его, как дрессировщик дикого зверя использует хлыст, чтобы предотвратить нападение. И, словно хлыст, ударила его мысль:

«Назад, безымянное зло, назад в тот мир, который тебе отведён! Не смей приходить в этот! Назад, в грязь, принадлежащую тебе!»

Но тварь больше не отступала, оставалась на месте, голова её металась из стороны в сторону, словно билась о стену. Рей понял, что её удерживает Магос, пытаясь подтолкнуть к действию своими силами. И он черпает силы из какого-то источника. Рей дрогнул. Любящий устремился вперёд. Пламя... Пламя здесь...

Снова продвижение слизняка замедлилось, громче стал гневный вой. Под принуждением Магоса тварь раскачивалась взад и вперёд, её крик становился всё громче. Но на этот раз Рей держался. Вот только сколько он ещё продержится?

Они вплотную сошлись в молчаливой схватке. Магос и это создание из Тьмы пытались отыскать какую-нибудь слабость в защите, а Рей служил каналом для воли, которая щедро тратила его силы. Он слабел. Тварь поплыла... оставилась, поплыла опять.

— Брат, отдай ей моё тело! — донёсся слабый и далёкий крик. — Отдай меня и выиграй время...

— Нет! — Рей собрал все силы. Тело его дрожало; он чувствовал, что только цепи удерживают его на ногах. А Любящий снова пополз вперёд...

«Вперёд!» — приказывал Магос.

«Назад!» — приказывала через Рея воля.

Шум... крики...

Сосредоточенность Рея дрогнула. Любящий прыгнул. Американец попытался снова поставить преграду, но было поздно. Щупальца хлестнули по телу; присоски жадно прикипили к кровоточащим порезам. Рей отпрянул, но не смог уйти от этого оскверняющего объятия.

Пламя... Пламя... но Пламя не касалось этой твари, сходящей с ума от кровавого голода. Однако он ещё не сдался! Рей отыскивал волю в самом себе, волю, так много потребовавшую от него; и юноша потребовал в свою очередь.

Рей поднял голову. «Иди, — приказывал он воле, — будь сейчас со мной!» И как воля сделала его слугой и оружием, так и сейчас в крайней необходимости он превратил в оружие её. Через одну-две секунды в него хлынула поразительная сила и способность к сопротивлению, никогда раньше он не чувствовал себя таким сильным.

Отвратительная плоть, прижавшаяся к нему, дрогнула. Медленно, вызывая страшную физическую боль, распускались щупальца. Неохотно, сопротивляясь, чудовище начало отползать. А Магос уже ослабил своё принуждение. И слишком поздно понял, что происходит.

— Пламя! — Рею показалось, что он выкрикнул это вслух. Это был приказ — приказ собственной силе, приказ воле, которую он перехватил. — Пламя!

И снова полыхнуло ослепительное пламя.

— Держись... мурыйцы поднимаются по лестнице!

Слова — без смысла. В мире существует только Пламя, созданное его мыслью, и его нужно удерживать, удерживать, удерживать...

Любящий дёргался и извивался, шипел, но отступал перед Пламенем. С лестницы послышались крики.

— Держись! — снова крикнул Уранос. — Продержись ещё немного, брат!

Магос был в отчаянии. Рей чувствовал, как сила жреца дрогнула. Он был силён, может, слишком силён. Но если он победит, снова нужно будет сражаться — теперь оружием.

Верховный жрец метался взад-вперёд по площадке, своей мыслью, острой и быстрой, подталкивая тварь. Любящий отпрянул, задёргался, закрутился, снова пополз вперёд...

И снова Пламя поникло. Не дух Рея, но тело его ослабло. И снова щупальца сомкнулись вокруг него.

— Рей! Рей! — чей-то призыв. Юноша тщетно пытался привлечь волю, но ничего не осталось...

Белый огонь... снова Пламя? Рей поднял голову.

Нет, просто луч коснулся рогов Любящего. Тот задёргался. Но щупальца отпали, разрывая при этом плоть. В голове послышался рёв, Рей всё видел искажённо, как сквозь густой туман.

Звон стали о сталь. И вот он падает, освобождённый от цепей. Кто-то подхватил его, мягко опустил. Американец увидел лицо, дрожащее и не в фокусе. Чо... откуда-то издалека, из далёкого прошлого... Чо...

— Любящий... — он попытался предупредить и подумал, что слова его прозвучали даже не шёпотом. Но эти ледяные голубые глаза поняли; губы изогнулись в улыбке, холодной, как зимняя буря.

— Смотри, брат.

Муриец поднял его голову. В его ладони лежал кристалл, отбрасывающий радужные огни. И из его центра ударил белый луч. Чо снова направил его на рога твари и начал отгонять её назад. Чудовище не могло уйти от луча.

Магос стоял позади, лицо его так исказилось, что в нём не осталось ничего человеческого. Рей чувствовал силу в нём... вся она была направлена на Любящего, но тварь вышла из-под его контроля.

— Дьявол! — завопил Магос.

— Кровопийца, — ответил Чо. — Слушай теперь своего зверя. Я думаю, он проголодался. А ведь когда он приходит на твой зов, его следует накормить. Смотри же — вот расплата!

Любящий, словно потеряв терпение, бросился — но не на мурийцев, а на жреца. Его щупальца сомкнулись вокруг тела Магоса. Жрец высвободил одну руку и ударил по отвратительной округлости тела слизня. Кинжал его пробил чёрную шкуру, но когда атлант отдёнул руку, на скользкой коже не осталось ни следа. А Любящий кормился.

Голова Рея упала на руки Чо. Он и сам был слишком близок к этому, чтобы смотреть. Но муриец не отвёл взгляд, и когда чудовище пыталось отвернуться, Чо удерживал его лучом.

Раздался последний крик. Чо плотнее сжал американца. Потом в последний раз поднял кристалл.

— Сделано, — сказал он. — А теперь уничтожим сделавшего.

Рей снова посмотрел. Груда грязных тряпок лежала на камне. Над нею скользило чудовище, оно словно что-то напевало про себя. И как раньше юноша чувствовал гнев Магоса, так сейчас до Рея донеслось ощущение отвратительного удовлетворения.

Луч превратился в сверкающий меч. При первом же его прикосновении тварь перестала удовлетворённо псть и неловко поёжилась. И завывала, резко, жалуясь.

Луч изменил цвет, от белого до светло-розового, а потом красного. Потом запульсировал, словно по нему пробежали волны из невидимого источника. И Рей всем телом ощутил ритм этой ряби.

Любящий продолжал дёргаться, извиваться, его вой стал

таким высоким, что человеческое ухо больше не воспринимало его колебания. И вдруг он начал растворяться. Его очертания потеряли резкость, чёрная жидкость потекла из тела. И жуткое зловоние вновь отравило воздух.

Но Чо не отводил луч от дёргавшегося тела. Тварь как будто сделала последнее отчаянное усилие, чтобы уцелеть. Она подняла голову, тело её напряглось, она попыталась было наброситься на мурийца, но луч приковал её к месту.

И она погибла, тело её превратилось в лужу едкой чёрной жидкости, которая, в свою очередь, была поглощена лучом. На площадке раздались ликующие крики, их подхватили внизу на улицах.

— Город пал, — сообщил Чо. — Его защитники бросают мечи и просят о милосердии. А теперь нужно заняться твоими ранами, брат...

Ещё один муриец в латах склонился к американцу. Под его шлемом... Рей нахмурился... знакомое лицо. Да... это был предводитель пленников.

— Ты... значит, Таут выполнил обещание...

— Конечно, лорд, и гораздо больше... — начал говорить тот, но Чо покачал головой.

— Побеседуете позже. А сейчас... — он растёр грудь Рея мазью. — Теперь плащ. Нужно как можно быстрее передать тебя в руки наакалов...

— Лорд! — спросил один из мурийцев. Его рука лежала на плече Ураноса. — А что делать с атлантом?

— Чо, — Рей собрал все оставшиеся силы. — Это подлинный Посейдон, Уранос. Он тоже был их пленником. Выслушай его...

— Будет сделано.

И Рей обессиленно опустился на плащ. На платформе собралась небольшая группа: восемь мурийцев и четверо дико выглядевших бродяг, которые пришли, должно быть, с корабля Таута. Уранос склонился к нему.

— Высшие воинские почести тебе, друг. А за то, что вспомнил обо мне, спасибо. Что же касается захваченного атланта — не думаю, чтобы кто-нибудь вступился за него...

Рей посмотрел, на кого он показывает. Два мурийца связывали за спиной руки Кроносу.

— Он захвачен...

— Да. Собственная ненависть и трусость удержали его здесь. Он хотел быть свидетелем нашего конца и боялся сражения. Для него игра теперь проиграна, и я не думаю, чтобы ему понравилось последующее.

Но Рей слушал с сонной отрешённостью. Мазь Чо сняла боль. Он почувствовал себя странно лёгким и опустевшим. Воля снова ушла, на этот раз навсегда — так ему казалось. Всё вокруг дрожало как в дымке, как будто место, люди, всё вокруг, кроме него самого, было не реально. Он остался жив; Любящий, кем бы ни был этот ужас, исчез, прихватив с собой Магоса. А Кронос в плену.

— Кажется, придётся тут задержаться, — сказал Чо, возвращаясь с лестницы. — На улицах идут бои; есть отчаянные, которые не желают сдаваться, — он сел у ног Рея, снял с руки чёрный браслет и надел его на руку американца. — По-своему, он оказался нашим ключом к городу.

— Как это? — прикосновение браслета оказало странное действие на Рея. Оно сделало мир устойчивым, привело его в фокус.

— Его принёс капитан Таут, и мурийцы согласились поговорить с ним. А Таут знал проход, по которому удалось провести войска в город.

— Как я и говорил, — заметил Уранос, — есть тайны, о которых не знал Кронос, которые не исследовали даже красные мантии.

— Но как силы Му сумели добраться сюда так быстро?..

— Рей коснулся браслета, провёл по нему пальцами.

— Спроси Ре Му, спроси наакалов, спроси тех, кто казался нам слепым к опасности и не готовым. Легионы Уйгура пришли с востока, пришёл флот из Майакса. Но я плыл с Таутом в авангарде, предъявив свои права.

— Твои права?

Чо удивился.

— Разве мы не братья по мечу? Ре Му сказал, что ты выполняешь поручение в Красной земле, и поэтому я пришёл. Думаю, мы поставили рекорд. Посмотри... — он протянул руку и показал свежие волдыри на ладонях. — Даже офицеры садились за вёсла, когда нужно. Командовал Таут, я по сравнению с его опытом таких рейдов новичок. Он знает берег лучше любого пограничника. Однажды, когда его преследовал корабль стражи, капитана которого не удалось подкупить, Таут наткнулся на тайну. Он нашёл разрыв в береговых утёсах, такой узкий, что никто бы не поверил, что в него стоит заглядывать. Но там оказалась бухта, пляж, а дальше туннель, прорубленный людьми ещё в незапамятные времена. Туннель ведёт в город, прямо в подземные помещения храма Пламени.

Мы высадились ночью. Оставили группу, которая позже должна была провести главные силы. Таут поклялся, что сыновья Тени настолько верят в свои стены и каналы, что появление врага внутри уже будет означать их поражение. И я считаю, он оказался прав.

На рассвете мы захватили красную мантию, и он, кажется, принял нас за духов убитых рождённых Солнцем, потому что всё нам рассказал. Что Магос собирается вызвать Любящего и накормить его. А природа этого чудовища такова, что, накормленный, он сможет вызвать других. Против такого оружия мы бы не устояли.

Мы посчитали, что то, о чём он нам рассказал, произойдёт в храме Ба-Ала, и заторопились туда. Только потом увидели, что творится на пирамиде, и поняли свою ошибку. За стенами вступили в действие легионы из Уйгура, а вместе с ними те атланты, которые не принимали правления жрецов Создателя Тьмы. Сейчас очаг за очагом подавляется сопротивление, а по подземному проходу вводятся новые войска.

— А это? — Рей указал на кристалл.

— Изготовлен наакалами, их всего несколько. Его передали мне перед тем, как я вошёл в проход. Нас предупредили, что нужно подойти очень близко к чудовищу, чтобы приме-

нить его. Но, Рей, мы видели, как тварь дважды отступала, а ведь ты был связан и безоружен!

— Готов поклясться: то, что он сделал, не смог бы сделать никто другой! — воскликнул Уранос. — Он своей волей отогнал страх, удержал Тьму.

— Нет, — ответил Рей, по-прежнему глядя браслет. Это прикосновение привязывало его к реальности. — Я сделал то, за чем меня послали, призвал Пламя...

— Пламя? — переспросил Чо.

— Белое Пламя, — повторил Рей, снова соскальзывая в состояние странной отрешённости.

— Бессмертное Пламя, — заворуженно повторил Чо. — Но ведь оно... оно не для людей! На него невозможно смотреть! Поистине щит матери-земли стоял перед тобой в этот день!

— Некогда Пламя горело в святилище этого города, — заговорил Уранос.

— Больше никогда не загорится, — ответил Чо.

— О чём ты говоришь? — спросил принц атлантов.

— Рс Му приказал после взятия уничтожить этот город, чтобы даже имя его не сохранилось в памяти людей. Потому что тут открыли врата между двумя совершенно чуждыми друг другу мирами, чтобы Любящий и его родичи ворвались в наш мир...

«Два чуждые друг другу мира». Рей запомнил эти слова.

— А жители? — сразу спросил Уранос. — Что с ними будет?

— Злые должны будут встретиться с плодами своего зла. Остальные отправятся в глубь суши. А флот атлантов исчезнет с морей этого мира...

— Внутренние равнины богаты, и места хватит для всех, — заметил Уранос. — Возможно, мы снова станем великими.

— Говорят, так и записано, — печально согласился Чо. — Ибо со временем земля-мать падёт. И Атлантида будет править сушей и морем, как хотел Кронос. Но всё это в будущем.

— Но со временем и это пройдёт...

Чо кивнул.

— Тоже пройдёт.

— А кто придёт потом?

— Возникнут новые земли. И среди них твоя, Рей.

— Очень нескоро, — заметил американец. — Очень, очень нескоро. Много земель, много правителей; Вавилон и Крит, Египет, Греция, Рим и множество других. Даже в моё время миром правит не одна власть, он по-прежнему разделён на множество государств, которые иногда воюют.

— Война с Ба-Алом и Тенью никогда не прекратится, — Чо встал и снова прошёл к лестнице.

— Я думаю, теперь можно идти, — сообщил он, вернувшись. — К храму...

Рей попытался сесть, обнаружил, что не может, и наконец закрыл глаза, а его тем временем подняли и спустили по крутой лестнице. Дважды им пришлось вступать в бой, прежде чем они достигли разрушенного храма. К Рею вернулась боль. Каждый шаг людей, которые несли его в импровизированных носилках, отдавался огнём в груди. Но вот они оказались под рухнувшей крышей, и один из наакалов заторопился к ним. Рея положили на груды матрацев, и мурийский жрец осмотрел его.

— Как он? — спросил Чо.

— Поправится. Занимайся своими обязанностями, сын мой. Твой брат по мечу в безопасности.

Рей застонал.

— Да, это болезненно, — кивнул жрец. — Но раны от такого источника необходимо очистить...

— Я тебя знаю, — медленно пробормотал Рей. — Ты... ты ждал меня в коридоре... со светом... перед тем... перед тем...

— Перед тем, как ты направился сюда, — закончил тот. — Да, это так.

— Воля...

— Не моя, — ответил жрец. — А теперь отдыхай в мире. Со временем ты поймёшь. Спи... — это был приказ, и

палец, коснувшийся лба Рея, словно приложил к нему печать. Рей уснул.

— Всё готово, — Бертон смотрел на покрытую снегом землю, окружающую курган. — Но всё сделано наспех. Ничего обещать не можем. Вы это понимаете?

— Вы так часто это повторяете, что все давно уже всё поняли, — проворчал Харгривз. — Что дальше?

— Мы можем повысить напряжение и удерживать его в течение пяти интервалов, — ответил Фордхэм, — начиная с часа. Последующие промежутки будут уменьшаться. В последний раз продержимся только пять минут. Мы рассчитали попытки так, чтобы они происходили раз в неделю. Если мысленный поиск привлечёт Осборна, он найдёт дверь открытой каждые семь дней. Так повторится пять раз. После этого понадобится перезарядиться. Это может занять месяц — если повезёт.

— Игра, просто игра, — заметил Харгривз.

— Игра, да, но не просто. Это один из самых сложных экспериментов в истории. Полёт на луну — школьный опыт по сравнению с этим, — возразил Бертон.

— Когда сделаете первую попытку? — впервые заговорил генерал Колфакс.

— Точно через четырнадцать часов и пять минут. Откроем ворота и продержим их открытыми час. Доктор Бертон приведёт в действие «искатель» в соответствии с уравнением...

— И будем ждать, — генерал говорил словно про себя.

— Будем ждать, — повторил Фордхэм.

— И может, вечно, — добавил Харгривз.

Глава 17

Рей, приподнявшись на руке, смотрел в главный зал разрушенного замка. Часть крыши отсутствовала, было видно ночное небо; на стенах укрепили свисящие стерж-

ни. Они озаряли каменные блоки, которые служили мурийским военачальникам столами и сидениями.

— Как ты себя чувствуешь?

Американец увидел подошедшего наакала.

— Лучше...

Жрец улыбнулся.

— Тебе надоело наше лечение, и ты хочешь встать. Что ж... — его пальцы коснулись запястья Рея, отыскиали пульс.

— Наверное, если я не разрешу, ты всё равно поступишь по-своему, — он хлопнул в ладоши, и человек в короткой тунике храмового слуги принёс одежду.

С его помощью Рей натянул кожаную тунику поверх повязок, которые как мумию окутывали его от подмышек до пояса. Поверх нацепил юбочку из металлических полос, но никаких лат. Их жрец жестом приказал убрать.

— Они тебе не понадобятся, а весят для твоих ран слишком много.

— Где Чо? — спросил Рей.

— На посту у западных ворот.

— А город?

— Сдался. Сопrotивляется только внутренняя башня дворца. Когда солдаты узнали о захвате Кроноса, они побросали оружие. А сражаются красные мантии Ба-Ала и те, кто понимают, что им нечего ждать милости от нас.

— Рей! — по залу бежал Чо. Он остановился и осмотрел американца с головы до ног. — Хорошо — воин готов. Но у тебя нет меча. Возьми этот, я отобрал его у командира стражи ворот... — и он сунул Рею в руки пояс с мечом в ножнах. Рукоять меча была украшена рубинами.

— Вот так-то лучше. Ты должен быть готов...

— К чему? Наакал сказал, что бой почти окончен.

— Не к бою, нет. На рассвете в город войдёт Ре Му. Теперь весь город, кроме внутренней части дворца, принадлежит нам.

— А Кронос?

— Его охраняет личная гвардия Великого. Ре Му хочет видеть тебя.

«А я, — подумал Рей, — хочу увидеть его. Есть вопросы». Но сможет ли он их задать? Юношу снова охватило ощущение нереальности. Он смотрел и слушал, но не был частью окружающего. И даже прикосновение браслета не соединяло его с этим миром, в котором он только зритель на представлении.

Он был с Чо, когда Ре Му вступил в Пятистенный город. Видел белую боевую колесницу Солнца, которую фыркающие кони везли по следам битвы. Он даже повторил воинское приветствие Чо императору и прошёл вместе с мурийцем вперёд, когда правитель подозвал их.

— Я вижу вас, мои лорды... — произнёс официальное приветствие Ре Му, когда Рей вслед за Чо опустился на колено на пыльной дороге.

Чо склонил голову и дал требуемый ответ:

— Мы твои, Великий, со всей нашей силой и преданностью.

Но Рей просто посмотрел в эти далёкие синие глаза. И если Ре Му читает мысли, то должен знать, что американец не согласен с Чо, и что это проявление уважения — только внешность.

— Никогда Солнцу не служили вернее, мои лорды, — отвстил император. — Идите со мной...

— Слышим и повинемся, — завершил ритуал Чо, они встали, а колесница прошла мимо.

Да, слышим и повинемся. Он слышит и будет повиноваться, но не по желанию. И он хотел бы получить ответ... Вместе с Чо юноша следовал за императорской процессией в сердце города. Войска мурийцев собирали горожан на центральную площадь полуразрушенной столицы.

Солдаты пытались навести хоть какой-то порядок в толпе, построить людей, но дороги всё равно были забиты. Чо обратился к измученному офицеру.

— Мы вызваны Великим. Как нам?..

Офицер беспомощно развёл руки.

— Здесь не пройти, рождённый Солнцем. Идите по

меньшим улицам, может быть, по крышам. Всё равно быстро не доберётесь...

Чо последовал его совету, они свернули и наконец окольным путём снова добрались до храма.

— Где Уранос? — спросил Рей, когда они оказались у цели. Он тяжело дышал от усилий. Пришлось прислониться к стене.

— Не знаю. Вчера вечером он встречался с Ре Му. Если он действительно тот, как утверждает... — но тут Чо умолк, потому что теперь они стояли в толпе офицеров у торопливо сооружённого трона. Воины просто сложили вместе каменные блоки храма и накрыли их яркими плащами. Теперь здесь сидел Ре Му, чтобы вершить свой суд над городом. Вокруг стояли мурийцы в полированных и украшенных драгоценностями доспехах, среди них выделялись по контрасту простые белые мантии наакалов. Рядом с императором, но чуть ниже его наакал У-Ча склонялся вперёд, словно он близорук и с трудом видит сцену перед собой.

Когда Чо и Рей смешались с воинами, послышался громкий и требовательный гул боевых барабанов. Четыре барабанщика стояли на ступенях. Звук барабанов стихл, и подобный прибою говор толпы тоже прекратился.

Лицо Ре Му оставалось бесстрастным. Но почему-то казалось, что он видит не только множество людей, собравшихся здесь, но каждого отдельного мужчину и каждую женщину, которых собирается судить. Рей видел, как люди перед ним опускали головы, смотрели направо или налево, но в конце концов словно по приказу, которому нельзя не подчиниться, посмотрели на императора.

Тот поднял руку, лежавшую на рукояти меча, вертикально стоявшего у него между колен, и указал на треснувший и запятнанный камень у своих ног. По этому жесту слева от Рея вышел один из воинов. Рей увидел знакомое лицо под шлемом. Это был Уранос.

— Жители Атлантиды... — голос императора звучал так

же повелительно, как гул барабанов. — Вы жили под покровом Тени...

Дрожь пробежала по заполненной площади. Все опустились на колени, протянули руки, одни униженно, другие неохотно.

— Прости... — что-то подобное воплю, который становился всё громче.

— Не всё можно простить. Посмотрите, избравшие Тьму, на красные пятна на этих стенах. Они свидетельствуют против вас, — император поднял меч, и восходящее солнце коснулось лезвия, вспыхнуло на нём пламенем. Меч указывал на стены, у которых погибали рождённые Солнцем.

— Мы выполняли приказ, Великий. Прости!

— А я говорю вам: люди с честным сердцем восстали бы и отказались выполнять такой приказ. Недостойно человека в день суда прятаться за злым приказом и говорить: «Я поступил, как мне приказали». В каждом человеке с рождения заложено знание добра и зла, и каждый день, каждый час он должен выбирать. Если выбрал зло — из страха или слабости, из похоти, алчности или гнева, всё же у него был выбор, и он ответит за него в судный день. Когда ваши предки пришли в эту землю, им были даны два сокровища, чтобы они могли видеть их и помнить о справедливости... — снова сверкнул меч и указал на колонны, всё ещё закрытые пыльными изорванными тканями. — Смотрите, они теперь скрыты от глаз — из-за позора, ненависти и страха, потому что вы не смели смотреть на то, что предали. Вы вычеркнули символы справедливости и правосудия, избрали покров Тени и некоторые последовали за ней в пропасть. Этот город должен исчезнуть с глаз людей, кровь покроем кровь. Разве не такую справедливость понимаете вы лучше всего, жители Атлантиды?

— Милости... милости... — этот тонкий вопль, подумал Рей, исходил от женщин и детей. Мужчины в толпе молчали.

— А какую милость проявили вы, жители Атлантиды?

Подумайте об этом! Нет, этот город прекратит существование — к наступлению ночи. А вы, превратившие его в нечестивое место, что делать с вами?

Все теперь молчали, слышался только детский или женский плач.

— Да, в нечестивое место превратили вы свой город. Смотрите. Этот храм лежит в руинах, а храм Ба-Ала стоит гордо. Укажите мне причину, жители Атлантиды, почему вы не должны испытать участь своего города?

— Милосердия, Великий! Не ради нас, ради наших детей, — послышался одинокий голос из толпы.

— Слушайте мои слова. Есть разный суд и разная справедливость. Вы слабы и глупы, но зло было навязано вам — большинству из вас. Оно не во всех проявилось одинаково. И потому говорю вам: уходите из города, берите с собой только то из еды и одежды, что сможете унести в руках. И до заката вы должны быть за городскими воротами, чтобы вас не настигла высшая кара.

Уранос вышел вперёд и встал на колени перед императором.

— Великий, это мой народ. Разрешите мне идти с ним, вести его, пока мы не сможем построить заново...

— Уранос, в прошлом они отвернулись от твоего дома, отвергли правление твоей крови и приняли вождя по своему выбору. Ещё один свободно сделанный выбор. В матери-земле тебя ждут достойные почести и служба. Неужели ты говоришь это в месте, где стены покрыты кровью твоих родственников? Ты хочешь вести этих людей?

— Великий, ты много говорил о выборе в жизни и о том, что нужно отвечать за свой выбор. Хотя я и рождённый Солнцем, но я из этой земли и един с этими людьми. И выбираю исход вместе с ними. Это свободный выбор. И я отвечаю за его последствия.

Ре Му высоко поднял в воздух меч, потом коснулся им правого плеча Ураноса. Наконец повернул меч, и Уранос поцеловал его рукоять.

— Слушайте хорошо, люди Атлантиды, — приказал

император. — Даю вам предводителя, какого у вас не было с древних дней в этой прекрасной чистой земле. Он рождённый Солнцем, но он и атлант, атлант из Атлантиды, а не иноземный завоеватель. Говорю вам: дорожите им, повинуйтесь ему и будьте верны своему выбору.

Уранос, Посейдон Атлантиды, клянёшься ли ты снова установить жилище Пламени, идти со своим народом в свете, воевать в Тенью и всеми её легионами, поддерживать закон и справедливость под властью Солнца, быть мечом и щитом матери-земли в случае необходимости?

— Клянусь в этом на Пламени от себя и от своего народа, Великий.

Вторично поцеловал он рукоять меча Ре Му и повернулся к тем, кто смотрел на него снизу. Люди молчали, но когда он начал спускаться по ступеням, толпа качнулась вперёд. Они опускались на колени, целовали ему руки и край плаща. Окружённый соплеменниками, он снова повернулся лицом к трону.

— Мы выполним приказ и к закату уйдём из города, — завершил он.

Рябь снова пробежала по площади; Рей решил, что народ начинает расходиться. Но снова загревели барабаны, и все остановились. В наступившей тишине снова заговорил Ре Му.

— Жители Атлантиды, вы пришли на суд. Теперь вы станете судьями. Что сделать с этим человеком?

Мурийцы у трона расступились, и появился отряд стражи. Солдаты полувели, полуташили Кроноса, бледного, с дёргавшимся лицом. Он поворачивал голову и смотрел по сторонам.

Толпа издала звук, подобный рычанию, и Рей отступил на шаг. Он слышал и читал о ярости толпы, но никогда сам её не видел. По-своему это так же ужасно, как Любящий...

— Нам, Великий, нам! — кричали сотни, а потом и тысячи глоток.

— Что скажешь, Кронос? Это справедливо? Хочешь этого?

К удивлению Рея, свергнутый Посейдон поднял голову, которая по-прежнему нелепо дёргалась.

— Да, — ответил он. Может, решил, что сумеет сбжать? Или просто сошёл с ума?

Ре Му кивнул.

— Выбор принадлежит тебе. Да будет так.

Мурийские стражники отступили, толпа надвинулась волной, и Кронос исчез. Ни крика, ни звука, только шевеление, водоворот в толпе, потом ничего. Толпа расступилась, устремилась с площади, а Ре Му встал с импровизированного трона и вернулся в храм, за ним ушли наакалы. К Рею и Чо подошёл офицер.

— Великий призывает вас.

Они вошли в ту часть храма, где находился огромный камень, изрубленный и изуродованный огнём. Рей решил, что он служил центральным алтарём. Рядом с камнем стояли Ре Му и У-Ча. Император первым обратился к Чо.

— Ты просил опасного назначения, рождённый Солнцем. И хорошо с ним справился. Ты убил это порождение зла, тварь, призванную из другого мира. Чего ты просишь за это?

— Ничего? Это был мой долг.

Ре Му улыбнулся.

— Ничего — ответ молодости и храбрости утра жизни. Но этого недостаточно. Тебе — змея, после тебя она перейдёт к твоим сыновьям и сыновьям сыновей. Иди сюда...

Чо опустил на колени у ног императора. Ре Му отсоединил от своей короны кольцо в виде разящей змеи и опустил его на голову Чо, все окружающие подняли мечи.

— Теперь ты... — Ре Му посмотрел на Рея. — Ах, да, у тебя есть о чём спросить нас. Даже потребовать. Ты не добровольно отказался от собственной воли, тебе не дали выбора.

— Так, — коротко ответил Рей.

— Ты не нашей крови, это не твоя война. В момент величайшей опасности для нас мы выковали из тебя необ-

ходимое оружие. Подумав, ты поймёшь, что это было сделано правильно. Я много говорил о выборе и о том, что нужно быть верным своему выбору. Мы выбрали за тебя, поверившего нам, и это плохо. Но на это у меня только один ответ: мой выбор лежал между благом одного человека и спасением всего моего народа.

Сами мы не могли достичь этой земли: её слишком хорошо защищали преграды, и не только видимые людям — из стали, стен и воды, но и созданные Магосом и его приспешниками. Всякий человек нашей крови, оказавшийся здесь, попал бы в ловушку. Мне кажется, ты на себе испытал их оружие, когда тебя наконец схватили.

Но так как ты не один из нас, у тебя нашлась врождённая защита, какой мы не обладаем. И мы вложили в тебя то, что помогло открыть для нас дверь. Ты стал ключом, единственным нашим ключом.

— Даже к Любящему? — спокойно спросил Рей. Он не склонился, как Чо. Смотрел глаза в глаза человеку, который правит большей частью этого мира. И во взгляде его не было благоговения или страха.

— Даже к Любящему, — согласился Ре Му. — Он был первым, если хочешь, разведчиком целой армии подобных, которую выпустил бы на нас Магос. Он тоже был ключом, потому что каждый раз как его призывали и кормили, он становился сильнее и всё крепче привязывался к нашему миру. Со временем он привёл бы других таких же или ещё худших. Место, откуда Магос призвал его, чуждо нам и всегда было оплотом нашего врага. И мы не знаем, какие ещё ужасы таятся в той бездне. Ты должен был послужить наживкой, чтобы вытянуть его, когда с ним ещё можно было справиться, а потом закрыть врата.

И скажу тебе: во всей нашей истории ни один человек не послужил матери-земле так, как ты, чужеземец. И не вставал перед таким злом, не делал его на время бессильным. Не в моей власти достойно вознаградить тебя, потому что разговор о наградах унижает сделанное тобой. Но проси чего хочешь...

— Верни меня в моё время и место, — ответил Рей.

Ре Му постоял молча. Потом медленно проговорил:

— Все наши знания к твоим услугам. Но можно ли это сделать, не знаю. И что если нельзя?

— Не знаю. Но я не из этого времени, — наступила очередь Рея помолчать, ему трудно было выразить в словах то, что он чувствовал. — Может быть, вернуться не удастся, но я должен попробовать...

— Да будет так!

Рей отошёл, и к нему приблизился Чо. Лицо мурийца было печально.

— Ты ненавидишь нас, брат? — спросил он. — Из-за того, что с тобой сделали? Я не знал об этом. Но понимаю, что такое способно разгневать...

— Ненавижу... — пробормотал Рей. Он ничего не чувствовал, только опустошение, странное отчуждение, как будто он больше не часть этой жизни и находится в месте, не предназначенном для него. Пловец в океане, глядящий на чудеса и цвета мира, который не принадлежит ему, в котором он чужак, испытывает нечто подобное, решил Рей. После ухода воли и смерти Любящего он стал просто зрителем. Снова попасть в реальный мир...

— Нет, не ненавижу, — ответил он скорее себе, чем Чо. — Просто я устал... устал...

— А если ты не сможешь вернуться? — муриец поднял руку, но не коснулся Рея, только время от времени поглядывал на него. Рей снова подумал, как устал, отошёл в то место храма, где его лечили, и лёг на койку. Чо бросился на груду плащей по соседству и быстро уснул. Но американец, несмотря на усталость, уснуть не мог. Он закрыл глаза и попытался увидеть — да, на этот раз он сам старался увидеть деревья, молчаливый лес.

Ре Му предложил ему всё, что он пожелает. Можно попросить корабль, идущий на север, потом пересечь равнину и оказаться в полутьме леса. Попасть на то место, где он вошёл в это время. А что если он встанет на нём и ничего не произойдёт?

Он услышал лёгкое движение рядом и открыл глаза. У-Ча, выглядевший очень старым, — старым и поблекшим в своей белой мантии, которая казалась более материальной, чем хрупкое тело в ней, смотрел на него сверху вниз.

— Ты был этой волей, — сказал Рей.

— Да, отчасти, — согласился наакал. — Но воля — это не всё, что было в тебе, потому что сила, стоявшая за этой волей, принадлежала тебе.

— Но я не хотел...

— Выполнять наши приказы? Да, это тоже верно. Но подумай: когда потребовалась эта воля, среди нас не нашлось человека, который мог бы придать ей силу. Ты другой, по нашим меркам ты очень сложен, сформировался в другие дни и жизнью, о которой мы ничего не знаем. Но я думаю, что сейчас ты уже не такой, каким впервые пришёл из своего времени в наше. Кузнец извлекает из огня раскалённый металл и бьёт по нему. Потом охлаждает, снова нагревает и снова бьёт. И в конце своих трудов держит в руках совсем не то, с чего начал.

Рей сел. Раны под повязками слегка ныли. Эта боль почему-то успокаивала, делала его живым, а не просто отчуждённым наблюдателем.

— Ты хочешь сказать — эта перемена может удержать меня здесь?

— Возможно, тебе стоит подумать об этом, сын мой, потому что я уверен: теперь ты не тот человек, каким пришёл к нам. Быть может, перемены начались, как только ты оказался в нашем мире, и потом только усиливались. Значит...

— Значит, я должен быть готов к неудаче. Хорошо, ты меня предупредил. Но поможешь ли ты мне?

— Всем, чем могу... ты знаешь это... да.

— Не здесь, — пояснил Рей, — и не в Му, а на севере...

У-Ча удивлённо взглянул на него.

— На севере — в Бесплодных Землях? Но там нет храма, нет места для науки...

— Я знаю только, что пришёл с севера и должен туда

вернуться. И это нужно сделать быстро, либо совсем не делать.

У-Ча наклонил голову.

— Да будет так.

Потом поднял худую руку, на которой отчётливо выделялись голубые вены. И начертил в воздухе между ними знак, не видимый Рею.

— Пусть дух твой отдохнёт, пусть мозг даст отдых телу, потому что не сегодня и не завтра сможем мы помочь тебе на твоём пути. А до того времени пребудь в мире.

И Рей, ложась, обнаружил, что его ждёт сон, сон без сновидений, в котором не возникло и тени воспоминаний.

А на закате он стоял за городом в обществе Чо и пиратов, которые провели силы Му в крепость. Последние жители города выходили в ворота, собирались семьями, группами и уходили, а повстанцы с равнин верхом охраняли их. В городе обыскивались дом за домом, чтобы никого не забыть. В сумерках вышли и те, кто искал. И когда они достигли холмов, с мурийских кораблей, стоявших у берега, на город устремились лучи. И когда они упали на стены, послышался грохот сильнее грома, задрожала земля, и многие наблюдатели попадали. Тучу пыли подхватил ветер, и небо ещё больше потемнело.

— Храм Ба-Ала... — Чо схватил американца за плечо. — Посмотри на храм Ба-Ала!

В развалинах по-прежнему стояло приземистое здание с красными стенами. Внешне оно казалось нетронутым. Снова скрестились лучи, направленные только на это здание, но когда они погасли, храм стоял, как и раньше.

И тут с неба, как будто машины разрушения привлекли силы природы, сверкнул ослепительно яркий свет. Все оглохли от грома, а когда открыли глаза, храм исчез.

Но у Рея появилось странное ощущение, которого он не смог бы объяснить и в которое сам почти не верил и не говорил о нём. Ему показалось, что он увидел чёрную тень, похожую на человеческое тело с головой быка. Она улетела в ночь, завернувшись в тёмный плащ мрака.

Все пошли к кораблям, и в это время от длинной змеи медленно уходящих атлантов отъехал всадник. Уранос склонился с седла и обратился к Рею.

— Друг, я не забыл. Всё моё принадлежит тебе; ты только спроси. И так будет с нашими сыновьями и сыновьями сыновей. Ты позовёшь, и я приду. Если понадобится, приду на край света. А теперь я должен идти со своим народом. Но помни, брат...

Рей сжал его руку.

— Между нами нет долгов, — тот должен это понять. — Иди с миром...

Рука сжала его пальцы, разжалась. Теперь рядом с американцем стоял Чо.

— Корабль ждёт... ждёт мать-земля...

И они вместе пошли на берег.

Глава 18

— Высаживались здесь? Ты уверен?

Рей едва не согласился с сомнениями капитана Таута. На пустынном берегу никаких следов, а одно место ничем не отличается от другого. И всё же Рей был уверен.

— Здесь, — убеждённо ответил он. Повернул голову: ему было трудно даже слегка ослабить нить, которая тянула его сюда, тянула тем сильнее, чем ближе они подплывали к Бесплодным Землям.

Ждёт мать-земля, сказал тогда Чо. Но Рей знал, что возвращение не для него. Как он говорил У-Ча, для него существует только одна дорога, и ведёт она на север. Таут, получивший приказ охотиться за сбежавшими судами из флота атлантов, согласился отвезти его к нужному берегу.

Капитан рейдера плотнее запахнул морской плащ на мощных плечах. Дул холодный ветер, скорее похожий на зимние ветры этой земли, какой она вскоре станет. Рей видел белые полосы, снежные наносы.

— Мы отплывём восточнее. Зажги костёр, когда захочешь, чтобы мы тебя подобрали...

Рей кивнул. Костёр, подумал он, вероятно, никогда не будет зажжён. Лучше, чтобы Таут понял это.

— Я могу не вернуться, — сказал он. — Иду искать свой народ.

— Не задавай вопросов, и тебе не станут врать, — ответил моряк. — У каждого свои тайны. Здесь нет колонии, только дикие места и звери, с которыми лучше не встречаться. Тут плавали корабли атлантов. Некоторые теперь станут пиратами. И разбойники устраивают здесь свои лагеря, — он махнул рукой в сторону берега. — Иди осторожно, воин, и держи руку на мече. Мы будем ждать твоего сигнала.

— Если не увидите его через пять дней, занимайтесь своими делами и меня не ищите, — твёрдо ответил Рей.

— Договорились. Но что мне доложить по возвращении? Что высадил тебя в диком месте, что ты отказался от охраны и я оставил тебя одного? Думаю, мне не избежать боя на мечах, если скажу так. Особенно от рождённого Солнцем Чо, которого ты обманул, когда тайком ушёл от него и явился ко мне на борт с приказом.

— Скажи ему, чтобы он расспросил наакала У-Ча. Есть такие, кто знает, что я должен сделать.

Рей испытывал нетерпение. Ему хотелось спрыгнуть с борта корабля и уплыть. Но Таут, видимо, решил больше не спорить. Капитан отдал приказ, и Рея отвезли на берег. Он выпрыгнул из лодки на мокрый песок и повернулся, чтобы взять мешок с продовольствием, который бросил ему рулевой. И не стал ждать, пока лодка вернётся на корабль.

Ветер и волны пригладили песчаные дюны, но поблизости он увидел почерневшие от дыма камни. Да, внутренний указатель привёл его верно. Здесь был разбит лагерь атлантов, куда его доставили, захватив в плен. Теперь...

Рей спрятал мешок с продуктами под скалой. Это лишняя тяжесть. Вероятно, он его больше никогда не увидит. И

американец пошёл в глубь суши, словно по хорошо обозначенной дороге. Так уверенно шёл, как будто тропа его была вымощена гладкими плитами.

Со временем он вышел в ущелье, где до сих пор лежали гладко очищенные кости лося. Поднялся по откосу, по которому его спускали пленником. Перед ним на фоне неба темнела линия леса. Солнца сегодня не было. Небо холодное и страшное, зима здесь чувствуется сильнее.

В лесу было ещё темнее: несмотря на время года, он не потерял листву, и над головой смыкался тёмный навес. Рей высвободил гребень мурийского шлема, потом задержался, освобождая край плаща от колючего куста.

Под ногами его высоких морских сапог пружинил мягкий моховой ковёр, зелёный и лишь едва тронутый коричневым. Посмотрев между рядами деревьев, Рей увидел только сумерки. Это был лес его постоянно возвращавшегося сна. А в нём то, что его ждёт. Но это его путь, и он не мог свернуть с него. Никакая воля не помогала ему победить страх и сомнения, как в Атлантиде, но он испытывал необходимость идти вперёд, добраться до места, в котором он прошёл сквозь время. Вначале эта необходимость приносила лишь лёгкое беспокойство, но постепенно становилась всё сильнее и сильнее, влекла его, и он не мог сопротивляться, да и не хотел.

Кожаная куртка и рубашка, которые были тогда на нём, безвозвратно исчезли. Теперь он носил кожаную тунуку, хорошо выделанную и мягкую, как ткань, солдатскую юбочку с металлическими нашивками и металлические доспехи. Талию стягивал пояс с мечом, ножны касались бедра. Внешне он сильно изменился. Рей бегло подумал, что скажут, когда его увидят, — люди его времени. Это же просто фантастическая история — может быть, одежда подтвердит её.

Не обращая внимания на царапины, Рей прорвался через подлесок, растущий на краю леса, и зашагал по проходу между деревьями. Откуда-то отсюда он бежал в

панике. Сможет ли он точно найти место своего прорыва? Но тяга продолжалась, а он привык полагаться на неё как на указатель направления.

Он снова побежал, на этот раз в лес, а не из него. Пора... пора... пора...

— Что-то приближается! — Бертон снял один наушник.

Все видели на экране чуждый пейзаж, гигантские деревья, край лесной поляны. Харгривз взглянул на остальных собравшихся. Он подумал: они на самом деле не верят. До сих пор, несмотря на съёмки, не верят. Но в это действительно невозможно поверить, пока не увидишь сам.

— Данные... дайте мне данные! — резко приказал Бертон одному из троих своих помощников.

Каждый из них назвал серию координат, Бертон, хмурясь, настроил приборы.

— Дальберг, повторите!

Помощник слева повторил свои числа. Бертон принялся писать, сильно нажимая на карандаш. Он хмурился всё сильнее. Что-то дописал, перечеркнул яростным взмахом и написал другую строчку цифр.

— В чём дело? — спросил генерал Колфакс.

Бертон нетерпеливо махнул рукой, требуя тишины.

— Кемпбелл, попробуйте... — сосед справа прочел ещё несколько чисел. Пальцы замелькали на клавишах, поворачивались шкалы. Бертон ссутулился, наклонился вперёд, почти касаясь носом маленького экрана, повторявшего изображение большого.

Впервые заговорил Фордхэм.

— Десять минут до конца попытки.

Бертон обернулся.

— Может не хватить. Он здесь... или кто-то... на луче. Вы должны продержаться дольше...

— Придётся привлечь резервы. И тогда снова сможем попробовать не скоро.

— Но он там, говорю вам!

— Вы сказали «он или кто-нибудь», — снова заговорил генерал. — Только что вы были не так уверены.

— Всё это строится на предположениях, на уравнинениях, созданных без достаточной базы данных, — ответил Бертон. — Естественно, следует ожидать отклонений. Но мы удерживаем сознание, человек приближается, отвечая на наш призыв. И думаю, это ваш человек. Мы ведь построили свой призыв на том, что знаем о нём, и только о нём.

— Но вы не уверены, — генерал поднял со стола собственный микрофон и принялся отдавать приказы.

— Смолл, подготовьте своих людей. Кто бы ни появился, берите его. Он должен оказаться здесь в ту же минуту, как появится.

Фордхэм справился со своими приборами.

— Шесть минут до конца попытки. Насколько он близок? — спросил он у Бертон.

— Меньше мили. Говорю вам, вы должны продлить время!

Фордхэм побарабанил пальцами по краю панели. Наконец взял микрофон.

— Ну, используем все возможности. Да, я переключусь на резервы, когда понадобится.

Деревья на экране, такая невинная картина, подумал Харгривз. Вокруг индейского кургана расположились военные, готовые схватить то, что они притягивают назад, в своё время. Это Рей Осборн — или кто-нибудь... к т о - н и б у д ь... Человек, у него мозг человека, иначе Бертон не смог бы притянуть его. Но кто — их человек или кто-то из того мира — идёт по ужасному лесу?

Носком сапога Рей зацепился за торчавшую из земли ветку. Развёл руки, пытаясь сохранить равновесие, и сумел устоять на краю поляны. Рука его ударилась о ствол, он ухватился за кору. И вдруг... дерево... оно расплывалось! Юноша вновь споткнулся и опустился на колено. Вокруг замелькали тени в головокружительном танце. Впереди

показалась тень большего размера — груды земли... курган... индейский курган!

С нечленораздельным криком Рей бросился к нему. Но руки его не коснулись земли, хотя он и видел её. Он встал. Вот курган, но хотя он ударил его кулаком по прочной поверхности... Какая прочная поверхность? Рука прошла насквозь... сквозь замёрзшую землю, как утверждают его глаза.

Он попятился на один-два шага, по-прежнему держа руки перед собой. К нему из-за кургана устремились тени, они были ещё менее устойчивы, чем земля, которой он не мог коснуться. Люди — он увидел лица, мундиры, но словно сквозь туман. Смотрел, как они протягивают к нему руки, пытаются схватить и удержать. Один бросился на землю, чтобы схватить Рея за ноги, — и прокатился, хватая руками пустоту, ту же, что встретил Рей в кургане.

— Нет! Нет! — услышал Рей собственный дикий вопль. Это конец кошмара, тот конец, которого никогда не было во сне, но теперь он встретился с ним наяву. Он снова отступил. Теневые люди... один поднял пистолет... выстрелил.

— Нет! — снова закричал Рей. Лес, безопасность в лесу. Пусть они вернутся, пусть вернутся деревья!

Теневые люди и курган, всё это есть и в то же время его нет — нет!

Дикое возмущение вспыхнуло в нём. И мгновенно порвалась нить, тянувшая его сюда. Деревья... деревья... Рей закрыл глаза и принялся думать о деревьях. Они неожиданно появились в его сознании, высокие, сильные, живые. Стремись к ним, требовала какая-то часть его. Помни: ты продержался против Любящего; ты должен выдержать и сейчас — или превратишься в тень в несуществующем мире. Деревья!

Плечо коснулось чего-то твёрдого. Не смея открыть глаза, Рей протянул руку, она ударилась о грубую кору. Он прижал к ней пальцы, пытаясь укрепиться на этом. Дерево!

Солёный пот тёк по щекам. Деревья... вокруг него деревья, а не мир теней!

Теперь он решился открыть глаза. Да, вокруг него возвышались деревья. Но впереди — он словно смотрел через открытую дверь или окно — впереди находился курган, рядом с ним люди... солдаты. Теперь они были реальны, не тени, но это потому, что они в своём мире, а он — в своём и больше не попытается пересечь запретный барьер. Нить, тянувшая его сюда, порвалась. И он смотрел на чужаков в чужом мире.

Так продолжалось мгновение. Потом окно — в чём? во времени или в пространстве? — исчезло. Он остался один в лесу. Тяжело дыша, Рей прислонился к дереву.

Что произошло? Он лишь наполовину вернулся в своё время. Курган, мундиры солдат — всё это наглядные доказательства. Но полностью пройти он не смог. Увидел, но не смог коснуться — и никогда не сможет. Рей должен был признать, что для него нет возврата. Но в тот момент он испытывал только облегчение от того, что спасся из кошмарного полумира.

— Что произошло? — первым нарушил молчание генерал Колфакс.

Бертон сидел неподвижно, глядя на экран, вцепившись пальцами в панель перед собой. На лице его легко читалось выражение крайнего изумления. Ответил Фордхэм.

— Мы закончили — на время. Установка сгорела — полностью, — он постучал по шкалам перед собой. Их иглы оставались неподвижными.

— Вы его видели, — Бертон повернул голову, умоляюще глядя на Харгривза. — Вы действительно видели его?

— Тень... призрак... — Харгривз искал подходящее слово.

— На нём были латы, — подсказал генерал, — и меч. Это не ваш человек. Или если ваш, то что он там делал? Почему не прошёл к нам?

— Не смог, — ответил Фордхэм. — Если мы действи-

тельно привлекли сюда Осборна, он больше не человек нашего мира. Мы рассмотрели множество теорий, начиная операцию «Атлантида». Вы знаете старый парадокс, который всегда приводят, говоря о путешествиях во времени: человек может вернуться в прошлое, изменить историю своей семьи, и в результате он сам не сможет появиться на свет. Мы не пытались совершить такое путешествие во времени. Но, допустим, Осборн сделал что-то очень важное для истории того уровня, принял участие в событиях, которые укоренили его там. Тогда — что ж... он мог оказаться навеки прикреплённым к тому миру.

Генерал вскочил на ноги.

— Если вы правы, то же самое может произойти со всяким, кто попытается пройти?

Фордхэм кивнул. Генерал обратился к своему микрофону.

— Мне нужно доложить.

— Вы предложите отложить проект, — не спросил, а просто высказал утверждение Фордхэм.

— Отложить. Наверное, заглянуть туда можно. Но я бы посоветовал не проходить... пока мы не узнаем больше, гораздо больше...

— А Осборн? — спросил Бертон.

— Если это был Осборн, он как будто нашёл своё место в жизни. И пока мы не узнаем больше, останется там... — ответил Фордхэм.

— Мне кажется, он не так уж плохо там устроился, — заметил Харгривз, — конечно, если это Осборн. Он исчез несколько недель назад, затерялся в неизвестном мире. А когда вернулся — или наполовину вернулся, на нём латы, он вооружён. Очевидно, установил хороший контакт с обитателями того мира, нашёл своё место там, раз ему дали одежду и вооружение. И если доктор Фордхэм прав, он совершил там нечто значительное. Интересно, что именно, — и он посмотрел на пустой экран.

— Что ж, — Бертон медленно встал. — Мы, наверное,

никогда не узнаем. Он там, куда нам не дотянуться... в безопасности.

На руке генерала Колфакса затрещало устройство связи. Он поднёс его к уху.

— Колфакс слушает, давайте.

Послушал немного и повернулся лицом к остальным. Лицо его принимало изумлённое выражение.

— Сообщение из Пентагона. Новые земли — одна в Атлантическом океане, другая в Тихом. Они не поднялись со дна, просто оказались там. Словно всегда там были...

— Атлантида, — прошептал Фордхэм. — Но как... почему?..

— Потребуйте у своих компьютеров новое уравнение. Мы по ошибке послали туда человека — и в обмен получили два новых континента. Похоже, что-то изменилось и на нашей стороне, здесь и сейчас... И нам придётся иметь с этим дело. Эти земли... если они населены... или если открыты... ими придётся заняться.

— Пригодны для захвата, конечно, если там нет жителей, — заметил Харгривз. — Пожалуй, нужно сразу этим заняться. Может быть, Осборн оказался в лучшем из двух возможных миров.

Высокие деревья, но теперь в них не чувствовалось ничего тревожного, несмотря на полумрак под закрывающими небо кронами. Рей шёл легко. Он надеялся быстро найти путь назад, к берегу, хотя теперь путеводитель, приведший его сюда, не действовал. По-прежнему его не оставляло ощущение безопасности, которое появилось вместе с возвращением деревьев. Как будто он только что успешно спасся из теневого полумира, и это было спасение от опасности, угрожавшей не только его телу.

Возврата не будет. Рей принимает это. То, о чём предупреждал его У-Ча, справедливо. Его действия поставили преграду между ним и прошлым. И теперь, когда он знает и принимает это, сознание нереальности окружающего, охватившее его в Пятистенном городе, исчезло. Здесь и

теперь — всё, что у него есть и в чём он нуждается. Собственное время мало что могло бы предложить ему — и уж точно меньше, чем это.

Он вышел из леса и побежал рысцой. Далеко ли до берега? Вечер не скоро. Может, рейдер ещё близко, и его сигнал заметят.

Рей бежал, как некогда бежал из этого же леса. Что обещал ему Ре Му — проси, чего хочешь? Теперь он знал, чего хочет. Места на этой земле. Найдутся и ещё желающие поселиться здесь. Это его собственная земля, последнее, что связывает его с прошлым. Бесплодные Земли — неправильное название. Они не бесплодные. Достаточно только взглянуть на этот лес, на эту равнину! Хорошие земли — и ждущие человека.

Над головой облака разошлись, пропуская свет солнца. Сухая трава под ногами стала золотой. Бесплодные? Нет! Когда-нибудь здесь встанут города, жители...

Рей тяжело дышал. Приблизившись к берегу, перешёл на ходьбу. Но несмотря на боль в рёбрах и усталость, принялся собирать плавник. Потребуется большая груда, чтобы получился высокий столб дыма. И вперёдсмотрящий Таута обязательно его увидит.

Рей достал из сумки кресало и разжёг костёр. Раздул огонёк.

Бесплодные Земли... настоящие земли... Он вспомнил об окне и тенях за ним. Теперь он здесь и сейчас. А то, что было? Где-то... нет, когда-то. И для него в том мире больше нет жизни. Рей подбросил в костёр дров и смотрел, как тёмный дым по спирали поднимается к солнцу, тёплому и утешающему солнцу.

ДРАКОНОВА МАГИЯ

Спрятанная драгоценность

Сиг Дортмунд пнул грудку листьев в канаве, наблюдая за толпой, собравшейся на школьной автобусной остановке. Взрослые вперемишку с детьми. Среди них и несколько мальчишек его возраста. Ага, их только трое. Автобус отсюда отправляется по спаренному маршруту — и в начальную школу, и в среднюю — так что придётся уезжать рано утром, а возвращаться домой, когда уже слишком поздно выходить на улицу. Да, ему предстоит просто чудесный год! И мальчик ещё сильнее пнул кучу листьев.

Он попытался искоса рассмотреть трёх сверстников, чтобы те не заметили, что он разглядывает их. Так, он узнал того, что поменьше. Он проходил вместе с ним курс общественных наук в прошлом году. Как же его имя? Арти... Арти Джоунс. А не стоит ли поздороваться: «Эй, привет, Арти»?

Арти Джоунс прикусил нижнюю губу. Что за толкотня! Вся эта малышня только и может, что толкаться и вопить. Любой оглохнет, прежде чем закончит начальную школу. И только подумайте, с кем ему придётся сидеть рядом! Вон тот высокий паренёк — он видел его в последнюю четверть, но тогда он, несомненно, не был настолько высоким. Или взять того китайца у стены. Мама всё знает о нём. Она рассказывала об его семье вчера за ужином. О том, как мистер Стивенс был во Вьетнаме и попал в Гонконг. Там он случайно натолкнулся на этого Кима в приюте для сирот и решил усыновить его. Стивенсам пришлось долго ждать, пока его не отдали им, и они вынуждены были даже привлечь к этому делу губернатора. Но на вид нельзя сказать, чтобы он стоил всех этих хлопот. Правда, говорят, что он отличник в школе. Но, конечно, Стивенсы будут хвастаться им после всех этих хлопот, когда они забирали его. Ничего себе — ему, любителю поразвлечься, ехать с таким!

Ким Стивенс крепко сжимал свой портфель. Вокруг только шум и суматоха! Он сыт по горло этим шумом, его всегда окружали толпы людей с тех пор, как помнит себя. Гонконг был настолько переполнен людьми, что те жили там чуть ли на головах друг у друга. Вот только здесь всё по-другому. То был его народ, и он з н а л, на кого они были похожи. Однако и последний год, проведённый здесь, был совсем другим. Отец отправил его в школу. Да, сначала он чувствовал себя странно, но позднее он познакомился с Джеймсом Фонгом и Сэмом Льюисом. Он бросил взгляд на высокого тёмного мальчика, прислонившегося к стене старого дома. Тот вёл себя так, словно вокруг него никого не было, даже не замечая учеников второго класса, почти наступавших ему на ноги.

Рэс не прислушивался к шуму. Он должен был сосредоточиться, как учил Шака: помнить и делать всё правильно. Когда спрашивали, как его зовут, он больше не отвечал: «Джордж Браун», а просто: «Рэс». Подобно своему брату, который теперь звал себя Шака, а не Ллойд, взяв имя в честь короля племени зулусов из Африки и отвергнув имя белого человека, данное ему в былые дни. Рэс означает «принц». Шака позволил ему самому выбрать это имя из предложенного списка. У Шаки были на то основания: у него волосы африканца и всё такое.

Па и ма этого не понимали. Они придерживались старых взглядов, что всё должно быть так, как этого хотят белые, и следует держать рот на замке. Шака же живёт нынешними днями. И Рэс не собирался позволять кому бы то ни было делать ему выговор за его действия, следуя речам Шаки.

К углу стены прибило ещё листьев, и Сиг прошёлся по ним, специально вороша. Сзади располагался старый дом, который собирались вскоре снести. Ему хотелось сходить туда и взглянуть, это всё-таки лучше, чем слоняться без дела в окружении ребят, которые даже не посмотрят на

тебя, обрекая на одиночество на весь день. Но вот подошёл автобус.

День, который начался безрадостно, ничего хорошего не принёс и потом — иногда такое случается. В четыре часа Рэс снова развалился на сидении в автобусе, возвращаясь домой. Создатель проблем, так? Он слышал болтовню старого Кифера. Но во всяком случае тот ни с кем не трепался, кроме Рэса. И не его вина, что об этом заговорил Бен Крейн. Бен... Тот, кого Шака называет «Дядей Томом», передразнивая белых. Возможно, Шаке удастся забрать Рэса из этой чёртовой школы туда, где учатся африканцы. Никто не поехал рядом с ним. Он хмуро уставился в сидение перед собой.

Ким сидел неподвижно, положив портфель на колени. Почему этот мальчик не захотел говорить учителю своё имя? И что это за имя такое — Рэс? Он просто ничего так и не понял в этой новой школе. Она слишком большая, и тебя всё время подгоняют. Голова его разболелась. Он не принадлежит этому миру. Отважится ли он сказать это папе, чтобы тот, возможно, отправил его обратно?

Арти шаркал ногами по полу автобуса. Он должным образом использовал сегодня глаза и уши, это точно. Грег Росс был заводилой их класса, футболист, и он принял деятельное участие в выборах в школьный совет, об этом говорил классный учитель. Нужно только попасть в команду Грега — и тогда не будет никаких проблем. Слишком плохо, что он невысок ростом и легковат для футбола. Но он каким-нибудь образом ещё покажет себя Грегу. Стоит приложить все усилия сделать это и оказаться в его окружении: вне его — ты никто.

Сиг, сидевший рядом с Арти, вдруг спросил себя, о чём он сейчас думает. А думал он о трёх парнях, что живут по соседству. Конечно, Арти не очень-то приветлив, но вряд ли бы он мог сказать что-либо большее и о тех двоих. Школа-то очень большая. Можно заблудиться. Арти на уроках социологии и математики стремился сесть поближе

к Грегу Россу, словно хотел, чтобы Росс заметил его. А этот Рэс... умалчивает о своём настоящем имени. Да, води себя как чужак, и тогда уж точно у тебя возникнут настоящие проблемы.

А другой паренёк... откуда у него эта фамилия — Стивенс? Он же китаец или откуда-то с тех краёв. На этих двух уроках он просидел, словно набрал в рот воды. Ведёт себя так, будто боится собственной тени. И, конечно, станет обузой всем, если весь год будет избегать своих ровесников.

Когда автобус завернул за угол, чтобы высадить их на остановке, Сиг заметил кое-какие изменения. Ворота, окружавшие старый дом, исчезли, кустарники внутри были сломаны, словно по ним проехался грузовик. Он слышал, что этот дом собираются снести и сделать на его месте автостоянку.

Сиг пропустил первую группу детворы, гурьбой вывалившуюся на улицу. Действительно, ему казалось, что в доме водятся привидения. Мальчик помнил, что там долгое время жил какой-то старик. И он не продал дом, даже когда ему предложили огромную кучу денег. Тоже какой-то чужак, как сказал папа: жил в других странах и выкапывал из земли древние кости и вещи, которые остались от людей, канувших в вечность.

В прошлом году, когда их класс из другой школы совершил экскурсию в музей, мисс Коллинз показывала им экспонаты в египетском и китайском залах, которые этот старик подарил городу. И когда он умер, ему была посвящена в газете большая статья. Мама прочитала её вслух. Её статья заинтересовала, потому что она знала миссис Чандлер, которая одно время убирала в том доме. Однако некоторые комнаты старик держал закрытыми, и уборщица так ни разу и не увидела, что там находится.

Что же там было? Может быть, драгоценности... вещи, которые старик нашёл в древних гробницах или в подобных тому местах? Что же случилось с ними после его смерти? Неужели их все забрали в музей?

Сиг, переминаясь с одной ноги на другую, постоял у

внутренней стороны стены на въезде во двор. Ему бы не хотелось приходить сюда после наступления темноты. Но как насчёт тех запертых комнат? Что, если они всё ещё закрыты и все забыли о них? Что, если удастся проникнуть внутрь и действительно обнаружить...

По спине Сига пробежали мурашки. Ведь можно найти клад драгоценностей! А тогда можно будет купить велосипед или настоящий бейсбольный мяч и биты... Список вещей, которые он мечтал когда-нибудь приобрести, был внушителен. И если у него появится хоть что-нибудь из него, то можно держать пари, что ребята заметят его, даже в такой огромной школе, как «Энтони Вейн»! Найти драгоценности!

Вот только это огромное тёмное место... Сигу не хотелось бродить там одному. Темнота теперь наступает слишком быстро, а они возвращаются домой из школы слишком поздно. Ему нужен ещё кто-нибудь, кто пошёл бы с ним, однако никаких кандидатур, кроме Арти, на ум не приходило. Что, если он попросит соседа по улице об этом? Расскажет о запертых комнатах и драгоценностях? Это может его встряхнуть, пробудить от спячки, заставить осознать, что в мире есть и другие люди, кроме Грега Росса. И Арти действительно прислушается к Сигу, если у него будет что сказать. Просто надо дождаться завтрашнего утра!

Однако на следующий день, как обнаружил Сиг, остаться с Арти один на один хоть ненадолго оказалось делом непростым. Сначала Арти опоздал на автобусную остановку, появившись перед самым приходом автобуса, и поэтому занял место спереди. И он вышел из автобуса и покинул остановку раньше, чем Сиг мог бы догнать его. Но в классной комнате Сиг схватил его за руку.

— Послушай, — поспешил он заинтересовать Арти, потянув за руку, когда тот смотрел мимо него туда, где находились Росс и его приятели, — послушай, Арти, мне нужно сказать тебе что-то важное...

Тут Росс встал, чтобы поговорить с мистером Эвансом,

и Арти, расслабившись, посмотрел на Сига, словно только что заметил его.

— Что? — в его голосе звучало нетерпение.

— Ты знаешь тот большой старый дом, ну, тот, что собираются снести, на углу улицы?

— Конечно. И что в этом такого важного?

Арти снова попытался посмотреть мимо Сига. Но тот твёрдо стоял перед невысоким мальчиком, пытаясь добиться его заинтересованности.

— Моя мама знает одну женщину, она работала там. И утверждала, что старикан, которому принадлежал этот дом, запирает некоторые комнаты и не разрешал ей заглядывать в них. Ты помнишь, как в прошлом году мы посещали музей и нам показывали древние вещицы, которые он подарил музею, — из гробниц, раскопанных в разных местах? Возможно, он отдал им не всё, возможно, что-то ещё осталось в этих запертых комнатах. Драгоценности, Арти!

— Ты сошёл с ума. Разве могут они там быть, сейчас, когда весь дом собираются снести, — но теперь Арти уже пристально взглянул на Сига и прислушался к его словам. — Тебе бы следовало знать это!

— Я спрашивал свою маму сегодня утром. И она сказала, что никто не побывал в доме после того, как старик умер. Адвокат сказал, что все вещи, что находятся там, следует передать в ведение муниципалитета и музея, но их ещё не увезли оттуда. У миссис Чандлер есть ключи от дома, и никто не спрашивал их у неё. Поэтому, возможно, что-то ещё там осталось.

— Если там всё заперто, то как ты собираешься проникнуть внутрь?

Сиг ухмыльнулся.

— Есть способы, — он не был до конца уверен, какие именно, но сейчас не стал говорить Арти об этом. Чем больше тот будет думать об этом, тем большая в нём возникнет уверенность, что там действительно находятся драгоценности, дожидаящиеся своего обнаружения. А в

том, что их заберут они, не будет никакого вреда. У старого археолога не осталось никого из родни. И если всё это должны передать музею...

— Когда ты собираешься заняться этим? — Арти перестал отталкивать Сига и теперь внимательно слушал его.

— Я взял фонарик. Лучше всего попытаться сегодня. Неизвестно, когда люди из муниципалитета придут за ними. Вчера снесли ворота, должно быть, уже всё готово к сносу дома. У нас осталось немного времени.

— Ну хорошо, — согласился Арти как раз, когда зазвонел звонок. — После школы.

Арти торопливо пробежал к своей парте за Греггом Россом. Сиг вернулся на своё место, которое находилось дальше на ряд. Поворачиваясь, он наткнулся на взгляд Рэса. Он что, подслушал их? Сиг, насупив брови, уткнулся в учебник математики. Эти драгоценности с каждой минутой казались ему всё более и более реальными. Если у этого Рэса возникла мысль примазаться к ним... что ж, Арти и он окажутся вдвоём против одного, поэтому ему лучше не пытаться что-нибудь сделать, для своего же блага!

Рэс уселся за парту. Драгоценности в старом доме? Шака всегда говорил, что им нужны деньги для Дела, много денег. Что, что если Рэс обнаружит эти драгоценности и отдаст их Шаке. Вот это будет помощь! Драгоценности в старом доме, и эти двое собираются туда сегодня вечером. Нет никаких причин, способных запретить Рэсу последовать за ними и посмотреть, что они станут делать и что обнаружат, ну совершенно никаких причин.

Сиг и Арти выскользнули из автобуса одними из последних. Они сделали это специально и оставались у разлома в стене, где некогда были ворота, пока все остальные дети не ушли.

— Отлично, теперь идём, — в голосе Арти прозвучало нетерпение. — Моя мама станет беспокоиться, почему я не

дома, когда увидит, что все остальные ребята вернулись из школы.

Сиг колебался. Теперь, когда настала пора действовать по-настоящему, ему это предложение нравилось уже меньше. Здесь росли высокие кусты, нависая над дорожкой, почти скрывая дом. Весь день было облачно, хотя дождь так и не пошёл, и от всего этого двор казался очень тёмным.

— Ну, идём мы или нет? Хватит лишь болтать об этих драгоценностях. Ты что, боишься, а? — Арти, сделав несколько шагов по дорожке, обернулся к Сигу.

— Иду, иду, всё отлично! — Сиг вытащил фонарик.

Въездная дорога привела их к боковой стороне дома и дальше, к задней его части, где располагалось ещё несколько строений. Они выглядели так, словно все давным-давно обвалились. На одном даже не было крыши. Но сам дом оставался в хорошем состоянии, даже окна были целы.

— Где мы проникнем в него? — нетерпеливо спросил Арти.

Сбоку нашлась дверь, оказавшаяся запертой. В задней части дома была ещё одна дверь, выходившая на маленькую веранду с сетчатыми окнами. Однако сетка была вся в пыли и в дырах. Сиг рванул за один кусок, и тот легко оторвался. Дверь также оказалась запертой, зато там были два окна, по одному с каждой стороны.

— Держи! — Сиг бросил Арти фонарик; положил портфель на пол веранды и попытался открыть ближайшее окно. Ему не хотелось, чтобы Арти подумал, будто он боится, поскольку сам затеял это дело.

Сначала он никак не мог стронуть окно с места, но потом оно всё-таки подалось, правда, с таким трудом, что Арти пришлось придти ему на помощь, чтобы приподнять его. Изнутри повеяло каким-то странным запахом. Сиг вдохнул и с отвращением сморщился. Но теперь они могли проникнуть внутрь, и это было самым главным сейчас, что он и втолковал Арти.

Они вскарабкались на наружный подоконник, и Сиг, включив фонарик, осветил им.

— Обычная кухня, — пробормотал Арти, увидев в луче света раковину, огромную плиту, совсем не похожую на те, что устанавливали в новых домах, и множество шкафов.

— Конечно, — ответил Сиг. — А на что ты думал, это будет похоже? Это ведь веранда заднего входа, поэтому она и ведёт на кухню.

Каким-то образом вид такой обыкновенной раковины и плиты заставили его почувствовать себя как дома.

Их кухни вели две двери. Арти открыл первую и увидел лестницу, уходящую куда-то вниз, в темноту. Он поторопился закрыть её.

— Подвал!

— Ага, — хоть Сиг и взбодрился, однако ему не хотелось исследовать подполье: он был уверен, что те комнаты, куда не позволялось заглядывать миссис Чандлер, находились не в подвале.

За следующей дверью оказалась комнатка намного меньших размеров, вся заставленная шкафами со стеклянными дверцами. На стеклах лежал толстый слой пыли. Сиг провёл рукой, чтобы посмотреть внутрь, но не увидел ничего, кроме множества тарелок.

Дальше их ждала гостиная, побольше в размерах. Арти фыркнул.

— Конечно, здесь одна пыль. Ну да, это же большой дом. Только посмотри, какого размера вон тот стол. За ним могла бы усесться вся наша семья на День Благодарения, все четырнадцать человек, считая бабушек и дедушек. Живя здесь, наверное, чувствуешь себя как-то странно в такой огромной комнате.

А Сиг уже зашёл в следующую погружённую в полумрак комнату, где были опущены все занавеси, придавая ей вид мрачной пещеры. В свете фонарика они увидели столы, стулья, диван. На некоторых валялись листки бумаги и даже газеты. Из этой комнаты выходил коридор с ещё двумя дверями. Первая вела в комнату с большим столом и множеством полок, часть которых всё ещё занимали книги.

Однако вторая дверь не поддалась усилиям Сига, и он с волнением на лице обернулся к Арти.

— Эта комната заперта! Должно быть, это и есть одна из тех комнат, о которых говорила миссис Чандлер.

Арти в свою очередь схватил ручку и попытался открыть.

— Итак, она заперта, и каким же образом ты теперь собираешься открыть её? Может, пропоешь что-нибудь, как в тех сказках, которые я читал своей младшей сестре по ночам? — Арти сделал шаг назад и вскинул вверх руки, словно собирался сотворить какой-то магический жест, а затем продекламировал глубоким басом: — Сезам, откройся!

— погоди, да погоди ты! — Сиг не мог потерпеть поражение сейчас, ну просто не мог, когда рядом с ним веселился Арти. Он бегом вернулся в предыдущую комнату и схватил кочергу, которую заметил в камине. Но когда он вернулся с ней, Арти выглядел удивлённым — и не просто удивлённым, а перепуганным.

— Знаешь что, Сиг, послушай-ка теперь меня! Ты собираешься взломать эту дверь и тем самым вовлечь себя в серьёзные неприятности. Я недавно слышал о двух парнишках, которые проникли в один дом, взломав дверь. А потом их арестовали, и их предкам пришлось явиться в полицию, чтобы забрать их. Я не хочу ничего здесь взламывать. Уже поздно, моя мама, наверное, задаётся вопросом, куда это я запропастился. Я немедленно ухожу отсюда!

— Ну и проваливай! — фыркнул Сиг. — Давай, проваливай! И не получишь никаких драгоценностей.

— В любом случае здесь нет никаких драгоценностей. А ты, Сиг Дортмунд, просто хочешь напороться на неприятности!

Арти, повернувшись, убежал. Одно мгновение Сиг был готов последовать за ним. А потом с упрямым видом повернулся к двери. Там его ждали драгоценности, он знал это точно. И теперь они остались для него одного. И пусть Арти уносит ноги — Арти просто цыплёнок.

Сиг неуклюже поднял кочергу, но когда он коснулся

двери, та тут же отворилась. Она больше не была заперта, вообще не была. Сиг опустил кочергу и посветил фонариком. В комнате были два окна с плотно закрытыми ставнями. Никогда прежде Сиг не видел запертых и з н у т р и ставней. Обычно они навешивались снаружи. Фактически он не знал, что их можно закрывать. Прямо посреди комнаты находился стол, а рядом — стул, и больше вообще ничего не было. Кроме шкатулки на столе. Сиг подошёл поближе и посмотрел на неё.

Всю шкатулку покрывал бархатный налёт пыли, который он быстро смахнул на пол. Потом посветил фонариком — и ослепительно вспыхнули цвета, такие яркие, словно сверкали драгоценные камни. И на поверхности шкатулки появился рисунок, вернее, даже четыре рисунка на всех четырёх больших гранях. И это... это были изображения драконов!

Дракон на крышке был серебристого цвета, с крыльями. Свои когтистые передние лапы он поднял высоко вверх, словно кидаясь на кого-то. Прямо из пасти высовывался язык, раздвоенный, как у змеи, на конце, а зелёные глаза прямо-таки жгли Сига насквозь.

С левой боковой стороны — красный дракон с длинным хвостом, который изгибался кверху, приподнимаясь над спиной и заканчиваясь узким прямым жалом. Дракон с правой боковой стороны свернулся клубком, словно уснул, его большая голова покоилась на передних лапах, глаза закрыты. Он был жёлтого цвета. Дракон с нижней стороны имел самый странный облик. Тело его больше напоминало тело животного: спереди лапы, а сзади — похожие на большие птичьи когти. Он высоко вздымал свою маленькую голову на длинной шее, словно змея. И он был синего цвета.

Сиг открыл шкатулку и к своему полнейшему удивлению нашёл целый ворох, до самых краев, кусочков мозаики-загадки; все её многочисленные необычной формы частички были смешаны в полном беспорядке. Благодаря ярким цветам казалось, что там не картинки, а действи-

тельно бриллианты, изумруды и рубины. Сиг пробежался пальцами по этой путанице кусочков и резко отдернул руку в сторону. Они даже на ощупь казались... странными! И тем не менее ему снова захотелось прикоснуться к ним.

Сиг захлопнул крышку шкатулки и прижал её к себе. Он не мог взять её с собой домой, где ему задали бы слишком много вопросов. Но она останется у него — он нашёл её после ухода Арти, и поэтому у того нет причин потребовать её для себя.

Однако в одном Арти был прав — уже поздновато. Ему следует сейчас же спрятать её и вернуться за ней завтра. И кроме того, он ведь ещё не исследовал остальную часть дома.

Спрятать... но где? В предыдущей комнате с полкам? Что если Арти вернётся сюда один или ещё кто-нибудь? Это теперь драгоценность Сига, и он сохранит её для себя!

Сиг пробежал назад по коридору и сунул шкатулку под один из бумажных листов. Выходя из дома, он оставил дверь во вторую комнату полуоткрытой. Торопливо пробираясь по дороге, он не заметил тени, скрывавшейся в тени полусохшего куста сирени.

Фафнир

Сиг стоял в очереди на автобусной остановке одним из последних, не желая, чтобы Арти начал задавать вопросы. Но когда мальчик влез в автобус, а Арти там не оказалось, то он, плюхнувшись на сидение, ощутил смутное беспокойство. Что, если Арти кому-то проболтался? Сиг попытался не думать о том, что мог бы сделать или сделал Арти. Но когда того не оказалось и на первом уроке, беспокойство Сига возросло. Он поступил как дурак, решив посвятить Арти в свою тайну. Сегодня вечером он вынесет шкатулку с драконами из дома. А потом...

Вся остальная часть дня прошла для Сига так же неудачно, как и начало. По математике была контрольная — чтобы посмотреть, не слишком ли ученики расслабились за

время школьных каникул. И Сиг обнаружил, что даже не знает, что означают некоторые знаки. Мистер Беванс никогда не учил их этому в его прежней школе в Лейкмаунте.

А в столовой — да, не больно-то весело есть в одиночестве. Повсюду школьники сидели, сгруппировавшись кучками или по крайней мере вдвоём. Кроме некоторых чудачков, вроде этого парнишки Стивенса или Рэса. Те расположились в одиночестве, но Сиг отнюдь не был уверен, что хочет присесть к кому-нибудь из них. И Арти до сих пор не объявился, что означало, что сегодня ждать его появления в школе бессмысленно.

А день всё тянулся и тянулся. Сигу казалось, что он так никогда и не кончится. Но вот наконец он тяжёлой походкой прошёл к своей парте, сунул книги по математике и общественным наукам в портфель и отправился на автобусную остановку. Пять вопросов по математике — а он всё ещё не понимает, как решить их. Да, конечно, на уроках мистера Сэмпсона ему пришлось весьма туго. Сигу казалось, что всё идёт как надо, пока учитель не начал писать мелом на доске что-то и при этом бормотать: «Это есть...» и «Тогда...». После чего он оглядывался и резко бросал: «Понятно?» Но по интонации его голоса было очевидно, что он ожидает от вас ответа «да» независимо от того, поняли вы или нет. И Сиг знал, что он-то уж точно не понял.

Он был не сильно башковитым и всегда понимал это. Но если только ему дать время и кого-то в помощь... Ведь он был не на самом плохом счету в школе в Лейкмаунте. Только там все гораздо меньше суетились, не то что здесь, в школе Энтони Вейна. И Сиг хмуро уставился в окно и спросил себя, неужели весь год пройдёт так же, как сегодня.

Рэс держал свой большой блокнот на колене и короткими взглядами время от времени украдкой наблюдал за Сигом. Что этот высокий мальчик и Арти делали в старом доме прошлым вечером? И почему Арти покинул его так стремительно, в то время как Сиг остался внутри? Рэс пока

ещё не говорил с Шакой об этом. Но теперь его охватило любопытство. Предположим, они сделали что-то незаконное, что требует вмешательства полиции, — кому будет предъявлено это обвинение? Рэс кивнул. Всегда одно и то же, говорил Шака. Когда полиция начинает искать, против кого выдвинуть обвинение за что-либо, то первым делом они находят чернокожего. Может, ему стоит держаться от этого дела подальше — или всё же проследить за Сигом, если он сегодня вечером снова отправится в тот дом? Но почему Сиг остался там прошлой ночью, после того как Арти с такой поспешностью убежал? Рэс не знал причины. Да, он проследит за Сигом, если тот снова отправится в старый дом.

Ким сидел, уставившись неподвижным взглядом на свой портфель. Внутри он ощущал лишь пустоту и одиночество, и ему было почти так же плохо, как в Гонконге после смерти старушки, лишившей его всего. Он так и не узнал, была ли она его родной бабушкой или нет. Иногда она отвечала «да» на этот вопрос, в следующий раз принималась кричать всякие гадкие слова, называть его пустым местом с жабьей мордой. Но по крайней мере она знала, что он жив. А после её смерти у него не осталось вообще никого, и ему пришлось однажды отправиться в миссию, тащась вслед за какими-то другими ребятами, надеясь получить миску лапши.

И его накормили. А вскоре после этого всё изменилось. Первое время он оставался в приюте миссии. А потом он встретил папу и отправился с ним в Америку. Но вот теперь он снова чувствовал себя одиноким; всем в этой школе, похоже, наплевать на него, Кима Стивенса. Иногда ему казалось, словно он невидимка, вроде тех демонов, про которых ему рассказывала старуха, пытаясь напугать малыша. Что если ему удастся превратиться в какого-то демона, одного из тех красноликих чудовищ, которые были нарисованы на стене в часовне? И направиться прямиком в класс? Вот тогда они узнают, кто он такой!

Должен ли он пойти сегодня вечером и забрать коробочку с рисунками драконов? Как жаль, что он не знает, что с Арти, если тот всё же рассказал кому-нибудь о вчерашней прогулке. Но вдруг люди из музея вскоре появятся там и заберут всё из дома? Да, ему лучше забрать эту коробочку сегодня же и поискать место, где бы спрятать её понадежнее. Но почему же ему так нестерпимо хочется сделать это? Сиг испытывал лёгкое недоумение от охватившего его чувства. Он никогда прежде особо не интересовался картинками-загадками. Но с этой, во всяком случае, дело обстояло по-другому. И он знал, что шкатулка должна быть у него.

Он сделает всё как накануне, подождёт, пока ребята не уйдут подальше от автобусной остановки, а потом проникнет в дом и заберёт коробочку. Хотя ему не очень-то нравилась мысль, что он один окажется в пустом доме. Там такие громадные и тёмные комнаты. А он не взял с собой фонарик.

И небо как назло застилало тучи. Ему придётся поторопиться, чтобы вернуться домой прежде, чем начнётся дождь. Иначе мама станет задавать ему вопросы, на которые труднее будет найти ответ, чем на сегодняшние задания по математике. К счастью, Сиг хорошо помнил, где он оставил коробочку — под одним куском бумаги, брошенном на каком-то маленьком диване.

Автобус ехал долго, и на всех остановках с него вылезали ребята из школы. Сиг скрёб ногами о пол от нетерпения, ему так хотелось выбраться из автобуса и побежать. Таким образом он окажется там скорее.

Но когда автобус наконец-то добрался до его остановки, небо настолько затянули грозовые тучи, что Сиг понял, что не отважится на новую попытку проникнуть в дом. Арти... Мысль об Арти натолкнула его на новый план. Словно кто-то подсказал ему, что делать, шаг за шагом. И он настолько обрадовался этой новой идее, что даже и не попытался остановиться и хорошенько обдумать её, а решил сразу действовать. И направился напрямик домой.

Но едва он прошёл через парадные двери, как почувствовал укол беспокойства. То, что он собирался сказать маме, было не совсем правдой. Но лишь это даст ему единственную возможность добраться до коробочки с драконами. А она должна оказаться у него.

— Мама? — в этом слове не было вопроса. Сиг прошёл на кухню.

На столе стояла тарелка с пирожными. Когда Сиг протянул руку к одному, он увидел записку, которая выглядывала из-под края тарелки. Мамы не было дома, она отправилась к тётушке Кейт. И только где-то через час, а может даже и позже, домой вернётся папа. Так что ему не придётся придумывать историю о том, что он пошёл к Арти выполнять домашнее задание. Он без труда сможет забрать коробочку, и никто об этом не узнает.

Уминая ещё одно пирожное, Сиг взял фонарик и надел плащ. Дождь уже начался. Тем лучше, никого не будет поблизости, чтобы увидеть, как он отправляется туда.

Предстоявшее приключение привело его в возбуждение, и теперь он был рад, что никого нет. Он готов был поспорить на что угодно, что Арти или даже Грег Росс испугались бы в одиночку проникнуть в темноте в тот дом. Но он-то, Сиг Дортмунд, не боится!

Ещё большее количество листьев устилало дорогу к старому дому, и дождь смешивал их с крошками бетона. Сиг обошёл дом к веранде заднего входа. Без Арти оказалось труднее поднять окно. Он подставил под него отвалившийся от ступенек кирпич, а потом торопливо пересёк кухню, кладовку, тёмную гостиную и вошёл в кабинет, где оставил коробочку с драконами.

Только листа бумаги, прикрывавшего коробочку, не было на прежнем месте — и она тоже исчезла!

Арти! Сига охватило возбуждение, смешанное с гневом. Арти пришёл сюда и унес её. Пальцы Сига сжались в кулак. Он не позволит Арти оставить её у себя. Это его коробочка, это он нашёл её после ухода Арти. Арти придётся вернуть шкатулку ему!

Сиг остановился в коридоре. Как Арти прознал про коробочку? Может быть... может быть, Арти только сделал вид, что ушёл, а на самом деле где-то спрятался и следил за ним, вынашивая мысль забрать коробочку, едва он только уйдёт! Ладно, Арти вернёт её ему, даже если Сигу придётся пойти к нему домой для этого.

Однако вдруг Сиг замер. Раздался какой-то странный звук, какое-то царапание. И исходил он из комнаты, где мальчик обнаружил эту коробочку. Арти! Может быть, Арти всё ещё там, и он поймаёт его!

Сиг на цыпочках прокрался по коридору к полуоткрытой двери. Арти не ожидал появления Сига, иначе бы он уже давно скрылся. Так что это явится для него полной неожиданностью...

Сиг остановился у двери. В комнате было светлее, чем вчера. Одни ставни, закрывавшие окно, были распахнуты. И там, у стола с коробочкой стоял Арти!

— Ты пойман! — Сиг нажал на кнопку фонарика, и направил луч света на фигуру.

Только это оказался вообще не Арти. Это был тот парнишка по имени Рэс. Но он в руках действительно держал шкатулку. Крышка была откинута, и несколько кусочков выпали на столешницу. Какая наглость!

— Отдай! — Сиг быстро приближался к нему. — Она моя! Ты что это себе позволяешь?

— Твоя? — Рэс ухмыльнулся, и Сигу не понравилась ни эта ухмылка, ни тон его голоса, когда тот добавил: — Кто же дал её тебе?

— Она моя! — почему-то забрать шкатулку в свои руки показалось Сигу сейчас самым важным на свете. Но прежде чем он смог схватить её, Рэс резко отдернул руку в сторону, и поэтому множество кусочков головоломки высыпались из коробочки и упали на покрытую пылью столешницу. И их краски засверкали огненными искрами, словно они на самом деле были драгоценными камнями — настолько ярким был их блеск.

— Твоя? — повторил Рэс. — Я так не думаю. Я думаю,

ты нашёл её здесь, а теперь хочешь украсть. Ну да, украсть! Это принадлежит владельцу дома, а не тебе. Разве это не так? Ты украл это, белый. Совсем так, как совершают кражи множество твоих сородичей по расе. Мой брат, он прав в этом относительно белых. Ваша раса дурная.

Рэс намеренно снова встряхнул коробочку, и через край соскользнуло ещё несколько кусочков. Сиг закричал и попытался выхватить коробочку из рук Рэса, однако тому без труда удалось уклониться от выпада. Поэтому Сиг отбросил фонарик и бросился на Рэса. Он был неуклюж, однако повалил соперника, и тот выронил коробочку, защищаясь.

Сигу и раньше доводилось драться, однако теперь всё было совсем по-иному. Казалось, Рэс вознамерился избить его, и Сиг вдруг обнаружил, что и ему этого хочется. Но хотя они изо всех сил колошматили друг друга, лишь отдельные удары достигали цели. Однако Сиг решительно вытеснял Рэса в коридор, и это ему удалось. А потом огромный гнев, который охватил Сига после обнаружения пропажи шкатулки, вспыхнул в нём с новой силой, и мальчик в слепой ярости бросился на Рэса.

Тот убежал от него, словно что-то в Сиге внезапно напугало его до умопомрачения, так что он мчался без оглядки. Они пересекли коридор, промчались через тёмные комнаты. В столовой Сиг наткнулся прямо на стул, который Рэс отбросил со своего пути. Сиг упал, а когда снова вскочил на ноги, гнев его исчез. Но он по-прежнему продолжал преследование. Когда он добрался до кухни, Рэс был уже у окна, пытаясь приподнять повыше с трудом поддающуюся раму.

Сиг прыгнул вперёд и схватил пиджак на плечах Рэса.

— Нет, не уйдёшь! — он попытался оттащить Рэса назад, хотя тот вцепился в подоконник.

И тут за окном ярко полыхнула молния, настолько неожиданно, что им показалось, что она ударила прямо в старый дом. Рэс ослабил хватку, испуганный молнией,

словно она ударила прямо ему в лицо. Сиг тоже отшатнулся назад, потащив Рэса за собой.

Но Рэс резко оттолкнул Сига, пытаясь вырваться из его хватки. Однако теперь он, как будто оглушённый ударом молнии, рванулся не назад к окну, а к двери в подвал. И скрылся за ней, прежде чем Сиг успел сделать хоть шаг.

Когда Рэс вырывался, Сиг потерял равновесие и упал на пол. Дверь с треском захлопнулась. Сиг уселся и оглядел кухню. Он должен добраться до коробочки и собрать все кусочки, которые Рэс высыпал на пол и стол. Однако если он уйдёт из кухни, то Рэс сможет выбраться отсюда наружу, уйти и рассказать — или же сделать ещё что-нибудь, и ему снова придётся сражаться, чтобы шкатулка осталась у него.

Сиг вскочил на ноги, чувствуя боль в ноге, которой ударился о стул в гостиной. Ухватившись за стол, он потащил его по пыльному полу. Стол был большим и тяжёлым, двигался с трудом, тем не менее мальчику удалось приставить его к двери в подвал. Теперь Рэс просто останется там, пока он, Сиг, не будет готов выпустить его оттуда. Но сперва Рэс пообещает ему кое-что.

Сиг ощущал себя несколько странно, словно это не он, не Сиг Дортмунд, замышляет планы и осуществляет их. Словно что-то или кто-то другой управляет его телом. Но это же глупо — такого не может быть. Нет, он — Сиг Дортмунд, он пытается добраться до своей шкатулки. Это его шкатулка! А уж потом он справится и с Рэсом.

Сиг вернулся в ту комнату. Его фонарик, по-прежнему включённый, откатился к стене, освещая пол. И в этом свете искрилось множество кусочков головоломки. Шкатулка лежала на боку, из нее высыпались и остальные кусочки. Сиг торопливо схватил её, чтобы удостовериться, что она не разбилась. Если Рэс сделал с ней что-то!..

Но она оказалась неповреждённой. Мальчик начал торопливо заталкивать внутрь кусочки, которые хранились в ней. На ощупь они были гладкие и ярко блестели. Он сгрёб пригоршню красных, зелёных, серебристых... серебристые, наверное, были из рисунка дракона с крышки. А этот

красный кусочек — для красного дракона, вероятно... а это синий... для — жёлтого.

Он аккуратно собирал все кусочки с пола, помогая себе фонариком, тщательно всё обыскивая, чтобы убедиться, что не пропустил ничего. Некоторые из кусочков оказались совсем маленькими, и их легко было не заметить. Он даже опустился на пол и ползал на четвереньках, подняв облако пыль, отчего пришлось прокашляться. Но под конец он не сомневался, что собрал всё.

Правда, оставались ещё и на столе. Но сколько уже прошло времени? Папа должен скоро прийти домой, и если его там не будет... то возникнет множество вопросов. Теперь нужно просто осторожно смахнуть эти кусочки в шкатулку.

Но когда Сиг выпрямился, чтобы сделать это, его рука сама собой замедлила движение, он не мог отвести глаз с лежавших там фрагментов. Он и прежде видел подобные головоломки, но эта была совсем другая. Три искрящихся серебристых кусочка уже соединились вместе. Должно быть, это часть серебряного дракона. А вот ещё один. Да, он как раз подходит сюда!

Сиг уселся в ожидающий его стул, перевернул коробочку, которую только что наполнил, и принялся выискивать серебристые кусочки, словно ничто другое на свете его больше не волновало. Хотя в комнате было темно, ему больше не требовался свет, потому что, похоже, эти кусочки светились сами по себе. И — более того — когда он подгонял нужные фрагменты друг к другу, этот чудной свет становился всё ярче и ярче. Однако Сигу это совсем не казалось странным.

Он не осознавал течение времени, когда его пальцы тыкались среди этих кучек картинок, чтобы отделить серебристые, а остальные отправлял обратно в коробочку — сейчас его занимало лишь одно — собрать из них дракона. Он должен был увидеть его завершённым.

Коснувшись первого же из этих фрагментов, он понял, что эта головоломка намного толще тех, что он видел

прежде — она была сделана из дерева. На оборотной стороне кусочков имелись странные чёрные отметины, которые могли быть каким-то печатным текстом, если бы при этом образовывали какое-либо слово, которое он видел когда-либо раньше, — словно ряды маленьких неровных веточек. Но когда он решил более внимательно приглядеться к ним, его глаза ощутили какую-то странность, и он торопливо перевернул их вверх стороной с изображением дракона.

Серебристые кусочки. Сиг снова пробежался пальцами по содержимому коробочки, чтобы убедиться, что он собрал все, а потом занялся работой. В другое время он бы долго выискивал, куда вставить недостающий кусочек, чтобы потом, возможно, выяснить, что это совсем не та фигура, которую, как ему казалось, он составлял.

Снаружи по окнам и стенам старого дома били струи дождя. Блеснуло ещё несколько молний, громыхал гром. Но Сиг больше не обращал внимания на разбушевавшуюся стихию. У него получились крылья дракона, его спина, вот он сложил их вместе — и наконец осталось присоединить лишь одну заднюю лапу. Да, вот последний кусочек, который свяжет всё это.

Теперь голова, и под конец самое трудное. Казалось, что несколько кусочков недостаёт, и Сиг принялся искать их с растущим беспокойством. Он снова внимательно изучил рисунок на крышке шкатулки и понял, что дракон был не полностью серебристым. У него были красные глаза и красный язык, и кое-где имелись зелёные точки. Сиг снова торопливо принялся рыться в коробочке.

Красные кусочки, зелёные... Но как же много их в коробочке, этих красных и зелёных кусочков! Некоторые из них опять упали на пол, и Сигу пришлось наклониться с фонариком, чтобы поискать их. Но в результате он всё-таки нашёл такие, что, похоже, должны были подойти.

Он вставил на место кусочек с испепеляющего вида взглядом глаз, и у мальчика создалось впечатление, словно эти глаза следят за ним! Сиг вытер руку, которая вставила этот кусочек, о ткань пиджака. От этого кусочка осталось

странное чувство, словно он был каким-то скользким. И ему это не понравилось. А теперь зелёный кусочек, который образовывал изогнутый рог на носу дракона. Да, а вот сюда — язык, или часть его. И снова его пальцы выбрали нужные кусочки, будто ему откуда-то было известно, где они лежат.

И вот... нет, это ещё не конец. Когда он сравнил картинку головоломки с драконом, нарисованным на крышке шкатулки, то понял, что недостаёт ещё одного кусочка — раздвоенного кончика языка, приподнятого и выброшенного из открытой пасти дракона словно копьё. Почему у него в голове возникла такая мысль?

Сиг принялся переворачивать кусочки, находившиеся в коробочке. Один лишь кончик языка. Конечно, он не потерялся! Он должен найти его.

И тут он увидел какой-то кусочек, лежавший обратной стороной кверху, с рядами чёрных отметин непонятной надписи. Сиг перевернул его и аккуратно положил на нужное место.

Затем откинулся на спинку стула. Необходимость сложить вместе эту картинку больше не довлела над ним. Дракон... огромный серебряный дракон, готовый вцепиться когтями, рвать... и убивать...

Дракон... Фафнир...

Кто... что... такое Фафнир? Какая-то часть Сига, ощущая холодный страх, от которого пробежали мурашки по телу, выкрикнула этот вопрос. Другая его часть знала.

Дракон изгибался в стремительной атаке. Сиг почувствовал отвратительную вонь. Извивающийся дракон начал разворачиваться, причём так быстро, что с его серебристых чешуек так и посыпались яркие искры. Сиг слышал тяжёлое и громкое лязганье.

Сиг-клешнерукий

С утёса дул холодный ветер, такой холодный, что пронизывал, словно меч, каждую косточку под испачканной копотью кожей. Сиг-Клешнерукий вздрогнул, но не пос-

мел приблизиться к жару горна, где словно неистовый дождь вспыхивали искры и раздавался грохот кузнечного молота, от которого глохнут уши наблюдающих за его работой. Однако сегодня никто не смотрел на наковальню, повинуюсь приказу самого Мастера-Кузнеца Мимира. Сегодня Королевский Сын Сигурд обрабатывал металл, который он сам выбрал, чтобы выковать меч — меч, который разрубит любые доспехи Амилиара.

Сиг-Клешнерукий потёр свою худую грудь кривыми пальцами, которые и дали ему это грубое прозвище. Потом поскрёб кожу под свободно свисавшей накидкой из волчьей шкуры, после долгого пребывания в кузнице настолько почерневшей от древесного угля, что временами его можно было принять скорее за лесного тролля, а не за сына рода человеческого.

Всё, что он слышал о доспехах Амилиара, — так это то, что любому, кто путешествует по земле, надев их на себя, не нужно бояться ни копья, ни меча, выкованного рукой любого смертного. И настолько широко разошлись по миру эти хвастливые рассказы, что Мимир (происходивший, как говорили люди, из древнего рода гномов, которые ковали металл для героев Асгарда) долгое время хмурил брови и кусал губу, разбрасывая направо и налево резкие слова, пока все в его окружении не ощутили остроту его языка.

А потом и он поднял голос и поклялся, что воистину выкует клинок, чтобы показать Амилиару, что тот не первый кузнец в мире и, может даже, не второй! И Король Бургундский побился об заклад, поставив на то, что Мимиру не добиться этого.

Однако сам Мимир не занялся ковкой: ему явилось знамение. И он возложил эту задачу на Сигурда-Королевского Сына. Семь дней и ночей Сигурд трудился над металлом, а потом отнёс клинок к ручью, который вытекал у подножия утёса. В него Мимир бросил сеть из шерстяных нитей, и Сигурд опустил клинок в воду так, чтобы поток воды поднёс эту сеть к клинку, — и нити были перерезаны!

После этого все, кто трудился в кузнице, возликовали. Однако Сигурд-Королевский Сын и Мимир посмотрели друг другу в глаза. И Сигурд забрал назад этот меч и разбил его на куски, чтобы снова размягчить металл жаром и предпринять новую попытку.

Теперь он закалял меч парным молоком. И ещё добавлял овсяную муку, которая, как это известно всем кузнецам, даёт, как и людям, силу металлу. Ещё три дня работал он. А потом взял своё изделие и отнёс к ручью, и на этот раз разрезал клинок клубок шерсти, не потревожив переплетение его нитей.

Но только вновь он и Мимир обменялись взглядами. И Сигурд поднял клинок высоко над скалой и бросил его вниз с силой настоящего воина так, что тот разлетелся на мелкие кусочки. Потом он собрал эти кусочки и снова отправился в кузницу. Однако это было утром, а сейчас уже опустилась ночь. И Сигу-Клешнерукому было очевидно, что теперь молот Сигурда всё медленнее и с меньшей силой падает вниз. И он видел, как поникли плечи Сигурда, и знал, что Мимир ходит взад-вперёд возле ручья с водой, которая, как поговаривали, даёт огромные знания осмелившимся выпить из него.

Снова подул холодный ветер, принесся холод зимы, а не свежесть весны, как должно было бы быть. Сиг-Клешнерукий сжался в комок, присев и обхватив руками колени. Ему очень хотелось туда, к жару кузницы, но он понимал, что сейчас не время для этого.

И тут перед ним появились пара сапог из грубой кожи, как раз на уровне глаз, когда он вот так свернулся в комок. А когда Сиг-Клешнерукий медленно поднял голову, он увидел камзол, имевший тот же самый цвет, что и небо в бурю, и широкий серый плащ. А ещё выше — капюшон синего цвета, который скрывал смуглое лицо. И на этом лице был лишь один глаз, другой прикрывала полоска льняной материи. Однако единственный глаз этот так пронзительно смотрел на Сига, что мальчику захотелось бежать прочь от него, и только магия таинственной фигуры

удерживала его на месте, и Сиг задрожал ещё сильнее, чем когда ледяной ветер хлестал его.

— Иди к Сигурду-Королевскому Сыну и передай, чтобы он вышел. Есть некто, кто хочет говорить с ним.

Хотя голос незнакомца прозвучал тихо, нельзя было не повиноваться этому приказу. Сиг быстро вскочил на ноги и скользнул в кузницу, боясь отвести взгляд в сторону от этого единственного глаза, всё ещё удерживавшего над ним свою власть. И лишь оказавшись в тени кузницы за её порогом, он освободился от этой власти. Мальчик прошёл к наковальне, где стоял, расправив плечи, Сигурд, и огонь бросал красноватые отблики на его лицо и длинные жёлтые волосы, откиннутые назад, пока он работал мехами.

И хотя Сигурд действительно был сыном Короля, он носил лишь грубый камзол, кожаный передник, да невзрачные сапоги, которые не надели бы не то что мастер-кузнец, а простые рабочие. И всё же, глядя на него, Сиг подумал — как и любой человек, который имеет глаза, — что перед ним воин королевской крови, достойный того, чтобы за ним пошли на битву, когда призовет корона.

Сигурд положил молот на край наковальни и наклонился вперёд, чтобы рассмотреть свою работу. Однако на его усталом лице появилось лишь хмурое выражение, словно то, что он увидел перед собой, совсем не обрадовало его. Сиг только теперь осмелился произнести:

— Мастер, тут у двери один человек, он хочет говорить с вами.

Брови ещё более насупились, когда Сигурд обернулся. Сиг отступил на шаг назад, хотя Сигурд-Королевский Сын был не из тех, кто бьёт слуг по всякому поводу, он был добрее большинства людей, с которыми Сиг был знаком за свою короткую жизнь.

— Я не буду ни с кем говорить, пока не выполню свою задачу... — ответил Сигурд-Королевский Сын голосом, столь же непреклонным, как и металл, который он обрабатывал.

Но тут со стороны порога прозвучали другие слова. Хотя

и не очень громко, однако их вполне можно было разоб-
брать:

— Ты будешь говорить со мной, сын Сигмунда Волсунга!

Сигурд-Королевский Сын обернулся и уставился в ту сторону, как и Сиг. Хотя уже наступили сумерки, они всё же ясно видели незнакомца, словно его серая одежда и синий капюшон светились.

Сигурд опустил молот и направился к чужаку, а Сиг отважился последовать за ним, отстав на шаг. Мальчик понял, что сейчас совершает самое смелое действие в своей жизни: этот незнакомец, казалось, внушал ему больший, чем даже Мимир, страх.

Незнакомец отвернул складку ткани, в которую были завёрнуты кусочки тусклого металла, то есть они казались тусклыми, пока на них не упал свет от горна кузницы, и тогда они засверкали как драгоценные камни, какими Мимир инкрустировал рукояти королевских мечей.

— Сын Волсунга, возьми своё наследие и используй его как должно быть!

Сигурд-Королевский Сын протянул обе руки вперёд и принял куски металла у незнакомца, при этом поначалу вроде бы даже боясь коснуться того, что теперь держал в слегка дрожавших руках. Сиг увидел, что это были обломки какого-то меча.

А затем незнакомец посмотрел на Сига, так что парень попытался поднять свою кривую руку, чтобы закрыть лицо. Однако он не смог закончить это движение. Скорее, ему пришлось остановиться под немигающим взглядом этих ужасных глаз.

— Пусть кузнечными мехами займётся этот парнишка, — сказал незнакомец. — Ибо в этом деле есть нечто, что лежит за пределами даже твоего разума, Сигурд Волсунг.

И с этими словами он ушёл, и темнота сомкнулась вокруг кузницы. Возможно, он провалился сквозь землю, или же унёсся на крыльях в ночное небо. Но Сигурд уже поворачивался к кузнице.

— Идём, Сиг! — он никогда не добавлял: «Клешнерукий», а Сиг ловил каждое слово, им произнесённое. — Этой ночью нам предстоит изрядно потрудиться.

И они работали всю ночь, расплавляя не металл из запасов Мимира, но эти куски сломанного меча, принесённые незнакомцем. Тем не менее Сиг не чувствовал усталости, наоборот, мальчик всеми силами охотно помогал Сигурду.

Утром клинок лежал готовый для испытаний. И Сигу казалось, что в нём осталось что-то от того мерцающего света, который окружал в темноте человека в капюшоне. Рука Сигурда прикоснулась к сгорбленному плечу мальчика.

— Он готов, и готов, по-моему, отлично. Теперь мы испытаем его.

И Сигурд взял меч и некоторое время держал перед собой, как человек, который держит факел, чтобы освещать себе путь. Они вышли из темноты кузницы на свет, и там их ждал Мимир и остальные работники, а также его ученики. И Мастер-Кузнец громко, с присвистом, выдохнул, когда посмотрел на клинок, который нёс Сигурд.

— Итак, он снова создан — Балмунг, который сначала вышел из кузницы самого Отца Всего Сущего. Обращайся с ним осторожно, Сигурд-Королевский Сын, ибо однажды он уже принёс людям твоего клана и крови немалое зло.

— Любой меч может принести смерть воину, — отвечал Сигурд, — ибо для этого и предназначено его острое лезвие. Но если это действительно Балмунг, то, возможно, теперь он принесёт вам победу в вашем споре. Теперь испытание...

И испытание превзошло все предыдущие: они распустили целый тюк шерсти, смешав нити в струях ручья. Сигурд не размахивал клинком — нет, он стоял по пояс в воде и всего лишь опустил его на пути шерстяных нитей. Однако шерсть чётко разделялась на два потока, и всё это смотрелось просто замечательно.

Сигурд прошёл поперёк ручья к берегу и осторожно уложил меч на замечательный кусок материи квадратной

формы, который протянул ему Мимир. А потом он широко развёл в сторону руки и объявил со смехом:

— Всем известно, что должно много потрудиться для того, чтобы заслужить место в памяти людской. Но, похоже, я трудился слишком долго, мастер. Позволь мне теперь отдохнуть.

Ибо хотя он и был сыном короля, однако здесь вёл себя как обычный человек, который пришёл, чтобы научиться искусству Мимира, и он просил для себя не большей, чем иной человек, благосклонности.

— Хорошо, — Мимир кивнул, заворачивая меч. — Иди отдохни.

После этих слов Сигурд обернулся и положил руку на плечо Сига. Мальчик попытался увернуться, хоть и несколько неуклюже из-за своей кривой правой руки, похожей на клешню, которую он никогда по доброй воле не покажет на свет.

— Здесь есть ещё один, кто заслужил свой бравой работой отдых. Идём, Сиг, отдохнём хорошенько, — ладонь Сигурда крепко обхватила руку мальчика и потащила его туда, где находилось место для сна.

— Мастер, — Сиг потянул обратно. — Это не хорошо. Я всего лишь подсобник, а там, где я сплю, лежит пепел. Вы видите, я чёрный от копоти и мне не место рядом с вами. Мастер Велиант и остальные ученики будут разгневаны.

Однако Сигурд покачал головой и продолжил вести Сига вперед.

— Ты тот, кого незнакомец назначил на эту работу, и тебе нет нужды глядеть под подбородок каждому, кто начинает что-то говорить. Ну, идём же, отдохнём.

И он устроил нечто вроде гнездовья у подножия собственного места сна, поэтому спал Сиг на более мягкой подушке, чем когда-либо на своей памяти. Вот так он стал тенью Сигурда-Королевского Сына. А когда другие ученики рискнули выступить против него, Сигурд лишь рассмеялся и заявил им, что разве не очевидно, что Сиг приносит удачу и им следует дорожить. Хотя остальным это не понрави-

лось, они не посмели поднять свой голос против Сигурда.

Но когда они выступили, чтобы испытать свою силу против Амилиара, Сигурд отвёл Сига от всех в сторонку и сказал ему, что это путешествие слишком долгое и будет лучше, если Сиг останется в кузнице. Сиг согласился, хотя и с большой неохотой в душе.

Он считал дни, отмечая их на ровной полоске земли палкой. И пока отряд не вернулся, Сиг поставил себе новую задачу, пытаясь узнать как можно больше о торговых делах, чтобы, возможно, однажды стать не просто мальчиком на побегушках, прислуживающим у горна, которого можно бить и посылать заниматься самой гнусной работой, — ведь когда Сигурд ушёл, что и должно было случиться, когда он доказал своё искусство, выковав Балмунг, то Сиг снова занял своё бывшее место на самом низу.

Каждый день мальчик поднимал тяжёлые молоты, пытаясь затем аккуратно опустить их на наковальню, и каждый день познавал отчаяние от своих неудач. Но он помнил, как работал Сигурд, и после каждой неудачи снова вскидывал голову и предпринимал новую попытку. И вот в тот самый день, когда Сиг наконец-то удачно опустил среднего веса молот на наковальню, возвратился Мимир и его люди.

Они вернулись с песнями на устах, а повозки, которые тянули волы, были полны добычей. Они снова и снова повторяли рассказ о том, как Амилиар, на котором были его замечательные доспехи, сидел на верхушке холма и кричал, чтобы Мимир попробовал на нём свой клинок. И как Мимир взобрался на холм и показался крошкой перед Амилиаром, ибо происходил от гномов. И как меч Балмунг мелькнул настолько стремительно в лучах солнца, что ослепил глаза людей. А потом клинок ринулся вниз, но Амилиар остался неподвижным. Бургундцы громко закричали, поздравляя себя с победой. Тогда Мимир слегка вытянул вперёд руку и коснулся эфесом Балмунга плеча Амилиара. И тут его тело безвольно разделилось на две половинки, и все увидели, что он так ровно разрублен пополам, что казался живым, хотя был уже мёртв.

И все восхваляли Сигурда за то, что он выковал такой меч. Но Королевский Сын лишь стоял перед толпой, мотая головой и говоря, что смог сделать это благодаря искусству, которому научил его Мимир... что это величайший из всех ходивших по земле Мастеров-Кузнецов, и что всё это — его заслуга. Мимир поглаживал свою короткую бородку и выглядел довольным, отдавая приказ, чтобы был устроен пир. А потом он занялся разделом добычи, захваченной у бургундцев, среди прислуги.

Но нашлись среди старших учеников и такие, кто питал злобу к Сигурду. Они перешёптывались между собой, что хотя он и сын короля, но, конечно, король не очень-то любит его, иначе бы не отправил его подальше от двора, чтобы он работал как простолюдин с молотом и наковальней. Поэтому в нём наверняка скрыто что-то дурное, что известно королю, и другие ещё узнают об этом к своему стыду. И пока они так перешёптывались, Мимир отправился в одно из своих путешествий, взяв мечи, наконечники для копий и кое-что из заклада бургундцев, чтобы поторговать с людьми с юга, которые приплыли на корабле.

Едва он уехал, как Велиант, который был самым старшим среди учеников, подошёл к Сигурду и сказал ему:

— У нас есть древесный уголь, но его не хватит на весь долгий сезон. Настало время, когда мы должны отправиться в лес к угольщикам, чтобы возобновить наши запасы. Мимир позволил нам бросить жребий, чтобы решить, кто совершит это путешествие. Нужно отправляться, пока мы ещё можем это сделать.

И вот они все побросали камешки в чашу; один из камней был помечен знаком Одина. Чашу доверили держать Вульф, поварёнку. Только Сиг видел, как Велиант говорил отдельно с Вульфом, после чего тот казался обеспокоенным. Сиг внимательно следил за тем, как каждый тянул из чаши свой жребий, и ему показалось, что когда настала пора Сигурду закрыть глаза и протянуть руку за камнем, Вульф чуть повернулся и слегка наклонил чашу. Однако мальчик не был в этом уверен.

Во всяком случае именно Сигурд вытащил помеченный камень. И хотя остальные рассмеялись и стали говорить об удаче, Сиг был уверен, что некоторые из них кивали друг дружке и как-то странно улыбались. И это ещё больше убедило Сигурда, что они с умыслом устроили ему такое замечательное путешествие.

Сиг, чувствуя беспокойство внутри себя, подкрался поближе к старшим и подслушал разговоры, таким образом он многое узнал, чтобы испугаться за Сигурда. Но под конец его нога неловко подвернулась, и под ним треснула ветка. После чего его крепко схватили за плечи.

— Ах ты мерзавец! — Велиант злобно ухмыльнулся прямо ему в лицо. — Ну, как, братишка, разве не так должно быть — верный пёс всегда кончает свой путь на могиле хозяина? И поскольку сын короля отправится в путь без коня или настоящей гончей, ты составишь ему компанию и за того, и за другого! Двиньте-ка ему по голове!

Это были последние слова, которые услышал Сиг: голова его разорвалась от адской боли, а потом — одна лишь темнота, темнота, которую не нарушали даже сновидения. Затем снова пришла боль, и Сиг попытался позвать на помощь, шевельнуться, лишь для того, чтобы обнаружить, что не в состоянии этого сделать.

А потом ему на лицо плеснули водой, и только тогда он смог рассмотреть окружающее. И ещё не утихла боль от движения, как он знал, что лежит на постели из мешков из-под древесного угля, а под щекой — крупный песок. Он увидел костёр, и рядом — Сигурда. Мальчик попытался позвать, однако из горла вырвался лишь тонкий шёпот. Тем не менее Сигурд быстро повернулся и подошёл к нему. С собой он принёс рог для питья, а в нём жидкость, настоящую из трав, которую он глоток за глотком влил Сигу в рот.

Вот так Сиг узнал, что они уже далеко в лесу, и что Сигурд только через полдня своего путешествия обнаружил спутника с кровоточащей головой в одном из мешков, которые были загружены на спину осла с поклажей. Сиг

поспешил предупредить сына короля о грозящей опасности: он не сомневался, что Велиант думает, что они направились навстречу своей смерти.

— Будь уверен: мы вернёмся, — ответил Сигурд. — Вот тогда мы и разберёмся с Велиантом в том, что сделали с тобой. Какая бы опасность ни ждала нас впереди, ведь подобное путешествие уже не раз совершали во благо кузницы Мимира?

— Но всегда до этого, мастер, — заметил Сиг, — отряд возглавлял сам Мимир, а не кто-то из его людей. А об этом лесе рассказывают ужасные истории, как и о том, кто живёт здесь.

Сигурд улыбнулся, сунул руку в кучу мешков и вытащил оттуда свёрток, завёрнутый в засалившуюся шкуру. Ножом для разделывания мяса он надрезал её завязки и перед глазами поражённого Сига предстал Балмунг.

— Я не отправляюсь в незнакомое место, не имея оружия в руках, мой товарищ по кузнице. А с Балмунгом, мне кажется, нам почти и нечего бояться.

Сиг, зачарованно глядя на меч, почувствовал, как к нему возвращается мужество: словно факел осветил им путь в темноте. Мальчику уже хотелось стать лицом к лицу с тем, что ждёт их впереди, он убеждал себя, что едва ли теперь может быть что-то хуже тех ужасных дней, что он уже пережил.

Хотя дорога, на которую они ступили, была узкой и тёмной, спутников ни на миг не покидало ощущение, что за ними из теней следят странные и ужасные существа, что они крадутся по их следам, но тем не менее они так и не увидели ничего по-настоящему опасного. Через некоторое время они достигли середины леса, где и нашли утёшиков.

На опушке поляны стояли хижины лесных жителей. И сами эти люди с потемневшей от пепла кожей сразу же выскочили из молодой поросли деревьев прямо перед ними с оружием наготове, чтобы покончить с путешественниками, словно те были созданиями ночи. И хотя Сигурд, не

таясь, нёс Балмунг, он не вытащил клинок, а лишь выкрикнул:

— Мир между нами, лесные жители. Я из владений Мимира, и я пришёл к вам купить уголь согласно договору, заключённому между вашим и моим повелителями.

Но возглавлявший этих людей человек ухмыльнулся, словно огромный волк, обнажив зубы, которые казались почти что звериными клыками, отвечая ему:

— Ты говоришь ложь, незнакомец. Когда Мимир приходит к нам за углём, то он приходит лично. Это наша земля, и никто не приходит сюда без нашего приглашения. Иначе он отправляется под дерево Отца Всего Сущего, чтобы никогда больше не увидеть его зелёных ветвей мёртвыми глазами.

Люди чуть кольхнулись, как стая волков, окружающая свою жертву. Но прежде чем было брошено первое копьё и нанесён первый удар мечом, раздался ещё один голос:

— Не торопитесь проливать кровь, мои темнокожие. Этот человек храбр, как я вижу.

Голос исходил из огромного зала, находившегося в самом центре скопления хижин. И угольщики расступились перед ними, чтобы освободить путь Сигурду. А Сиг замер на месте в нерешительности, поглядывая на лес. Он спрашивал себя, может, им попытаться обратиться в бегство. Однако Сигурд шагнул вперёд, а он исполнял обязанности оруженосца, сопровождающего своего повелителя до самой смерти, если таковая судьба будет им уготована. Пытаясь держаться так же прямо и с тем же достоинством, как Сигурд, он последовал за своим господином.

Они вошли к повелителю леса и обнаружили на удивление изысканное место. В конце зала возвышался причудливо вырезанный из дерева трон, а стены украшали вышивки, сделанные южанами. Этот зал был прекраснее, чем зал самого Мимира, поэтому Сиг пялился по сторонам округлившимися глазами, дивясь такому великолепию. Ему подумалось, что, наверное, здесь не хуже, чем у самого короля, отца Сигурда. Но Сигурд не бросал взглядов ни

вправо, ни влево — наоборот, он шёл прямо, чтобы предстать перед высоким троном, где ждал его повелитель леса.

Это был невысокого роста человек, трон казался просто огромным по сравнению с ним. Его камзол скрывала спускавшаяся до самого живота густая борода, с которой смешивались тугие завитки длинных волос с головы. И борода, и завитки были седыми, однако глаза, внимательно наблюдавшие за путешественниками из-под густых бровей, отнюдь не походили на глаза старика.

— Кто вы, столь храбро явившиеся в землю Регина? — спросил властелин.

Сигурд ответил вежливо, но сделал это с гордостью сына короля:

— Меня зовут Сигурд, я сын Сигмунда из рода Волсунгов. И я пришёл сюда, служа Мимиру, Мастеру-Кузнецу, за древесным углём, который добываете вы.

— Ха, как может быть, чтобы твои слова были правдой? Я никогда прежде не слышал, чтобы кто-то крови Волсунга служил какому-то кузнецу, мастер он или нет. Ты бы лучше придумал сказку поправдивее, мнимый герой!

— Нет истории правдивее, чем сама правда! — отвечал ему Сигурд, с прежней вежливостью, хотя его щёки вспыхнули румянцем человека, в чьих словах сомневаются. — Так было решено волей моего отца, ибо когда-нибудь мне предстоит стать правителем. Поэтому, чтобы лучше узнать, кем я буду править, меня послали жить вместе с простыми людьми некоторое время, работать руками, зарабатывать на кусок хлеба, как и они.

Регин почесал бороду пальцами и кивнул.

— Мудрый человек, король Сигмунд. Ну и как, узнал ты, Сигурд-Королевский Сын, что значит зарабатывать себе на хлеб одними лишь двумя руками?

— Уже в течение года я это делаю, и Мимир, Мастер-Кузнец, ещё не выставил меня за дверь, как бестолкового.

— Что говорит в твою пользу, Королевский Сын. Вполне достаточно, я поверил твоему рассказу. Ты проведёшь

эту ночь под моей крышей, а тем временем мои подданные приготовят для тебя древесный уголь.

Регин, похоже, не замечал Сига, и мальчик был только рад этому. Сиг подумал, что его вовсе не беспокоит, что властелин леса не бросает на него пристальные взгляды. Он присел на корточки в тени за Сигурдом, устроившимся в кресле для гостей. Однако его повелитель не забыл о нём: время от времени он бросал ему кусок хлеба или кость, где было много мяса, так что Сиг наелся так же хорошо, как и высокий гость.

Регин внезапно наклонил вперёд голову и спросил:

— Ты что, Королевский Сын, путешествуешь с гончей? Которая должна есть самое лучшее с моего стола?

— Не гончая, лорд Регин, но отличный попутчик и товарищ в пути, хотя он ещё так юн.

— Скажи ему, пусть выйдет вперёд, я взгляну на него, — приказал Регин.

Уклониться от приказа было невозможно. Сиг вышел из тени и предстал перед Регином. Хотя он и Сигурд хорошенько умылись в лесном ручье, и он как только смог заштопал свою бедную одежку, однако мальчик всё же отлично понимал, что он просто бедный нищий. Но одновременно он являлся и оруженосцем сына короля, вот почему он держал себя твёрдо и с выпрямленной спиной.

— Товарищ, это говоришь ты, Сигурд-Королевский Сын? Ха! Дурной выбор! Да это просто ошипанная ворона, голодная, хныкающая ради куска хлеба, каких во множестве может найти любой властелин, стоит ему только выйти за двери своего дворца!

Однако Сигурд-Королевский Сын встал с кресла для гостей. Отвечая, он положил руку на плечо Сига:

— В час испытания этому человеку я доверю стоять за моей спиной. Можно ли просить чего-либо другого, чем это, лорд Регин?

— Похоже, он больше кажется щенком, чем это видят глаза. Вполне достаточно, забирай своего героя, Королевский Сын, — Регин рассмеялся так, что Сиг почувствовал

жар, а пальцы сжались в кулак. Однако рука Сигурда всё ещё лежала на его плече, а потом он протащил его вперёд, и вот он больше не маячит где-то в тени, а сидит на ступеньке у кресла для гостей на виду у всех, пользуясь очевидным расположением своего повелителя.

Они съели оленину, выпили мёд с белым хлебом, подобного которому Сиг никогда прежде не видел, закусили одновременно и кислым, и сладким на вкус фруктом. После чего их провели в небольшую боковую комнату для сна, где находилось ложе из ветвей мирта и болиголова, настолько хитроумно сплетённых между собой, что образовывали мягкую постель. Сиг устроился у подножия, завернувшись к своей плащ, тогда как Сигурд развалился во весь рост на ветвях и уснул.

Когда они послулись, солнце уже давно взошло, и Сигурд, привстав, как-то странно поглядел на его лицо.

— Этой ночью я видел сон, — сказал он тихим голосом, словно обращался больше к самому себе, чем к Сигу. — И это был сон, посланный Силой, однако у меня нет знаний, чтобы понять его.

Они прошли в огромный зал, где снова сидел Регин на своём высоком троне, словно и не покидал его всю долгую ночь. А на его коленях лежала арфа менестреля. Время от времени он с отсутствующим видом дёргал струну, издавая какую-то ноту. Перед креслом для гостей стоял накрытый стол с хлебом и сыром, мёдом и рогами, наполненными ячменным пивом. Регин пригласил их присаживаться и отведать эти яства, и Сиг снова занял своё место на ступеньке перед креслом.

— Вам хорошо спалось этой ночью? — спросил Регин, как вежливый хозяин.

— Мне снился сон, — ответил Сигурд.

— И что же тебе снилось, Королевский Сын?

— Что я стою на вершине горы, окружённой другими горными пиками, хотя и не достигающими высотой его. А вокруг летают орлы, у ног лежит белый снег. И там были Норны — Урда, Повелительница Прошлого, находилась на

востоке, на восходе, и в её пальцах крутилась нить, которая мерцала, словно образованная лучами самого солнца. Верданда, Повелительница Настоящего, была подальше, в море, где встречались небо и вода. Она подхватывала эту нить и плела фиолетовую с золотом ткань, прекраснее любой, что я видел на королях. Но уже сплетённую ткань, Скальда, Повелительница ужасного Будущего, выхватывала из рук ткачихи и разрывала на кусочки, которые отшвыривала от себя так, что они падали у холодных белых ног ещё одной Норны, которая наблюдала за всеми ними. И это была Хел, королева мёртвых. И мне показалось, что это был сон, который хорошо начался, но очень плохо кончился.

— В этой жизни многие вещи хорошо начинаются и плохо кончаются, — заметил Регин. — Вот, послушай одну историю... — и Регин, человек уже в годах, запел.

Голос его зазвучал во всю силу, и это был голос великого менестреля. Они слушали его, словно зачарованные каким-то колдовством. И более того, пока Регин пел, он изменился, так что его седые волосы и борода исчезли, и они видели не Регина-Повелителя леса на его высоком троне, а скорее Мимира, Мастера-Кузнеца.

А потом он отложил арфу и рассмеялся.

— Эй, я — Мимир, который был Регином. Но это другая история и ещё не настала пора рассказывать об этом. Но это верно, что тебе, Сигурд-Королевский Сын, предстоят великие дела. И меч, что ты носишь, выкован из обломков другого — дара Отца Всего Сущего. Хотя он и не был добрым для одного твоего предка. А теперь ты должен достать себе коня, который так же хорошо послужит тебе, как оружие, возможно, даже лучше.

— И где же я найду такого коня, Мастер?

— Ты отправишься на север, к великану Грифу, и попросишь у него коня. На его пастбищах пасутся самые лучшие кони в мире.

— Хорошо, — кивнул Сигурд. — И это я должен сделать немедленно?

— А чего ждать?

И когда Сигурд-Королевский Сын собрался в путь, он повернулся к Сигу, который стоял, дожидаясь его приказа, и за поясом его не было меча, лишь крепкий посох в руке.

— Это поиск не для тебя, паренёк.

— Господин, я не останусь позади вас. Даже если вы не позволите мне пойти, я всё равно последую за вами.

Сигурд долго-предолго разглядывал его. А потом снова кивнул:

— Хорошо, — повторил он, как Мимиру-Регину. — Я помню, что мы каким-то образом связаны между собой судьбой, хотя почему, не вполне для меня ясно.

Путь был долгим, и прошли ночь, день, ещё ночь и день... Иногда они пробирались через леса, иногда через мрачные болота или по крутым горным тропам. Потом выходили на прекрасные, замечательные земли, где в их честь устраивали пиры во дворцах, повелители которых просили их остаться там на некоторое время, однако Сигурд не соглашался.

Путь этот действительно был нелёгким, Сиг с трудом выдерживал напряжение. Больше он не мог скрывать свою клешнеобразную руку: он должен был хвататься за скалы и кусты там, где дорога заставляла. И он так уже привык к этому, что временами забывал, насколько уродливой она выглядит.

Через некоторое время они добрались до заваленного снегом дворца, выстроенного из огромных валунов, двигать которые не под силу людям. Стены его были белыми, а внутри возвышались зелёные колонны, настолько холодные на ощупь, словно вырубленные из льда. Там располагался высокий трон, сделанный из мощных зубов морских коней, а над ним смыкался каменный свод. Тот, кто сидел на троне, в руках держал посох, высеченный из слоновой кости, плечи его прикрывала фиолетовая мантия, а седая голова свисала почти до самого зелёного пола.

Он был огромен, и Сигурд казался рядом с ним просто маленьким мальчиком. Но властелин улыбнулся и привет-

ствовал их. И они сели и поужинали, а тем временем хозяин и Сигурд говорили о Срединном мире, откуда они прибыли, о небе над их головой и о морях, окаймлявших землю. Сиг, отдохнувший и хорошо наевшийся, слушал их. Он и не заметил, сколько длилась эта замечательная беседа.

Но вот, наконец, Гриф ударил острием посоха по столешнице и воскликнул:

— Хватит, Сигурд-Королевский Сын. Мой слух с наслаждением внимал музыке твоего голоса: слишком много времени прошло с тех пор, как смертный искал меня, чтобы сообщить последние новости из Срединного мира. Но, как мне думается, вы прибыли по какой-то причине, и эта причина скачет на четырёх ногах на моих пастбищах. Разве не так?

— Лорд Гриф, воистину так.

— Так тому и быть. Отправляйся на мои пастбища, Королевский Сын, и сделай мудрый выбор: от правильности этого выбора будет зависеть твоя жизнь.

Вот они и направились на пастбища. И там паслись такие кони, подобных которым Сиг никогда прежде не видел. И все они были прекраснее самых лучших, что имелись в конюшне любого короля в Срединном мире. Мальчик спросил себя, как же Сигурд сделает выбор. Однако, едва он только подумал об этом, тень упала на землю, где они стояли. Тень какого-то человека.

Камзол и плащ у него были серого цвета, капюшон — синего, и на одном глазу — повязка. Однако второй глядел вдвое пронзительнее, чем глаз любого смертного, подумал Сиг.

— Итак, Сигурд Волсунг, ты пришёл сюда, чтобы выбрать коня под стать мечу, что носишь ты?

— Да, Великий.

— Тогда слушай. Выбор нужно делать очень тщательно. Отгони этот табун к реке. Тот конь, что переплывёт поток, а потом вернётся к тебе — Грейкелл, и нет равных ему.

— Благодарю тебя, Великий.

Однако единственный глаз не улыбался.

— Позднее ты поблагодаришь меня, Сигурд, когда нить вся будет спрядена, вся ткань соткана, а Скальда завершит свою роль в этом деле. А до этого ещё не скоро, всё это тебе ещё предстоит сделать.

Сигурд слегка наклонил голову.

— Разве может человек изменить волю Скальды? Я лишь делаю то, что должно быть сделано, стараясь изо всех сил.

— Так говорят все люди. А теперь иди и возьми Грейкелла.

И снова он исчез, будто его никогда здесь и не бывало. Но теперь Сиг был умнее, чем тогда, в кузнице. Конечно же, перед ними предстал Один, Отец Всего Сущего, чтобы принять участие в их судьбе, и поэтому мальчик был больше чем испуган.

Всё случилось так, как и предсказывал незнакомец. Сиг и Сигурд направили лошадей к берегу реки. Все кони, кроме одного, отказались от попыток переплыть через реку; на противоположном берегу этот конь встал на дыбы и с вызовом заржал. А потом вернулся и замер перед Сигурдом, тыкаясь мордой в ладони, когда тот протянул руки к нему.

Грейкел оказался силён, достаточно силён, чтобы нести на своей спине их обоих во время долгого обратного путешествия к залу Регина в лесу. Ещё раз они наелись до отвала, а когда покончили с едой и напились, Регин-Мимир взял в руки свою арфу. На этот раз он пропел им историю, которая притягивала к себе каким-то мощным чуждым колдовством: не только её мелодия совершенно отличалась от тех, что передаются из поколения в поколение родом человеческим, — какая-то странная, тёмная история.

Началась она в давние-предавние времена, когда племя богов-Асов чаще посещало Срединный мир, надевая тела людей. Так приходил Один, Отец Всего Сущего, чтобы дать людям знания и силу, а вместе с ним и Холнир, который принёс веселье и смех. Однако вслед на земле появился и

Локи, окутанный тёмным облаком хитрости, обмана и лживых мыслей.

И вот в те давние времена коварный Локи, шутки ради, убил Оддара, который принял облик выдры, чтобы исследовать глубины озера. А потом — отвратительная насмешка — он подарил шкурку отцу Оддара, Храйдмару. После чего Храйдмар созвал своих остальных сыновей, Фафнира и Регина, и они все вместе потребовали родового выкупа в золоте, достаточном, чтобы покрыть всю шкуру выдры.

Боги-Асы бросили жребий, и Локи выпало отправляться за золотом, а Один и Холнир остались заложниками. Локи выторговал у морской королевы Рэн её замечательную сеть, с помощью которой сумел поймать короля гномов Андвари, который скрывался в чешуйчатой шкурке лосося. От Андвари, в обмен на свободу, Локи получил огромное количество драгоценностей гномов. Вдобавок ко всему он ещё сорвал с пальца Андвари кольцо, имевшее форму змеи, которая зажала в своей пасти собственный хвост. Чешуйками в шкуре этой змеи были бриллианты, а глазами — рубины.

Но потом Андвари сотворил мощное заклинание, проклиная эти драгоценности и кольцо. Однако Локи рассмеялся, унося их в зал Храйдмара. Там они развернули шкуру выдры, и она становилась всё больше и больше, пока не покрыла большую часть пола. На неё Локи высыпал кучу добытых драгоценностей и принялся ровнять поверхность. Однако всё равно осталась одна волосинка непокрытой, поэтому он вынужден был бросить на неё кольцо, и он сделал это, передав вместе с ним и проклятие.

Боги-Асы, выплатив свой родовой долг, ушли восвояси. А Храйдмар, глядя на такое огромное количество драгоценностей, возжелал их. Но стоило ему коснуться кольца, созерцая его, как сам он превратился в такую же змею. Регин закричал, увидев это, и убежал. А брат его Фафнир вытащил меч и убил змею, некогда бывшую его отцом.

А потом в свою очередь Фафнир посмотрел на золото и тоже возжелал его с такой силой, что важнее ничего на

свете для него не осталось. Он отнёс его в далёкую пустынную землю, и там разложил по земле, чтобы наслаждаться его видом. Среди прочих вещей нашёлся замечательный золотой шлем, выполненный в форме головы дракона. Фафнир надел его и так же, как кольцо превратило его родителя в змею, так и его шлем превратил в дракона.

Вот уже много лет лежат драгоценности в пустыне, охраняемые драконом по имени Фафнир, который давным-давно позабыл, что был когда-то человеком. И до тех пор, пока его не убьют, зло не покинет землю. Много людей пытались добраться до этих драгоценностей, но лишь находили свою смерть. И теперь Сигурд выбран судьбой, чтобы привести к концу правление Фафнира.

Сигурд-Королевский Сын выслушал этот рассказ, и когда Регин закончил песню, сказал:

— Так тому и быть, Регин, кто был Мимиром и некогда гостеприимно принимал у себя Асов-богов. Я встречу с этим твоим братцем-драконом.

— Но не один! — Регин снова стал кем-то другим, а не Мимиром, снова появились седины и морщинистая кожа, отмечавшая преклонный возраст. Лишь глаза его ничем не напоминали глаза смертного, вот почему Сиг и страшился их взгляда и был рад, что они не смотрят в его сторону. — Я поскачу вместе с тобой.

— И я, — добавил Сиг; он знал, что должен. Возможно, Регину это не понравилось: он бросил быстрый беспокойный взгляд на Сига. Но не стал открыто выступать против предложения оруженосца.

Они ехали семь дней, пока не достигли земли, изрезанной огромными ущельями. Кругом валялось множество высоченных чёрных валунов, а расти — ничего не росло. Дорога тянулась, изгибаясь, к вершине горы, и им пришлось карабкаться вверх, хотя и дышать теперь стало труднее, и силы покидали их. Сигурд, как самый сильный, вёл их вперёд.

По другую сторону горы расстилалась равнина, на которую они взглянули уже с наступлением темноты. Вокруг

россыпи мерцающих огоньков двигалась какая-то огромная тень, с которой Сиг отнюдь не жаждал познакомиться поближе. Они спустились к берегу реки, которая барьером протянулась между ними и долиной. Вода оказалась густой и тёмной, словно и не вода вовсе, а какая-то ужасная слизь. И по её поверхности иногда пробегала рябь, как будто от скрывавшихся там безымянных чудовищ.

Когда они достигли берега этого тёмного и внушающего угрозу потока, уже наступил день, но солнце никак не появлялось на небе. Не могли они рассмотреть и облаков, всё вокруг окутывал серый сумрак, едва ли ярче ночной тьмы, сквозь который с трудом пробивалось сияние проклятых драгоценностей. Ведь там находилось то, что притягивало к себе, заставляло любого человека бросаться вперёд и хватать пригоршню за пригоршней.

Там лежали самоцветы, вставленные в короны давно забытых королей, браслеты, ожерелья, кольца, мечи с рукоятками, изукрашенными драгоценными камнями, ослепительно сверкающие щиты, и все они свалены были вместе. И от одной кучи к другой ползал страж, совершая свой бесконечный обход.

Смутные отблески волновали странный туман, поднимавшийся от драгоценностей, а потому невозможно было ясно рассмотреть Фафнира. И в то, что он до сих пор сохранил форму человека, как вдруг обнаружил Сиг, верилось с трудом. Это создание было таким же громадным, как и великан Гриф, тем не менее оно ползало на животе, чуть-чуть приподняв рогатую голову над землёй. За телом волочился длинный хвост, и обрубки маленьких крылышек топорщились на плечах.

Ещё на противоположном берегу они увидели проложенный в глине ров, который обрывался у воды. Возможно, он отмечал путь Фафнира к водопою.

— Вы умеете плавать? — Регин-Мимир присел на корточки на берегу, задумчиво глядя на реку. Потом он взял в руки посох и ударил им по воде, как будто в поисках брода. Возникло волнение и водоворот. Регин вскрикнул и отпря-

нул назад. Но то, что он теперь держал в руках, было лишь половинкой посоха. Остальную часть словно отрезало гигантскими клешнями.

— Похоже, — начал Сигурд, глядя на печальное доказательство скрывавшейся опасности под поверхностью воды, — что переплыть не удастся.

Регин-Мимир хитро посмотрел на сына короля, и Сигурд всё меньше и меньше нравилось то, что, как он полагал, скрывается за этими глазами, которые вовсе не являлись уже человеческими.

— Как же тогда, по-вашему, нам добраться до цели, которую мы пришли уничтожить?

И ещё когда он говорил, на реке появилась лодка. Откуда она взялась и почему они раньше её не заметили, Сиг не понимал. Она напоминала одну из тех, какими пользуются на озёрах в осенний сезон охотники на диких уток, и в ней плыл какой-то человек, без видимых усилий работая вёслами. И всякий раз, когда вёсла погружались в воду, Сиг отчасти ожидал, что они расколются и сломаются, однако они оставались целыми и невредимыми.

Гребец так низко склонил свою голову, что в этом полумраке они никак не могли рассмотреть его лицо под синим капюшоном. Но Сиг не сомневался, что один глаз на этом лице закрывает повязка. И он чуть вздрогнул и крепче сжал свой посох.

— Здравствуй, Сигурд Волсунг! — незнакомец подвёл лодку к берегу и, выпрыгнув из неё, предстал перед ними. И хотя он ни к чему не привязал лодку, однако её не сносило потоком воды — она просто застыла на месте.

— Здравствуй, Отец Всего Сущего! — на этот раз и Сигурд посмел назвать его по имени. — Будучи тем, кто ты есть, ты знаешь причину, по которой мы прибыли сюда.

Казалось, что единственный глаз смотрит не только на Сигурда, но и на его спутника. И Сиг не мог отвести свой взгляд в сторону. Что могут они сделать, кроме того, что предрешиено было Норнами, — когда сам Один, Отец Всего Сущего, принимает участие в их судьбе?

— Причина известна, — ответил незнакомец. — Ни человеку, ни Асам-богам не повернуть или изменить ткань судьбы или удачи. С самого начала в этом рискованном предприятии была доля моего участия, вот поэтому я теперь должен помочь и в его окончании. Ни смертные, ни Асы-боги не могут встретиться с Фафниром на поле битвы в открытой схватке. Поэтому вот что вы должны сделать: раз в день, ближе к вечеру, Фафнир приходит к реке напиться — вы видите ров, который он проложил к воде. Выкопайте яму и прикройте её землёй и сами скройтесь в ней. А потом, когда Фафнир будет проползать над вами, нанеси кинжальный удар вверх, в мягкую плоть брюха, единственное место, которое Балмунгу под силу поразить.

— Отец Всего Сущего, мы благодарим тебя за помощь. Незнакомец медленно покачал головой.

— Погоди благодарить, пока ты жив, Сигурд-Королевский Сын. Благие намерения не всегда приводят к добру. Иногда — ко злу. Однако такова твоя судьба и поэтому так и должно быть. И это лучший план, что я могу предложить вам.

Потом он повернулся, сделал шаг прочь от них и исчез. Тут же Регин-Мимир бросился вперёд и, ухватившись рукой за лодку и оглядевшись, с пылом бросил им:

— Совсем немного времени у нас, чтобы устроить ловушку. Идём, Сигурд-Королевский Сын, который вскоре будет зваться Сигурдом-Проклятием Фафнира.

Таким вот образом они переплыли через реку — Сигурд правил одним веслом, а Сиг — другим. Регин-Мимир не помогал им, только неотрывно смотрел на противоположный берег, словно одно его страстное желание могло ускорить их продвижение вперёд. И совсем скоро они добрались до рва, проложенный драконом, и он был глубоким, в рост Сигурда, и вдобавок стенки его были покрыты слизью, отдававшей такой отвратительной вонью, от которой человека могло стошнить. И сразу они получили предупреждение о том, что случилось с предыдущими смельчаками, отважившимися проникнуть на землю Фаф-

нира. Когда Сиг сделал неосторожный шаг, из-под ног его выкатился череп. А рядом валялся меч с оплавленным клинком.

Сигурд прыгнул вниз прямо в середину этого отвратительного рва и Балмунгом начал разрыхлять землю, плотно утрамбовавшуюся под чудовищным весом дракона. Затем он передавал вверх её вместе со слизью Сигу, который относил её подальше в суме из его плаща. И снова Регин-Мимир не принимал никакого участия в деле. Он сидел, скрючившись, словно огромный серый паук, застывшим взглядом окидывая долину, где вспыхивали яркими огнями драгоценности, между которыми ползал Фафнир, чтобы удостовериться в том, что ни одна, даже самая крохотная их часть, не была унесена.

Наконец они закончили свою работу: Сигурд уже мог полностью поместиться в выкопанной яме. Затем Сиг тоже спустился вниз и развернул свой испачканный в земле плащ над Сигурдом, подсыпал земли и разровнял её, пока на его взгляд всё не стало выглядеть так, как было до их прихода. После чего он подошёл к Регину-Мимиру и коснулся его руки. Мастер-Кузнец, казалось, пробудился от какого-то сна: еле поднявшись, он на негнущихся ногах пошёл к лодке. В этот раз старик помогал мальчику, работая веслом, и они вернулись туда, где оставили Грейкелла и остальных коней. Лошади стояли, наклонив головы с настороженным видом.

Теперь оставалось только ждать, и Сиг обнаружил, что это хуже всего. Наконец сумрак, который царствовал здесь весь день, стусился ещё больше, так что блеск драгоценностей на равнине усилился. И когда чудовищная тень Фафнира повернула от драгоценностей ко рву, Сиг с такой силой сжал свой посох, что ногти вонзились в дерево и руки заныли от боли. Это было жуткое зрелище — огромная чешуйчатая тварь ползла, извиваясь, в земляном рву. И Сиг знал теперь, что в его жилах течёт отнюдь не кровь героя, как у Сигурда, и мучительно ждал, когда произойдёт нападение на дракона.

А чудовище всё ползло и ползло вперёд, и вот рогатая голова показалась уже совсем близко от реки. Что если Сигурд задохнулся или раздавлен? Но конечно, он бы до этого успел напасть!..

И когда сердце Сига переполнилось страхом, передняя лапа дракона взметнулась вверх, а из горла вырвался крик, от которого задрожала земля. Хвост его начал хлестать по земле, глубоко вбивая в её поверхность камни, случайно попавшие под удар. Из открывшейся дыры в животе забила тёмная струя отвратительно пахнущей жидкости. Извиваясь всем телом, Фафнир свалился к реке, а затем голова его упала вниз, и он ударил ею по собственной ране, словно в наказание за мучения, которые та причиняла ему.

Изворачиваясь, крутясь, дракон пытался побороть смерть, пока его огромное тело ещё раз не приподнялось, а потом он рухнул в воду, и фонтаном бившая тёмная жидкость окутывала вонючей пеной его крылья, лапы с огромными когтями, чудовищный хвост. Вся вода вокруг него забурлила, словно те, кто жил в её глубинах, собрались здесь на пиршество, которого они совсем не ожидали. Так началась вторая битва. Сиг понял, что не может следить за ней, и спрятал лицо в ладонях, пытаясь не слышать ужасных звуков сражения.

Благосклонная судьба не допустила, чтобы битва в реке нанесла какой-нибудь ущерб их лодке или унесла её вниз по течению. Когда Сиг рискнул посмотреть, вода больше не волновалась, и мальчик помчался к лодке и приготовил вёсла.

— Мастер! — позвал он Регина-Мимира, который сидел неподвижно на скале, внимательно наблюдая за рекой со странной улыбкой на устах. — Мастер, мы должны отправиться за лордом Сигурдом!

— Ага, — Мастер-Кузнец встал и, подойдя к лодке, взял одно из вёсел. Потом подстроился под ритм движений Сига, и они поплыли через реку.

Едва они коснулись берега, совершенно разбитого последними отчаянными усилиями дракона, как Сиг выпрыгнул

из лодки и побегал по рву, проложенному Фафниром: Сигурд до сих пор не выбрался из ловушки, и мальчик боялся, что случилось самое худшее — добившись гибели дракона, Сигурд сам погиб.

Ров наполовину заполняла тёмная кровь, вытекшая из тела Фафнира, и от неё исходила невыносимая вонь. Сиг уже приготовился нырнуть в неё, несмотря ни на что. Однако, когда он добрался до места, где по его расчётам должна была находиться яма, там что-то зашевелилось. И из вонючего месива поднялся тот, кого он искал, настолько вымазанный грязью, что не походил на человека. И он шёл, спотыкаясь и покачиваясь, словно раненый.

Каким-то образом Сиг вытащил своего господина из рва и сорвал с себя камзол, чтобы стереть и очистить Сигурда от слизи; тот тяжело дышал, будто его лёгким не хватало воздуха.

— Господин, куда вы ранены? — Сиг отчаянно принялся счищать с него эту грязь, чтобы посмотреть, насколько серьёзны раны, приносящие такие страдания.

Но постепенно Сигурд выпрямился и задышал более свободно.

— Я не ранен, — выдохнул он. — Это всё из-за вони этой твари и того, что вытекло из неё. Балмунг отлично выполнил свою работу. Фафнир мёртв, драгоценности свободны от него.

Он вновь и вновь вонзал огромный клинок глубоко в землю, чтобы очистить его лезвие. А потом с помощью Сига повернулся и бросил взгляд на долину, где лежали кучи драгоценностей. И хотя уже совсем стемнело, свет, исходивший от сокровищ дракона, позволял им видеть не только то, что лежало там, но и всю землю вокруг.

И от одной кучи к другой бегала какая-то маленькая съёжившаяся фигурка. Вот она схватила какую-то корону и высоко подняла её, но лишь затем, чтобы снова со звоном бросить обратно. А вон там она закрутила сверкающее ожерелье, словно метатель пращу, вложив в своё оружие камень. И снова она со звоном отбросила ожерелье в

какой-то щит. А потом распростёрла перед собой руки, по-видимому, желая прижать к морщинистой груди всё то, что лежало там, — и держать так вечно.

Регин-Мимир! Но куда же делся тот мудрый Мастер-Кузнец, которого знал Сиг большую часть своей такой ещё короткой жизни? Это... ведь это создание — не он. Регин-Мимир вновь изменил свой облик, он стал, наверное, не драконом, а...

Внезапно эта фигура, метавшаяся среди груд драгоценностей, повернулась к ним лицом. И Сиг увидел оскалившиеся в ухмылке клыки, ничем не напоминавшие человеческие. Фигура наклонилась к сверкающей груди, а затем вверх взметнулась рука, в которой засияла какая-то вещь. Потом она помчалась в их сторону со скоростью, превышающей галоп Грейкелла.

— Мои! Мои! — пронзительно кричал Регин-Мимир, приближаясь к ним. — Мои драгоценности! Смерть тому, кто коснётся их!

Он не принимал никаких мер по защите, с безумными глазами бросившись на Сигурда. Сиг увидел кинжал с длинным клинком, сверкающий и острый. Но взметнулся вверх Балмунг, и Сигурд нанёс удар.

Скрюченное тело, старевшее прямо на глазах, упало. И тем не менее голова всё-таки приподнялась вверх от сторбленных плеч, и из сморщившихся уст слетело последнее слово, брошенное словно вызов:

— Мои!

Сиг отшатнулся. А Сигурд расстегнул свой испачканный и порванный плащ и, наклонившись, набросил его на скорчившееся тело.

— Он был Мастером-Кузнецом и человеком чести, — проговорил он тихим голосом. — Он не смог убить своего дракона, и в связи с этим был убит сам.

— Своего дракона?

— Да. Алчность — таким был его дракон, и он по-прежнему властвует здесь. Вот поэтому Фафнир и стал здесь стражем, хотя и был сам мёртв. На эти драгоценности

было наложено сильное проклятие. И оно настигало любого, кто решался поднять их. Поэтому лучше оставить их здесь, пока не настанет конец мира.

И Сиг, глядя на озарённые призрачным светом драгоценности, горящие, словно адский огонь, понял, что это правда.

Поэтому они и поскакали подальше от этой пустыни, оставив всё позади. Они продолжили выполнять узор Норн, проживая свои жизни так, как было им уготовано.

Сирруш-Ло

— Пусть лежит, как и сказал Сигурд-Проклятие Фафнира, пусть лежит...

Слова эти эхом отдались в пыльной и тёмной комнате. Сиг поднял голову. Он держал руки перед собой, ухватившись за край стола с такой силой, что они ныли от боли. Он ведь должен держать посох... и куда делась река... горы... Грейкелл и остальные кони? Мальчик тряхнул головой, пытаясь избавиться от иллюзий сна. Неужели это был сон? Такой реальный... такой реальный! Во сне же нельзя есть, уставать или чувствовать. Сигурд был по-настоящему реален, как и Мимир, и Фафнир...

А перед ним по-прежнему красовался Фафнир, серебристый, яркий. Сиг поднял руку, чтобы ударить по картинке-головоломке, которую он с таким трудом собрал, — по серебряному дракону. Но почему-то мальчик не смог коснуться его. Он же... он же почувствует... НЕТ!

Он так торопливо рванул назад стул, что тот с грохотом упал на пол. Снаружи сверкнула молния, и Сиг окончательно понял, в каком месте находится, хотя ещё не был до конца уверен, что же произошло с ним. Он только знал, что ему нужно выбираться отсюда... идти домой...

Сиг пробежал из комнаты обратно в старую кухню. Капли дождя проникали через открытое окно. Но он не забыл, что нужно сделать ещё одно дело... тот стол... Рэс...

Мальчик постоял в нерешительности несколько секунд у

окна. Меньше всего ему хотелось ещё одной драки. Однако он не мог, никак не мог оставить Рэса запертым в подвале. Сиг бросился к столу, приваленному к двери, и яростными толчками, прилагая все силы, оттащил его от двери. А потом не стал ждать и бросился к окну, в дождь и темноту.

Кусты неухоженного сада буквально схватили Сига, когда он ринулся сквозь них по самому кратчайшему пути к выходу во внешний мир, в который он верил. Но ещё один, другой мир по-прежнему оставался какой-то его частью. Он видел мысленно кузницу с Сигурдом-Королевским Сыном, выковывающим могущественный меч, лесной дворец Мимира-Регина, и то долгое путешествие к ужасной истерзанной земле Фафнира.

Драгоценности! Это слово, всегда такое волнующее, теперь означало нечто совершенно иное. Фафнир завладел ими и превратился из человека в чудовище, поглощённый своей алчностью. Мимир, который был учителем Сигурда и хорошим другом, тоже превратился в чудовище, когда драгоценности предстали перед ним, хотя и несколько другим способом. А потом Сигурд сделал свой выбор и оставил то зло, и таким образом вернулся оттуда героем.

Сиг снова и снова прокручивал в памяти все эти воспоминания, когда бежал домой. Должно быть, уже очень поздно. Папа уже вернулся домой, и он захочет знать, куда это сын запропастился. Но если он расскажет эту историю, то никто не поверит! И в то же время он не мог придумать ничего более подходящего. Сиг-Клешнерукий не пользовался ложью, чтобы выпутаться из затруднительных ситуаций. Если папа всё же задаст ему вопрос, ему придётся рассказать часть правды — что он проник в дом и нашёл ту головоломку. Но рассказать об остальном... нет уж, увольте!

А дома-то никого и не оказалось. Возле кухонной двери он бросил взгляд на часы на полке и уставился на них в неверии, а потом подошёл ближе и встряхнул их. Половина шестого! Его не было дома всего полчаса!

С трудом восприняв этот факт, Сиг стянул с себя мокрый плащ. В конце концов он пришёл домой раньше

папы, и ему теперь не придётся ничего рассказывать. Но мысли его постоянно возвращались к Рэсу.

Он не слышал никаких звуков из подвала, когда оттаскивал от двери стол, которым перегородил выход. Что, если там, в темноте, Рэс разбился или поранился? Никто ведь не знает, что он там, никто, кроме него, Сига. И он будет виноват, если Рэс лежит сейчас там, у подножия лестницы в темноте, возможно, со сломанной ногой, и никто не знает...

Медленно Сиг снова посмотрел на часы, оценивая поступок, который он меньше всего хотел совершать. — вернуться в тот дом, чтобы убедиться, что с Рэсом всё в порядке. Папа, конечно, скоро придёт домой, и если он уйдёт сейчас, тогда ему точно придётся потом всё объяснять.

Рэс — крепкий парень, он, вероятно, уже выбрался из подвала и на пути к дому. Но что, если нет? Сиг вновь надел плащ. Потом поднял записку, которую оставила его мать, достал авторучку и добавил несколько слов. По крайней мере, папа будет знать, что он был дома и скоро вернётся назад.

Не смея больше задерживаться (на случай, если он не сможет заставить себя вернуться туда, к тому дому, в этот дождь и в темноте), мальчик вышел на улицу.

Рэс сидел в темноте. Он уже обшарил руками всё вокруг и знал, что находится на лестнице. А что внизу спуска, ему вовсе не хотелось знать. Сначала он разгневанно кричал, а потом гнев прошёл, словно холод, поднимавшийся снизу, вытряхнул из него злобу, и остался только страх. После этого он просто звал и стучал по двери. Но вокруг по-прежнему стояла тишина, и он понял, что Сиг, наверное, ушёл из дома и оставил его одного!

Что же было в той коробочке такого, что так перепугало Сига?

Странно, но почему-то Рэсу без труда удалось найти её, словно Сиг оставил какой-то знак для него, совершенно

чёткий на этом пыльном полу, ведущий к тому листу бумаги, слегка выгнувшемуся кверху над шкатулкой.

В коробочке не оказалось ничего такого особенного — просто картинка-загадка. Рэс ожидал обнаружить что-то по-настоящему ценное после всех рассказней Сига насчёт спрятанных драгоценностей. Рэс попытался избавиться от страха, поразмыслив о чём-нибудь другом. Рассуждай логически, всегда говорил Шака. Жаль, конечно, что он ничего не рассказал ему прошлой ночью. Его брат ушёл на собрание, а когда вернулся домой, он и папа сильно повздорили. Мама плакала. Неприятности! Одни неприятности в последние дни, когда Шака говорит одно, а папа — другое.

Никто не знает, что он здесь, никто не станет здесь его искать. Он действовал по собственной инициативе и теперь ему придётся выбираться отсюда самостоятельно. Рэс упрямо вернулся к двери, хотя, похоже, в этом не было никакого толку. Однако он не отказался от попыток открыть её, и в любом случае маленькая полоска света, пробивавшаяся с краёв, была лучше темноты, опутывающей всё вокруг.

А затем он услышал топот ног бегущего человека по старым половицам. Он напряжённо вслушивался в эти звуки. Сиг... Сиг возвращался — и в огромной спешке — из передней части дома. Что он делал всё это время? Рэсу в сплошной темноте казалось, что он находится в доме по крайней мере несколько часов.

Он прижался к двери. Сиг должен выпустить его! Он не может просто так взять и уйти, оставив Рэса запертым здесь... или может? Это всего лишь ещё одна уловка белых. Шака говорил никогда им не верить... Рэс открыл рот, чтобы закричать. Но вот шаги приблизились к двери. Сиг не должен узнать, что он готов воззвать к нему о помощи — никогда не должен! Ничего не говорить, просто навалиться на него, когда он откроет дверь.

Рэс услышал скрежет двери по полу и, затаившись, стал ждать, пока та не откроется. Но вместо этого раздался какой-то новый звук, заглушённый грохотом грома, звук удаляющихся шагов. Рэс бросился к двери. Она открылась

больше, чем до этого, потом снова натолкнулась на стол, но в этот раз щель оказалась достаточно широкой, чтобы Рэс смог протиснуться в неё. А секундой спустя он уже был в кухне.

Что же делал Сиг всё это время в доме? Окно всё ещё было открыто, и через него на веранду проникали капли дождя. Было уже поздно, Рэс понимал, что лучше бы вернуться домой. Но он никак не мог преодолеть своё любопытство, он должен был узнать, что же задержало здесь Сига. У него с собой собственный фонарик, поменьше, чем у Сига, но его света будет вполне достаточно. Та коробочка с кусочками составной картинки-загадки, почему она так важна для Сига? Что, если Сиг провёл всё это время, пытаясь спрятать её в другое потайное место?

Рэс направился в переднюю комнату. Чехлы с мебели никто не снимал, казалось, что большей её части никто не касался уже долгое время. Мальчик прошёл по коридору к двери в следующую комнату, и там луч фонарика осветил стул, опрокинутый на бок. А на столешнице яркими красками что-то сверкало...

Он быстро пересёк комнату и направил луч фонарика прямо на стол. Тот казался подозрительно ярким. Но там находились только кусочки составной картинки-загадки, и часть из них была сложена вместе, так что получился серебристый дракон. Неужели именно э т и м и занимался здесь Сиг? Какого чёрта ему понадобилось сидеть в этой тёмной комнате и пытаться сложить части старой картинки-загадки, заперев тем временем Рэса, словно это какая-то запретная тайна?

Картина действительно выглядела странной — Рэс видел множество картинок-загадок, но ни одна из них не была настолько красочной. И этот дракон, когда смотришь прямо на него, казалось, шевелился. Но только нельзя быть уверенным, что ты видишь это в действительности, нет, просто чувствуешь это.

И ради этой головоломки Сиг подрался с ним. Однако потом он ушёл отсюда, оставив дракона лежать здесь. Рэс

протянул вперёд руку с намерением смахнуть все картинки в пустую шкатулку. Так Сигу и надо, он сам возьмёт её с собой домой.

Только, вдруг понял мальчик, он почему-то не мог коснуться этих кусочков и сдвинуть их с места. Внезапно он повернулся и вышел из комнаты. Пусть останется прямо здесь. Кому нужна, во всяком случае, эта старая картинка-загадка? Она ничего не стоит.

Рэс торопливо пробирался по дому и наконец вылез через окно. Он преодолел уже полпути, когда заметил освещённого уличными огнями Сига, возвращавшегося назад. Рэс нырнул в кусты. Неужели Сиг возвращается за своей драгоценной картинкой-загадкой?

Когда Сиг направился прямо к окну и пролез через него внутрь, Рэс, петляя, бросился за Сигом, и когда тот спрыгнул на пол, он уже был на крыльце и увидел, как тот освещает фонариком дверь в подвал. Потом он исчез за этой дверью. Должно быть, он спускался по лестнице в подвал. Но того, что ищет, он там не обнаружит.

Рэс побежал домой. Пусть белый остаётся там и охотится — ему это только на пользу. Но почему Сиг вернулся — чтобы снова драться с ним? Рэс был сбит с толку.

Удача была на его стороне, ему удалось пробраться внутрь дома и в свою комнату так, что никто этого не заметил. Из передней части дома доносились голоса Шаки и мамы. Мама казалась рассерженной, что с нею случалось часто в последнее время, когда Шака заводил разговор о планируемых действиях его и таких же, как он, борцов за права чёрных. После того, как Шака бросил колледж, мама с трудом терпела их. Как и когда Шака перестал ходить в церковь и начал говорить плохие вещи о том, что проповедник пытается сделать с учениками начальных классов.

Рэс уселся на край кровати и посмотрел на афиши, которые ему дал Шака, чтобы он наклеил их на стену. На одной — огромный чёрный кулак на красном фоне и множество непонятных иностранных слов под ним. Шака

сказал, что это суахили, их собственный язык, и им следовало бы научиться разговаривать на нём. Его теперь преподают в школах африканцев, которым Шака помогает открываться.

Но сейчас Рэс вряд ли видел эту красно-чёрную привычную афишу, так же как и голоса, доносившиеся снизу, стали для него бессмысленным бормотанием. Он теперь думал лишь о той картинке-загадке, оставшейся лежать на столе, о том серебристом драконе, который, казалось, шевелится, когда прямо не смотришь на него, но стоит лишь задержать на нём свой взгляд, как он застывает.

На стенках шкатулки были изображены четыре дракона. Красный дракон, жёлтый и синий. Синий дракон... едва Рэс подумал об этом драконе, как больше не мог выкинуть мысли о нём из головы. Хотя сейчас он вообще не мог чётко представить его мысленный образ — просто ярко-синее пятно.

Сиг, вернувшись, спустился в подвал, чтобы посмотреть, там ли Рэс, мальчик в этом не сомневался. Но заберёт ли он оттуда и картинку-загадку? Внезапно Рэс почувствовал беспокойство. В чём дело? Эта головоломка, в ней нет никакой ценности. Но... он не хотел, чтобы Сиг забирал её! Ему, Рэсу, тоже необходимо снова увидеть её!

Завтра — пятница, и после занятий мама хочет прийти за ним и отправиться купить ему какие-то новые туфли. И отвертеться от этого нет никакой возможности. Утром в субботу... но мальчик был уверен — это слишком долгий срок.

Его мысли прервал громкий хлопок дверей — пришёл Шака. Он всегда хлопал дверью, когда был в гневе. Теперь мама будет весь вечер раздражённой, а папа, когда придёт домой, будет ещё в более худшем настроении, чем мама: он по-настоящему злится на Шаку. Рэс покачал головой и встал, чтобы снять пиджак. Ему так не хотелось, чтобы начинались снова эти споры, однако в словах Шака имелся какой-то смысл. Посмотрите на папу, он всю свою жизнь вкалывал, но никогда у него не было приличной работы —

и только потому, что он чёрный. В нынешнее время людям и не нужно работать непременно на приличной работе — нет, в самом деле не нужно. Однако всё же папа говорит, что неправильно пытаться предпринимать что-то против закона. Шака же утверждает, что существуют два закона: один — для белых, а другой — для чёрных, и чернокожим нужно что-то делать с этим.

— Джордж? — раздался голос мамы от подножия лестницы.

— Да, я здесь, — торопливо ответил он. Бесплезно было пытаться просить маму или папу, чтобы они называли его Рэсом.

— У тебя есть полчаса перед ужином, чтобы выполнить домашнее задание, — она всегда таким вот образом считала время. А когда папа придёт домой и поднимется по лестнице в столовую на ужин, он заглянет к нему в комнату, чтобы посмотреть, какие книги Рэс принёс домой.

Они хотят, чтобы он был в числе лучших учеников класса, а затем поступил в колледж. Однако Шака говорил... Рэс подвигал лежавшие на столе школьные учебники, которые принёс ему папа. Да, конечно, в теперешние времена трудно уживаться внутри одной семьи. Когда он слушал отца, то это казалось разумным, но то же самое — и когда он слушал Шаку — различие лишь в том, что то, что они говорили, было совершенно противоположным.

Мальчик пролистал страницы в дневнике, однако на самом деле не занимаясь поисками домашнего задания, а снова размышляя над складной картинкой-загадкой и серебристым драконом, которого сложил Сиг. Почему Сиг сделал это прямо там? Любой бы решил заняться этим дома.

Рэс вздохнул. Слишком много вопросов, и он редко находил ответы, которые устраивали всех, в том числе и его самого. Интересно, что скажет или сделает Сиг завтра утром на автобусной остановке. Если Сиг попытается сделать что-нибудь... пусть побережётся! Рэс ещё должен будет поблагодарить его за ту темноту и холод, в которых он ждал

его возвращения на лестнице в подвале — этого он вовсе не собирался быстро забывать.

И Рэса настолько занимал этот вопрос о непонятных действиях Сига, что на следующее утро он даже пришёл на автобусную остановку раньше обычного. Парнишка-китаец, Ким Стивенс, снова прижимался к стене, словно он не мог обойтись без какой-либо опоры. Между ног у него стоял портфель, и он читал книжку в мягком переплёте. У этого парнишки всегда нос уткнут в книгу. А у Арти Джоунса в руках новый футбольный мяч, и он похлопывал по нему, насвистывая и не обращая на Кима никакого внимания. Однако Сига не было видно. Ага — вот и он идёт сюда, почти бегом, в распахнутой ветровке, нахлобучив кепку на голову на самый затылок, так что она едва не падала.

Сиг уставился прямо на Рэса с каким-то странным выражением на лице. Он пошёл помедленнее, а потом бросил быстрый взгляд в сторону. Когда Сиг остановился рядом с Арти и принялся что-то быстро болтать, подошёл автобус, и их унесла толпа ребятишек. Ким держал палец между страницами книги, отмечая место, где читал. И едва они только сели, как он продолжил чтение, словно Рэс, сидевший рядом с ним, был для него невидимкой. Арти, сидевший напротив, говорил о футболе. Рэс считал Арти болтуном. Он бегал за бандой Россса, но был им не нужен.

Рэс ещё больше съехал вниз на сидении и задумался. У него были свои планы на субботу. Конечно, обычная работа по дому. Ага, ему нужно было побывать в прачечной. Он может оставить одежду стираться, а сам тем временем удрать оттуда. Прачечная находилась лишь в двух кварталах от того старого дома, а там уж он разберётся с этой картинкой-загадкой.

Мальчик не знал, почему ему так хочется посмотреть на неё, однако почему-то был убеждён в необходимости этого. Хотя, конечно, если Сиг уже забрал головоломку оттуда, то, разумеется, он никогда снова не увидит её.

На следующий день всё складывалось как нельзя лучше.

Рэс отправился в прачечную. И вот у него появилось в запасе двадцать пять минут, так что если он будет бежать всё время, то времени вполне хватит, чтобы добраться до старого дома и вернуться назад. Торопясь по улице, Рэс поискал взглядом Сига. Чуть дальше, в квартале от него, Арти бил футбольным мячом о стену. Никого поблизости не было, И Рэс скользнул за кусты, чтобы как можно быстрее добраться до таинственного дома.

Он остановился и подождал целую минуту, наблюдая, прежде чем поднялся на крыльцо и, приподняв окно, подставил под него тот же самый кирпич, что и Сиг. Оказавшись внутри дома, он встал и прислушался. Снаружи доносился какой-то шум, однако в доме царила тишина.

Стараясь производить как можно меньше шума, Рэс начал пробираться по комнатам, двигаясь к той, где находился тот стол. Полоска света, проникавшего через открытые внутренние ставни, падала на стол и стул.

Картинка-загадка всё ещё находилась там, Сиг не забрал её с собой. И она пребывала в том же самом состоянии, как и в последний раз, когда Рэс её видел: серебристый дракон, свернувшийся клубком и вставший на задние ноги так, что казался живым.

Внезапно Рэс заметил, что сел и внимательно рассматривает частично собранную картинку-загадку. Он понял, что ему нужно сделать — сложить воедино ещё одну её часть. Мальчик поднял шкатулку, провёл кончиком пальца по разделяющим её на четыре части линиям — серебристый дракон сверху на крышке, красный — с левой стороны, золотисто-жёлтый — с правой, и странный, синего цвета, совершенно не похожий на остальных трёх, ещё более непреклонный и незнакомый, в нижней части. Потом мальчик отложил в сторону все красные и жёлтые картинки, сосредоточившись на собирании в одну кучу всех синих.

И торопливо занимаясь сортировкой, он совсем забыл о времени и месте, где находится, лишь одно владело его мыслями — подогнать один кусочек картинки к другому,

потом следующий, и так далее. И вот у дракона уже выстроилась синяя нога, оба бедра, а теперь — и две передние лапы с когтями как у птиц, хвост, длинный и тонкий, вздымающийся под углом к длинной, похожей на змеиную, шее. А теперь — вот этот кусочек лапы... зачем этому созданию иметь лапы, как у льва спереди и птичьи когти сзади? Ага, вот и вторая нога! Нет — это скорее часть шеи. Рэс остановился на несколько секунд, чтобы более внимательно присмотреться к рисунку на шкатулке.

Голова была слегка откинута назад, как у лошади, и со лба к носу спускался конусообразный рог. Голова уже почти вся сложена. Вот ещё несколько кусочков от верхней части шеи...

Хватая кусочки, выбирая, складывая их друг с другом, отбрасывая неподходящие, Рэс чувствовал растущее возбуждение. Что-то в этом странном образе было такое, что он уже знал, видел прежде — только не мог вспомнить, когда и где. Мальчик нахмурил брови, когда искал кусочек, чтобы соединить голову с телом. Внезапно он закрыл глаза и попытался представить весь облик этого существа, а не думать о нём как о головоломке. Где же он видел его? Что-то, что показывал ему Шака? Рисунок в книге? Что-то слегка шевельнулось в памяти.

И вот сложено всё, кроме одного кусочка когтистой лапы. Рэс остановился на несколько секунд в нерешительности, снова пытаясь припомнить, каким образом... когда... где... Должно быть, вот это нужный кусочек, но он лежит перевёрнутый другой стороной. И странные отметины на пластинке кажутся мелкой клинописью в теперь уже разрушившемся узоре.

Он вспомнил! Письмена! Он видел такие письма в учебнике по истории — записи шумеров! Та клинопись была выдавлена палочкой на глине, которую потом обожгли, чтобы глиняные таблички стали книгами! Рэс был удивлён ясностью, с какой в нём поднялись эти воспоминания. Он осторожно взял два кусочка, которые сложил перед этим, и перевернул их. Каждый пересекала какая-то

клинопись, однако письма были разными. Шумеры жили очень-очень давно. Зачем эти письма здесь, с обратной стороны кусочков головоломки?

Нужно что-то сделать с этим драконом, мальчик был уверен в этом. Кирпичи! Да, кирпичи! Он вдруг увидел в своём мозгу картину, которую искал, — стену и на ней — странную фигуру, сложенную из разноцветных кирпичей.

— Сирруш-Ло!

Рэс вздрогнул, оглядел эту затемнённую комнату. Кто произнёс это? Он... он сам, наверное! Но каким образом... и почему?

Сирруш-Ло. Мальчик посмотрел вниз на своё произведение, теперь законченное. Это его имя. И дракон пронзительно сверлил его глазами, словно ослепительными лучами горячего солнца.

Принц Шеркарер

Солнце ослепительно сверкало, с такой силой, что кирпичная кладка пристани была разгорячена, как жаровня. И всё же внутренне Шеркарер дрожал от холода. Но позволить этим бледнолицым варварам узнать, что его касается страх!.. Он смотрел прямо перед собой, горделиво приподняв голову, как и должно ему — тому, в ком течёт кровь нубианского Пианхся, Властелина Двух Земель, фараона Египта, но раба в этом месте вздымающихся стен и странных бородатых людей.

Ему достаточно было одного короткого взгляда на своё запястье, чтобы увидеть синюю татуировку на тёмной загорелой коже руки — сложившуюся кольцами Змею со львиной головой великого бога Апедемека — и вспомнить, что это такое. Сколько времени назад? Один день сплетается с другим, который в свою очередь переходит в следующий. Сначала смутное ощущение боли, терзавшее его мозг после удара боевого топора о череп при взятии Напаты, Города Повелителей. А позднее, когда к нему

возвратилась память, он обнаружил себя пленником, который был продан как раб. Ах, эта мучительная горечь!

И нет лекарства, чтобы излечиться от ненависти, и он горячо ненавидел тех, кто схватил его, но не убил в Напате, и купившего его торговца, и тех, кто столпились сейчас вокруг него. Может, он ещё и не носит на щеках шрамы львиных когтей, однако он сражался, защищая себя, пока не осталось стрел и египтяне не захватили его, египтяне, которые ненавидели всех нубийцев с тех пор, как Пианхей показал, что они лишь тень воинов, и захватил их трон.

И нубийцы удерживали этот трон, пока наконец через поколение весы Судьбы не качнулись в другую сторону, и фараон Танветамани был изгнан на юг, но не египтянами! Нет, его изгнало войско ассирийцев. В этот раз наряду с египтянами Напату штурмовала орда варваров — белокожие морские бродяги, люди без роду без племени, наёмники с севера.

Но они обнаружили, что люди Напаты, или Мерое, не лёгкая добыча. Губы Шеркарера обнажили зубы в молчаливой ухмылке. Да, они сполна заплатили за опустошение города. Однако эти воспоминания не успокаивали сейчас его сердце: он не был среди тех, кому удалось отступить дальше на юг, в сердце страны Мерое.

У него теперь нет ни лука, ни меча, висящего на персвязи через плечо, готового взлететь для удара, ни топора в руке. Он, как и остальные на пристани, был одет в одну лишь набедренную повязку, занимаясь погрузкой тяжёлого груза на корабль, который прибыл по реке ещё на заре. Этот груз... Шеркарер вздрогнул.

Он знал диких охотников с болот к югу от Мерое. Знал ещё с тех времён, когда малышом бегал во дворе матери и слышал странные истории о них, не так ли? Ибо его матерью была Барбара, Принцесса Мерое, внучка Кандасы, Королевы-матери. В её дворе собирались все, кто приходил и уходил в дальние края, так что она могла слушать их рассказы и докладывать об этом в Напату.

В те дни купцы из караванов, следовавших к портам в

заливе, и люди с юга, где водилось много странных и почти невероятных существ, охотно рассказывали свои истории, и писари записывали их. Вот так охотники из болот и рассказали о демоне-чудовище с болот, пока наконец Кандаса не издала приказ, чтобы эту тварь изловили и доставили к ней, чтобы она смогла предложить её Апедемеку. И фараон Асоплета, её сын милостью великого бога Амона, поставил свою печать под этим приказом.

Когда раздаётся Великий Голос, люди повинуются. Но понадобилось целый год и ещё двадцать дней. Люди умирали столь ужасной смертью, что выжившие говорили об этом только шёпотом, бросая при этом косые взгляды по сторонам. Наконец ло был доставлен в клетке в Мерое. И те, кто видел его, понимали, что он не может быть ничем иным, кроме как демоном: его облик не походил ни на какого обычного животного. И всё же его поймали в ловушку люди, посадили в клетку и отправили на север. Так что разве можно сомневаться в мужестве нубийцев?

Шеркарер, глядя сейчас на эту клетку, поставленную на повозку и завешенную циновкой, спросил себя, о чём бы подумали те, кто находятся вокруг него, если бы эта циновка вокруг клетки внезапно упала, и они увидели, какого рода тварь они перевозят. Ему очень хотелось, чтобы это случилось: он не сомневался, что тогда все люди поблизости пустятся в бег.

Он снова унёсся мыслями в прошлое, ко дням, проведённым при королевском дворе, до того, как он стал рабом. Он хорошо помнил, как ло был отправлен из Мерое во дворец Кандасы в Напате. И Шеркарер отправился вместе с отрядом, охранявшем тварь. Его мать хотела таким образом привлечь к нему внимание Великой, чтобы сделать первый шаг на пути к будущему успеху. Он понравился Кандасе, а вот ло — нет: она сразу же, едва взглянув на тварь, отдала приказ накрыть клетку циновкой и увезти её в обитель Апедемека. Однако жрецы там не убили ло, а бережно ухаживали за ним, планируя принести его в жер-

тву во время ежегодной великой церемонии в храме. Но египтяне и варвары нанесли свой удар раньше.

После падения Напаты, конца которого он не запомнил, Шеркарер обнаружил, что он — часть захваченной добычи, наряду с ло. Почему чудовище не убили, он не знал. Эта тварь оказалась дурным предзнаменованием — достаточно было посмотреть, что случилось с Напатой после того, как её доставили в этот город, и как мучаются рождённые в нём. Шеркарер стал пленником, а остальные, как считал он, погибли. И снова Шеркарер зарычал.

И ло, и Шеркарера купил один торговец по имени Чапаз, и теперь они оба находятся в городе людей с белой кожей и крокодильей душой. Что если богу-льву Апедемеку настолько не понравилось это чудовище, что он сам устроил нападение на свой народ, чтобы это помогло избавить храм от него?

А если так, не пало ли на Шеркарера проклятие, потому что он помогал доставить это чудовище в Напату? Но ведь он всё-таки действовал по приказам, и это были приказы Величайшей, Дочери Апедемека, Львицы Земли.

Его губы тихо зашевелились, хотя он не произносил вслух молитву, которую слышал каждое утро при восходе солнца:

*«О, Апедемек, Напаты властитель,
Лев Юга, великий, могучий и сильный.
О прекрасный Бог, для нубийцев ты —
Самый лучший защитник,
И ни Небе, ни на Земле ты не будешь лишним».*

— Эй ты, чёрный, вниз!

Всегда готовый к удару бич хлестнул по плечам Шеркарера, возвращая его к безрадостному настоящему. Рабы, которые тянули завешенную циновкой клетку с ло, лежали лицом вниз на пристани. Другие, рождённые свободными, упали на колени, скрестив руки на груди и склонив головы.

Послышался звук рожков. Приближалась какая-то процессия.

Бич болезненно ударил по плечам Шеркарера.

— Вниз, раб. Не тебе смотреть на Казначея Великого Повелителя!

Шеркарер опустился на колени. Иначе его бы избили до потери сознания, что он уже познал, когда захватившие его люди в первый раз показали ему свою волю.

У крестьян была поговорка: крыса не может обращаться к коту ни по какому делу. Однако верно также и то, что даже хотя луна и движется очень медленно, она всё же пересечёт небо. Тот, кто сегодня держит в руках кнут, завтра может тщетно шарить пальцами в поисках кнутовища.

Он встанет на колени, однако им не заставить его опустить тело на кирпичи, как эти изнурённые от тяжкого труда рабы. И, наверное, они не решились наказывать его в присутствии повелителя: больше ударов кнута не последовало.

Во время этого долгого путешествия из Напаты нубиец уже неплохо узнал новый для него язык, чтобы понимать большую часть того, что ему говорили. Однако быстрая речь произносимых нараспев слов, которую он сейчас слышал, оказалась для него ничего не значащей болтовнёй. Сначала твёрдой походкой подошли стражники, одетые в чешуйчатые доспехи, и их длинные выющиеся бороды как бы образовывали на груди ещё один нагрудник.

Вслед за ними приблизилась колесница с возницей и пассажиром в сопровождении молодых людей в роскошных одеждах, которые шагали пешком сбоку от неё. Шеркарер искоса бросил взгляд на колесницу: он всё же склонил свою голову. Человека, ехавшего в колеснице, обмахивали двумя опахалами из перьев.

Его сложение отнюдь не походило на прекрасную фигуру воина. Скорее он был невысокого роста и толстоват, так что даже живот немного выдавался вперёд, холмиком выпирая из-под богатого одеяния. Его борода была тщательно

расчёсана и сверкала от масла, как и длинные локоны, ниспадавшие на плечи, их удерживал широкий золотой обруч. Одевание его было жёлтого цвета, поверх него — похожий на шаль красный плащ, крепившийся на одном плече брошью со вставленным в неё сверкающим самоцветом.

— Сто жизней возлюбленному Повелителя! — эти слова Шеркарер смог разобрать. — Долгой жизни Асфезаа, любимцу Мардека!

Стражники вытянулись в линию, когда колесница замедлила ход, а молодые люди, шагавшие пешком сбоку от неё, сошлись в одну группу. Асфезаа, Казначей, даже не пошевелился, однако возница поднял хлыст, чтобы величественно поманить к себе.

Торговец Ча-паз на корточках, не поднимаясь на ноги, направился вперёд. Молодые люди освободили ему дорогу, когда он таким вот раболепствующим образом подполз к одному боку колесницы, где возница отдал какой-то приказ.

Ча-паз точно так же неуклюже попятился назад и махнул рукой своему человеку, который следил за рабами. Этот надсмотрщик тоже на четвереньках подполз к завешенной клетке и начал приподнимать края циновки одновременно с помощниками, находившимися у противоположной стороны клетки.

Циновка заскрипела, сморщившись в складках, когда они приподнимали её. От ло волнами расходился сильный смрад, а когда лучи солнца проникли в клетку, раздался странный звук, ло был созданием ночи и ненавидел как свет, так и жару.

Тёмная фигура задвигалась, начала биться о клетку, ударяя головой с рогом о тройные прутья. Рабы встревоженно закричали, оторвав лица от земли, на которой они распростёрлись перед церемонией. И стражники подняли вверх их острые копыя, приготовившись пустить их в действие, словно боялись, что чудовище вырвется на свободу.

Даже их господин передвинулся чуть дальше, не сводя

глаз с пленённого существа перед собой. А потом, после второго знака от возницы, циновка упала на прежнее место, и её тщательно привязали снизу. Ча-паза снова подозвали ближе.

В этот раз говорил Асфезаа, хотя он и не повернул голову, чтобы посмотреть на человека, с таким раболепием ожидавшего его слов. А тот торопливо отскочил на корточках назад, чтобы не быть раздавленным и растоптанным колесницей, стражниками и остальной процессией, которая направлялась отсюда в сторону города, поскольку это была пристань, обслуживающая крепость, о чём Шеркарер уже знал. В этом краю крепость защищала своих купцов, торгующих здесь, и их домов было столь же много, как и в любом другом большом нубийском городе.

Тотчас бичи надсмотрщиков снова защёлкали, и клетка на повозке медленно тронулась в путь. Шеркарер вскочил на ноги. Между его лодыжками проходил бронзовый стержень, чтобы он мог идти, лишь ковыляя, а кисти стягивала верёвка.

— Эй, ты, отродье развопившегося шакала! — хлыст, направленный опытной рукой, скользнул по плечам, уже ослабевшим от такого обращения. — Шевелись!

Понукаемый таким образом, Шеркарер присоединился к процессии, шагая впереди громоздкой клетки. От жары вонь от неё стала ещё сильнее, распространяя вокруг себя облако смрада. Ча-паз, уже поднявшийся на ноги, шёл горделиво и с важностью, словно никогда перед этим и не раболепствовал перед своим господином. Другие рабы несли деревянные и металлические сундуки, некоторые из них, как признал Шеркарер, были частью добычи из Напаты. Позолоченная статуя с бараньей головой Амон-Ра и инкрустированный сундук — их могли забрать только из дворца фараона.

Рабы, несшие добычу, не были нубийцами. Шеркарер лишь один был здесь из Нубии, и это унижало его так же, словно он ползал на животе перед этими белокожими. Он, Королевского Рода, который украшает символ Змеи, такой

же раб, как и эти! Он — вроде одного из львов в замке Апедемека, захваченных торжествующим врагом.

Шеркарер вздрогнул от такой мысли. Как посмел он, тот, кто потерпел неудачу перед Великим Богом, кто не умер доблестно в сражении, но лишь стал рабом, сравнить себя со слугами Апедемека? Подобные мысли могут вызвать ещё более сильный гнев Бога-Льва! К Шеркареру на память пришли другие слова из утреннего гимна:

*«Бог, опаляющий недругов горячим дыханием
Одного лишь упоминания своего имени.
Бог, карающий все совершённые
против него преступления...»*

Люди Напаты, наверное, в чём-то немилосердно провинились, иначе бы Апедемек не отвернул от них своего лика.

Ослепительно сияло солнце, плечи юноши ныли от боли в тех местах, где опускался хлыст, да к тому же ещё ощущение безнадёжности — от всего этого Шеркарер ослаб и чувствовал головокружение, так что время от времени спотыкался. Но всё-таки он продолжал идти, стараясь не терять гордого вида принца Нубии, даже являясь пленником этих варваров.

Он всё меньше и меньше обращал внимание на обстановку вокруг, пока наконец его не впихнули в какую-то комнату, такую тёмную, что когда дверь захлопнулась, он не мог ничего видеть. Больше не выказывая чувства собственного достоинства, пленник упал на колени и улёгся на полу, глядя вверх на давящую темноту. Стены, наверное, были толстенные: здесь было очень прохладно.

Шеркарер тупо спросил себя, что теперь будет с ними, не кончится ли всё тем, что его отправят на галеры. Рабы в Мерое, Напате... он никогда не считал их за людей. Они трудились на полях, помогали пасти скот, прислуживали в домах. И больше ничего — их владельцы относились к ним с той же заинтересованностью, как и к хорошей охотничьей собаке или же замечательной лошади.

Что, если эти рабы, которых египтяне захватывали во время предыдущих войн, — дикие чернокожие люди с юга и несколько пленённых торговцев (странно выглядевших, со светлыми волосами и глазами) — что, если они так же ненавидят его народ, как он сам ненавидит своих пленителей?

Напата теперь далеко, а Мерое — ещё дальше. Возможно, ему никогда больше не доведётся увидеть их снова, и он много лет проведёт в этой жаркой пустынной земле. Шеркарер закрыл глаза и с силой заставил себя не чувствовать собравшихся в них слёз. Он — Шеркарер, старший сын принцессы Бартары, в нём течёт кровь великого завоевателя Пианкхья, фараона Двух Земель, властелина Нубии. Но теперь всё это не имело никакого значения. Он не взрослый человек, он мальчик, которому ещё не довелось сразиться со львом, которого он должен был убить копьём — и он очень-очень напуган.

Когда дверь распахнулась и на пол комнаты хлынул яркий солнечный свет, он очнулся от полудремотного состояния самонистязания. На пороге стоял молодой человек, и мальчику пришлось поднести руку к лицу, чтобы защититься от яркого ослепительного света, от которого заболели глаза. Это не стражник, у него не было за мягким поясом даже ножа.

На щеках пришедшего уже начала пробиваться мягкая завивающаяся борода, а волосы свисали на плечи в манере этих людей — нечистоплотный обычай: всем известно, что лучше брить голову и тело — так чувствуешь себя лучше во время жары. У посетителя была светлая кожа, светлее, чем у египтян. В верхней части рук, между плечами и локтями, он носил широкие серебряные браслеты. Его сандалии на концах украшали разноцветные шипы, одеяние было синего цвета, а пояс вышит полосками синего, зелёного и жёлтого цветов, с бахромой по центру.

Шеркарер потёр ладонью татуировку Змеи на запястье, единственный оставшийся у него признак того, кем он раньше являлся: теперь он был облачён в одежду рабов.

Мальчик с вызовом смотрел на молодого человека в таком роскошном одеянии. Что он делает здесь?

— Меня зовут Даниил, — молодой человек говорил медленно, но громко, словно таким образом он мог заставить глупого чужеземца понять его. Шеркарер не обиделся на этот тон — его занимали другие мысли, неужели это странное имя на самом деле его имя, или же просто какой-то варварский титул. Неужели этот тип думает, что он бросится на пол и поползёт к нему?

Молодой человек повернулся, взял чашу и кувшин у кого-то, стоявшего за ним, рассмотреть которого мешало ослепительное сияние солнца. Потом он прошёл внутрь комнаты и протянул их Шеркареру.

— Хорошая еда, — снова проговорил он медленно, отчётливо. — Поешь и выпей, брат.

Нубиец не сделал никакого движения, чтобы принять предложенное ему.

— Я не брат тебе, — мальчик осторожно произносил эти слова, они совершенно не походили на речь, что использовалась во дворе египтян, или на кушитский язык простолюдинов. — Я Шеркарер, из Рода Пианкхся!

— О Пианкхсе я слышал, — сказал молодой человек. — Он некогда был королём в Египте...

— Фараоном Двух Земель! — оборвал его мальчик. — И его родичи теперь в Напате, в Мерое, в Нубии, — а потом он вспомнил, что ему слишком хорошо известно, что теперь в Напате царит одна лишь смерть.

— В Вавилоне есть только один Великий Повелитель — Небучаднеззар, — ответил Даниил. — Хотя раньше в Иерусалиме правил Иехоаким Иуда, а потом Зедекня, который попал сюда слепым пленником и над которым насмехался Великий Повелитель. Иегова не всегда благословляет королей на счастливую жизнь. Но почему это мы, брат, говорим об умерших королях? Ты, должно быть, голоден и страдаешь от жажды, а эта еда хорошая. Я, как и ты, тоже сидел в заточении в темноте, но до сих пор, как видишь, жив. Клянусь милостью Бога-Повелителя, мне не

причинили большого зла, и я даже получил кое-какую власть.

Шеркарер прислушивался к этим словам. Поверит ли он в это или нет — это другой вопрос. Похоже, что этот Даниил желает ему добра, а его уже так снесло голод, что он едва сдерживался, когда смотрел на пищу. И всё же он не протянул руку к чаше, а лишь испытующе посмотрел на Даниила.

— Почему ты пришёл ко мне?

— Потому что тебя, как и меня, унесла от родного дома война. И... — он остановился на несколько секунд в нерешительности, а затем сказал то, что, как показалось Шеркареру, было правдой: — Они сказали, что ты прибыл вместе с драконом, которого передали жрецам Бела, и тебе многое известно о нём.

Шеркарер наконец-то принялся за еду. Он с большей охотой верил, что её ему принесли, скорее, как плату за информацию, а не вследствие того, что этому незнакомцу захотелось проявить обычный жест доброй воли.

— Я знаю ло, — коротко ответил он, решив, что то, чего он не знает, он просто выдумает — это было его единственное оружие против этого города и его людей.

— Ло... — повторил Даниил. — Так вот как ты называешь его на своём языке? Здесь его называют «сирруш» — дракон. Людям он напоминает демонов, которые снятся только в дурных снах. Хотя есть старая-престарая сказка, что некогда такое существо действительно обитало на речных болотах, и о нём знали жрецы Бела, однако всё это было в далеком прошлом.

И вот теперь Ча-паз доставил этого сирруш-ло в крепость, и он явился серьёзным аргументом в пользу Бела. Это даст его жрецам ещё большее могущество...

Шеркарер теперь был занят тем, что ложкой выуживал куски жареного мяса из чаши и отправлял их в рот. Хорошее мясо, намного лучше всего того, что он ел с тех пор, как пала Напата. Однако он продолжал слушать Даниила: ведь благодаря глазам и ушам узнают новое.

Тонкая паутинка фактов выстраивается в клубок действий — незнание плохо, а не пытаться узнать — вообще глупость.

— Вскоре настанет время, — продолжил Даниил, — когда великий король Небучаднеззар сам лично должен будет передать на один день всю полноту власти Мардуку-Белу, и он получит её обратно, только если того выберет бог. А то, что жрецы во время этой церемонии выставят напоказ сурруш-ло, даст им ещё больше власти.

— Ты говоришь об этих жрецах и их боге, — прервал его Шеркарер, — так, словно они не твои жрецы и это не твой бог.

Парень улыбнулся.

— На твоих запястьях могут быть цепи рабства, брат, однако узы не связывают твой разум. Да, клянусь всеми своими знаниями о Вавилоне, что я не поклоняюсь Мардуку-Белу, но служу настоящему Богу.

— Апемеку? — Шеркарер не верил ему.

Даниил отрицательно покачал головой.

— Богу-Повелителю Иегове, который заключил с моим народом серьёзное соглашение. Мы не бьём поклоны в храмах идолов или фальшивых богов. И даже здесь Великий Повелитель прислушивается к нашим словам и начинает искать более яркий свет, чем тот, что он может найти в этих проклятых алтарях. Но с прибытием этого чудовища влияние жрецов Мардука-Бела усилится.

— На губах улыбка, но что скрывается в сердце? — заметил в свою очередь Шеркарер. — Я ем благодаря твоей милости, назнакомец, однако древесина может плавать десять лет в реке и всё равно не станет крокодилом. Я не вижу причин, зачем мне поднимать меч в твоей войне. Какое мне дело до того, к какому из богов взывает твой король?

Но Даниил по-прежнему улыбался.

— Ты устал и всё это тебе в диковинку, как и тогда, когда они доставили нас в Вавилон из Иудеи. Наверное, я слишком поторопился с этим вопросом. Однако ты знаешь

о природе этого сирруша побольше Ча-паза. И жрецы, — теперь с его лица пропала улыбка — осталось только хмурое выражение воина, — говорили о том, что нужно будет принести в жертву ему какого-нибудь человека. А ты не думал, что первым, кого они предложат, можешь стать ты?

— Гроза ещё не началась, — Шеркарер пытался говорить твёрдым голосом. Кое-что он действительно знал о ло, и ведь может получиться так, что эти жрецы осуществят своё жертвоприношение, хотя, возможно, и не так, как думают. Он устал, и страх его был не таким уж малым. Ему трудно было играть роль воина. Пусть только этот незнакомец уйдёт и даст ему отдохнуть!

Даниил словно прочитал эти мысли в ноющей от боли голове нубийца: он поднял пустую чашу, однако кувшин не трогал.

— Поразмысли над моими словами, брат. Времени всё меньше и меньше. Если тебе что-либо известно о сирруше, что могло бы помочь в минуту опасности, то ты поступишь мудро, рассказав об этом. Жрецы — враги всех, кого они не принимают за истинных сыновей Бела. Не раз они уже пытались покончить со мной, однако благодаря могуществу Иеговы эти попытки не завершились успешно. Нет, это ясно показывает, что Бел — более слабое божество. Вот поэтому теперь жрецы устремили свой взор вдаль — на то, что они могут призвать, чтобы произвести впечатление на людей здесь, показав величие их бога. И они думают, что этот дракон поможет им в этом. Сейчас я пользуюсь благосклонностью Великого Повелителя, однако подобная милость недолга, и нужно добиться как можно больше, пока она длится.

Парень вышел, оставив дверь слегка приоткрытой. Шеркарер видел тень стражника, стоявшего за ней. Он и не надеялся сбежать отсюда, когда у него на ногах путы. Подняв кувшин, он принялся пить кислое ячменное пиво, потом выплеснул остатки себе на лицо, хотя как хорошо, что есть что-то, чем можно промочить пересохшее горло. Мальчик коснулся пальцем татуировки знака Апедемека на

запастье. Этот Даниил со всеми своими разговорами о незнакомых богах... Ясно, что хотя он и свободно передвигается по храму, он не относится к числу его властителей, он тоже пленник из другой страны, невзирая на то, что заслужил какую-то благосклонность Повелителя.

И о том, что эта милость может внезапно прекратиться, он мог и не предупреждать Шеркарера. В Нубии всё обстоит точно так же. Люди поднимались на самый верх, когда им улыбались фараон и Кандаса, или же падали, когда их брови хмурились. Этот Даниил, он, наверное, храбрый человек, раз поступает так, что, придя в дом своих врагов, находит в нём пленника и просит его не помогать тем же самым врагам: он не сомневался теперь, что это и есть цель Даниила.

Человек слишком амбициозный, не спит в покое... разве не так? Неужели Даниилом движут амбиции? Шеркарер закрыл глаза. Когда он отправился в Напату, он был мальчиком, тело которого ещё не нарушил ни один шрам, а теперь ему казалось, что те дни остались далеко-далеко позади. И хотя на его лице так и не появились отметины когтей льва, теперь он мужчина, и ему нужно призвать себе на помощь всё мужество, чтобы выжить.

Но стоит ли жизнь раба этого? Может, лучше в конце концов сразиться лицом к лицу с ло — если только ло ещё жив. Ча-пазу с трудом удалось сохранить этому созданию жизнь во время путешествия. Нужна была вода, зелень, чтобы наполнить его желудок: хотя это существо и выглядело пожирателем людей и зверей, оно не ело мяса. Однако оно легко убило бы — и ужасной смертью — даже бегемота или льва, если бы его привели в ярость.

Сильные задние ноги ло заканчиваются когтями, похожими на птичьи, а более короткие передние лапы могут резать и разрывать. Удар хвоста, не затрудняясь, собьёт человека, лошадь или льва с ног. Длинная шея поддерживает змееподобную голову, чешуйчатую, как у ящерицы, но имеющую рог на кончике носа, который используется для выкапывания растений, растущих на болотах. Если слиш-

ком много солнца или слишком жарко, оно становится слабым и может умереть. Когда его отправили в Напату, конвоирам приходилось смачивать циновки, которыми была обвешана клетка. Так что передвигался отряд только ночью, а во время дневной жары все запасали воду.

Ча-паз появился в Напате ещё до нападения египтян. Шеркарер подозревал, что когда этот торговец вылез из какого-то убежища, чтобы выкупить добычу, награбленную наёмниками, он заодно промышлял и шпионажем. Не в первый раз Повелитель Повелителей, Властелин Вавилона, протягивает свои грязные руки к Нубии. Но раньше, когда его армия преодолевала этот долгий путь, в конце путешествия оказывалось, что лишь жалкие остатки её пускались в обратный путь через пустыню Куш.

И именно Ча-паз предотвратил убийство ло лучниками, которые уже готовы были выстрелить в этого демона. И, наверное, ему и дальше везло. Потому что он разыскал Шеркарера среди пленников, когда узнал, кто из людей Мерое доставил это чудовище в Напат, а мальчик оказался единственным оставшимся в живых из отряда у этих наёмников.

Вот так прослеживал свой путь в прошлое нубиец, когда появился ещё один посетитель. На этот раз пришёл сам Ча-паз вместе с двумя стражниками.

Когда Шеркарера вытолкнули из комнаты и повели по двору к ещё одному зданию, ему не дали никаких объяснений. Там им занялись другие рабы. Они сорвали с него набедренную повязку, поставили на вымощенный кафелем квадрат и начали поливать водой из кувшина его худое тело, растирая маслом и песком. А потом одели в простое короткое платье, стянутое посередине полоской ярко-красной ткани.

Во время путешествия из Нубии его бритая голова обросла волосами, которые выглядели как короткая спутавшаяся щетина, однако ему не доставили удовольствия сбрить её. И разумеется, у него не было церемониального парика.

Потом его провели дальше и показали Ча-пазу, который обошёл юношу кругом, окинув взглядом с ног до головы, словно он был не живым человеком, а какой-то вещью, созданной самим торговцем. Пальцы нубийца сжались в кулак, однако он заставил себя сдержаться и вести себя осмотрительно, чтобы не выказать никаких признаков ненависти, клокотавшей внутри него.

— Слушай, ты! — торговец остановился прямо перед Шеркарером. — Сказано, что сердце бога так же далеко, как центр небес. Ты легко обнаружишь, что если не будешь повиноваться, то его милость, которую ты ещё должен заслужить здесь, отдалится от тебя гораздо дальше. Я мог бы оставить тебя на съедение стервятникам, пировавшим в Напате: если ты думаешь, что солдаты истинного фараона позволили бы тебе, кто носит этот знак, — он указал на татуировку, — прожить долго, то ты просто глупец. Ты жив, потому что таков был мой выбор, и продолжаешь жить, потому что такова моя воля. И жив ты по одной причине: ты помог доставить сирруша в Напат, и ты знаешь о нём больше любого живого. Свои знания ты сообщишь нам, и хранители сирруша будут служить тебе.

Вот так Шеркарер и стал частицей храма Мардук-Бела, присоединившись к трём жрецам, которые были выбраны для ухода за сиррушем. И он использовал своё новое положение, где только мог.

Храм сам по себе напоминал город, с многочисленными дворами и строениями. В самом сердце святилища располагалась молельня, богато украшенная золотом, и там были изображения Мардука и его жены Сапаратумы (вместе с меньшими по размерам статуями людей из их свиты), и на них не жалели ни золота, ни драгоценных камней. Но в эту комнату могли войти только Великий Повелитель и священники самого высочайшего ранга.

В одном из дворов обслуживающие сирруша люди устроили над бассейном частично закрывавший его навес из циновки, сплетённой из только что сорванных лиан. Там-то и разместили дракона, которого заманили во двор с

помощью веточек растений. Но само существо оказалось ленивым и выказывало лишь слабый интерес к происходящему вокруг него. Шеркарер, чтобы соответствовать образу единственного специалиста в драконьих делах, часами просиживал на корточках у края бассейна, хотя его тошнило от ужасной вони этого существа, словно было крайне важно, чтобы он лично дежурил рядом с ним.

Дважды ещё он видел того молодого человека по имени Даниил, хотя больше им так и не довелось разговаривать. Однако он узнал от рабов, сколь сильно тот ненавидит жрецов. Он так же, как и Шеркарер, стал пленником после войны, проигранной его небольшой страной на западе. Тогда по распоряжению Асфезаа, визиря, было отобрано несколько самых красивых из детей пленённых людей, которые должны были прислуживать ему. И среди них Даниил был лучшим.

Странные истории рассказывали о нём: что его бросали в логово голодных королевских львов, а те даже не прикоснулись к нему. Он бросил вызов жрецам и доказал, что не бог является ночью, чтобы завладеть своей жертвой, возложенной на алтарь, а на самом деле её уносят люди, оставившие чёткие следы в пепле, который он незаметно от всех рассыпал перед алтарём.

И теперь Небучаднеззар, Великий Повелитель, прислушивался к Даниилу и его словам о единственном Боге, в руках которого сосредоточено всё могущество. И поэтому жрецы искали способ ниспровергнуть его.

Несколько раз сам Верховный Жрец, которому во время отсутствия в этом храме-городе Повелителя принадлежала вся полнота власти, посылал своего главного писаря, чтобы тот взглянул на сирруша и в частном порядке побеседовал с его хранителями. Шеркарер не сомневался, что они разработали какой-то план, в котором определённая роль отведена дракону. Однако он теперь слишком хорошо знал, что от сирруша зависит и его собственная жизнь. Он не представлял для этих людей никакой ценности, если бы не

его знания, большей частью выдуманные, относительно чудовища.

И он по-прежнему оставался пленником в этом ограниченном районе храма: рядом с воротами всегда дежурили стражники. Никто не мог войти или выйти без дощечки, на которой стояла печать Верховного Жреца.

На десятый день после прибытия Шеркарера в храм во дворе с драконом появился один из рабов, чтобы убрать с сетки над бассейном засохшую растительность и поместить на её место новую. Рядом с Шеркарером он сделал вид, что споткнулся, и упал на одно колено. Из его руки что-то выпало и подкатилось к сандилии нубийца. Когда этот человек не стал поднимать свою вещицу, Шеркарер наступил ногой на неё. После ухода раба он наклонился, словно хотел затянуть посылнее ремешок на сандалии, и схватил пальцами оброненное.

Сердце его чуть не выпрыгнуло из груди, когда он посмотрел на вещицу в ладони, однако юноша испугался, что может выдать себя. И всё-таки он торопливо оглянулся: никого поблизости не было, кроме рабов-прислуги, и лишь один надсмотрщик следил за ними.

Драгоценная вещь из прошлого, часть того, что должно было быть добычей из Напаты — лазурный скарабей, который носил имя самого Пианкхея. Зачем? Могут ли здесь, в Вавилоне, оказаться и другие нубийцы? Люди, которые слышали о Шеркарере, однако он о них не слышал? Если это так, то, наверное, они тоже рабы... и всё же они пошли на риск, пытаясь связаться с ним.

Вскоре он увидел, что тот же раб, что уронил скарабея, возвращается. И не было возможности задать ему вопрос. Мужчина сгрёб руками охапку сгнивших ветвей и, проходя мимо Шеркарера, выронил несколько веточек на землю.

Нубиец пнул рассыпанный мусор, спрашивая себя, как же понять это послание. И тут он заметил, что одна из веточек посвежее и позеленее остальных, на ней даже нацарапаны какие-то отметки. Он снова пнул её, отбросив от края бассейна в тень, а затем прошёл туда же и уселся,

скрестив ноги и наблюдая за работающими рабами, как делал это уже много раз. Руки его будто бы машинально схватили стебелёк, и он начал лениво крутить его из стороны в сторону.

Некоторое время он пытался прочитать отметины. Наконец он разобрал несколько знаков. Они были нацарапаны очень грубо, но наверняка написаны кем-то, хорошо знающим маленький двор египтян. Хотя из этого вовсе не следовало, что какой-либо придворный-нубиец мог написать их. Мало кто, кроме писарей из двора, знал письменность.

— Полдень... западная стена... водный канал... — вот что, по его мнению, было начертано в послании.

У подножия левой стены действительно проходил водный канал, и по проложенной трубе в случае необходимости можно было откачать воду из бассейна. В полдень дворы в храме становятся почти безлюдными: все ищут прохлады и тени внутри толстых стен храма. Шеркарер вдруг поймал себя, что судорожно сглотнул. Капельки пота выступили на лбу, а ладони стали влажными.

Бегство... конечно же, это должно означать бегство! И хотя он не видел для этого никакой возможности, но, наверное, те люди более удачливы. Кто же это может быть? Кто-то из стражников, уцелевших во время битвы за дворец Кандасы, может, даже, кто-то из знати? Те, кто знают об его высоком происхождении, вполне могут рискнуть ради него. Это могло также означать, что фараон не захватил Мерое и семья Шеркарера сейчас правит Нубией. Эти мысли взбудоражили юношу, он не мог просто спокойно сидеть и ждать, а встал и начал расхаживать вокруг края бассейна. Вода была мутной, как всегда, дурно пахнущей, а сирруш-ло скрывался на дне, ища укромное место от света, который проникал даже сквозь недавно заменённую циновку.

Нубиец попытался по длине тени оценить, сколько осталось времени до назначенной встречи. Он старался перебороть своё возбуждение, и как было удачно, что в это

время не дежурил ни один из младших жрецов. Остальные рабы и надсмотрщики настолько привыкли к его ежедневным бдениям у бассейна, которые он старался продлевать как можно дольше, делая всезнающий вид, что за ним больше не следили.

Ел он в одиночестве, как всегда: он не был ни рабом-слугой, ни свободным человеком. Получив свою порцию ячменной каши, редиску, несколько ягод со смоковницы и луковку, он быстро проглотил всё это, едва ли будучи в состоянии прожевать пищу во рту.

Полдень... и вот он, пустой двор. Шеркарер приблизился к бассейну, притворившись, что проверяет новую крышу. За стеной он услышал топот рассерженного слона. Этот звук был слышен хорошо, поскольку обычные шумы храма и города стихли. Когда он подошёл к трубе, быстрый взгляд сообщил ему, что за ним никто не наблюдает. Там юноша присел на корточки и посмотрел вниз, словно подозревая, что что-то случилось со снабжением водой.

— Ты здесь? — донёсся из-под земли глухой голос.

Этих двух слов было достаточно, чтобы вызвать разочарование у нубийца. Ни один человек из его окружения так не говорил — с превеликим трудом изучая чужой язык, он мог говорить на нём только с акцентом, и мальчик не сомневался, что то же самое будет и у любого другого нубийца.

— Я здесь, — ответил он, страстно желая разрешить загадку и узнать, кто же послал ему скарабея и начертал для него послание на стебле.

Раздалось ворчание, словно лежавший там человек пытался переменить положение в тесном проходе. А потом незнакомец снова заговорил:

— Нубиец, ты размышлял над словами Даниила?

Даниил! Неужели по какой-то дворцовой интриге его до сих пор пытаются вовлечь в заговор против жрецов?

— Тот, кому задают вопросы, не может в свою очередь не удержаться, чтобы самому не задать вопросы, — Шеркарер повторил крестьянскую поговорку, поспешно пытаясь

сообразить, что делать. — Кто ты, кто скрывается в земле и говорит о Данииле?

— Тот, у кого есть уши, а иногда и уста, когда возникает в этом нужда, нубиец, — но теперь в интонации слов слышалось нетерпение. — Я снова повторяю: ты размышлял над его словами?

— А с какой стати я должен был это делать? Беглеца-одиночку другой вряд ли сможет обогнать. Я жив, потому что жив сирруш, и считается, что в этом моя заслуга.

— Так значит, ты решил навсегда остаться здесь рабом у этого вонючего чудовища, когда мог бы стать свободным и отправиться на свою родину?

— Ноги, которые не имеют отдыха, могут попасть в змеиную яму...

— У меня нет времени выслушивать мудрые пословицы от тебя, нубиец! Тебе сделали предложение, так что или соглашайся на него, или отказывайся. Поддержи Даниила в деле, которое может привести к нему всю благосклонность Повелителя, или же оставайся здесь, пока твоё чудовище не сдохнет и ты окажешься бесполезным в этом дворце. Даниил не забывает тех, кто стоит с ним плечом к плечу, а о могуществе печати Великого Повелителя известно во всём мире. Он может добиться твоего освобождения и тогда ты спокойно отправишься в родную землю.

— Если он способен на это, — возразил Шеркарер, — тогда почему он не сделает этого для себя самого? Ведь он же сам признался мне, что он здесь пленник? Одна ложь может перевесить тысячу прав!

— На Даниила возложена одна задача — Богом-Повелителем Иеговой, вот потому-то он и находится здесь — чтобы смягчить сердце Великого Повелителя к нашему народу. Он выбрал Вавилон для своего служения, — теперь в этом голосе прозвучала такая страстность, что сомнения нубийца были серьёзно поколеблены.

— Человек может обещать всё на свете, но когда приходит пора, он может не собрать даже горсти пыли. Вы манили меня надеждой на свободу и возвращение в Мерос,

словно ослика пригоршней замечательной травы, — и тем не менее отведать этой травы ему так никогда и не доведётся.

— Как долго, по-твоему, проживёт твоё чудовище, нубиец? Отмеряй длительность своей жизни по его! Если оно умрёт здесь, тогда разве падёт вина за это на них? Нет, этого не случится, когда у них есть раб, которого они могут обвинить во всём.

Да, это была суровая правда, которая ударила его как обух по голове. Это существо, и так медлительное, в последнее время выказывало всё меньше и меньше активности. И не исключено, что оно не протянет здесь долго. Ну и конечно же в его смерти обвинят его, Шеркарера. И тогда все его попытки выдать себя за опытного знатока по уходу за сиррушем окажутся лишь большей уликой против него.

— Что Даниилу нужно от меня? — спросил мальчик. В знании особого вреда нет.

— Сказать ему, что это создание ест наиболее охотно. Он бросил вызов жрецам, заявив, что сможет убить дракона одной лишь своей волей, не пользуясь ни мечом, ни копьём, ни стрелами... И у него осталось только два дня на всю подготовку. Это существо кидается на людей?

— Да, но только когда сильно разгневается. И оно может убивать, не прикладывая особых стараний, зато принося ужасную смерть. Всего два дня назад ему не понравились истошные вопли осла, на котором было доставлено пиво для стражи. Так сирруш разорвал бедное животное на куски.

— Могут ли жрецы довести его до такого же состояния?

— Возможно, — Шеркарер не был уверен, каким образом они могут это сделать, но считал, что жрецы вполне могут использовать вызов Даниила в качестве предлога и сделают всё возможное, чтобы представить его смерть, как результат его собственной глупости.

— Тогда... какую всё-таки пищу больше всего предпочитает сирруш? Ты знаешь хоть что-то?

— Кажется, первым, к чему оно потянулось, когда ему предложили на выбор, были стебли его крышы. Я не знаю названия, однако...

— Возьми пригоршню этой зелени. Приготовь её на завтра и положи на циновку, которую унесут. На следующий день поутру, когда принесут корм, в нём найдёшь клубок с теми же стеблями, он будет спрятан у самой поверхности. Ты проследишь, чтобы он оказался у самого верха кучи растительности, приготовленной на еду для сирруша.

— И что тогда? — но ответа не последовало, хотя Шеркарер воспользовался возможностью лечь на живот, будто бы, чтобы проверить воду, и тихо позвал сквозь решётку стока. Кто бы там ни находился, теперь он ушёл. Мальчик вернулся на прежнее место и предался размышлениям.

Этот невидимый собеседник обещал многое. Но всё зависело от множества разных «если»: если он сможет достать образец травы с крыши... если Даниил сможет это каким-то образом применить... если Шеркареру удастся спастись от ярости жрецов в том случае, когда Даниил действительно покончит с этим зверем... если Даниил сдержит своё обещание и, заслужив благосклонность Повелителя, не забудет о нубийце. Сплошные если, если, если...

С другой стороны, сирруш когда-нибудь всё равно погибнет, тогда его наверняка ждёт только смерть, и, наверное, мучительная. Шеркарер подумал, что с какой стороны ни посмотри, везде его ждёт беспросветное будущее. Почему бы не попытаться исполнить просьбу посланца Даниила. На что бы человек ни надеялся, это всегда лучше того, что у него имеется.

Поэтому он решил последовать данным ему указаниям, и проследил, чтобы пригоршня стеблей с крыши уехала на унесимой рабами циновке. И он был всё ещё доволен, что поступил таким образом, когда ночью сирруш лишь слегка прикоснулся к предложенной ему пище.

— Зверь болен,— главный жрец обернулся к Шеркареру,

и в его голосе прозвучали резкие нотки. — Что с ним случилось?

— Он просто всё ещё не пришёл в себя после долгого путешествия, когда был лишён подходящей пищи и воды, — поторопился ответить Шеркарер. — Но теперь, когда он здесь и с надлежащим уходом, он очень скоро снова придёт в норму.

— В твоих же интересах, чтобы ему стало лучше, иначе ты, чернолицый, узнаешь, что происходит с плохими слугами Мардук-Бела. А завтра... — жрец остановился на несколько секунд в нерешительности, но затем продолжил: — Завтра он должен отомстить врагу нашего Бога. Он должен покинуть воду, нанести удар и покончить с тем, кто не верит в благоволение Мардука. Как можно это сделать?

— Если с противоположного края бассейна встанут люди, — Шеркарер уже размышлял немного над этим: какой бы ни придумал план Даниил, он обречён на неудачу, если зверь останется лежать мёртвым грузом под водой, — и начнут бить шестами по воде, тогда это существо всплывёт вон там. К тому же, помимо прочего, это нужно делать вечером: оно ненавидит день, как вы знаете. И ещё: нужно побольше факелов.

Юноша попытался припомнить рассказ о том, как это чудовище было захвачено в первый раз в плен. Он не сомневался, что его подобным же образом заманили в яму, где покоилась клетка.

— Мы последуем твоим указаниям, — жрец кивнул писарю, который записывал его приказы.

На следующее утро Шеркарер обнаружил клубок из стеблей в одной из корзинок с растительной пищей. От него исходила сильная вонь, и среди стебельков торчало несколько маленьких волосинок, так что он скатал большой клубок, добавив ещё стеблей, и положил его в кучу еды, приготовленной для сирруша. Всю оставшуюся часть дня он призывал к себе на помощь терпение, сотни раз готовый вскочить и выбросить этот клубок вон, уверенный, что нельзя верить ни Даниилу, ни его планам, — и так ни

разу и не сдвинулся с места, потому что у него оставалась только эта крохотная ниточка надежды.

Когда наступили сумерки, пришли те, кто должен был участвовать в этом испытании, среди них и сам Великий Повелитель. Для него приготовили трон, так что он высоко возвышался над стражей и свитой. Верховному Жрецу тоже установили свой трон, поменьше, находившийся справа, а между ними и бассейном стеной расположился ряд стражников. Шеркарера толпа оттеснила к стене, однако он собрал в кучу ворох соломы и вытянулся на дрожащих ногах так, чтобы ему было всё видно.

Крышу-циновку сорвали, а потом жрец, который отвечал за сирруша, махнул рукой. Раздался стук барабанов и звуки бараньих рожков, и рабы начали бить по воде бассейна, а за ними пылали два ряда факелов.

Благодаря их усилиям вода покрылась тёмной пеной. Но вот из неё появилась голова сирруша на змеиной шее. Чудовище издало завывающий вопль, самый громкий из всех на памяти Шеркарера, и голова начала раскачиваться взад-вперёд, словно змея, подготовившаяся к броску. Затем сирруш отвернулся от своих мучителей, взбаламутив воду; противоположный конец бассейна был невысоким, и чудовище приподнялось на мощных задних лапах, чуть прижав передние к животу и наклонив вперёд голову.

По ступенькам трона Великого Повелителя поднялся какой-то человек, и хотя там светило всего несколько факелов, Шеркарер увидел, что это Даниил. Когда он появился, поднялась рука Повелителя, подавая сигнал, и в тот же миг весь шум, производимый рожками, барабанами и ударами по воде, утих, так что появилась возможность хорошо расслышать голос Даниила, чётко раздававшийся по всему двору.

— Да здравствует Повелитель! Я пришёл на суд вашего бога. Как я уже говорил, у меня с собой нет оружия, — он широко развёл в стороны руки, чтобы все смогли увидеть, что они пусты. — Но тем не менее я убью этого зверя, как если бы пронзил его клинком самого Повелителя. И убью

я его с помощью могущества Бога-Повелителя Иеговы, чью волю я исполняю, придя сюда, в это место ложных богов.

Среди жрецов возникло шевеление, какое-то бормотание, но снова по мановению руки Повелителя наступила тишина.

Даниил повернулся и направился к бассейну. Встав на задние лапы, зверь ростом оказался в два раза выше его. Но теперь гнев, заставлявший его раскачивать головой, остыл. Шеркарер сделал глубокий вдох, не сводя глаз с хвоста существа, ожидая выдавшего бы его дрожания, которое означало бы, что спустя мгновение этот чешуйчатый ужасный бич ринется вниз на незащищенного человека.

Тем не менее Даниил шёл совершенно бесстрашно, вытянув руки ладонями вперёд. И с губ его сходили слова, которых нубиец не понимал. Однако мальчик догадался, что он призывает на помощь своего бога на своём собственном языке. Слова раздавались, словно произносимая нараспев молитва. Услышав их, жрецы Мардук-Бела зашевелились, словно ещё чуть-чуть — и они набросятся на этого чужака, который осмелился осквернить их храм.

На этот раз Верховный Жрец поднял руку, чтобы успокоить их. Шеркарер напрягся: ему показалось, что он заметил дрожь, пробежавшую по хвосту бестии.

Тем не менее тварь не двигалась, и нубиец уже подумал было, что как раз напев этого заклинания и удерживает чудовище на месте. Но тут, всё ещё напевая, Даниил вырвал из кучи корма пригоршню стеблей. Затем он скомкал их в шарик и подбросил в воздух. Челюсти чудовища раздвинулись, схватили этот комок растительности, и оно принялось жевать его.

Шеркарер замер от удивления. Он едва мог поверить в то, что этот монстр принял пищу из рук Даниила, хотя и видел всё это собственными глазами.

И во второй раз Даниил скормил сиррушу подброшенный вверх комок из стеблей. Никто вокруг не шевелился и не делал никаких знаков. И настолько всё замерло вокруг,

что нубиец слышал дыхание находившихся рядом с ним людей.

В третий раз Даниил скатал шарик из зелени. Но теперь Шеркарер не сомневался, что это тот самый комок, который он спрятал по просьбе Даниила. И в третий раз чудовище схватило дар человека, сжевало его и проглотило.

Однако в этот раз шарик из стеблей содержал в себе яд, который был приготовлен людьми Даниила, поэтому то, что потом произошло, выглядело так, словно ло проглотил один из факелов. Его спина выгнулась дугой, а из глотки вырвался жуткий рёв. Хвост стал бить в разные стороны и по воде, снова вспенивая её, но так и не достав никого из его врагов: все люди быстро отскочили подальше от края бассейна. А под конец последним усилием чудовище попыталось схватить Даниила, отступившего всего на один-два шага. Однако лишь рухнуло вниз и начало извиваться и бить лапами, а змеиная голова с рогом откинулась к стенке бассейна. Ло умер.

И тогда Даниил повернулся лицом к Великому Повелителю.

— Да здравствует Повелитель! — приветствовал он его с церемониальным поклоном. — Разве всё случилось не так, как я обещал? С помощью Бога-Повелителя Иеговы это злобное чудовище, слуга жрецов тьмы, погибло. Однако я не использовал оружия из стали, только накормил его природной пищей.

И Великий Повелитель протянул вперёд свой скипетр так, чтобы Даниил мог дотронуться до него кончиками пальцев. Это был сигнал для всех, и люди вокруг с благоговением и удивлением стали обсуждать увиденное. Однако жрецы собрались вместе одной кучкой вокруг трона своего господина, и лица их пылали от гнева.

Шеркарер прижался к стене, пытаясь спрятаться за людьми из свиты Повелителя. Он сделал свою работу для Даниила, и теперь... вспомнит ли тот о каком-то пленнике-нубийце? Пусть им займутся жрецы, и они несомненно

выплеснут на него всю свою ненависть к чужеземцу, который так обесчестил их бога.

Но тут чья-то рука упала на его плечо, и мальчик повернулся, готовый сражаться, даже если не будет никакого шанса, кем бы ни был человек, который схватил его. Однако над его ухом раздался тихий голос, который он уже слышал раньше, в водосточной трубе.

— Выбрось всё из головы, шагай рядом со мной, но не торопись, — у этого человека была богато украшенная накидка, их местная знать использовала в качестве плащей, и он быстро набросил её на плечи Шеркарера.

Вот так, ведомый одним из приближённых Великого Повелителя, нубиец и покинул этот тщательно охраняемый двор, да и сам храм. И он проследовал вместе с другими придворными обратно к реке, протекавшей с западной стороны города-храма, где стоял только что построенный дворец, чтобы затеряться там среди лабиринта помещений для слуг.

Прошёл день и ночь, прежде чем к нему явился Даниил. Однако в руке его была хорошо затвердевшая глиняная табличка, которую он передал нубийцу.

— Осторожнее: на ней стоит печать самого Великого Повелителя. А теперь — скорее на пристань, где стоит корабль торговца Бальзара. И вот ещё... — он достал из складок своего кушака небольшой мешочек. — Здесь горсть серебра для торговли, и я надеюсь, этого тебе хватит, чтобы добраться домой.

Шеркарер взвесил мешочек в одной руке, держа пропуск Повелителя в другой, — свой ключ к свободе. Он задал последний вопрос:

— Почему ты был уверен, что ло съест предложенную тобой пищу?

— А разве я не говорил, что я сам являюсь свидетелем могущества Бога-Повелителя Йеговы? Именно по Его воле эта бестия и съела её.

Нубиец засунул мешочек с серебром под широкую чистую одежду, которую ему дал проводник.

— Твой Бог могущественен, однако он должен был сделать и ещё одно. Он заставил меня стать твоим слугой, когда у меня не было никакого желания быть им. И в этом его волеизъявлении я тоже вижу свидетельство Его могущества. Желаю тебе всего наилучшего, Даниил, но я рад, что покидаю тебя. Ты и твой Бог вместе вполне можете ниспровергнуть власть Повелителя, если таково твоё желание.

— Не моё, но Его, — поправил Даниил. — И, наверно, ждать этого не так уж долго.

И позднее, уже в городе Мерое на юге, Шеркарер услышал рассказ о взятии могущественного Вавилона, о том, как пали башня, дворец и храм под ударом персов, и он не раз спрашивал себя, не приложили ли к этому руку Даниил и его Бог.

Пендрагон

Перед глазами Рэса был не сирруш-ло, скорчившийся на краю бассейна. Нет, он смотрел на плоский образ удивительного существа, в то самое время как его, возможно, вытаскивали со двора люди, которые до сих пор лишь слышали о чудовище, так и не показавшем себя во всей своей ужасающей мощи. Рука мальчика лежала так, что он пальцами касался края картинки-загадки, однако он больше не видел на своём запястье татуировки в форме браслета. Глубоко вздохнув, он отошёл от стола.

Неужто это был только сон? Но до чего же реальный! Да, он ведь на самом деле чувствовал голод, усталость, страх... мальчик мог припомнить каждую деталь своего приключения, словно всё это происходило на самом деле. Он был Шеркарером из Мерое, а не Джорджем Брауном из Седвик Манора!

А что было бы, если бы он не послушался Даниила и не помог его намерению нанести поражение жрецам Мардука-Бела? Что, если сирруш-ло умер бы естественной смертью, и в этом обвинили бы его? Рэс вздрогнул. Он знал, что

сделал верный выбор, как для себя, так и для Даниила. Он помнил, что Даниил упоминался в Библии, однако не мог припомнить рассказа о драконе.

Рэс в последний раз взглянул на синего дракона на сложенных вместе кусочках. Однако заканчивать остальные части головоломки у него не было ни малейшего желания. Отчего-то он даже не мог заставить себя прикоснуться теперь к ней.

Время! Он совсем забыл о времени! Одежда в прачечной... мама ждёт его! Сколько же он пробыл тут? В своём сне — дни... много дней! Но только в действительности это невозможно...

И, охваченный испугом, мальчик промчался по покрытым пылью комнатам, по старым половым доскам, скрипевшим под его весом. Через секунду он стрелой выскочил из окна, с грохотом захлопнувшегося за его спиной, и побежал по покрытой бороздами и усыпанной листьями дороге. Рэс мигом добежал до прачечной и, задыхаясь, направился прямо к нужной стиральной машине.

— Лучше следи за ней, сынок, — мистер Риз стоял возле неё. — Твоя стирка закончилась минут десять назад. Эту стиральную машину ожидают и другие, так что тебе следовало никуда не отлучаться отсюда.

— Извините, — еле выговорил запыхавшийся Рэс. Он достал свою корзину и переложил одежду в сушилку, находившуюся с другой стороны, пытаясь сосредоточиться на своих действиях.

Мистер Риз следил за ним сзади.

— Но теперь, мальчик, не убегай никуда. Присматривай за машиной и вытаскивай бельё, как только всё будет сделано, ладно? Слишком много людей ждут субботы, чтобы она без пользы работала.

— Да, сэр, — пробормотал Рэс, заталкивая мокрое бельё как можно быстрее, а потом стал искать переключатель, чтобы направить бельё в сушилку. В прачечной действи-

тельно толпилось много людей, и не только женщины, но и мужчины и дети.

Рэс увидел знакомое лицо — Сиг Дортмунд. Сиг прислонился к стене, держа в руках какую-то книгу, и это была книга не в мягком переплёте и не комикс — настоящая. Она из библиотеки, решил Рэс — книга была обёрнута в пластиковую обложку. И когда Сиг немного повернулся, давая проход женщине с двумя сумками с бельём, Рэсу удалось ясно рассмотреть обложку. Там было изображение человека с длинными жёлтыми волосами, косичками свисающими вниз. Одной рукой он поднимал огромный молот, а в другой держал меч, положенный на узкую наковальню, словно он вот-вот ударит по мечу молотом.

Внимание Сига настолько было поглощено книгой, что он не заметил, как Рэс подошёл ближе.

«Сказание о Сигурде», — прочитал Рэс название.

Хотя он не произнёс этих слов вслух, однако Сиг внезапно посмотрел на него, словно услышал что-то. И вдруг покраснел.

— Привет! — его голос прозвучал так, словно он не был уверен, следует ли ему говорить с Рэсом. Но потом Сиг быстро затараторил: — Я вернулся тогда назад, чтобы выпустить тебя. Я не хотел, чтобы ты остался там, внизу. Только тебя уже не было.

Рэс кивнул.

— Я знаю, я видел, как ты приходил... Послушай... — Рэс придвинулся поближе к однокашнику, чтобы поговорить так тихо, что никто не сможет подслушать их. — Это ведь ты сложил серебристого дракона, точно? Ладно, а когда ты сделал это... произошло что-то странное, да?

Одну секунду ему казалось, что Сиг не ответит ему. Однако его собеседник отвёл глаза в сторону сушилки, словно он должен был проверить её, а потом на книгу. Рэс, ощущая беспокойство, уже готов был отойти, когда Сиг ответил:

— Точно. Кое-что действительно случилось.

— Ты... Ты оказался в Вавилоне... и там был Даниил? — спросил Рэс.

Сиг с неподдельным удивлением уставился на него.

— Вавилон? Даниил? Парень, ты что, сошёл с ума. Я отправился вместе с Сигурдом, чтобы помочь убить Фафнира... за драгоценностями. И Сигурд убил его. Однако потом он не взял эти драгоценности, он сказал, что они не принесут никому добра. Это сделал Мимир, хотя до этого он был другом Сигурда. Это было так, как будто происходило на самом деле, в действительности.

Теперь настала уже очередь Рэса уставиться на него в замешательстве.

— Сигурд, — повторил он. — Но ведь... это в книге, которую ты читаешь.

— Я даже не знал, что есть книга об этом... пока не увидел её вчера в библиотеке. Но в нескольких деталях там имеются ошибки: Сиг-Клешнерукий вообще отсутствует в этом рассказе. А он был! Я знаю это, потому что им был я... был! — Сиг посмотрел на Рэса, словно ожидая возражений.

— Ты сложил того серебристого дракона, — медленно проговорил Рэс. — Так что у тебя одна история. Я же сложил синего дракона — и получил другую; они совершенно не похожи друг на друга.

— Синего! — Сиг больше не держал книгу раскрытой, держа между страницами палец. Всё своё внимание он обратил на Рэса. — Так ты сложил синего... и потом тебя отправило в приключения. Куда? — резко и с непонятной страстностью прозвучал его вопрос.

Рэс колебался. Приключение было таким реальным, он так отлично помнил его в своей памяти, что почти не хотел делиться им с кем-либо. Однако существовала загадка во всём том, что произошло с ними обоими. Наверное, если они сравнят свои рассказы, то обнаружат, что же такое — эта складная картинка-загадка, что же заставляло их видеть и чувствовать... Если Сиг видел и чувствовал так же, как и он, Рэс.

— Я оказался во время войны... в Африке, мне кажется,

— Рэс произнёс это как можно более небрежно. — И там поймали одну большую тварь с болот. Мой народ называл его «ло», но жрецы Вавилона — «сиррушем». Торговец доставил его и меня в Вавилон. И там жрецы из крепости заставили меня ухаживать за чудовищем, — Рэс быстро и в общих чертах поведал своё приключение.

Когда он закончил, Сиг казался задумчивым.

— Даниил упоминается в Библии, так что он реальное лицо и существовал некогда на Земле. Однако я не могу вспомнить никакой истории об этом драконе. Послушай, почему бы тебе, подобно мне, не сходить в понедельник в библиотеку и не попробовать отыскать какую-нибудь книгу о нём? Я знаю про Египет — чёрт побери, мы ведь изучали всё это: пирамиды, мумии — в прошлом году. Однако я никогда не слышал об этом городе Мерое или Нап... Напате... — Сиг запнулся, произнося это странное слово. — Но если ты сможешь найти записи об этом, то они докажут, что всё это было на самом деле. Вот тут, в начале, — Сиг торопливо прошелестел страницами, — говорится, что, возможно, существовал какой-то настоящий Сигурд. Только после его смерти люди добавили много всякого разного к этому рассказу, потому что он был из тех героев, о которых любят говорить. Поэтому теперь он больше похож на выдуманного персонажа. Но только это не так! Я знаю это! — Сиг вскинул голову вверх. И посмотрел на Рэса, словно тот мог рискнуть поставить это под сомнение.

— Даниил был настоящим, как и Шеркарер. Даже если мне не удастся обнаружить упоминание о нём ни в одной книге, — заметил Рэс. — Однако я схожу и поищу...

— Это твоё бельё, мальчик? — какая-то женщина с шарфом, повязанным поверх локонов курчавых волос, направилась к Сигу.

— Да, мэм, — Сиг сунул книгу за пояс и поторопился выгрузить бельё из сушилки, а женщина тем временем нетерпеливыми короткими насмешками подгоняла его. Рэс подошёл к своей стиральной машине и проверил её, не

желая, чтобы с ним снова заговорил мистер Риз. Когда Рэс отходил, Сиг посмотрел на него.

— Ты ведь понимаешь...

— Конечно, — ответил Рэс.

Сушилка должна была работать ещё десять минут. Он увидел, как Сиг сложил в сумку своё бельё и вышел из прачечной. Но перед уходом он ещё раз посмотрел на Рэса и помахал ему. Рэс нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

Сиг-то обнаружил книгу, где описывались его приключения. Но так ли обстоит дело с его, Рэса, приключением? Когда он придёт домой, он выпишет все имена, какие только сможет вспомнить. И он возьмёт Библию и прочитает ту её часть, где говорится о Данииле. Хотя он был уверен, что если там и упоминается где-нибудь дракон, то он бы помнил об этом из уроков в воскресной школе. «Даниил в логовище львов», эту историю он слышал несколько раз, ещё совсем маленьким мальчиком. И Шеркарер слышал, как об этом говорили рабы в Вавилоне.

А если Напаты и Мерое нет в Библии, тогда, может, он найдёт упоминание о них в учебнике по истории. До сих пор он ничего не читал в нём помимо того, что задавали в школе. Но в данном случае всё обстоит по-другому, более волнующе, потому что он сам стал частью истории. Шака постоянно говорит об Африке и том, что существует мнение, что у чёрных нет никакой настоящей истории, однако она у них есть. Может, в этих бумагах и книгах, которые постоянно таскает домой Шака, найдётся что-нибудь о Мерое и чернокожих фараонах, наподобие Пианкхей и... Рэс почувствовал нетерпение, ему захотелось побыстрее оказаться дома и просмотреть библиотеку брата. Вдруг ему показалось, что сушка белья длится уже целую вечность.

И тут в голову Рэса пришла новая мысль. Сиг сложил серебристого дракона, а он — синего. Но ведь там остались ещё два: красный и золотистый. Какие приключения связаны с ними?

Когда Рэс возвратился домой, мама была не на кухне и

не занималась обычной субботней стряпнёй (маме нравилось самой готовить пироги; обычно она не пользовалась даже миксерами, если только не очень торопилась). Нет, она сидела в гостиной и плакала. У окна стоял папа, спиной к ним, сунув руки в карманы. Его сгорбившиеся плечи показывали, что он рассержен.

— Он уже взрослый, — говорил папа, когда вошёл Рэс. — И он сейчас настолько охвачен этим безумием, что тебе нельзя даже спорить с ним! Однако я запрещаю подобные противозаконные разговоры в этом доме... ты понимаешь, Луиза?

Мама не ответила, а лишь продолжала плакать. И Рэс почувствовал, как в желудке у него всё сжалось, что происходило всегда, когда мама была растроенной. Никто из родителей не посмотрел на мальчика, когда он вошёл с чистым бельём, и он почувствовал ещё большее беспокойство, чем обычно. Они словно совершенно забыли о нём. Не выдержав, он решил как-то напомнить о себе:

— Вот одежда, мама.

Но папа лишь повернулся и посмотрел на него.

— Джордж! — тон его голоса показал, что он действительно сердится, и, казалось, причиной этого является именно он, Рэс. Мальчик попытался понять, в чём же он виноват. Старый дом... картинка-загадка... Ага, вот в чём дело! И у него не было оправданий. Он почувствовал слабость, большую, чем обычно.

— Я так понимаю, ты отказываешься отвечать, когда в школе тебя вызывают по твоему собственному имени, — папа прошёл через всю комнату и остановился перед сыном.

Рэс был настолько удивлён этим обвинением, совсем не похожим на то, что он ожидал, что не сразу нашёлся, что ответить.

— Твой брат и упрям, и глуп, — продолжил папа. — Я не хочу, чтобы ты стал его копией, понятно! Тебя зовут Джордж Браун — и точка, никаких там африканских мумбо-юмбо! А его — Ллойд Браун. Если я услышу, что ты

повторишь одно из его дурацких и опасных замечаний, то я прослежу, чтобы ты больше этого не делал. Твой брат просто разбивает сердце твоей матери. Только посмотри на неё — и посмотри повнимательнее, парень! Ты хочешь, чтобы она и над тобой также плакала? Хочешь? — голос папы возвысился почти до крика.

— Нет... нет, сэр, — пролепетал в ответ Рэс. Что же Шака... Ллойд... сделал?

— Хорошенько запомни мои слова! Твой брат выбрал свой путь. Он оставил этот дом, и он не вернётся сюда, пока не забудет всю ту чушь собачью, о которой он разглагольствовал сегодня утром! Я отдал свой долг нашей стране, — папа провёл пальцами по лицу, а потом потёр лоб, словно в том месте он вдруг почувствовал сильную боль, — я не хотел служить в армии, этого хотят очень немногие. Но тогда была война, и я верил в цели, за которые мы сражались. Я не африканец — я американец, и я горжусь этим — горжусь, ты понимаешь это! И я не собираюсь терпеть эти предательские разговоры в своём доме! Я лишь надеюсь, что со временем у Ллойда появится здравый смысл. У него неплохие мозги, так почему бы ему не напрячь их?

Папа отошёл обратно к окну. Мама вытерла слёзы бумажным носовым платком, который она вытащила из кармашка передника.

— Он неплохой мальчик — если отбросить всю эту его глупость, Эван. Он вернётся, я знаю, он вернётся. Я... что ж, они так удивили меня, эти его слова, что он собирается жить с этим ужасным человеком Али. Я думаю, что была потрясена. Но я знаю: всё кончится хорошо... Ллойд — хороший мальчик.

Папа произнёс что-то неразборчивое, и мама, встав, подошла и остановилась рядом с ним, положив руку на его плечо. Рэс проглотил комок в горле и поднял сумку с бельём. Итак, Шака ушёл, осуществив свои угрозы. Рэс видел однажды Али: худой мужчина с небольшой острень-

кой бородкой и быстрой и яростной манерой вести разговор. Именно у него Шака брал первые африканские книги.

Книги! Что если Шака забрал их с собой? Рэс оставил одежду в коридоре и проскользнул по лестнице наверх. Комната Шаки была совершенно пустой, если не считать распахнутой двери платяного шкафа и висевшего внутри ещё неплохо сохранившегося костюма, который он вряд ли когда-нибудь ещё наденет. Из стола был выдвинут ящик, тоже пустой. И на стене были заметны более светлые места там, где раньше висели его афиши. И, разумеется, книжная полка тоже опустела.

Рэс присел на край кровати. Тошнотворное чувство, которое он ощутил, увидев слёзы мамы, ещё более усилилось. Шака ушёл. Папа сказал, что он ошибается и что он глупец. Но когда его брат начинал говорить, он мог заставить поверить в свои слова любого. Или почти поверить — потому что папины аргументы были такими же сильными. Его вера была ничуть не слабее веры Шеркарера в Апедемека или веры Даниила — в Бога-Повелителя Иегову.

Однако Рэс знал одно: Шеркарер добился свободы, потому что он доверился человеку другой веры и расы. Они вместе действовали, чтобы покончить с сирруш-ло — и ни один из них не смог бы добиться этого самостоятельно. Действовать сообща... Как Сиг и он. Тогда, в старом доме, они подрались, и Сиг запер его в подвале. Но сегодня у них уже появилось кое-что общее.

И теперь он хотел снова увидеть Сига — чтобы поговорить с ним о тех двух оставшихся драконах. И гораздо легче было думать об этом, чем о Шаке и о том, что случилось сегодня дома.

Арти Джоунс пинал футбольный мяч, тот ударялся о бордюр дороги и отпрыгивал обратно. Мальчик поднял мяч и увидел, что его новая коричневая поверхность уже пообтёрлась. И в этом виноват лишь он один, просто дурачась вот так с ним. Да и на кой чёрт нужен этот футбольный мяч, если нет никого из ребят поблизости, кто поиграл бы

с ним? Вокруг живут только этот чужак Ким Стивенс, Сиг Дортмунд и Рэс. Он не хотел водиться с ними, когда есть такие клёвые парни, как Грег Росс и его компания. Он так надеялся, что они предложат ему сыграть с ними, когда взял с собой мяч вчера в школу. Однако они были слишком заняты разговорами о том, как все вместе отправятся на игру со старшеклассниками после полудня, и даже не слышали, когда он сказал, что у него есть новый мяч, и не посмотрели в его сторону, когда он достал его из сумки и показал его им.

Папаша Грега усадил всю компанию в лимузин, и они, несомненно, отлично провели время. Арти стоял поблизости, надеясь, правда, чуть-чуть, что Грег обернётся и позовёт его присоединиться к ним.

А здесь, возле дома, делать было особо нечего — как всегда. Он мог бы отправиться в кино. Но он уже видел фильм, который шёл в кинотеатре на этой неделе. А телевизор сдали в ремонтную мастерскую. Если же он продолжит слоняться рядом с домом, мама спросит его насчёт домашнего задания. А он, разумеется, не собирался убивать субботу на это!

И тут он увидел Сига, торопливо приближавшегося к повороту. Может, если они сыграют здесь в футбол, то Сиг будет держаться рядом с ним и в школе. Ведь Арти, возможно, так никогда и не представится случай войти в компанию Грега. Ох, ну и какая же вокруг тоска! Без особой надежды Арти двинулся вслед за Сигом, держась в квартале от него.

Сиг вообще не смотрел в его сторону. Он что, направляется к тому старому дому? Похоже, что так. Там обитают привидения, но в этом есть нечто волнующее. Что если Сиг обнаружил что-то там, в одной из запертых комнат? Арти не спрашивал его об этом, и теперь ему стало интересно. Но вот Сиг остановился на углу, кого-то поджидая. Но не Арти, он так ни разу и не обернулся в его сторону, не заметил его. Ага, он замахал кому-то на противоположной стороне улицы. Э, да это же тот малый, который не желает

открывать своего настоящего имени. Какие такие дела связывают Сига с ним?

Арти шёл следом за ними, теперь соединившимися, держась от спутников на расстоянии в полквартиры. Да, они направляются в тот старый дом. Вот они остановились у стены и огляделись. Движимый каким-то импульсом, которого сам не сознавал, Арти пригнулся за первым попавшимся мусорным ящиком. Тот не слишком хорошо скрывал его, но мальчик посчитал, что они не заметили его, поскольку продолжили свой путь. Внезапно Арти решился последовать за ними. Если Сиг обнаружил там что-то, ему следовало бы рассказать об этом Арти, а не тому наркоману! В конце концов, ведь первым-то с ним ходил Арти. Возможно, Сиг посчитал Арти за цыплёнка, раз он не остался. Ладно, он ещё раз сходит туда за ними и посмотрит, что они там обнаружили, а потом даст им знать, что следил за ними. Он ещё покажет себя этому Сигу!

Арти проследил, как Сиг пролез в окно и как потом Рэс проскользнул вслед за ним. А за ними последовал и сам Арти, всё ещё держа в руке футбольный мяч. У первых двух мальчиков оказался фонарик, которого не было у него. Однако сегодня вполне хватало света, чтобы видеть путь. Он слышал бормотание их голосов, но не мог разобрать слова.

Они направлялись прямо к комнате, которую в тот первый раз Сиг только намеревался открыть. Арти скользил вдоль стены коридора насколько можно тихо, пытаясь расслышать речь.

— Головы — из красных... так будет красивее? — спрашивал Сиг.

— Правильно!

Потом несколько секунд тишины, которую вновь прервал Сиг, пробормотав с разочарованием в голосе:

— Хвосты. Ладно, что мы будем пробовать сложить?

Последовало ещё несколько секунд молчания, а потом Арти услышал, как Рэс возбуждённо воскликнул:

— Ты видел это, а? Оно... оно шевельнулось прямо под моими пальцами!

— Дай-ка я попробую! — бросил нетерпеливо Сиг.

— Видишь? Он тоже, похоже, твой!

— Давай попробую теперь вот этот жёлтый.

Что красное? И что жёлтое? Арти стало так любопытно, что ноги сами собой понесли мальчика к двери, чтобы он смог заглянуть в комнату.

— Не получится, — вздохнул Сиг. — В тот первый раз кусочки складывались друг с другом словно по собственному желанию, а я будто бы даже и не принимал в этом участия. А как у тебя, так же?

— Угу. Но сейчас по-другому. Видишь, я не могу схватить даже одного кусочка, они выскальзывают из моих пальцев. Сиг, а ты не думаешь, что это означает, что мы так и не сможем закончить его?

— Почему же не закончим? Разве хорошо останавливаться только на половине? И нет причины...

— Нет, она есть, только мы её не знаем. Я... Я думаю, нам следует оставить её теперь в покое, Сиг, мне в самом деле так кажется.

— Всё это чертовски странно. Может, сегодня просто не тот день, может, если мы придём когда-нибудь в другой раз...

— Может, Сиг, но почему-то я так не думаю. И разве ты не чувствуешь себя как-то странно, словно нам вообще не следует находиться здесь? У меня раньше никогда не было подобного чувства.

Наступила долгая пауза, а потом Сиг ответил:

— Угу. Я не хотел тебе этого говорить, ты мог бы подумать, что я какой-то помешанный или ещё что-нибудь. Но... пошли отсюда — и немедленно!

Арти был совершенно сбит с толку. Почему-то ему не захотелось сталкиваться с ними лицом к лицу в этот момент. Он в некоторой растерянности огляделся, рывком распахнул ближайшую дверь и нырнул в шкаф, держась рукой за ручку и оставив небольшую щёлку. Он даже не

увидел, как они прошли мимо, но слышал их шаги, гулко раздававшиеся по комнатам. Когда снова наступила тишина, мальчик выбрался из шкафа, полный решимости посмотреть, что же находится в той комнате, что это за красно-жёлтая вещь осталась там.

Бросив первый взгляд, он не увидел ничего вообще, кроме стола и стула. И только потом в свете, падавшем из окна, разглядел разноцветные картинки на столешнице и подошёл поближе.

Футбольный мяч выпал из его ослабевших пальцев, но он даже не заметил этого. Складная картинка-загадка... какая-то головоломка! Почему же Сига и Рэса так захватила эта глупая старая головоломка? Здесь же валялась и шкапулка, вместе с находившимися в ней кусочками головоломки. Некоторые были перевёрнуты, показывая яркокрасную или ослепительно золотую поверхность. К одному краю скатилось несколько красных кусочков, лежавших отдельно. Но как же они блестят!

Он увидел рисунок на крышке коробки, огромного серебристого дракона, а на дне — голубого, и оба таких же дракона были сложены на столе. Но там осталось ещё два несобранных рисунка: красного дракона справа и золотистого слева. Мальчик мельком бросил взгляд на золотистого. Всё его внимание привлёк красный дракон.

Он был... он казался таким настоящим! Арти вытянул палец и прикоснулся к одному красному кусочку. Тот слегка шевельнулся и... ух ты, он, похоже, на самом деле самостоятельно скользнул на место рядом с другим и соединился с ним. Но Сиг и Рэс, они говорили так, будто у них не получалось вообще ничего с этими кусочками! Что же они имели в виду... ведь это так просто!

Один из кусочков лежал лицевой поверхностью вниз, и на нём была нанесена чёрная надпись, буквы толстые и какие-то увесистые.

— Р-е-к-с... Рекс, — по буквам проговорил Арти.

У дяди Джима одно время была собака по имени Рекс, и он сказал ему, что по-латински это означает «король».

Арти перевернул этот кусочек. Да, его место будет вот здесь. Эй, да он гладкий. Мальчик начал отбирать остальные красные кусочки. Ха, он сделает это, даже если Рэсу и Сигу это оказалось не под силу. Этот отправится вот сюда, а тот — туда... Забыв обо всём на свете, Арти уселся на стуле.

Красный дракон... красный дракон, взмывающий в голубое небо... Пендрагон! Это был он, Арти знал абсолютно точно, как если бы кто-то, стоя рядом с ним, сообщил ему имя... Пендрагон!

Артос, сын Мариуса

Наступила пора уборки урожая, и войска были разбросаны по полям, где высоко вздымались созревшие уже колосья ячменя, и сияли они такими же золотистыми бликами, как знойное солнце. Хороший будет урожай, надеялись все: перед этим случился неудачный год, холодный, и немного было собрано в прошлое, слишком дождливое лето. Люди умирали с пустыми желудками в последние морозные дни зимы, хотя с радостью набили бы рот зёрнышками и сжевали бы их сырыми, однако их нужно было бросить в распаханную почву.

Но не только в Британии свирепствовал голод — повсюду. Появились известия о набегах людей в шлемах с крыльями, и на побережье пришлось выставить дозорных, хотя каждый человек был на счету и требовался для работы на полях.

Тыльная сторона ладони Артоса покрылась грязью, когда он провёл ею поперёк лба, и он пытался не морщиться от боли в спине, когда выпрямлялся. Работать на полях труднее, чем проходить подготовку в военном лагере; хотя он ещё не очень много тренировался, этого было вполне достаточно, чтобы понять, что ещё много чему нужно обучиться. Он бросил быстрый взгляд туда, где его боевые товарищи растянулись в линию на поле. Не имеет значения, что у кого-то отца зовут Мариусом, командующим

отрядом под началом самого Дракона. Человек славен своими делами, а не тем, кто его отец или дед.

Артоса назвали так в честь Верховного Короля, Цезаря Британии, но он всё равно отправился на поля, как и все остальные. Тело ныло не хуже, чем от болезненных ударов деревянного меча, когда неуклюже или неудачно или бездумно он пытался отбивать атаки Друсуса. Теперь Друсус был стар, но он ещё мог припомнить уход с побережья легионов, забравших вместе с собой мощь Рима и оставивших Британию открытой для набегов морских хищников.

Пять дней назад Верховный Король усакал на север, чтобы проверить посты, выставленные против шотландцев и раскрашенных северян. А с ним и большая часть воинов. Здесь же, в Венте, правил Модред.

Артос нахмурил брови и пнул комок земли, который рассыпался под подошвой его сапога. Именно Верховный Король (хотя Отец всегда называл его Цезарем) удерживал Британию единой. Сперва он был просто военачальником, но он был верен Аврелианусу, которого настоящий Цезарь с материка сделал Графом Британии. Они называли короля Артоса «Пендрагоном» и «Dux Bellorum» — Командующим Баталий. Артос про себя повторил эти слова, хотя и не произнёс их вслух — в них было какое-то особое звучание. Люди больше не говорят на настоящем латинском языке империи, а постоянно добавляют британские словечки в свою речь. Мариус, как и Верховный Король, верил, что им нельзя забывать прошлое, и единственный способ для этого — говорить на языке людей, которые жили в городах и помнили те прежние утерянные дни мира.

Потому что теперь жизнь проходила почти в одних сражениях. Люди не выпускали мечей из рук, постоянно готовые услышать звуки рожков, зовущих на битву. Выбирать не приходилось: или жить постоянно с оружием в руках, или же умереть под топором саксонцев... или ещё хуже — стать их рабом. Большая часть городов, построенных римлянами, была разрушена. Саксонцы ненавидели города и, если это было в их силах, превращали их в руины.

Но Вента, где некогда жил римский управляющий, всё ещё стояла, а рядом, на холмах, ещё сохранились с древних времён форты, которые строили люди Короля, форты, в которых когда-то, задолго до прихода римских легионов, скрывались от нападений окрестные люди.

Модред не верил, что следует держаться прежнего образа жизни. Он насмешливо улыбался за спинами — да, и даже в лицо Мариусу и другим людям Цезаря, с коротко подстриженными волосами, бритыми щеками и подбородками, и носящими древние римские щиты и доспехи. Теперь его люди не таясь говорили, что лучше забыть про Рим и заключить мир с Крылатыми Шлемами и, может, даже отдать им часть побережья и скрепить клятву о нерушимости договора братской кровью, а не сражаться вечно.

Модред говорил только на британском языке, делая вид, что не понимает латыни. Он чествовал мелких королей и вождей кланов с севера. Он нравился Мариусу и другим, однако Мариус с осторожностью следил за ним. Но многие молодые люди относились к Модреду по-другому и прислушивались к его словам.

Артос снова нагнулся, возобновив работу. С каждым часом он всё больше и больше ненавидел это поле, на которое ему приказали отправиться работать. Разве не мог он поскакать на север вместе с охраной Цезаря, со своим отцом? Он взмахнул ножом, словно это был меч, небрежно срезав стебель. Борозды тянутся бесконечно, а солнце печёт, и день долог.

Один из домашних рабов принёс кожаную бутылку с уксусом и водой, и Артос выпил свою долю. И как раз в этот момент он увидел всадников, скакавших по дороге к морю. Их разноцветные плащи, сброшенные на плечи, ярко блестели; в такую жару их можно было надеть только для показухи. Конечно, это был принц Модред; их вождь.

Артос, прищурясь, следил за их приближением. И вздрогнул, разглядев, что надето на руку принца ниже края коротко обрезанного рукава его летней туники. Он мог бы

поклониться, что это Драконья нарукавная повязка Верховного Короля! Но ведь только Цезарь, Артос Пендрагон, имеет право на это, и он лично надел её на свою руку, когда уезжал из Венты.

А Модред не имел даже прав наследника Верховного Короля, хотя люди шептались, что, возможно, он действительно является сыном самого Короля. Впрочем, он совсем не походил на Цезаря.

Потому что Артос Пендрагон выделялся среди людей, как столетний дуб в молодом леску. И его волосы, хотя он сейчас стал почти стариком, всё ещё блестели золотом, что свидетельствовало об его происхождении с Западного Острова. У него были короткие волосы, и он брился, подобно римлянам, что делало его моложе.

В то время как Модред был ниже ростом, темноволосый, и курчавые пряди волнами ниспадали на плечи. И кроме того он носил усы, извивавшиеся с обеих сторон узкого рта, так что он выглядел как любой из мелких племенных вождей. Подобно им он одевался в красочные одежды: плащи, вышитые узорами в форме клеток зелёного, красного и жёлтого цветов, что-то вроде туники и брюк, широкие пояса из мягкой кожи, расшитые золотом, кинжал с драгоценными камнями и длинный меч.

Артос следил за продвижением отряда, пока они не скрылись в пыльном облаке. Ему очень хотелось вскачь на коня и поскакать к ним. Никто не стал бы отрицать, что Модред — хороший воин, а теперь сам Цезарь выбрал его защитником Венты. Он командовал всеми военными силами, за исключением королевских стражников, часть которых остались здесь, и школы, где обучались их сыновья, — ученики подчинялись приказам Кая.

При мысли о Кае Артос снова принялся за работу, сгорбив плечи, словно уже ощутив жалающий удар ивового прута. Кай был воином, одним из тех, к кому Мариус относился одобрительно. От Кая никогда не добьёшься большего, чем полуудовлетворительного ворчания. Но ульпшать этот знак одобрения старого воина, исполосованного

полученными в сражениях шрамами, для любого ученика, наверное, вполне можно приравнять к половине восторга, испытываемого Императором при Триумфальном шествии. Артос ухмыльнулся. Однако из мыслей никак не выходила та нарукавная повязка, сверкавшая на загорелой руке Модреда, и это бросало семя беспокойства в его разум.

В эту ночь была его очередь обслуживать стол военачальников — принести рога для питья, разложить ложки и столовые ножи. Стул Модреда оставался пустым, как и два других, где должны были сидеть его ближайшие офицеры. Только Кай, Арчаис (который родился за морем и был сведущ в лечении ран) и Паулюс, жрец, находились за столом.

Артос прислушался к их разговору, однако почти ничего нового не услышал. Паулюс был стар и мало думал, но он был священником Церкви, и он не любил Арчаиса, что выказывал совершенно ясно, потому что врачеватель не верил тому, чему учил Паулюс. Однако жрец не мог заявить об этом открыто, ибо Верховный Король задолго до этого дал ясно понять, что выбор человеком бога, которому он станет поклоняться, — личное дело каждого. И это привело жрецов в ярость, и они много ворчали по этому поводу, однако ничего не могли поделать. Впрочем, позднее они всё же решили признать, что мир необходим, да и среди жрецов были сторонники Модреда, соглашавшиеся с ним. Даже слишком много, признавался Мариус.

Когда слабое пиво прошлого года было выпито, а тарелки убраны со стола, Арчаис сказал:

— Наш господин Модред ускакал в такую даль, что не сможет возвратиться к ужину?

Кай пожал плечами.

— Это его дело, — коротко ответил он. Но тон его голоса заставил Артоса прислушаться более внимательно.

— Крылатые Шлемы были замечены на побережье. Рыбак из Дипдина сообщил, что видел по крайней мере десять кораблей. Такой флот может собрать только какой-нибудь известный завоеватель. Кое-кто думает о Торкиле...

— Нет, нет, — Паулус отрицательно покачал головой. — Торкиль не осмелится. Разве не наказал его жестоко Король-Повелитель в прошлом году, когда обратил в пешное бегство?

— Эти Крылатые Шлемы, — проворчал Кай хмуро, — словно муравьи, Отец. Можно давить их тут и там, но они лезут и лезут, эти муравьи, и нет им конца! Покой возможен лишь тогда, когда они все станут мертвы, но для этого придётся серьёзно потрудиться. Они хорошие воины, со своими берсекерами и стенами из щитов. Наш Король-Повелитель знает, как справиться с ними. В начале люди порой смеялись прямо ему в лицо, однако несмотря ни на что он отправился на борьбу с благоволения Аурелиануса, привёл лошадей, огромных лошадей — потому что в основном тогда у нас были одни только невысокие пони и ничего настоящего для рослого воина. И он знал, как изготовить доспехи для них и их всадников. Он не собирал огромной армии: её трудно было бы прокормить и она легко могла бы угодить в засаду — даже легионеры признали, что этот новый способ ведения войны — лучше прежних и так же хорош, как и применяемые в их времена.

Так что он отправился в свою кампанию на лошадях, и он вовремя появлялся и здесь, и там, всюду успевая. И мы столько времени проводили в те дни в сёдлах, что кожа на наших задницах огрубела, как мозоли на руках. И стоило где-нибудь высадиться саксонцам, там оказывались и мы — ещё до того, как они догадывались об этом. Да, лошади и Стража очистили этот край и поддерживали в нём спокойствие.

Я помню тот день, когда ему передали знамя Дракона. Это была новая, подозрительно странная вещь. Только дай ветру поймать его полотнище — и оно вырывается из рук, словно огромный красный червь, тянущийся когтями к тебе. И когда он зардел над его головой, он полюбил его. Да, у нас был Дракон — пока его не порезали на кусочки. Его вид, похоже, вызывал у язычников бешенство, и они всякий раз направляли к нему свои копыя. Однако мы

просто передавали его цепочкой между собой. Когда вызывает рог войны, Дракон отвечает ему!

Артос знал это знамя. Похожее, но меньших размеров развешалось над дозорной башней, когда здесь находился Верховный Король, и оно было унесено вместе с ним, когда он отправился в поход. Впрочем, большой Дракон хранился в безопасном месте до тех пор, пока не наступала необходимость в битве. Цезаря называли «Пендрагоном» — почти как «Дракон». И кое-кто из простолюдинов действительно верил, что у него есть всамделишный дракон, который помогает ему в сражениях.

— Но несмотря на все ваши доблестные усилия Крылатые Шлемы по-прежнему приходят, — заметил Арчаис.

— Приходят и умирают, — Кай отодвинулся от стола. — Они всегда приходят — таков их образ жизни.

— Но есть ли в этом необходимость? — голос Паулюса прозвучал слабым шёпотом после баса Кая. — Можно же найти возможность поддерживать мир, чтобы все люди жили в дружбе и согласии.

Кай рассмеялся.

— Кричать о мире Крылатому Шлему, когда он ломится в твою дверь, Отец, с поднятым топором, чтобы зарубить тебя? У таких людей существует только одно понятие о мире, — голова его повернулась к притихшему Артосу, о котором, казалось, забыли. — Эй, юноша, отправляйся-ка ты в кроватку. Прежде, чем пропоют петухи, ты снова понадобишься на поле. При удаче мы сможем собрать отставшую часть ячменя ещё до наступления ночи.

— С Божьей милостью, — поправил его Паулюс. Однако Кай не обратил внимания на жреца, широко разведя свои мускулистые руки в стороны.

Но только Артосу так никогда и не довелось снова поработать на ячменном поле. И всё это случилось потому, что он решил напиться воды.

Молодой воин настолько устал, что тут же крепко уснул, однако вскоре он очнулся, стряхнув следы сна, которого не мог потом припомнить, — осталось лишь ощущение стра-

ха. Он привстал на соломенном туфяке, служившем ему постелью, ощущая сильную жажду. Вокруг него раздавалось тяжёлое и ровное дыхание других спящих. В коридоре светился тонкий луч лунного света.

Ещё раз прошёл он по этому лабиринту комнат, коридоров и дворов, где некогда жил римский наместник. Но теперь этот дворец пришёл в ужасное состояние, потому что полностью его никто не использовал.

Ближайший источник воды находился в главном зале, и Артос задумался, идти ли ему туда. Он провёл пересохшим языком по треснувшим губам и решил, что придётся. Он спал прямо в брюках и обуви — настолько он устал, и теперь ему не хотелось возвращаться обратно за туникой с риском наткнуться на чей-либо туфяк.

Лунный свет проникал в коридор через окно. Но был и ещё один источник света — тусклое сияние из какой-то другой комнаты. Это вызвало любопытство Артоса. Кто бы это мог быть? Стража дежурит гораздо дальше. Именно из-за любопытства он и отправился туда, едва передвигая ногами, — к полуоткрытой двери в коридор.

Мальчик тихо прошёл мимо закрытой комнаты Кая. Дальше располагались две пустые комнаты, которые обычно занимали люди Короля, сейчас усколавшие вместе с ним на север. Так что оставалась только оружейная комната. Но почему?..

Артос осторожно направился вперёд, прижимаясь к стене. Он слышал едва слышимое бормотание спящих, их шевеление. Добравшись до того места, где дверь поворачивалась на шарнирах, юноша, никем не увиденный, заглянул в щель.

Модред... нельзя было не узнать этого молодого человека, сидевшего за столом, где оружейник хранит свои списки снаряжения. Но дальше стояли ещё трое человек, одетых в чешуйчатые доспехи Стражи, — тоже молодые. Артос знал двух из них по имени — члены кланов, призванных на военную службу два года назад. Третьим был Аргвейн, гордившийся своим кровным родством с Модредом, благо-

даря каким-то непонятным внутриклановым отношениям.

Артос не поверил своим глазам. Они открыли сундук Дракона. Его замок был сломан: ведь ключ хранился у Кая. И теперь они вытаскивали аккуратно свёрнутого Красного Дракона, держа его в руках скорее с нетерпением, чем с заботой, а затем засунули его в суму Аргвейна, которую тот держал наготове. Свет факела блеснул на руке Модреда, когда тот чуть пошевелился. Артос понял, что его догадка оказалась верной: это было королевское кольцо, двойник того, что носил Цезарь.

. Дракон, нарукавная повязка, Модред... Как всё это сложить одно к другому, мальчик не знал. Но здесь совершалось зло, вроде чёрного дыма, клубящимися валившего от костра.

— ...на запад. Покажи ему это и отправь туда, где четыре факела будут качаться справа налево перед полным восходом луны, — приказал Модред.

— А ты, — принц обернулся к Аргвейну, — дай сигнал Мегвину, в Калдор. Таким образом мы расколем эту землю на части, прежде чем они успеют покинуть свои поля и поднять мечи против нас. А вот с этим, — он кивнул в сторону находившегося в суме знамени Дракона, — и теми вестями, которые мы распространим, лишь несколько мечей останутся у них. Люди не будут уверены, где истина, а где ложь, пока не станет слишком поздно!

— Нельзя не отметить, что ваш план просто превосходен, Король-Повелитель, — кивнул Аргвейн.

— План этот долго вынашивался, но теперь начинает претворяться в жизнь. Пошли.

Артос едва успел отпрянуть от двери и нырнуть в одну из пустых комнат. Он стоял там в темноте, сердце гулко стучало в груди, он тёр запотевшими ладонями о брюки, пытаясь осознать услышанное.

Модред носил нарукавную повязку и похитил знамя, а Аргвейн назвал его королём. Он говорил, что факелы послужат сигналами для высадки. И эти речи о заключении мира с Крылатыми Шлемами... о том, что их корабли

выделил на побережье... Всё это выстраивалось в уродливый узор, в который Артос не мог поверить, настолько он был ужасен. Он должен скорее рассказать обо всём Каю!

Эти люди, конечно, уже вышли из оружейной. Мальчик промчался по коридору к закрытой двери в комнату командира и чуть приоткрыл её, так, чтобы можно было проскользнуть в образовавшуюся щель. Через окно проникали лунные лучи, освещая низкое ложе, и он услышал жуткий храп спящего там человека. Артос положил руку на его обнажённое плечо.

Кай обладал привычкой воина мгновенно просыпаться, он спал настороженно, и когда он приподнялся на локтях, Артос наклонился к постели и прошептал ему то, что видел и слышал. С ложа раздалось приглушённое восклицание, воин полностью выпрямился, с глухим стуком ударив ступнями о пол.

— Что бы всё это ни значило, — начал он, — не нужно делать поспешных выводов. Но бесспорно, Верховный Король должен узнать об этом, — он потёр кулаки друг о дружку, и при свете луны Артос увидел, как командир мрачно насупил брови.

— Послушай-ка, — обратился Кай прямо к мальчику. — Это должно быть сделано втайне: если отправить известного всем посыльного, то это всё равно, что сообщить этим людям, что об их планах проведали, и тогда за ним отправят погоню и его убьют.

— Я неплохо скачу на коне, этому меня научил Мариус, — отважился заметить Артос.

— Да, а Верховный Король разбил лагерь на холмах возле Фентерс Холд. Дорога Римлян тянется на север к Стене, и её пересекает тропа торговцев, ведущая к морю. С этой дороги трудно сбиться.

— Я уже скакал однажды по небольшой её части, — с гордостью сообщил Артос. — Я ездил к Стене два лета назад, когда мой отец отправился на встречу с Притворным Народом для заключения перемирия.

— Итак, ты уже скакал по ней. Что можно счесть ещё

одним подарком судьбы, — Кай вытянул свой большой палец и повернул кольцо на нём, чтобы снять его. Это было огромное кольцо, широкое и тяжёлое, со вставленным в него камнем странной формы, похожим на голову человека с рогами. Паулус говорил, что это зло, но Кай сказал, что оно принадлежало его отцу, а его отец, как и кольцо, пришёл сюда из заморских стран, в давние-предавние времена, ещё до того, как на землю Британии ступила нога римского легионера.

Кай с трудом снял кольцо.

— Это известная вещь, мальчик. Не бери коня из нашей конюшни, это будет замечено, и тебе станут задавать вопросы. Лучше проберись через весь город к посту на холмах, где несут вахту дозорные. Они держат коней для посыльных. Покажи им это кольцо и выезжай на дорогу, что ведёт на север. Меняй лошадей в каждой крепости, когда заметишь признаки усталости скакуна: время не союзник нам в этом деле. А теперь... отправляйся!

Артос скользил от одной тени к другой, пробираясь по улицам Венты. На нём теперь были туника и плащ, и меч отягощал его пояс. Мариус выменял его на одной из встреч с Притворным Народом. Это был меч римского легионера. Мариус говорил, это добыча с какой-то давным-давно случившейся битвы, возможно, происшедшей даже возле Стены. Однако клинок его был хорош, и отец Артоса долгое время безуспешно пытался выторговать его для сына. Меч этот был короче клинков Стражи, но по длине как раз подходил для Артоса. У него была ещё и сумка с припасами. А на шее висел ремешок с кольцом Кая — для безопасности.

Если бы у него не было этого кольца, то его непременно бы допросили, когда он достиг дозора на холмах. Ему дали коня с лёгким седлом ради скорости — намного меньше размерами тех, которыми пользовались Стражи, и конь этот был тщательно выбран, мальчик понимал это, чтобы милья за милей преодолевать путь с неизменной скоростью.

И он направил коня по дороге, радуясь ровному покрытию, выложенному ещё легионерами.

Дорога тянулась на север, и хотя со времени её последнего ремонта минуло больше лет, чем возраст Артоса, она всё ещё находилась в хорошем состоянии. Встало солнце, прошла середина утра. Во встречаемых им крепостях он менял лошадей одну на другую, люди здесь все были из одного племени, о чём ясно свидетельствовали их туники. Они обрушивали на Артоса град вопросов, когда он прислонялся к деревянной стене крепости, торопливо набивая полный рот хлеба и прихлёбывая ровно столько ячменного пива, сколько требовалось, чтобы проглотить еду. Но он лишь качал головой и отвечал, что выполняет поручение Верховного Короля, и то послание, которое он несёт, выше его разума.

Зато сразу после полудня, когда солнце всё ещё палило своими горячими лучами и ему приходилось прилагать немалые усилия, чтобы удержаться в седле, он поменял коней на посту весьма необычных дозорных, расположившихся в разрушившейся башне римлян. На них не было ни доспехов, ни даже сверкающих одеяний племён: лишь загорелая кожа на их маленьких, смуглых телах, испещрённая синими татуировками. У них были луки и стрелы, и они переговаривались мягкой звонкой речью между собой. Однако их вождь — который носил плащ из волчьей кожи несмотря на жару, на голове — волчью голову с разинутой пастью, а на шее — ожерелье из нескольких дюжин белых клыков — говорил на латыни, хотя и со странным напевом.

Несмотря на то, что мальчик никогда прежде не видел так близко таких людей, он знал, что это пикты, живущие за Стеной, и служат они не Британии, а одному лишь человеку, — Верховному Королю; Артос Пендрагон каким-то образом заслужил их любовь, и они пришли на его зов.

Эти язычники, пикты, и небольшой отряд людей, которые, подобно Мариусу, до сих пор с нескрываемой гордостью называли себя «римлянами», вот они-то и составляли армию Верховного Короля. Будь они предоставлены самим

себе, меч поднялся бы против меча, нож против стрелы. Однако будучи под началом Артоса Пендрагона, они составляли единое целое. Величайшим даром короля было умение создавать победоносную армию из таких вот разношерстных сил.

Вскоре после того, как он покинул эту дозорную башню, Артос свернул на дорогу, ведущую на запад. Здесь ему пришлось замедлить ход коня: новая дорога была уже не мощёная, всего лишь тропа для путников, которая часто поворачивала и изгибалась, и поверхность ее была неровной и трудной для ходьбы. Нигде не было видно полей с зерном, а стычки здесь происходили гораздо чаще.

Когда наконец мальчик увидел ярко-красные огоньки лагеря, на небе уже появилась луна. Он соскочил с коня, тело его всё одеревенело, так что он смог идти, только прислонившись для поддержки к плечу спотыкающегося коня. Горло его пересохло, переполнившись пылью, когда он со стоном прохрипел ответ часовому. И он так и не вспомнил, как именно добрался до комнаты Верховного Короля.

— Да это юный Артос! Но что ты делаешь здесь? Позовите Марнуса.

— Король-Повелитель, — в этот раз Артос выдал из себя звук получше, чем стон, потом с удивлением обнаружил в руке рог, после чего отпил немного горького пива и лишь затем продолжил: — Король-Повелитель, — мальчик принялся рыться в одежде в поисках кольца Кая, — Легатус Кай послал меня.

— Чтобы привезти нам какое-то неприятное известие. Что же случилось? Крылатые Шлемы... Но тогда бы факелы тревоги вспыхнули по всей стране, чтобы предупредить нас. Так в чём же дело?

И когда эти большие, сильные руки мягко легли на его плечи, подтащили к себе поближе, поддерживая его, Артос слово за слово поведал о том, что видел и слышал. Затем вокруг мальчика раздалось удивлённые голоса, но в них было мало смысла для него. А потом он каким-то образом

оказался лежащим на соломенном туфяке в лагере, и рядом с ним появилось гладко выбритое смуглое лицо его отца, увенчанное шлемом с перьями. Мальчик понял, что сделал то, ради чего прибыл сюда.

Вот так и началось тёмное время, и впоследствии Артос не раз задавался вопросом, что бы случилось, если бы они почему-либо выбрали другой путь.

Он не просто передал послание от Кая, но его сведения дали Верховному Королю несколько драгоценных часов, которыми тот отлично воспользовался. С предупреждениями были отправлены другие всадники. Пора урожая... Модред выбрал нужное время для своего предательства.

И когда здесь появились созванные люди, горсть отсюда, часть, более дисциплинированные, — оттуда, то они узнали, что Модред действительно поднял Красного Дракона и заключил договор, скреплённый кровью, с Крылатыми Шлемами. На побережье, как сообщали, видели сначала десять кораблей, но теперь приходили рассказы о двадцати, приближающихся с моря. Эта тщательно подготовленная кровавая резня вполне сможет уничтожить всё, ради чего сражался Верховный Король, если только ему не удастся удержать завоевателей на побережье.

— Но Модред просто безумец!.. — Артос после громкого возгласа его отца проследил за тем, как бронзового отлива кулак опустил на стол, заставив силой удара подпрыгнуть рога для питья.

— Нет, далеко не безумец, — ответил Верховный Король. — Ты не забыл Вортигсна? Модред его крови, и потому считает, что он истинный Король Британии, а не я. И так же считает половина племён, утверждая, что у меня нет на это права, — его рука дёрнулась в сторону складки фиолетового плаща, брошенного на спинку его сидения. — Пока Аурелианус не дал мне власть, я был просто человек, который что-то планирует и о чём-то мечтает. Однако теперь всё это кажется давно ушедшим в прошлое. Тем не менее, — теперь он заговорил более оживлённо, — независимо от того, каким бы королём себя Модред не

считал и как бы ни приветствовали его обманутые им люди, веря, что в этот раз они смогут сыграть в игру Вортигена вместе с саксонцами и победить, я не собираюсь позволить топорам Крылатых Шлемов разрушить то, что осталось ещё на этой земле. Поэтому...

И король начал быстро говорить о передвижениях людей и армии, и собравшиеся вокруг него внимательно слушали его. Артос видел, как его отец раз-другой кивнул, потом услышал одобрительное ворчание Гавэйна, который командовал левым крылом, когда Стражи начинали атаку.

В самом конце Верховный Король сделал короткий жест рукой, и прислуживающие рабы поторопились наполнить роги для питья, но не привычным слабым пивом, а мёдом с сильным запахом северных земель. После чего Артос Пендрагон высоко поднял свой рог, встал, и остальные повторили его движение.

— Товарищи, возможно, пришла пора пуститься нам тёмными тропами. Но если это и так, то теперь я говорю: мы не могли бы пойти в лучшей компании! И если Модред всё-таки захватит королевство, а эти Крылатые Шлемы — нашу землю, то пусть цена за это будет высока!

Ответом послужил грохот, когда, выпив, люди побросали свои рога, и те покатались пустые по столу.

Когда Артос и его отец отправились обратно в свою комнату, Мариус постоял несколько секунд, внимательно глядя на сына.

— Мне бы хотелось, чтобы теперь ты уехал в Глендоуэр.

— Нет! — впервые в своей жизни Артос набрался смелости, чтобы сказать это слово отцу, и несмотря на то, что брови отца ещё более насупились, он поспешил продолжить: — Разве будет в этой армии лишним ещё один меч?

— Меч мальчика? Ты не мужчина, чтобы скакать...

— А что если... что если люди Модреда придут в Глендоуэр? И как насчёт нашего соседа Искара? Он уже давно зарится на наши земли. Ты можешь выслать меня отсюда только связанным, с кляпом во рту и под стражей!

Мариус, должно быть, прочитал на лице сына непреклонную решимость: он как-то внезапно показался очень усталым и слегка пожал плечами.

— Пусть так и будет. Но если ты останешься, то будешь выполнять все мои приказы.

Артос сделал глубокий вдох.

— Это я знаю.

Таким образом он стал солдатом армии, направившейся на юг и запад. Армии? Вначале это была всего лишь кучка людей, которую и отрядом-то назвать было трудно. Однако люди продолжали прибывать, увеличивая численность армии, пока они шли на марше. Вскоре прискакали ещё несколько посыльных с плохими известиями: саксонцы высадились, и Модред разбил лагерь, в котором собирались люди племён, поклявшихся кровью верно служить украденному Красному Дракону.

Верховный Король резко рассмеялся, когда ему сообщили об этом.

— Клятва кровью, так? А разве не помнят они, что в прошлом такое же клятвой они присягали и мне?

— Но жрецы говорят, что они теперь освобождены от клятв: они давали их тому, кто не почитает истинную церковь, — заметил Гавэйн, скривив губы. Все знали, что он держится старых богов, и что жрецы неоднократно принуждали Верховного Короля отвернуться от него по этой причине.

— Люди не могут быть оправданы от предательства так просто, — только и ответил Пендрагон.

Но независимо от того, был ли Модред предателем или нет, войско у него собралось побольше. И только половина воинов шли маршем под саксонскими штандартами с лошадиными хвостами.

Артос скакал как трубач и посыльный Мариуса, но всегда, как только оказывался в одиночестве впереди отряда, пускал лошадь лёгким галопом, чтобы вернуться к своему отцу. Большая часть воинов были потомками римлян. Они использовали более короткие мечи легионеров, и

их лица, затемнённые старыми шлемами, увенченными гребнями, отличались от облика местных племён. Их символом был Орёл с распростёртыми крыльями, водружённый на шест.

Нёс его Кайус, и место его тоже было позади командира. Артос завидовал оказанной тому чести. Рог, который мальчик прикладывал к своим губам, увы, был отнюдь не таким замечательным символом, как этот Орёл.

Тем временем пришло время, когда они наконец смогли увидеть костры вражеского лагеря. Но между ними лежала болотистая, разбитая земля, непригодная для лошадей.

— Модред выбрал отличное место, — услышал Артос замечание своего отца, которое тот высказал первому Центуриону Ремусу, когда они смотрели вниз с вершины холма.

— Хоть он и предатель, но неплохой воин. Однако он всё же ещё не сражался с Цезарем в Битве, — таким был ободрительный ответ Ремуса.

К их войску присоединились последние дополнительные силы. Из Венты пришёл Кай с отрядом, что оставался там для защиты города. Артос видел среди воинов и молодую поросль, его бывших товарищей по военной подготовке, так что и старые, и юные сомкнули вместе ряды. Вот только Красного Дракона не было сейчас в первых рядах.

Верховный Король не позволил им использовать птичьи перья, символизирующие его власть, нет, наоборот, он отдал приказ, чтобы каждый воин сорвал пригоршню ячменных зёрен со стеблями во время марша (сколько же полей остались теперь без сборщиков урожая!) и прикрепил их к своему шлему в знак того, что сражается не ради чести какого-либо короля, а за свою родную землю. Так же поступили и с огромным гребнем на древке копья, которое несли позади Верховного Короля, и с петлёй вокруг Орла, которого нёс Кайус.

Ночь наступила со звуками рогов, возвещающих о начале переговоров посреди этой разрушенной земли, теперь хорошо освещённой светом факелов. А потом появилась

группа не воинов, но жрецов, державших речь с Королём. Их возглавлял Имфри, один из тех, кто в прошлом часто накидывался на Пендрагона, потому что тот не дал церкви большей власти. Однако Верховный Король даже к нему отнёсся с подобающей учтивостью.

Об этой встрече Артос слышал только то, что его отец сказал позднее: церковники настаивали на перемирии, во время которого Модред и Верховный Король могли бы встретиться лицом к лицу и, возможно, эта земля избежала бы пролития моря крови.

— А как же саксонцы? — спросил Артос.

Мариус резко рассмеялся.

— Ах, да, саксонцы. Впрочем, жрецы никогда не теряют надежду, что обратят к себе их души. Их вождь — Обнажённый Клинок — похоже, прислушивается к Имфри. Ладно, Цезарь позволит им участвовать в этой встрече. Зато переговоры дадут нам запас времени, в чём мы сейчас больше всего нуждаемся. Нельзя доверять обещаниям ни Модреда, ни саксонцев. С каждой стороны выйдет по десять вооружённых человек, но отдан приказ, который необходимо неукоснительно выполнять, — не вытаскивать клинков, что бы ни случилось. Показать оружие означает нарушить перемирие.

— Ты пойдёшь? — тут, к облегчению Артоса, Мариус отрицательно покачал головой.

— Цезарь берёт с собой только двух своих капитанов, Кая и Гавэйна. Если будет устроена ловушка, то тогда он не потеряет всех. Да и в любом случае, есть перемирие или нет, но мы будем ждать на конях, готовые к сражению, когда они отправятся на встречу.

Солнце поднялось уже довольно высоко, когда Верховный Король и отобранные им люди отъехали от рядов своего войска. А от армии, находившейся напротив них, где на штандартах были небрежно нарисованы лошадиные хвосты Крылатых Шлемов и в центре возвышалось древко Дракона, отошли другие воины.

— Их Дракон мрачен, — пробормотал Кайус Артосу.

И это было действительно верно. Красное знамя не развевалось горделиво по ветру, но лишь вяло висело, словно разорванный лоскут на штандарте. Возможно, это было зловещее предзнаменование — что только в руках Верховного Короля оно оживает.

Когда два небольших отряда встретились на равнине, жрецы с одной стороны пропели речитативом гимн, который донёсся до зрителей лишь как едва слышное бормотание. Пока они ждали, стало ещё жарче. Время от времени кто-то тихо шептал о чём-то соседу. Однако более заметным было топтание на месте лошадей, которым досаждали мухи, и лязганье доспехов, когда кто-то менял своё положение.

Земля перед ними была болотистой, поросшей вереском, в отдельных местах встречалась трясины, вовсе не подходящая для того, чтобы по ней скакали всадники на конях. Там и тут виднелись несколько разбросанных групп карликовых пихт, но в основном на равнине росла грубая трава, выгоревшая на солнце и принявшая цвет созревшего зерна.

Вдруг Артос увидел вспышку света. Один из людей Модреда, вытащив меч, нанёс рубящий удар в землю. Его сталь в нарушение договора теперь была обнажена.

— Перемирие нарушено! Перемирие нарушено! — сначала этот крик был тихим, но затем он превратился в рёв, когда его подхватили другие.

А там, внизу, уже переплелись между собой люди, выхватывая мечи, лязгая ими...

— Сигнал!

Артосу не нужен был этот приказ, рог уже дрожал у его губ. Резкий призыв затерялся среди других шумов. И сразу началась атака, которую запланировал Верховный Король; люди из его отряда кричали на скаку: «Аве, Цезарь!»

Случившееся потом безумие Артос не мог впоследствии припомнить, если не считать отдельных маленьких кусочков: сражение поглотило его целиком, и он, как и все, размахивал своим римским мечом. Он видел искажённые

лица, которые затем исчезали, раз-другой появлялась полоса свободного пространства, когда люди отрядов собирались вместе и перегруппировывались, чтобы снова быть отправленными в атаку.

В какой-то момент Артос увидел, как Кайус рухнул вниз под ударом саксонского топора и еле успел схватить Орла прежде, чем тот затерялся, воспользовавшись его шестом, чтобы ударить по голове человека, который убил его прежнего хозяина, и сбить врага с ног так, чтобы лошадь наскочила прямо на него. С каждым разом перестраивавшиеся ряды отрядов становились всё реже и реже, всё больше среди них было раненых, некоторые держались в своих сёдлах только благодаря силе воли.

Небо потемнело, однако всё же было ещё достаточно светло, чтобы видеть всё вокруг. Вот Верховный Король в своём фиолетовом плаще Цезаря с порванной бахромой; его щит, от которого уже почти оторвалась голова дракона с ярко-красными глазами, по-прежнему в его руке; а его великий меч, о котором сложено столько ужасных историй, стал красным в его руке — руке Верховного Короля, Артоса Британского!

Прямо перед ним появился принц Модред, всё его королевское убранство было изрядно испорчено грязной работой этого дня.

— Нет! — голос принца перешёл в громкий страстный крик, словно он не мог вынести вида живого Короля перед собой. Модред стремительно бросился вперёд, подняв наготове меч. Король приготовился отразить атаку.

Модред нанёс первый удар по коню, и тот с пронзительным ржаньем встал на дыбы, а принц тем временем уклонялся от бьющих воздух копыт. Артос Пендрагон выпрыгнул из седла, однако приземлился он неудачно, споткнувшись, так что Модред, низкорослый, похожий на змею, обрушил свой меч на его щит. Но клинок угодил в трещину в щите, и он не сумел быстро вытащить его для повторного удара. Верховный Король в свою очередь нанёс мощный удар по противнику в то место, где шея соединя-

ется с плечом. Модред пошатнулся на один бок, мёртвый ещё до того, как тело его рухнуло на землю.

Однако и Верховный Король сделал, пошатываясь, только пару шагов, пока одна из брыкающих ног его умирающего коня не попала в него, и он тоже упал.

— Ах-х-х... — раздался стон от окровавленных сражавшихся неподалёку от Короля людей. Артос соскочил из седла и побежал, спотыкаясь, к Верховному Королю, стремясь оттащить его от коня, но другие воины оттолкнули мальчика локтями в сторону, не обращая внимания на врагов, чтобы освободить своего предводителя.

А потом чей-то крик предупредил их, и они посмотрели вверх и увидели, что к ним бегут саксонцы. И вокруг Пендрагона закипела безумная, отчаянная схватка. И столь сильна была их печаль и ярость, что они не обращали внимания на раны. Словно тела их были выкованы из железа, набросились они на Крылатые Шлемы.

Когда водоворот битвы стал утихать, на ногах держалось только пять Стражей. Артос пригнулся к земле рядом с Королём в попытке защитить его разрубленным и расщеплённым шестом Орла и своим собственным телом. Со значка срубили крыло, и с его руки тоже капала тёплая кровь. Пальцы онемели, не способные больше удерживать рукоять меча.

Король шевельнулся и застонал. Каким-то образом оставшимся в живых воинам удалось вынести предводителя из свалки мёртвых людей туда, где его смогли положить прямо на землю. Артос огляделся, чувствуя сильное головокружение. Кай лежал, глубоко вонзив свой меч в плоть саксонца, однако на его обветренном лице уже не было следов жизни. Мариус? Где же его отец? Один из склонившихся над павшим королём посмотрел на него.

— Артос?

Мальчик не смог ответить вслух. Используя древко Орла как посох, он поковылял туда, где лежал Король. Кажется, именно Мариус заметил: «Это ужасная рана, но мы должны доставить его в укромное место. Ещё нельзя сказать, как

закончится этот день. А их силы заметно возрастут, если они водрузят его голову на одно из своих копий».

И они унесли его. Это было непросто сделать: король был огромным и очень тяжёлым человеком, а все воины чрезвычайно устали, и не найти было среди них никого без какой-либо раны.

Артос еле шёл, спотыкаясь, вслед за ними, всё ещё наклонив вперёд свой шест. Однако когда он однажды повернул влево, чтобы обойти свалившихся в одну кучу мёртвых людей и лошадей, то внезапно оказался у Королевского Штандарта. Шест был твёрдо воткнут в землю, а на нём — Красный Дракон, безвольно и безжизненно свисавший, словно он не будет никому служить, кроме своего настоящего хозяина. Артос едва смог разглядеть его в сумерках. Он воткнул сломанный конец древа Орла в землю, чтобы тот стоял вертикально, и попытался вытащить шест Дракона. Но тот был слишком хорошо вбит в землю, чтобы поддаться его слабым усилиям. Наконец мальчик опустился на колени и принялся подкапывать землю ножом, пока не смог вытащить знамя.

Дракон оказался на удивление тяжёлым, и мальчику пришлось положить его на своё здоровое плечо. Складки знамени, пахнувшие древесным запахом, мягко спустились вокруг его головы. Тем не менее он нёс его, следуя за теми, кто уносил Короля.

В окрестных холмах они обнаружили грубо сложенную небольшую лачугу, наверное, служившую когда-то укрытием для какого-нибудь святого, который решил провести остаток жизни в одиночестве среди дикой природы, как поступают некоторые люди в эти дни. Кто-то разжёл костёр, и в его ярком свете с Короля стащили доспехи и осмотрели рану.

Среди них не нашлось никого, кто по-настоящему бы разбирался во врачевании людей. Но все они достаточно долго сражались на войнах, чтобы знать, как выглядят раны, которые могут получить в сражении воины. Мариус

присел на корточки, его лицо превратилось в тёмную маску. Артос отвёл в взгляд сторону.

— Мариус?

— Цезарь! — офицер снова наклонился над своим господином.

— Моя рана смертельна...

— Я видел людей с куда более опасными ранами, но которые выживали.

— Говори это ребёнку, Мариус. В конце концов эта дорога привела в темноту. Но сделайте всё, что только можете. Я буду цепляться за жизнь, пока не узнаю... не узнаю, что станет с Британией. Дай мне знать, как закончится битва...

— Не сомневайтесь, вы узнаете! — Мариус повернулся к остальным, все они были ранены. — Секстус, Калин, Гондор... посмотрите, как обстоят сейчас дела.

В их компании эти воины имели меньше всего ран, и они быстро ушли.

— По крайней мере этот предатель Модред мёртв! — Мариус сплюнул на землю.

— Всем... их дела... воздаются... по заслугам, — пробормотал Верховный Король. — Здесь... можно... где-нибудь... выпить?

— Только там, дальше, — Мариус поднялся на ноги. — Хотя она вся покрылась пеной, но всё же это вода.

Офицер снял шлем, который потерял во время битвы, гребень с пером, срезанные чьим-то ударом меча, и вышел. Артос прислонил тяжёлый шест знамени к стене, скользнул по ней вниз и сел, привалившись спиной к неровной поверхности. Его рана перестала кровоточить, однако онемевшая рука по-прежнему ничего не чувствовала.

Это была долгая ночь, но время от времени Король говорил. Иногда Артос ясно различал слова, порою доносилось только бормотание, едва слышимое и далёкое. Мариус занялся раной своего сына и перевязал её полоской ткани, оторванной от своего плаща, а затем приказал Артосу поспать, если он сможет.

Время от времени приходили люди, чтобы бросить короткий взгляд внутрь лачуги и на Короля. Некоторых тот приветствовал по имени, а один или два, подойдя к раненому, опустились на колени и простояли так некоторое время. Но никто из них не остался охранять лачугу. Известия тоже приходили медленно. Войска Модреда разбежались когда рассказ о гибели принца распространился по их рядам. Свежие, только что подошедшие отряды оттеснили саксонцев обратно к берегу, но они пришли слишком поздно для настоящего сражения. Впрочем, войско, которое вступило в бой вместе с Цезарем Британии и Стражами Красного Дракона, тоже настолько пострадало, что никогда больше не собраться ему в целую армию.

Когда наступил рассвет, вместе с ним пришло и известие, что остатки войск саксонцев грузятся на корабли, и пример в этом показывают новобранцы. Король выслушал это сообщение с жадностью. А потом он повернулся к Мариусу и сказал голосом более громким, чем до сих пор, словно он приберегал силы к этому моменту:

— Я создал войско, но теперь его нет. Хотя имя моё ещё может некоторое время удерживать людей вместе, тем самым дав вам время. Это была мечта, хорошая мечта: объединить Британию против тёмной орды язычников. Мы почти осуществили её, но только на некоторое время, и теперь эта мечта погибает. Делайте всё от себя зависящее: Гавэйн, Мариус и остальные; не забывайте об этой мечте, когда наступит ночь. А теперь, дайте мне послужить мёртвым так же, как я это делал живым — никто, кроме находящихся в этой лачуге, не должен знать о моей смерти. Скажите лишь, что меня отправили на излечение раны, которая, хоть и глубокая, но не смертельная.

Мы находимся недалеко от реки. Перенесите меня на лодку, если удастся, и оставьте лежать на каком-нибудь из островков, убедившись, что никто не увидит моей могилы. Поклянитесь, прошу я вас, что сделаете это со мной, последней клятвой верности.

И они все вместе поклялись. Король больше не говорил,

но чуть позже Мариус, склонившись над ним, коснулся рукой лба Короля и, встав, кивнул. А затем он быстро подошёл к знаменитому знамени Дракона и рассёк шнур, который привязывал стяг к шесту, потом, положив знамя плашмя на землю, аккуратно обрезал рваные края полотнища. На него и положили Верховного Короля. Унося его, ожидающим неподалёку стражникам сказали, что его относят отшельникам, которые живут ниже по реке и которым известно знахарство.

Мариус и Гавэйн нашли какую-то лодку и уложили в неё Короля. Артос уселся за спиной отца. Секстус погрёб, и лодка хорошо подчинялась ему. Тут их подхватило течение и понесло вниз. И наконец они наткнулись на островок, покрытый кустарником и невысокими деревьями, на некоторых росли маленькие, ещё не созревшие яблоки. Кто выращивает их в этом диком краю, Артос не мог и предположить.

Продравшись сквозь заросли камыша и кустарника, Мариус, Гавэйн и Секстус, нёсшие Короля, вышли на открытое пространство, где обнаружили небольшое строение из грубого камня. Внутри его портала стояла высеченная из камня статуя женщины, а рядом — ещё две, поменьше. Это был храм, оставшийся с давних времён, догадался Артос, но вот в честь какой богини его соорудили, британской или римской, он не знал.

И перед этим храмом, который как бы охраняли три эти статуи, они начали копать землю мечами. Клинок Мариуса сломался о камень, когда он попытался расшатать его. Тогда воин протянул руку к скатанному знамени Дракона и вытащил более старое и тяжёлое оружие Короля, чтобы разбивать им твёрдую глину. А тем временем Артос относил подальше в сторону землю, выкопанную остальными.

Копание заняло много времени: мечи — не лопаты, а Мариусу и его товарищам нужна была глубокая яма. Потом они навалили на берегу камыша и листьев и долго мяли их в своих испачканных землёй руках, чтобы избавиться от дурного запаха. Артос нашёл возле храма грядку мелких

цветов и нарвал их, чтобы выложить ими ложе для того, кто был последним Цезарем Британии. А потом, аккуратно завернутый в своё боевое знамя, Артос Пендрагон, Верховный Король, лёг в свою тайную могилу.

Долго ещё они забрасывали её землёй и усердно маскировали. Когда же со всем было покончено и они уже готовы были отправляться в путь, Артос вдруг заметил королевский меч, лежавший совсем рядом, куда его отбросил отец. Его тоже следовало бы захоронить, вместе с его владельцем.

Мальчик указал рукой на меч в молчаливом вопросе. Мариус со вздохом поднял клинок и провёл рукой по покрытому трещинами и зазубринами лезвию.

— Он слишком хорошо известен. Поэтому он тоже должен исчезнуть: никто не поверит, что Цезарь добровольно согласился расстаться с ним.

И отец мальчика, подойдя к берегу реки, широко отвёл руку назад и изо всех сил, какие у него ещё оставались, метнул меч вперёд над водой, и тот с плеском упал в тёмную воду. Вот так и исчезла последняя связь с Артосом Пендрагоном, *Dux Bellorum*, Цезарем, Верховным Королем Британии. И солнце зашло за горизонт.

Шуи Мин Лунг — Спящий дракон

Арти протёр глаза одной рукой. Веки зачесались от выступивших слёз, щёки тоже были влажными. Но вокруг него больше не было ни реки, ни деревьев, ни храма с тремя богинями, оставленными для охраны тайной могилы. Мальчик моргнул, потом ещё раз. Он же не Артос... нет, он Арти, Арти Джоунс. И он сидит на стуле рядом со столом. Солнечный луч бил прямо по блестящему красному дракону, которого он сложил рядом с серебристым и голубым. Этот же дракон гордо смотрел со знамени, с того самого знамени, в которое завернули короля. Арти ещё раз провёл рукой по лицу и громко чихнул.

Он плакал! Словно маленький ребёнок! Но... это сновидение... оно было таким реальным! Мальчику казалось, что

он всё ещё находится там, на берегу, вот-вот он заберётся в лодку, чтобы возвратиться в лагерь остатков армии. Что же случилось после этого?

Король Артур... они читали о короле Артуре в школе. Но то были рассказы о рыцарях и Круглом Столе, и... совсем ничего похожего на этого Артоса! Ему ужасно захотелось узнать, что же случилось на самом деле с Артосом, Мариусом и остальными. Узнал ли кто-нибудь, что Верховный Король умер? И продолжали ли они сражаться, надеясь на его возвращение, что он снова возглавит их? Что-то внутри Арти непоколебимо верило в то, что всё это происходило на самом деле, — предательство Модреда, смерть Пендрагона, тайное захоронение.

Но когда мальчик подумал о Модреде, то почувствовал какой-то смутный стыд, но не за принца, а за себя. Юный Артос завидовал людям Модреда, хотел войти в его военный отряд, однако Модред был готов отбросить всё, во имя чего сражался Пендрагон, только чтобы самому стать королём.

Арти нахмурился — он размышлял о Модреде и Артосе... как же легко порою выбрать не ту сторону — и только потому, что ты хочешь стать частью того, что казалось... казалось... Он всё же никак не мог понять, каким образом он стал Артосом. Но его не покидала уверенность, что всё это когда-то случилось на самом деле.

Мальчик соскользнул со стула и коснулся ногой футбольного мяча, после чего тот выкатился в коридор. Арти поспешил вслед за ним. Он больше не оглядывался на красного дракона (ему и не надо было этого делать — мальчик и так запомнил его навсегда). Подняв мяч, он прошёл обратно через весь дом.

И пока он не оказался в заросшем саду, Арти ни о чём другом не думал. Те два других дракона, сложенных на столе... у них ведь тоже была своя история, не так ли? Может, именно поэтому Сиг и Рэс ходили туда? Может, им известно больше об Артосе: что потом случилось с ним!

Арти перешёл на бег трусцой. Он выследит этих двух мальчишек и узнает всё, что им известно.

Арти снизил скорость, только когда приблизился к дому Сига, в какой-то мере ожидая увидеть его здесь. Но мальчика нигде не было видно. С явной неохотой Арти продолжил путь дальше. Завтра он с родителями пойдёт к бабушке и дедушке на обед, и возможности повидать Сига не будет. Хотя, может, в понедельник утром, на автобусной остановке... если он придёт туда чуть пораньше, как и Сиг, может, ему удастся закинуть удочку и разузнать, участвовал ли Сиг в каком-либо приключении с другими драконами. Его прямо-таки снедало нетерпение.

Никогда ещё раньше выходные не тянулись для мальчика так медленно. Он несколько раз попадал впросак, когда задумывался о Пендрагоне и остальном: ему задавали вопросы, а он не отвечал на них. Он еле дождался наступления ночи с воскресенья на понедельник, когда они вернулись домой. Арти сразу ушёл в свою комнату, сказав, что ещё не доделал домашнее задание (Он даже попытался решить несколько задач по математике и почитал книгу по истории). Только между ним и страницами постоянно вставали отдельные небольшие фрагменты его сновидения. Он снова чувствовал боль в руке, когда следил за Мариусом и его товарищами, разрыхлявшими землю своими мечами.

Арти вздохнул. Единственное, чего он хотел, так это узнать побольше об Артуре — его Артуре, а не легендарном, воспетом в сказаниях. В библиотеке может найтись книга о нём. Арти не многое было известно о библиотеке. Он ходил туда, когда приходилось подобрать книгу для какого-либо доклада, однако тогда он просто выбирал самую тонкую из предложенных. В компании Грега Росса имелся список таких тонких книг, которыми они по очереди пользовались.

Грег Росс... Арти с удивлением обнаружил, что впервые за всё время с самого утра субботы он подумал о Грее. Почему-то мальчика больше нисколько не волновало, что его не замечает компания Грега. Что значит Грег Росс для

того, кому доверял Кай, который погиб в сражении, кто... Ещё раз Арти пережил возбуждающие фрагменты своего сновидения. Грег Росс как-то совсем уменьшился, теперь, когда мальчик подумал о нём. Для него более важной стала завтрашняя встреча с Сигом.

Но на следующее утро на автобусной остановке оказался только один мальчик из старших школьников — Ким Стивенс. Увидев его, Арти разочарованно пошёл к остановке и только там ещё раз посмотрел на мальчика. Тот снова читал, держа книгу прямо под носом. Он всегда читает. Возможно, именно поэтому ему и приходится носить очки, нельзя так много читать. И Ким не оторвал взгляда от книги и вообще ничего не говорил, когда Арти замер рядом и стал всматриваться вдоль улицы, не видать ли там Сига.

Но когда он наконец увидел Сига, то рядом с ним шёл Рэс. Арти заколебался. Хотя ему и хотелось поговорить только с Сигом, он знал, что и Сиг, и Рэс были вместе в том доме и вместе пытались сложить картинку-загадку. Поэтому, собрав всё своё мужество, он намеренно встал у них на пути.

— Привет, — сказал он, но приветствие прозвучало вовсе не с той самоуверенностью, какую он намеревался выказать, — скорее, в нём можно было обнаружить страх, что они не ответят ему.

Сиг лишь на мгновение взглянул на него, а Рэс нахмурился. Арти уже готов был отказаться от своих попыток, и только отчаянная необходимость узнать заставила его разразиться быстрой пулемётной речью:

— Пожалуйста, ребята, об этих драконах... — он совсем не хотел начинать таким образом, но слова, казалось, сами слетели с языка.

Зато теперь они посмотрели на него так, словно действительно нуждались в информации, которая у него имелаась.

— Что ещё за драконы? — потребовал ответа Рэс.

— Серебристый... голубой...

Сиг схватил Арти за руку.

— Ты что? Шпионил за нами?

— погоди! — Рэс встал между Сигом и Арти. Он пристально посмотрел на Арти.

— Какого же ты сложил? — спросил он тихим голосом, почти что шёпотом.

Арти с готовностью ответил правду:

— Красного, Пендрагона.

— Пендрагона? — повторил Сиг. Он ослабил свою хватку, однако больше смотрел на Рэса, когда задал ему вопрос: — Ты знаешь о Пендрагоне?

— Пендрагоне? Никогда не слышал о нём раньше. Но ведь я не слышал до этого и о Фафнире. Всё в порядке, Арти, итак, ты сложил красного дракона, этого Пендрагона. И что потом случилось? Говори, парень!

Арти с волнением рассказал им, что произошло с ним, запутывая от этого свою историю, отчего слушатели постоянно перебивали его вопросами, на которые он нетерпеливо отвечал. Однако мальчик очень детально рассказал им о захоронении Верховного Короля и о том, что его меч был брошен в реку.

— А вам... вам тоже привидилось о нём? — Арти закончил свой рассказ вопросом.

— Не о нём... — начал было отвечать Сиг, но тут подошёл автобус, и мальчики забрались в него, торопясь занять места сзади, где они могли бы продолжить беседу.

— Я видел сон о Фафнире и Сигурде, — заговорил Сиг сквозь гул других голосов. — А Рэс — о Сирруш-Ло и Данииле. Расскажи ему, Рэс.

История Рэса оказалась совсем короткой, однако ему удалось заставить Арти поверить в реальность его приключения. Они продолжали сравнивать свои впечатления, и каждый добавлял ещё детали к рассказу другого, а порою они вообще говорили одновременно.

— Но ещё остаётся жёлтый дракон, — сказал Сиг, — интересно...

Рэс покачал головой.

— Нам бесполезно пытаться сложить его, ты ведь зна-

ешь, что случилось перед этим. Но мне бы, конечно, хотелось узнать, что же это за дракон. Однако теперь нам этого не узнать. На следующей неделе дом будут сносить — людям из муниципалитета нужно, чтобы это было сделано поскорее. И эта картинка-загадка погибнет вместе со всем остальным хламом.

— А мне так хотелось бы, чтобы она была закончена. Должна быть! — Сиг ударил кулаком по своей огромной записной книжке. — Мне хочется знать, что же это за последний дракон.

Слово «дракон» донеслось до сидения впереди. Несмотря на всю свою углублённость в чтение книги, Ким уловил часть их разговора, да и до этого слышал их взволнованные слова на автобусной остановке. Теперь он по-прежнему держал книгу раскрытой, но вместо чтения прислушивался к их беседе, желая узнать побольше.

Уже сам факт того, что эти трое, никогда прежде не обращавшие друг на друга внимание, теперь выглядели закадычными друзьями, был удивителен. Они, по всей видимости, стали просто не разлей вода. Драконы... мальчик подумал о драконах.

Ким ещё в Китае узнал много о драконах. Существовал зелёный дракон востока; драконы, которые возносились в небо весной и ныряли в воды водопада; Лунг, дракон с пятью пальцами, дракон, изображение которого в древности имелось лишь в королевском дворце или на одеяниях Императора; небесные драконы, которые сторожили местопребывания древних богов; драконы-призраки, которые управляли ветрами и дождями; драконы Земли, которые прочищали реки, углубляли моря; драконы, которые охраняли спрятанные сокровища.

А ещё говорили о драконах, которые могли принимать тела людей и появляться при желании среди них. Он знал древние легенды о таких драконах, о дарах, которые они преподносили тем, к кому благоволили, и зле, которое они направляли в свою очередь на плохих людей. Да, в Китае ходит множество историй о драконах. Но это просто исто-

рии — и ничего другого. Что же этим трём, болтающим там, сзади, известно о драконах? Да, столько же, сколько и ему. Но они не остановятся даже для того, чтобы выслушать его. А что, если он обернётся прямо сейчас и скажет...

Но такой поступок — последнее, что он когда-либо сделает! Ким ненавидел поездки на автобусе, ненавидел эту школу! Ему хотелось вернуться в старую, где он знал всех. Книга, которую он держал в руках, слегка дрожала, но он продолжал использовать её в качестве прикрытия. По крайней мере пока он притворялся, что читает, никто не догадывается, насколько он одинок. Чтение служит отличным прикрытием, чтобы скрыть то, что он в любом случае не скажет никому.

Книга в качестве прикрытия. Экраны... Люди в древнем Китае использовали экраны, чтобы защититься от демонов. Иногда на них вырезались или рисовались драконы, чтобы пугать демонов. Ему очень хотелось вызвать настоящего китайского дракона — их племя было лучше всех. Что скажут люди, если он, как таоистский колдун, поскачет на драконе в школу?

Драконы... но как могли попасть драконы в тот старый дом? Ким размышлял над теми несколькими словами, что уловил, но они сбивали его с толку. Зато вскоре ему в голову пришла одна мысль. Что если он сам сходит туда и посмотрит? Но ведь никому не разрешается входить в пустой дом, это противозаконно.

Но только этот дом собираются скоро снести, может быть, уже на этой неделе. Так что это не будет незаконным проникновением... или нет? Дракон... драконы... эти ребята говорили не об одном драконе, а о нескольких. Наверное, рисунки или высеченные фигурки, а может быть, экраны. Он слышал, что человек, который жил там, путешествовал по всему миру. Вполне могло случиться так, что он привёз с Востока рисунки драконов. И Киму страшно захотелось узнать... он должен был узнать!

Ким заметил, что когда автобус отъехал, высадив на остановке у школы ребят, Арти не бросился торопливо, как

обычно, в сторону Грега Росса и его дружков, болтавших о субботней игре. Нет, он остался вместе с Сигом и мальчиком, который называл себя Рэсом, и все они продолжали взволнованно что-то обсуждать. И кроме того, когда их спросили о том, кому нужен пропуск в библиотеку на время приготовления домашнего задания, Ким оказался не единственным, кто поднял свою руку. Эти трое сделали то же самое — впервые за всё время, которое он мог припомнить.

Мальчик осторожно следил за ними в библиотеке, и ему казалось, что они и не подозревают об этом. Сиг и Рэс, похоже, знали, что им нужно искать. Но вот Арти колебался, а потом задал вопрос библиотекарше. Та слегка удивилась и сначала отправилась к картотеке и принялась переворачивать карточки, и только потом пошла к полкам, чтобы взять какую-то книгу, оставив ящик слегка выдвинутым.

Ким подошёл к картотеке и выдвинул этот ящик, потом посмотрел внутрь. Между карточками было свободное пространство, и он прочитал название книги в том месте. «Посыльные», книга о Британии времён правления Рима. Он её читал в прежней школе. Вполне неплохая — о том времени, когда легионам пришлось оставить Британию, и народу острова пришлось сражаться с саксонскими завоевателями в одиночестве. Там было много страниц посвящено человеку, который, как считалось, был настоящим королём Артуром, а не тем, кто возглавлял рыцарей Круглого Стола.

Но что общего это имеет с драконами? И почему это так заинтересовало Сига и Рэса? Совершенно сбитою с толку, Киму удалось встать в очередь прямо за ними, и он попытался посмотреть, какие книги мальчишки держали в своих руках.

Сиг взял книгу скандинавских легенд о героическом прошлом, а Рэс — о древнем Египте. Арти тут же занял очередь прямо за Кимом, тоже выбрав какую-то книгу. Когда они перешли в следующую классную комнату, трое мальчиков снова собрались вместе и принялись показывать

друг другу свои книги. Но что общего у героев древнего Египта, Скандинавии и Римской Британии? Ким сунул в портфель свою книгу, название которой он даже не помнил, всё более и более жаждавший разгадать тайну такого внезапного союза.

Он думал над этим весь день, пока наконец не решился. Разгадка этой тайны, конечно, должна выясниться в том старом доме, и она как-то связана с драконами.

Так же, как что-то заставляло его держаться в стороне от ребят в новой школе (они смотрели на него, ну как... и они называли его «чужаком», он слышал это слово несколько раз), так и теперь тайна каким-то образом влекла мальчика к себе и заставляла желать немедленно разрешить её. Даже если это будет означать следить за ними или совать нос в их дела без разрешения.

К тому же у него не очень-то много времени, наверное, только до завтра. Поэтому он попытается разгадать её после школы, хотя во всём том, что происходило вокруг этого дома, он ощущал какую-то странность. Если ребята сами вернутся туда, то он пойдёт вслед за ними.

Но они не бросили даже короткого взгляда на старый дом, когда вышли из автобуса после полудня. Нет, они тут же направились вверх по улице. Сиг жил ближе всего к остановке. Ким брёл за ними очень медленно, пытаясь принять какое-то решение. Когда мальчики достигли дома Сига, они все вместе зашли внутрь, по-прежнему переговариваясь между собой.

Теперь Ким ещё больше замедлил своё движение. Парадная дверь дома Сига открылась, а затем со стуком захлопнулась. Они оказались за пределами его досягаемости. Что следует ему предпринять? Он должен побыстрее принять решение, у него совсем немного времени. Мама будет нервничать, если он задержится слишком долго.

И мальчик принял решение и поторопился обратно к дороге, которая вела к старому дому. Однако он по-прежнему сохранял осторожность и остановился у дороги, чтобы убедиться, что никто не следит за ним. Там росло

много кустов, и можно будет подкрасться к дому, пользуясь ими как прикрытием.

Передняя дверь старого особняка была заколочена огромной доской. Откуда же Сиг и остальные проникали в дом? Наверное, откуда-то с задней стороны. Ким с трудом пробрался через огромные кучи листьев к задней части дома. Там он увидел крыльцо и поперёк его — грязные следы, ведущие к окну. Вот он, вход. Мальчик снова остановился. Что же ему делать? Он может ещё отступить и вернуться назад. Но только спустя мгновение он понял, что никогда не сможет этого сделать. Он должен пройти это приключение до самого конца.

Киму с трудом удалось поднять окно, затем он забрался внутрь и оказался в огромной тёмной комнате. Просто глупо было приходить сюда без фонарика. Но чтобы взять его, пришлось бы сходить домой, а тогда, возможно, ему бы не удалось вернуться сюда. Впрочем, света было достаточно, чтобы рассмотреть огромную кухню, и, наверное, света хватит, чтобы исследовать и остальную часть дома. Ведь все они побывали здесь до него. И если Арти, Сигу и Рэсу удалось это сделать, то сможет и он, Ким Стивенс.

Однако он всё же снял свои очки и протёр их ещё раз носовым платком, словно это могло помочь ему лучше видеть в полумраке коридоров. Кругом раздавались странные звуки, едва слышимые скрипы, вздохи, что наполнило мальчика беспокойством, хотя он и понимал, что исходят они от старых досок и, может, от крыс или мышей, всего того, что можно обнаружить в старых домах, где уже некоторое время никто не живёт.

Ким медленно пробрался через кладовку в гостиную и остановился, чтобы осмотреться. Ничего, что напоминало бы хотя бы самого маленького дракончика. Крупная старая мебель показалась ему унылой и уродливой, повсюду покоился толстый слой пыли.

К тому же в гостиной, мебель которой укрывали листы бумаги и газет, не было видно ничего, что могло бы навести на мысль, что кто-то побывал тут раньше. Не было ни

картин с драконами, ни высеченных фигурок, хотя Ким смахнул рукой пыль с двух стеклянных шкафов, чтобы рассмотреть несколько чашек, блюдца и маленькие фигурки людей и животных, находившихся внутри.

Дальше тянулся коридор, и вот здесь-то он и увидел следы, которые привели его к двери в ещё одну комнату. Дверь была приоткрыта, и он, остановившись, прислушался. Ким почти ожидал услышать движение в комнате. У мальчика появилось странное чувство, словно что-то стоит с другой стороны двери, дожидаясь его. Однако через несколько секунд он понял, что это нечто безопасно для него, только слегка возбуждает.

Он ещё шире приоткрыл дверь и проскользнул внутрь. Там не было ничего, кроме стола и стула, чтобы сидеть рядом со столом, словно кто-то только что вышел из этой комнаты. Однако из неприкрытого ставнями окна внутрь проникал свет, и на столе переливались яркие цвета, очень-очень яркие, сияющие, почти как небольшие лампы.

Мальчик осторожно подошёл поближе к этому сверкающему будто драгоценные камни столу. Картинка-загадка! Одну такую ему подарили на прошлое Рождество. Но та была круглая, и на ней были нарисованы все виды диких животных. Родители помогали ему сложить головоломку. Мама даже перенесла стол в комнату только для того, чтобы разложить ту головоломку на нём, когда они складывали её. И им понадобилось много времени для этого, почти неделя.

Ким поднял шкатулку за крышку и посмотрел на картинку, которую нужно было сложить. Драконы! Четыре, и все непохожие друг на друга. И три из них были уже сложены. Вот только кусочки золотистого всё ещё лежали на столешнице. Мальчик внимательно осмотрел рисунок снизу: да, это настоящий императорский дракон — Лунг с пятью пальцами! Потом, посмотрев на остальных трёх драконов, он увидел, что те не были китайскими — особенно необычным казался голубой. Однако золотистый дракон

был чрезвычайно похож на тех, которых он столько раз видел в Гонконге.

Многие кусочки на столе лежали обратной стороной вверх, и на них краснели какие-то закорючки, похожие на древние письма. Ким провёл пальцем по нескольким, и они как бы сами по себе соединились, так что стали заметны очертания красного дракона, легендарного существа. Он знал несколько древних иероглифов — только несколько — он просто не смог прочитать всю надпись. Однако, хотя она и показалась ему сперва странной, в ней имелся смысл.

Просто один иероглиф, красного цвета. В голове мальчика мелькнула ещё одна мысль, однако он не понимал, откуда она взялась. В древности всегда считалось, что Император делает свои записи только алым цветом, а разве этот цвет в каком-то роде на красный? Ким спросил себя, откуда он знает об этом.

И этот иероглиф, конечно, переводится не одним, а двумя словами: Шуи Мин. Что означает: «спящий». Однако **как** он узнал это? Он ведь, разумеется, никогда прежде не видел этого иероглифа.

Шуи Мин Лунг, к непонятно откуда взявшемуся воспоминанию добавился ещё один штрих. Ким вздрогнул, испугавшись чуть сильнее. Шуи Мин Лунг! Словно кто-то, стоящий невидимым в этой пыльной сумрачной комнате повторил слова имени для него. Тем не менее он не услышал ничего; он услышал это как бы в своём мозгу! Но как можно слышать в своём мозгу!

Шуи Мин Лунг — спящий дракон. Но нет, снова этот странный голос в голове поправил его: «Дремлющий дракон!»

Что — или скорее кто — это за дремлющий дракон?

Ким опустился на стул и, ничего не пытаясь придумать, начал отбирать кусочки золотистого дракона, быстро переворачивая те из них, где на обратной стороне краснели **части** этого беспокоящего его слова: он не мог больше смотреть на него. Ага, этот вот сюда, а тот — туда, вот уже

готова ступня императорского дракона с пятью когтями. А после — и почти вся голова, не хватало только одного кусочка — глаза. Но глаз этот был закрыт: дракон спал. Неужели? Разве вот это веко не приподнимается чуть-чуть? Может, дракон только притворяется, что спит?

Чин Му-Ти

Света четырёх ламп было недостаточно, чтобы освещать углы комнаты, откуда постепенно выползали дрожащие тени. Чин Му-Ти несколько раз моргнул, пытаясь заснуть. Похоже, министр совершенно забыл о нём, и на эту ночь его не отпустят спать на привычный соломенный туфяк в зале стражи. Однако это великая честь — носить меч и быть слугой у Чуко Янга, дарующего жизнь: величайший почти никогда не отдыхал и, похоже, никогда не чувствовал усталости.

Его хозяин перевёл взгляд от окна к далёким тёмным холмам. Где-то там Ссума — генерал, командующий войсками Веи, — вёл двадцать вражеских полков. Размышляя об этом, Му-Ти почувствовал, как по телу пробежали мурашки, сотрясая его до самой глубины души. Да, совсем не просто будет отогнать людей Ссумы, враги не исчезнут, как мартовский снег под лучами солнца, или как осенние листья, унесённые порывами ветра.

Ещё раз он сонно моргнул, таращась усталыми глазами прямо в спину Чуко Янга. В этих комнатах первый министр не носил доспехов, а только просторную одежду, как и положено должностному лицу; его чёрный головной убор крепко сидел на голове. Это был худощавый человек, почти такой же тощий, какими становятся от недоедания в голодное время, высокий, как одно из деревьев, растущих в тех далёких холмах.

И ещё он был одним из тех, чьи мысли невозможно прочесть на лице. Однако сейчас всем и так было ясно, что надвигается на них. И хотя голова Чуко Янга — кладёзь премудрости, также верно и то, что никому не удастся

сбежать от этой тёмной силы, как бы быстро он ни бегал — будь даже он одним из трёх величайших героев, которые поклялись кровью служить императору Лю Пею.

Несмотря на то, что для империи Хан наступили смутные времена и разделена она была на три части, все знали, что именно Лю Пей — истинный Сын Неба, из Дома Хана, любимец богов. На небе не может гореть сразу два солнца, тем более три — как не могут три повелителя править над людьми.

Му-Ти, изо всех сил стараясь не заснуть, принялся размышлять. Что восхваляют в героях? Их добродетели: мужество, справедливость, верность, взаимное доверие, искренность, великодушие, презрение к богатству — мысленно перечислял мальчик одно их качество за другим. И, как он вспомнил, мужество бывает трёх видов. Мужество в крови: лицо приобретает красный цвет — от гнева. Мужество в венах: лицо становится синим. Однако сильнее всего мужество духа: лицо человека не меняет своего цвета, только голос приобретает силу, а взгляд становится пронзительнее и...

Одна из ламп, исчерпав запасы тыквенного масла, замирчала. И в то же самое время во внешнем коридоре раздался глухой топающий звук. Му-Ти выпрямился, чтобы принять вид полнейшего внимания, когда Чуко Янг отошёл от окна. У министра было лицо не воина — худощавое и бледное, с длинными опускающимися вниз кончиками усов, затемнявшими его уста. Он больше походил на школьника, чем на человека действия. Однако для Сына Неба он являлся и головой, дающей советы, и сражающейся рукой.

Дракон лежит на мече — когда вытаскивается клинок, дракон объявляет войну.

В ответ на полночный призыв их командующего пришли генералы Ма Су и Венг Пинг. Они явились в доспехах, их драконьи шлемы бросали демоноподобные тени на стены, а бронза, полускрывавшая лица, имела форму тигриных голов. Ма Су отличался полными щеками и короткой бородой; глаза его так сверкали, что он казался богом

войны, явившимся из какого-то храма, чтобы воевать вместе с людьми.

И он шёл, гулко топая, впереди своего спутника, как обычно, когда за ним следовали его офицеры, держа руку на рукояти меча. Он многое знал об искусстве ведения войн, и он не позволял никому забывать об этом: он всегда первым выступал на военных советах, словно и жил ради того, чтобы его слова разносились как можно дальше и кто-нибудь на вершине холма должен был ударить в гонг. Но всё же он был удачливым полководцем с определённым умением, который одерживал победы, хотя, наверное, слишком много жизней было уплачено за подобную репутацию генерала.

Му-Ти с враждебностью наблюдал за ним. Как хорошо, что мысли, появляющиеся в голове, невозможно читать — иначе бы он оказался в опасности. Его отец Чин Фанг заплатил своей жизнью за безрассудную вылазку, которую приказал совершить Му Су, и которая на самом деле ничего не дала войску, но это на всю жизнь запечатлелось в сердце мальчика. Об этом Ма Су, конечно же, не знал, да и ему наверняка было наплевать на это. Кто такой капитан отряда конных лучников для генерала императора? Но именно этим разнилось отношение к цене человеческой жизни для них: Чуко Янг никогда не рисковал людьми ради показухи, а впоследствии не забывал погибших.

— Вы вызывали нас, Ваше Превосходительство? — Ма Су даже не стал ждать, когда заговорит министр, демонстрируя бесцеремонные манеры солдата, с такой пылкостью служащего императору, что всегда бегом является по приказу предстать перед министром, с одной ногой уже засунутой в стремя, и готовый вскочить на коня. Неужели он никогда не слышал, что уста порою оказываются дверью, ведущей к беде?

Чуко Янг двумя длинными шагами подошёл к столу, на котором всё ещё лежало послание, которое прибыло меньше часа назад, и карта, которую он всё это время внимательно изучал.

— Ссума совершил марш-бросок через долину Хсай. Если ему повезёт, он может легко вонзиться в самое сердце Ву. Этого он не должен сделать никоим образом. И самое главное: он не должен захватить Янгпингский проход... — сообщая эти новости, министр ткнул своим длинным указательным пальцем в карту. Он говорил отрывисто, что было весьма необычно — резко, словно таким образом мог быстро передать слушателям всю степень опасности, которая угрожала им.

— Если враг достигнет Чихтьенга, то он отрежет от нас все необходимые источники. И после этого весь Шенси станет открытым для него. Мы будем вынуждены отступить в Ханчунг. Враг перережет дорогу, и через месяц голода... — тут министр сделал руками какой-то странный жест, словно он больше хотел схватить пишущее перо, а не рукоять своего меча, который Му-Ти держал обеими руками, вынув из ножен и направив острием прямо в пол.

— Ссума не глуп: он знает, что мы должны во что бы то ни стало не допустить этого, иначе погибнет всё наше дело. Самое важное — удержать Чихтьенг. Но никто не должен знать, что наши шансы на это — мизерны, и что смерть ждёт...

— Мы командуем армией воинов, а не актёров, готовых показать своё искусство обращения с мечами на каком-нибудь празднике, Ваше Превосходительство, — к Ма Су вернулась его самоуверенность, в которую он кутался, как в толстый плащ, чтобы защититься от зимнего ветра. — Ведь пока ещё стаи птиц Ву не пойманы в сети и рыба не брошена в кастрюли поваров. Дайте мне отряды воинов, и Чихтьенг будет в такой же безопасности, как и десять драконов, чьи тела украшают его стены!

Одна из худых рук министра приподнялась — гибкими пальцами он коснулся свисающего кончика усов и стал накручивать длинные волоски на указательный палец. Чуко Янг не смотрел на генерала, нет, он по-прежнему неотрывно взирал на карту.

— Дракон порождает дракона; битва — битву. Смерть и

жизнь predeterminedены, богатство и честь зависят от воли Неба. Этот город небольшой, но его ценность для нас сейчас сродни жемчужине в морской раковине. Вы многое знаете о правилах ведения войн, но точная защита заметно отличается от лязгания мечей и ударов копий во время открытой схватки с врагом. В Чихтьенге нет ни каких-либо стоящих защитных стен, ни естественных укрытий.

Ма Су пожал плечами.

— Ваше Превосходительство, ещё будучи мальчишкой, я начал изучать искусство войны. И я отлично разбираюсь в нём, как примерный школьник, отвечающий Досточтимым Учителям. Почему вы, кто отлично помнит о наших деяниях в прошлом, считаете, что эта защита окажется такой трудной?

— Главным образом потому, что Ссума — не обычный генерал. Как пальцы на руках у нас не одинаковой длины и силы, так и Ссума лучше восьми десятых от всего числа полководцев. И кроме того Чанг Хо, который командует его войском, — человек, вид знамён которого заставляет трепетать других, и для этого есть веские основания.

— Я сражался раньше, Ваше Превосходительство, и с другими великими полководцами. Стойкие воины, а не крепкие стены, — лучшая защита для города. Вот поэтому я и убеждён в том, что мне всё удастся в Чихтьенге — и готов добавить торжественную клятву к моей присяге: если я не удержу город, то пусть моя голова слетит с плеч!

Вот теперь Чуко Янг действительно бросил взгляд на него. А от Венг Пинга лишь донёсся приглушённый свист, но он так ничего и не сказал.

— Сейчас не время для шуток. Попридержи такие слова для времени, когда в руке будет кубок с вином, а не меч...

— Я не шучу, Ваше Превосходительство. И пусть мою клятву запишут пером и чернилами, а Венг, присутствующий здесь, станет свидетелем.

— И нефрит, и мужчины вытёсываются грубыми инструментами — стоит опасаться глубоких перемен в судьбе.

— Пусть будет так, Ваше Превосходительство — Ма Су

удержит Чихтьенг или же его голова покатится по земле! — горячо воскликнул генерал, а его полные щёки зарумянились.

— На всё воля Всевышнего. А теперь я даю тебе легион и половину всех наших людей, и Венг Пинг отправится в поход вместе с тобой. Он будет полезен благодаря своей осторожности и внимательности, которыми прославился, и когда нужно разбить лагерь в таком выгодном месте, чтобы враг не смог подобраться к нему. Не стоит недооценивать Ссуму, он намного лучше ложного императора, которому служит.

Когда вы расставите свои силы и возьмёте под контроль дорогу, по которой должен будет пойти враг, тогда нарисуйте для меня план своей защиты и всех высот поблизости, а потом отправите бумагу мне. Но самое главное — ничего не меняйте, не добавляйте и не убирайте, таков мой приказ. И может случиться так, что когда начнётся битва, у вас не найдётся ни одного лишнего бойца, а здесь у меня есть слуга, Чин Му-Ти, поэтому пусть он отправится вместе с вами, и когда у вас будет готова карта для передачи, мальчик доставит её мне.

— Как вы приказали, так и будет сделано... — начал было Ма Су, однако Чуко Янг поднял руку, призывая к тишине и показывая, что принял официальное подтверждение приказа, и завершил разговор:

— На самом севере Чихтьенга расположен город Лихлюченг и поблизости от него проложена горная тропа. Там стоит лагерь Као Хсянг со своим легионом. Если угроза для Чихтьенга станет слишком велика, то он отправится к вам на помощь. Ву Ен приведёт отряд в дальнюю часть Чихтьенга, это послужит ещё одним подкреплением. Помните: вы должны любой ценой удержать свой пост на этой самой опасной дороге к Янгпингскому проходу. Не считайте, что всё это пустые разговоры и не предпринимайте никаких шагов, чтобы провалить весь план.

— Ваше Превосходительство, мы поняли, — Ма Су отдал салют и, тяжело громяхая сапогами, вышел из ком-

наты; Венг Пинг снова шёл позади него. У Му-Ти только и было времени, чтобы осторожно положить меч министра на стол и поторопиться за генералами. Он делал это неохотно. Хотя Ма Су и не назначили его начальником, тем не менее мальчика беспокоила мысль, что некоторое время ему придётся служить генералу, и он лишь надеялся, что это не продлится долго. Выходя, мальчик заметил, что Чуко Янг снова склонился над картой, озабоченно и внимательно изучая нанесённые на ней линии.

Вей, Ву и Шу на юге: три королевства некогда великой империи Хан, теперь разделённой. В тёмные дни конца династии Лю Пей, хотя и происходил из Дома Неба, но был так беден, что делал и продавал сандалии, чтобы заработать на еду для своей матери. А потом три великих героя: Куан Ю, Ченг Фей и Чуко Янг — принесли клятву кровью служить ему. В это время Тц'ао Тц'ао носил драконовы одесжды в Вей, а Сан Ч'юан — на юге. Много крови пролилось, многие города были захвачены и сожжены, и много людей погибло в беспощадной войне, а женщины и дети голодали летом и мёрзли зимой; но тем не менее ни одно из трёх королевств всё ещё не сдалось другому на милость победителя. Действительно наступило время, когда горя было больше, чем счастья, а стыда — больше, чем чести, и это управляло поступками людей в мире.

Теперь, во время скачки вместе с Ма Су и его людьми в прохладе ночи, Му-Ти уже меньше хотелось спать. Он был самой мелкой сошкой среди людей генерала, скача в конце отряда, и поэтому он хорошо слышал бормотание солдат, жаловавшихся на необходимость прервать их отдых ночью.

А однажды из хмурых рядов пеших солдат, когда они проезжали мимо, донеслись слова:

— Ха, что знают конные о ноющих от боли ногах? Разве есть им дело до грязи, которая пачкает их плащи?

Стражник сбоку от Му-Ти угрожающе щёлкнул хлыстом в сторону невидимого оратора.

— Три дюйма никогда не останавливающегося языка могут вдруг оказаться укороченными на два, — бросил он

назад, проскочив уже мимо солдата, который таким вот образом высказал свою жалобу.

Они двигались целый день, прежде чем достигли своей цели. Ма Су и Венг Пинг со своими людьми спешили, поели остывших пирожков с овсянкой и выпили из седельных фляг. Насытившись, Ма Су немного отошёл в сторону, критически оглядывая маячившие перед ним холмы и дорогу. Му-Ти, держа за уздечку своего коня и готовый вскакнуть в седло по первому приказу, старался держаться ближе к двум генералам, чем к остальным солдатам. То, что он носил значок первого министра, давало ему, как он решил, некоторую свободу от обычных военных условностей в этой кампании, и ему почему-то хотелось понаблюдать за Ма Су, хотя он и пытался подавить драконье дыхание ненависти всякий раз, когда бросал взгляд на генерала. Неужели он желает военачальнику неудачи? Тысячу раз — да, если бы только это не означало беду для всех.

— Я не понимаю, почему предполагается, что Вей рискнёт прийти прямо сюда, — сделал наконец замечание Ма Су.

— Так сообщают его Превосходительству разведчики; они заметили, что враг вышел в поход. А он из тех людей, кто дважды подумает, прежде чем отдаст один приказ.

— Осторожность и предвидение Его Превосходительства отлично известны, — но что-то в интонации Ма Су говорило, что сказал он это отнюдь не в качестве комплимента. — Посмотри только на этот холм — посмотри повнимательнее, Венг Пинг. Он отлично зарос лесом, да это место создано самим небом для того, чтобы дать преимущество над любым человеком, который будет двигаться по дороге. словно место для лагеря здесь было выбрано самим богом войны.

Венг Пинг внимательно обозрел холм. Му-Ти увидел, что перед тем, как ответить, он провёл языком по нижней губе. Быть помощником таких людей, как Ма Су, означает, что даже на самой быстрой лошади нельзя догнать слово, уже однажды произнесённое.

— Старший брат, — наконец сказал он, — если мы оставим эту дорогу ради того холма, и силы Ссумы решат окружить его, то мы погибли. И кроме того, мне отданы указания, что я должен послать людей и вырубить лес, чтобы выстроить укреплённую крепость прямо здесь, на дороге.

Ма Су рассмеялся.

— Младший брат, легко понять, что ты не познал высшую мудрость военного искусства. Одним из главных правил утверждается, что на врага следует смотреть, занимая более высокую позицию. Если вражеское войско попытается пройти здесь, клянусь, назад не вернётся даже один из нагрудников его солдат! Те, кто поступают таким образом, по своему усмотрению, становятся великими людьми; те же, кто поступают по другому, — мелкими и незначительными.

И теперь покраснел Венг Пинг: в голосе Ма Су прозвучало явное презрение. Но он всё-таки ответил, не выказывая никакого волнения:

— Наверное, это действительно так, старший брат. Но вы заметили, что на холме не протекает ни одного ручья, а дни наступили жаркие? Если появится враг и перекроет дорогу к ручью, который протекает ниже вон тех высот, что тогда? Я поклоняюсь высшему знанию в подобных делах, которое есть у вас, но я также знаю, что такое жажда и что она делает с людьми. И что самое главное, это противоречит отданным нам приказам. Что если нас отбросят на восток или запад, тогда как нам приказано делать вот это и не делать того?

— Его Превосходительства Чуко Янга нет здесь. Что он знает об этой земле, кроме того, что ему сообщили разведчики, без сомнения невежественные люди, которые не знают самых главных вещей в военном деле? Будь он здесь, он бы тут же согласился со мной. А что касается вопроса с водой — отчаявшиеся люди и сражаются с отчаянием. Голодные варвары опустошили город, когда запах процветания достиг их ноздрей. Если солдаты будут испытывать

жажду и должны будут добраться до воды, то каждый станет сражаться как сто человек. Почему вы, младший брат, противостоите сейчас мне? Или я здесь не ваш начальник, тот, кто клятвенно обещал вернуться победителем? Неужели вы думаете, что я буду рисковать своей головой, если бы не был уверен, что я прав?

— Тогда дайте мне часть воинов, чтобы разбить лагерь на западе внизу, и тогда я смогу поддержать вас, если возникнут проблемы.

— Вы лаяте языком, словно лис, предсказывая дурное предзнаменование, — Ма Су изогнул губы в насмешливой ухмылке. — Почему это я должен так глупо расточать своих людей?

Но когда генерал резким тоном давал отказ в разделе отряда, среди людей, отстоявших от них на расстоянии полёта стрелы, возникло шевеление. И их ряды разошлись, пропуская какого-то человека, который бежал, шатаясь и спотыкаясь. На нём была грубая деревенская одежда, в грязи и пятнах, словно он часто падал на мягкую, влажную землю. Он опустился на колени перед Ма Су, ударяя головой о землю в глубоком поклоне.

— Что ищешь ты здесь, парень? — требовательно спросил генерал.

— О, простите ничтожного человека, который принёс послание Его Превосходительству, досточтимому генералу. Приближается армия, предводительствуемая демоном людей Вей. И приближаются они так быстро, словно их несут летящие по воздуху драконы! Уже среди ближайших холмов крадутся их разведчики, а за ними — и армия, такая же многочисленная, как саранча, собирающаяся, чтобы сожрать урожай тех, кого выбрало Небо, чтобы познали они тяжкий груз голода.

— Тогда пришла пора подготовиться к встрече с ними. Нога клячи не имеет ценности, ценен лишь миг времени, — генерал сказал это окружавшим его людям, но он не поблагодарил того, кто принёс ему предупреждение. Он лишь обратился холодным тоном прямо к Венг Пингу: —

Поскольку, как вы заметили, нужно соответствовать правилам ведения войны, вы получите половину легиона и делайте с ним, что хотите. Но в час победы вы ответите за это.

— Старший брат, тогда я не буду искать способов уклониться от любых вопросов, которые могут быть заданы мне, — ответил Венг Пинг. Он созвал своих офицеров и посыльных, приказывая тем, кого Ма Су отдал ему, готовиться к походу. И кроме того он подозвал к себе жестом Му-Ти и сказал: — Не забыто и желание Его Превосходительства получить карту. И ты выполнишь это.

Му-Ти отошёл к посыльному и положил руку на его плечо. Тот, всё ещё глубоко дыша, посмотрел на него, и Му-Ти узнал его, это оказался вовсе не местный житель — он видел разведчика во дворце, одетого в доспехи лучника, он был «глазами и ушами» императорских сил. Му-Ти достал из седла тыкву и передал сосуд в руки воина, проговорив:

— Пей, старший брат.

Но, поднеся её к губам, тот проговорил:

— Пустой идёт чистая дорога в Рай и заполненной — тёмная дорога в Ад. Когда богомол охотится за саранчой, он забывает, что за ним самим охотится сорокопут.

— В Лихлюченге рядом с легионом разбит лагерь Као Хсянга, — Му-Ти вроде бы и не отдавал приказ, однако разведчик был умным человеком. И в этом утверждении для него нашёлся смысл.

Он отдал назад тыкву, кивнул и исчез.

Отряды Ма Су уже вышли в поход, направляясь в сторону холма. Но Му-Ти, снова запрыгнув в седло, последовал за Венг Пингом.

Его куда меньших размеров отряд отошёл на некоторое расстояние от холма, где люди Ма Су сейчас трудились, срезая деревья и наспех грубо строя форт. Достигнув уровня дороги, Венг Пинг отдал приказ сделать то же самое. И пока его люди были заняты этим делом, Венг Пинг собственноручно на длинных бамбуковых планках (что означало,

что послание имеет первостепенную важность) нарисовал карту этой местности, отмечая положение своего отряда и отряда Ма Су. Он также составил короткий рапорт о том, что старший генерал решил относительно места сражения. Затем он вложил связку планок в конверт и запечатал его печаткой кольца со своего большого пальца.

Потом Венг Пинг призвал к себе разведчиков и отослал их следить за продвижением войска Ссумы и за тем, что происходит у Ма Су на холме. Однако Му-Ти уехал ещё до этого, забравшись на коня, выбранного из-за его силы и скорости, и помчавшись, как ветер, обратно к форту, где базировались основные части армии.

Дважды он менял коней, но и время тоже шло, и только поздно ночью он, шатаясь от усталости, предстал перед Чуко Янгом. Министр взял пакет с посланием у Му-Ти, но не распечатывал его, пока не отдал приказ принести еду и питьё и устроил так, что мальчика усадили и накормили. А потом он быстро прочитал послание Венга Пинга и сравнил эту карту с той, больших размеров, что до сих пор лежала на столе.

Затем министр бросил взгляд на Му-Ти, который жевал пирог с маслом, пытаясь утолить чувство голода, пожиравшее всё внутри него, но не слишком при этом забывая о приличных манерах.

Дыня может скатиться с остроконечной крыши в двух направлениях, однако оба они ведут к падению. Высказанное даже шёпотом дурное слово эхом отдаётся на сотню миль. То, что ты видел и слышал, не следует повторять.

Му-Ти отложил в сторону наполовину съеденный пирог.

— Этот человек, властелин, и слеп, и туп.

Но если Чуко Янг не пожелал говорить с Му-Ти, то он и не притворялся, что пытается оградить своих высших офицеров от знания всех последствий возможной катастрофы. Потому что находившиеся в комнате люди стали свидетелями никогда ранее не виденной картины — вид разгневанного Чуко Янга: он с такой силой ударил по поверхности стола, что могучее дерево гулко отозвалось. И

такой страстный вопль вырвался из его горла, словно пламя изрыгалось из пасти дракона:

— И вот теперь невежество Ма Су и его бессмысленная гордыня уничтожит армию! Легко набрать тысячу солдат-новобранцев, но где найти хорошего генерала?

Офицеры, находившиеся в комнате, переводили взгляды друг с друга и сходились поближе к своему начальнику. И Янг Ай, самый высокий по рангу, рискнул спросить:

— Что же такое ужасное случилось, Ваше Превосходительство?

— Из-за глупого неподчинения совершенно ясно отданному приказу мы, может быть, уже потеряли Чихтгенг, а может, и больше. Ма Су рискнул поставить на кон в этом деле свою голову. Ладно, если он не умрёт в сражении, то он скоро узнает, что трещину в нефрите скипетра можно отполировать, но с трещиной в голове ничего нельзя поделать!

После этого Чуко Янг снова накинул на себя личину спокойствия. Его рука снова коснулась усов и принялась теревить волосинки в разные стороны, что всегда служило признаком пребывания его в глубокой задумчивости.

И тогда Янг Ай сказал:

— Я не слишком умён и не учился искусству войны. Но позвольте заменить Ма Су на меня, и тогда, возможно, не всё ещё погибнет совершенно.

Однако, когда министр кивнул согласно, почти с отсутствующим видом, и Янг Ай уже готов был отдать приказы своим подчинённым, вошёл ещё один посольный, первый из многих друтих.

Но Му-Ти, отпущенный наконец спать в удобство своего твёрдого ложа, не слышал новостей, с каждым разом всё более ужасных, сообщаемых сперва министру, а уж затем, из уст в ухо, и так далее, распространяемых по всей крепости. И когда мальчик поднялся, чтобы прийти к своему властелину, он услышал сразу обо всём. Можно приказать одному человеку проглотить язык, другому, но не шести или семи.

Именно так, как Венг Пинг и предупреждал, отряды Ссумы окружили холм, который Ма Су выбрал для строительства форта. Сам Ссума в маске вышел вперёд осмотреть пост, который построили воины Ву. Однако яркий свет луны выдал его, и люди в форте сверху узнали его. И тогда, как сообщалось разведчиками, Ма Су рассмеялся и выкрикнул:

— Если он прислушается к совету фортуны, то не нападёт на нас. Неосторожная крыса, которая вцепилась в кошачий хвост, должна быть готова к ударам.

После чего Ма Су отдал приказ своим людям проследить за тем, чтобы над холмом взвился красный флаг. Между тем отряды Ссумы подошли совсем близко, и теперь ручей с водой оказался в руках врага. А потом другой полк, пришедший из Вей, двинулся к отряду Венг Пинга.

Когда солнце снова встало, людей на холме охватила жажда, которая становилась всё более мучительной, когда наступили самые жаркие часы дня. Но пока что Ссума не начинал нападение, просто предоставив всё дело жару. И когда наконец Ма Су потерял терпение и поднял флаг, его люди не смогли двинуться вперёд. Солдаты, облачённые в доспехи, так были изнурены жарой, что многие совсем ослабли и падали, задыхаясь.

Ма Су, охваченный сильным гневом, приказал, чтобы офицеры возглавили атаку, а кто откажется, того тут же, на месте, обезглавили бы. И когда трое или четверо погибли такой страшной смертью, люди действительно встали для решительной атаки вниз по склону холма. Но солдаты Ссумы уклонялись от встречи с ними лицом к лицу, приветствуя их издали дождём точно выпущенных стрел из луков. А вскоре Ма Су приказал солдатам отойти в форт под его защиту, пока не придёт помощь. Однако Венг Пинг был отрезан от них, так что оттуда не могло прийти к ним спасение.

И тут вспыхнули беспорядки. Кое-кто из солдат пришёл в ярость из-за того, что погибли их офицеры, другие же сходили с ума от отсутствия воды. Некоторые даже сдава-

лись врагу, чтобы напиться. А позже люди из Вей подожгли на склоне холма лес и кустарник. После чего отчаявшийся Ма Су был вынужден стремительно броситься на запад, а Чанг Хо, возглавлявший передовой отряд Ссумы, загнал его в лагерь Ву Ена, далеко от края Чихтьенга. Грохот сигнальных барабанов остановил это преследование, когда солдаты Ву Ена в свою очередь ударили по врагу, заставив его отступить в сторону города.

Однако именно там Ссума и его сын приготовили для Ву Ена засаду, и Венг Пинг выступил им на помощь, чтобы вытащить своих товарищей из ловушки. И пока они сражались в поле, быстро передвигающиеся войска Ссумы, разделив их лагерь, опустошили их, и императорские отряды были отогнаны обратно к городу Лихлюченгу, где Као Хсянг пришёл к ним на помощь. Была предпринята ночная атака, и вот так на данное время и обстояли дела.

Ву Ен и другие командующие, которые были назначены для защиты Чихтьенга, отправились туда тремя разными дорогами. Но когда они добрались до этого города, перед ними была взорвана бомба, ослепительно осветив всё вокруг, загремели барабаны, и враг показался им каким-то демоном. А потом, когда и Венг Пинг добрался до места встречи, им пришлось оставить надежду на возвращение себе города. Они смогли только отступить назад в Лихлюченг, и то лишь для того, чтобы обнаружить перед собой войска Ссумы.

Осознав, что их превзошли и числом и военным умением, Ву Ен продолжил отступление, чтобы постараться удержать проход в Янгпинг. Часть армии Ссумы преследовала их до самой долины Чи, в то время как другая половина вражеского войска, под командованием самого Ссумы, направилась к Хсиху, чтобы захватить там главную базу снабжения и вещевой обоз. Таким образом они вскоре подошли к Хсиченгу, городу, в котором располагались другие важные склады, и который также оставался единственной защитой на пути, ведущем к важным городам Нанан, Т'ьеншин и Айнтинн.

Тем временем Му-Ти, проснувшись, вернулся в комнату министра. Там всюду толпились офицеры, приходили и уходили посыльные, однако мальчик пробился сквозь плотную толпу и снова взял меч Чуко Янга, готовый дожидаться своего повелителя.

Министр выслушивал этот поток дурных известий, и теперь его лицо не искажалось от гнева. Он не колебался, а отдавал быстрые приказы то одному человеку, то другому. И другой его слуга принёс хозяину доспехи и, пока он отдавал приказы, помог ему облачиться в них.

В руках Му-Ти снова покоился могущественный меч, побывавший во многих сражениях. Это был подарок от самого Сына Неба, что каждый мог увидеть по выгравированной надписи на клинке, когда он извлекался из ножен, — поднявшийся на ноги с пятью когтями Лунг-Император. Этот дракон отличался от остальных: по какой-то прихоти художника на рисунке огромные глаза прикрывались веками, так что этот чешуйчатый защитник казался уснувшим или же наоборот, только что пробудившимся от какого-то сна. Вот поэтому этот клинок и был известен, как «Дремлющий Дракон».

Когда Му-Ти подал его министру Чуко Янгу, тот лишь слегка выдвинул его из ножен, не сводя глаз с дракона, лицо его было сосредоточенным и решительным.

— Вот так всё обращается в ничто, — заметил он. — Это моя ошибка. И когда о том, что ошибка совершена, становится известно, её необходимо скорее исправить, если это возможно. Каждый человек следует тропкою своей собственной судьбы, и нет двух похожих. Похоже, что моя теперь ведёт в царство зла, где утрачена мудрость и одна лишь глупость.

Потом он вызвал двух капитанов, чьи способности были хорошо известны, — Кнана и Чанга.

— Возьмите трёх человек, — приказал им министр, — и скачите по дороге в Вукунгшан. Если увидите врага, избегайте сражения, но бейте в свои барабаны и трубите в рог, кричите так громко, словно это кричит огромная армия.

Если они отступят, не преследуйте их, а скачите прямо к Янгпингскому проходу.

И он послал командующего Янга подготовить всё в городе Чьенко к отступлению, собрав припасы, солдат и местный люд, которые боялись прихода врага. Ма Таи и Чанг Вей должны были прикрывать отступление, устраивая хитроумные засады по всей долине.

Все эти приказы министр отдавал спокойным голосом, как тот, у кого есть целый год в запасе и кто не стоит на самом деле перед лицом смерти, когда всем его планам угрожает гибель. Не пренебрёг он и отправкой других всадников в Нанан, Т'ьеншин и Айнтини с мрачными известиями, которые могли бы оказаться полезными для живущих там людей, чтобы захватить дорогу на Ханчунг.

Он казался таким спокойным, что все, кто слышал его, ободрялись и укреплялись в свою очередь мужеством, словно они охмелели от какого-то источника, в который сам бог войны пролил вино храбрости. А потом с пятью спутниками Чуко Янг оседлал коня, и они поскакали в Хсиченг, чтобы переместить оттуда склады: если их захватят или уничтожат, то это уж действительности будет смертельный удар для всех защитников Ву.

Во время всей этой скачки Му-Ти находился прямо позади своего властелина, но не с мечом, который Чуко Янг теперь держал в своей руке, а с гордостью размахивая знаменем Главнокомандующего, чтобы все знали, что Чуко Янг — военачальник, который не страшится опасности, не убегает от неё. Прибывали другие посыльные, и всегда новости, которые они приносили, были малоутешительными: отряды Сеумы двигались к ним, принося опустошения везде, где они проезжали.

Никого из начальников высшего ранга не осталось в этом маленьком отряде, за исключением самого Чуко Янга и нескольких гражданских официальных лиц, которые не являлись воинами. И когда они достигли города после стремительного марш-броска, министр резким тоном отдал несколько приказов, направо и налево, так что его подчи-

нённые разбежались и помчались выполнять его приказания. Их и без того невеликая компания уменьшилась наполовину, так что тем, кто остался, чтобы заняться перемещением складов, пришлось попотеть и поднапрячься, нагружая повозки, запряжённые волами, чтобы увезти их из обречённого города.

Однако сам Чуко Янг покинул место их неистовых усилий и взобрался на крепостной вал возле западных ворот, чтобы взглянуть на картину военных действий, которая расстилалась перед ним. Огромными жёлтыми облаками вздымалась пыль в такого же цвета небо. И эта пыль зависла над двумя дорогами, словно раздвинутые режущие кромки огромных ножниц, вот-вот готовые сойтись, и для которых этот город в Хсиченге — всего лишь орешек, который легко можно расколоть.

Министр наблюдал только несколько секунд, а потом снова начал торопливо отдавать приказания, используя даже Му-Ти в качестве своего посыльного. Все знамёна, которые указывали на присутствие в Хсиченге защитников Ву, были спущены вниз. С бастioned убрали копья, чтобы их не было видно. И по всему городу прокатился слух, что ни один из офицеров не должен появляться в нём, и быстрая смерть будет наказанием за неподчинение этому приказу.

Солдаты снимали свои доспехи, откладывали в сторону мечи, копья и луки и надевали синюю одежду крестьян, так что приобретали вид простых людей. С метлами и корзинами для мусора они появлялись на улицах, похожие на людей, чьим делом было лишь поддерживать чистоту и порядок. К тому же с передних ворот были сняты засовы и их широко распахнули, позволяя любому пришедшему беспрепятственно глазеть на улицы города.

Между тем министр направился к сторожевой башне у ворот, где Му-Ти помог ему избавиться от доспехов, отстёгивая пряжки и ремни. Он отложил в сторону тяжёлый драконий шлем и меч, вложенный в красные покрытые глазурью ножны. В укреплении, где обычно люди носили

одежду воинов, он облачился в простой серый халат, наподобие тех, что носили таоистские жрецы, а на голову надел чёрную шляпу.

Потом министр призвал к себе одного из юных писарей и передал ему шест со знаменем, на котором красовался хвост яка, вроде того, что возвышался над зданием магистратуры. Му-Ти, сняв по приказу Командующего собственную лёгкую аммуницию, поднял меч в ножнах, поскольку это входило в его обязанности.

В конце всего министр протянул руку за лютней, на поиски которой он ранее отправлял в город мальчика. Чуко Янг нежно пробежался по струнам, проверяя её, слегка нахмурился, и стал настраивать инструмент. Затем, держа лютню в одной руке, он взобрался на парапет над воротами, где двое солдат уже установили скамью. И там он уселся, держа лютню на коленях, а писарь и Му-Ти заняли свои места, каждый по обе стороны от него, словно они находились в каком-то деревенском саду и пришли насладиться тишиной летнего полудня, а шум и опасности войны остались где-то далеко.

Чуко Янг, настроив лютню, начал играть и спел одну из песен Чи Канга:

*«Я отбрасываю мудрость и отрекаюсь от учения,
Мысли бродят в огромной пустоте...
Постоянно сожалея о неправильно сделанном...»*

Пропев эту песню, он начал другую. Но ни разу не спел он песни о войне — нет, только о людях, которые живут в мире, и стихи эти были написаны в местах спокойствия.

Он не выказывал ни малейшего интереса к тому, что происходило на дорогах, ведущих к городу. Му-Ти и юный писарь пытались сохранять такое же спокойствие и отсутствие интереса к происходящему вокруг. Что чувствовал писарь, Му-Ти не знал. Но что касается его самого, то внутри у мальчика всё сжалось, с ужасом ожидая первого выстрела из лука, что, как он вдруг понял, трудно было

скрывать: разведчики вражеского передового отряда уже скакали вниз, хотя и с осторожностью людей, ожидающих засады.

А потом, долгое время не сводя глаз с открытых ворот города и небольшой группы из трёх человек на крепостном валу, разведчики повернулись и, гулко стуча копытами, вернулись галопом тем же путём, каким пришли. Му-Ти крепче сжал меч, словно то, что он держал его так, может послужить какой-то защитой. Однако Чуко Янг лишь слабо улыбнулся, закончив песню, затем начал другую, в которой на этот раз прозвучали слова восхваления гонимых ветром облаков.

Вскоре вместо разведчиков вернулся отряд, состоящий из офицеров. И судя по их богатым доспехам, они занимали высокое положение, хотя у них не было именного знамени какого-нибудь рода. Неподдалёку от стены они повернулись и остановились, не покидая сёдел некоторое время, которое показалось Му-Ти очень-очень долгим. Они слушали Чуко Янга, словно приятные слова, которые он пел, несли в себе какой-то ужасный смысл, хотя теперь он восхвалял опавшие листья, гонимые осенним ветерком, не обращая никакого внимания на воинов, расположившихся внизу, остановив взгляд где-то далеко поверх их голов, словно они были для него невидимыми призраками.

Му-Ти увидел, как они начали переговариваться между собой. Один даже подъехал поближе, чтобы бросить взгляд за ворота на улицу, по которой ходили люди, не выражающие никакого видимого беспокойства.

Потом солдат Вей поскакал назад к своим спутникам, и теперь он, похоже, направлялся к человеку в этом отряде, облачённому в самые роскошные доспехи. Но тут этот офицер выбросил вверх руку в приказном жесте, резко скомандовал, и все они, развернувшись, галопом поскакали прочь. Министр продолжал петь, когда над дорогой снова поднялась пыль. Только в этот раз она сигнализировала об отходе войска Вей. Му-Ти глубоко вздохнул, несказанно удивлённый.

И тут Чуко Янг громко рассмеялся и отложил в сторону лютню, и к нему из башни пришли несколько одетых в гражданские одежды людей, которые прискакали сюда вместе с ним.

— Ваше Превосходительство, каким волшебством вы воспользовались? — рискнул спросить самый старший. — Вы пропели какое-то заклинание, написанное мудрецом для этой цели?

И снова министр рассмеялся.

— Я не использовал никакого волшебства, младший брат. Если только ты подразумеваешь то, что люди понимают под магией. Есть одна старая пословица: берегись Спящего Дракона, не буди его. Ссума подумал, что он видит здесь спящего дракона, и те меры предосторожности, которые я предпринял, удержали его от пробуждения дракона. Он отлично знает о моей репутации, что я никогда не делаю ничего, не просчитав всего десять раз, что я не бросаюсь безрассудно в опасность. Поэтому, когда он увидел открытые ворота, приглашающие его в город, то его естественно охватили подозрения, что здесь устроена хитроумная засада. Когда он увидел меня, спокойно играющим на лютне, и рука моя перебирала струны, а не держалась за рукоять меча, он поверил, что я чувствую себя здесь в полной безопасности и не нуждаюсь в дополнительной защите. И вот теперь он уходит, чтобы потом встретиться с войсками Киана и Чанга, уже занявшими боевую позицию, и получить отличный урок. Но... будь я на его месте, я не свернул бы в сторону. И он ещё долго будет сожалеть о сегодняшнем дне.

И вот вновь министр стал человеком быстрых действий, отдающим приказы, чтобы остатки запасов продовольствия и оружия немедленно переправили в Хунгчунг: он знал, что Ссума не замедлит с возвращением.

Впрочем, слова, сказанные им, уже передавались среди солдат, а потом и среди горожан. Поэтому, когда он прискакал на коне к ним, они приветствовали его криками: «Дремлющий Дракон».

И только позднее Ма Су привели к министру. Увидев Главнокомандующего, приказ которого он отказался выполнять, генерал бросился на колени и принялся биться головой о землю, прося пощады. Однако, хотя Чуко Янг и смотрел с жалостью на униженного, он сказал:

— Когда Небо посылает несчастья, их можно избежать; но когда их вызывает сам человек, он лишает себя права на жизнь. Верно сказано: что уста — это дверь, ведущая к беде, как не менее истинно и то, что великие планы рушатся из-за нетерпения и глупости. Если первые слова какого-либо приказа не выполняются, то даже последующие десять тысяч не способны предотвратить неудачу. И ни один человек не может называть себя солдатом, если он не подчиняется приказам своего полководца.

Ты слишком поспешно поклялся своей головой добиться победы, а затем победа ускользнула от тебя, уведённая демоном гордыни, чтобы подвергнуть испытанию весь наш тщательно разработанный план. И теперь твою голову ждёт та судьба, о которой ты сам просил.

Вот так и поступили с Ма Су, именно так, как он в своём огромном тщеславии и предложил сделать. Однако Чуко Янг знал, что генерал был храбрым человеком, не предателем, только глупым из-за собственной гордыни. Поэтому он не позволил наказывать всю семью Ма Су, только доставил его родичей в своё владение.

И едва только выдалась первая же передышка, министр собрал вместе своих старших офицеров и показал им рапорт обо всём случившемся, который он написал для Сына Неба. К этому рапорту, который заканчивался упоминанием о казни Ма Су, он добавил следующие слова:

— Тот, кто ошибается при выборе человека на важный пост, сам совершает смертельную ошибку. И он больше не достоин быть тем, кому можно доверить охранять Трон. Именно поэтому этот недостойный слуга должен быть по праву лишён незаслуженных им почестей и наград, которые он получил в прошлом, равно как и поста, занимаемого им. И кроме того его следует должным образом наказать за

ошибки, совершённые им при неправильном использовании власти.

И хотя его офицеры и начали громко протестовать, Чуко Янг не изменил ни одного из этих своих высказываний, добавленных к рапорту, который он подписал как «Первый Министр», отправленный затем Императору.

Сначала Император возражал. Однако Чуко Янг был непоколебим в своём решении и настаивал, что он больше не соответствует своему посту, так как совершил фатальную ошибку, избрав Ма Су своим главнокомандующим. Император почтил такую искренность, которая, как говорят, чаще встречалась в былые дни, когда люди имели более чистые души, поэтому, хотя он и принял отставку Чуко Янга с поста первого министра, тем не менее оставил его во главе армии, со всеми прежними правами и обязанностями. И все продолжали высоко отзываться о Чуко Янге как о мудром и уважаемом человеке.

И вот тогда-то Дремлющему Дракону и посвятили песню, где было сказано о нём:

*«Полностью для врага этот город открыт,
Но лютня Чуко чудеса творит.
Отвернёт она прочь легионов марш:
Оба полководца разгадали планы врага».*

Пыль на столе

«Дремлющий дракон» — эти слова прозвучали в тёмной комнате с таким шипением, словно сам дракон произнёс их.

Однако дракон мирно спал на столе, полузакрыв глаза. Он был точно таким, как на мече Чуко Янга. Хотя цветом тот скорее походил на серебристого, потому что был выгравирован на стальном клинке, в то время как этот дракон сверкал солнечными бликами не хуже Императорского Жёлтого Дракона, как на знамени Сына Неба.

Сын Неба! Как же много времени прошло с тех пор, как

в Китае правил последний Император. Ким, едва касаясь, провёл пальцем по телу жёлтого дракона. Кусочки сошлись так плотно, что он едва мог видеть места, где те соединялись. Картинка-загадка была завершена.

Драконы... мальчик внимательно осмотрел свернувшегося кольцами серебристого дракона на крышке коробочки, голубого на её дне, красного и жёлтого по краям. Что если они — Сиг, Рэс, Арти — тоже видели в сновидениях драконов?

Но дольше всего его притягивал к себе Шуи Мин Лунг. Ким снова ощутил ту слабость, которая охватила всё его тело, когда он скакал вместе с Ма Су и Венг Пенгом, а потом возвращался с картой и рапортом. Он снова познал страх, от которого сохло во рту, когда руки становились потными, держась за рукоять вложенного в ножны меча, когда он стоял рядом с министром и наблюдал за Ссумой и его офицерами, скакавшими к городской стене.

Не оправдывайтесь, смело принимайте на себя вину за ошибки сделанных вами выбора и действий — этому он научился у Чуко Янга. И вся та длинная фраза, сказанная министром, слово за слово пришла ему на память.

А что делал Ким все эти дни после переезда сюда, когда начал ходить в новую школу? Чувствуя себя потерянными и одинокими, он винил во всём этом школу — она оказалась слишком большой, здесь училось слишком много незнакомых ему людей, а также родителей — за то, что они переехали... всех, кроме самого себя. Никто не станет ходить за ним, просить его, Кима Стивенса, стать другом. Он может продолжать упорствовать в этой ошибке, думая, что он прав, как думал и Ма Су, — или же постараться последовать тропой Дремлющего Дракона.

Чуко использовал силу своего ума и одержал вместо поражения триумфальную победу. Перед будущим можно предстать разными путями: как Чуко или как Ма Су. И теперь мальчик точно знал, какой он выберет для себя. Внезапно, всего на несколько мгновений, он снова стал Му-Ти, сложив руки вместе, что показалось правильным и

соответствующим этому моменту, почтительно поклонившись жёлтому дракону.

— Тысяча, тысяча благодарностей, Великий и Уважаемый Бог, — произнёс он на гонконгском наречии, которым не пользовался уже долгое время. — То, что ты милостиво указал своему недостойному слуге правильную дорогу, — великая честь. И теперь он продолжит идти по верному пути, — и во второй раз мальчик поклонился дракону, как это бы сделал Му-Ти.

А потом Ким взял портфель и вышел из этой тёмной комнаты. Сколько же времени он провёл в этом странном сновидении? Час... два? Мама, наверное, уже тревожится. Ким вспомнил, как незадолго перед этим приключением она следила за ним с унынием в глазах. Она и папа спрашивали его о школе, понравилась ли она ему. И несколько раз мама предлагала, чтобы он пригласил кого-нибудь из своих школьных приятелей прийти вместе с ним домой, как в старой школе с Джеймсом Фонгом и Сэмом Льюисом. А он не знал, что ответить ей, чтобы она не догадалась, как это всё ему ненавистно. Ну, а теперь, после того, как он увидел Чуко Янга, он посмотрит прямо в глаза любому страху. И хотя он не играет на лютне и не поёт перед лицом врага, он сделает то, что должен сделать.

Ким пробежал по тёмным комнатам и, выбравшись наружу из окна кухни, закрыл его за собой. Потом остановился на крыльце. Эта картина-загадка! Если кто-нибудь явится, чтобы снести дом, что же станет с головоломкой? Её нужно убрать отсюда!

Но ему не хотелось возвращаться за ней одному. Сиг, Рэс и Арти — они все собирали по одной из её картинок. Ему следует сперва поговорить с ними, спросить, что нужно сделать. Так что, давай двигай к дому Сига, сказал он себе, возможно, они всё ещё там...

Ким бросил взгляд на наручные часы, подарок ко дню рождения, сделанный ему два месяца назад. Без двадцати пять! Но ведь он вышел из автобуса только в четыре пятнадцать... он что, пробыл в доме лишь около полчаса!

Но ведь в его сновидении прошли дни, а в реальном времени — только полчаса. Но всё равно, без двадцати пять — тоже позже обычного. И теперь, ради всего на свете, он не хотел тревожить мать.

С мальчиками он увидится и позже. Ведь так будет лучше, подумал Ким, он позвонит им и спросит, что делать. Если они подойдут к трубке, вот тогда они и решат насчёт головоломки, может даже, заберут её все вместе после школы завтра. Ким с необычным ускорением побежал по улице, и его портфель глухо бился о ногу, а мальчику больше всего хотелось схватить телефонную трубку и сделать эти звонки. В каком-то отношении это будет первой битвой в его личной войне, первой для него возможностью доказать, что он следует примеру Чуко Янга.

Но когда Ким пришёл домой, мать его сама разговаривала по телефону. Она сидела на краю дивана, прислушиваясь, потом улыбнулась и махнула рукой в сторону кухни, где, как он знал, его дожидались пирожные и молоко. Мальчик повесил пиджак и шляпу в платяной шкаф, а на нижнюю ступеньку лестничного марша поставил портфель, чтобы забрать его позже в свою комнату. Однако в этот раз он не взял с собой на кухню библиотечную книгу, чтобы читать её во время еды. Ему предстояло поразмыслить над кое-чем, что было намного более возбуждающим, чем всё то, что он мог бы прочитать, в этом он не сомневался.

На тарелке лежали два шоколадных пирожных с орехами, да и остальное на кухне пахло вкусно. А потом он вспомнил о распродаже печёных изделий в церкви. Мама, наверное, пообещала сделать для этой акции много разных штучек. Он увидел две коробки с пирожками и две огромных кастюри, накрытые фольгой. Никто не мог выпекать так, как мама. Мальчик надкусил край первого пирожного, решив, что больше не будет его есть.

— Ну, — в дверях кухни появилась мама, — как дела в школе, Ким?

— Всё в порядке. Пожалуйста, могу я попросить не-

скольких мальчиков, чтобы они пришли ко мне после ужина? Они живут поблизости... Сиг, он на Эшфорде, а Рэс и Арти ещё ближе...

— Школьная вечеринка, будете вместе выполнять домашнее задание, так?

Он кивнул, со ртом, полным пирожного, отчего и не смог со всей вежливостью ответить, как должен был. А потом он торопливо проглотил остатки.

— Это особенное задание. И мы не будем долго заняты, — мальчик остановился на несколько секунд в нерешительности, понимая, что мама удивляется, что же может быть этим особенным заданием и почему он не рассказывает ей всё об этом.

Но она не задала ни одного вопроса, что было одним из лучших качеств в ней.

— Если их родители скажут, что они могут прийти, ну, тогда да, Ким. Возможно, на полчаса или около того. Но такая поздняя учёба...

— Да, — согласился он. Правила есть правила, и он никогда не просил изменить их до этого. Но это так важно. Что если строители придут уже завтра и снесут этот старый дом, и тогда головоломка погибнет! А что если он уйдёт завтра утром в школу пораньше, никому не говоря, почему, и заберёт эту картинку-загадку по пути к остановке? Или, может, если он не сможет, это сделает кто-нибудь из ребят?

Одним плотком он съел оставшуюся часть пирожного и пошёл посмотреть телефонный справочник, начав искать номера по алфавиту, так что Рэс — Джордж Браун — оказался первым. И удача: ему ответил сам Рэс.

Ким заранее не обдумывал, что скажет, и теперь пытался найти нужные слова. В конце концов ведь Рэс не знает, не может знать, что он тоже складывал эту головоломку.

И кроме того не очень-то помогает такое начало, когда он бросает в трубку: «говорит Ким», а Рэс отвечает: «Какой ещё Ким?»

— Ким Стивенс. Я жду автобус в школу вместе с тобой.

— А, ну да, конечно, — что прозвучавшее в его голосе

замешательство ещё больше смутило Кима. Он смог только торопливо продолжить, надеясь на лучшее, хотя он слегка боялся, что мальчик не станет его слушать.

— Я знаю... о драконах. Я... я сложил сегодня днём жёлтого!

Долгую минуту вообще не было никакого ответа. Ким уже чувствовал, как внутри него всё заledenело, словно он опять находился на той стене существовавшего века назад города. Рэс что, разгневался на него, может, даже повесил трубку? Молчание действительно затянулось на очень долгий срок, пока наконец не раздалось:

— И с тобой что-то приключилось, разве не так?

— Да! И, Рэс, как насчёт этого — ты сам знаешь, чего, — если завтра придут сносить дом? Не можешь... не можешь ли ты прийти ко мне после ужина и мы поговорим об этом? Возможно даже, если мы промедлим до завтрашнего дня, станет уже слишком поздно.

— Я должен спросить. А как насчёт Сига... Арти?

— Я собираюсь позвонить им.

Рэс отошёл от телефона, а затем вернулся, пообещав: «После ужина, точно». Затем Ким нашёл в справочнике номер Сига и подвёл к нему палец, готовясь сделать второй звонок. И ему повезло, когда он дозвонился до Сига: там всё ещё находился Арти, так что он поймал сразу обоих и они тоже пообещали ему прийти.

Ким с нетерпением ожидал их прибытия. Папа по телевизору слушал новости, а мама вернулась к телефону и принялась болтать о распродаже печёных изделий, поэтому он провёл ребят прямо в свою комнату. Сиг и Арти сели на кровать, с нескрываемым любопытством оглядываясь. А Рэс занял стул за письменным столом, и лишь Ким остался стоять, очень желая начать беседу.

— Занятная комнатка, — Сиг стал изучать полки на стене, потом взял в руки какую-то из вещей, которые Стивенс-старший привёз из Гонконга, Японии и Кореи. — Эй... смотрите — да это же дракон!

Он указал на вырезанную из дерева фигурку.

— Это из Тайваня, — нетерпеливо ответил Ким.

— Очень похоже на того жёлтого дракона на крышке шкатулки, — Сиг встал и подошёл ближе, чтобы внимательнее осмотреть статуэтку.

Ким покачал головой.

— Жёлтого дракона зовут Лунг, и он принадлежал Императору.

— Откуда ты это знаешь? — спросил Арти.

— Прежде всего, потому что он жёлтого цвета, а этот цвет носить или использовать мог только Император. А потом, у него пять когтей на ногах, поэтому это и есть Лунг. Но тот, что был на картинке-загадке, — Шуи Мин Лунг, что означает «Спящий Дракон», и это был не настоящий дракон, а человек — человек, который много веков назад жил в Китае. Он был первым министром и Главнокомандующим у императора Лю Пея, и у него был меч, подаренный ему императором, на котором был выгравирован дракон с закрытыми глазами. Он совершил один очень важный и храбрый поступок, и люди прозвали его Спящим Драконом — про него даже сложили песню... — Ким говорил всё быстрее и быстрее, с радостью замечая, что полностью овладел вниманием ребят, и что они, похоже, верят всему тому, что он им рассказывает.

— Человек, а не дракон, — кивнул Арти. — И у меня тоже... Артос Пендрагон — он был королём, и у него тоже был особенный меч. Но его дракон был не на мече, а на огромном красном знамени. И когда ветер раздувал его, оно напоминало летящего дракона.

— А у меня был настоящий дракон — или, может, когда-то он был человеком, а потом превратился в дракона — но в плохого. И его называли Фафниром. Сигурд-Королевский Сын убил его мечом Балмунгом. Ему помогал Один... — добавил от себя Сиг.

— И Сирруш-Ло тоже был настоящим, — перебил его Рэс. — Он был ужасен — словно помесь огромной змеи и крокодила или же одно из тех доисторических чудовищ. Жрецы Мардук-Бела держали его в бассейне в храме, и

собирались убить с его помощью Даниила, только тот узнал способ первым уничтожить его.

Голова Кима крутилась из стороны в другую, когда он страстно прислушивался к ребятам. Итак, он оказался прав в своих догадках, что у каждого оказался свой дракон, отличный от остальных, как те четыре рисунка на коробочке. И ему захотелось узнать побольше обо всём том, что произошло с каждым из них. Пендрагон, Фафнир, Сирруш-Ло... странные имена. Но, вероятно, для Сига, Арти и Рэса «Шуи Мин Лунг» звучит не менее странно.

— Головоломка... — вернул он их к проблеме, которую требовалось незамедлительно решить. — Что случится с ней, если в тот дом явятся люди из муниципалитета и заберут всё из дома, может, уже завтра?

— Ты сложил жёлтого дракона, полностью завершил его сегодня днём? — спросил Рэс.

Кив кивнул.

— И тогда ты оставил его там, на столе?

— Да, я подумал, что уже поздно, и мама начнёт беспокоиться. А потом... потом я вдруг понял, что никогда и не думал разделить картинки порознь. Вы ведь знаете, они так крепко соединены, что я не смог разглядеть даже щёлочек между ними и нащупать их.

— Мы не можем пойти за ней ночью, — Сиг принялся расхаживать по комнате от кровати к двери и обратно, словно ему лучше думалось, когда он шагает. — Не сегодня ночью. По крайней мере я не могу уйти и попытаться сделать это. Я не могу даже оставаться здесь долгое время, потому что уходя из дому, сказал предкам, что пошёл делать домашнее задание.

Рэс и Арти кивали в полном согласии.

— Поэтому нам придётся оставить это дело до окончания школьных занятий завтра и только надеяться на то, что за вещами не придут до этого времени. Но мы пойдём туда все вместе — после школы — вы согласны, ребята?

Они ответили «да» почти одновременно. А потом Сиг повернулся к Киму.

— Мы хотим услышать твою историю, всю. Возможно, у нас сегодня вечером не слишком много времени, но расскажи нам то, что сможешь.

И Ким начал свой рассказ, стараясь как можно красочнее описать им ошибку Ма Су, ум и мужество Чуко Янга. Однако в повести нашлось много такого, что, как он боялся, он не смог заставить их понять. Когда он закончил, Рэс, наклонившись вперёд, пристально посмотрел на Кима, словно видел перед собой не мальчика, а того человека, которого он описывал. А Сиг, возвратившийся к кровати, зачарованно сидел рядом с Арти.

— Этот Ма Су, — первым начал Рэс, — неужели он был так глуп! Поклясться своей головой, что он прав, а потом вышло так, что ошибся именно он!

— А я не понимаю — на самом деле — не понимаю, почему Чуко Янг подумал, что он ошибся, и почему ему захотелось отказаться от всего, — медленно пробормотал Арти. — Он... он на самом деле победил этого Ссуму, разве не так? И он сделал это, даже не сражаясь. Почему же тогда он сказал, что проиграл? Ох, я знаю, вы повторите то, что он говорил, что он совершил ошибку, назначив не того человека на важный пост, поэтому-то он и в ответе за это. Но он был слишком суров к себе — по крайней мере я так думаю.

— Таким был их образ мышления, этих старых китайцев, — Ким попытался объяснить это получше. — У них существовали принципы морального кодекса, которому они следовали, хотя, конечно, отнюдь не все люди, а только герои — и пытавшиеся следовать самым суровым из них — и иногда у них это получалось.

— Точно, — перебил его Сиг. — Вроде того, как Сигурд отказался прикоснуться к драгоценностям, даже хотя у него были все права сделать это, после того как он убил Фафнира! Он знал, что эти драгоценности изменяют человека, прикоснувшегося к ним, как это случилось с Мимиром, вот поэтому он и не взял их.

— А что потом случилось с Сигурдом? — спросил Ким.

— Многое, однако у меня нет времени рассказать об этом сегодня вечером, — ответил Сиг. — Вот завтра — послушаете, сегодня мы ходили в библиотеку и взяли оттуда несколько книг. Я взял вторую книгу о Сигурде, описывающую не совсем то, что случилось со мной — там не было вообще Сига-Клешнерукого. Но я был им — Сигом-Клешнеруким — я шёл вместе с Сигурдом, когда он отправился убивать Фафнира, как и перед тем помогал ковать меч. И Рэс, он взял книгу о Египте, но в ней ничего не нашлось о Мерое, поэтому ему пришлось взять другую и он сейчас просматривает её. Арти — вот у него была отличная история — о настоящем Артуре, а не о Короле и его Рыцарях Круглого Стола и всё такое. И теперь — может, тебе удастся разузнать что-то об этом Чуко Янге. Если наши герои существовали на самом деле, то и твои тоже должны были быть!

— И когда мы вернёмся завтра домой, мы все вместе сходим туда и заберём головоломку, — Рэс встал.

На том и порешили, после чего трое мальчиков ушли домой. Ким, вернувшись к себе, сел за стол и раскрыл книгу. Его ждало домашнее задание. Но как же трудно было сейчас сосредоточиться над содержанием учебника. Ему хотелось знать всё, что Сиг мог рассказать ему о Фафнире, а Арти — о Пендрагоне, как и Рэс — о чудовище Сирруш-Ло... и ждать было так трудно. Фактически, он не был уверен, что, захлопывая свой последний учебник, он хоть сколько-нибудь выучил сегодня вечером.

— А эти ребята кажутся очень приятными, — прокомментировала мама за завтраком. — Я так рада, что ты нашёл новых друзей, Ким. Начинать учиться в новой школе, причём такой огромной, как школа Энтони Вейн, довольно трудно, но оставаясь одиноким, это будет ещё труднее. Я знаю миссис Дортмунд, и я уже встречалась с миссис Джоунс и миссис Браун на собрании в школе. Они все живут совсем близко... — она не закончила свою фразу, но Ким догадывался, что она имеет в виду. Теперь ей не

придётся больше беспокоиться о нелюбви Кима к их новому дому и их соседях.

Но мальчика снедало нетерпение побыстрее добраться до автобусной остановки, вот поэтому он раньше, чем обычно, постарался покинуть дом и выйти на улицу.

— Эй! Подожди, приятель! — раздался громкий крик Арти, и Ким замедлил шаг, когда одноклассник догонял его по дорожке, на ходу застёгивая свой пиджак. За углом они наткнулись на Рэса, а ещё через полквартила — и на Сига, так что на остановку прибыли все вместе.

Вокруг старого дома ничто не подавало признаков жизни. Но было ещё рано, только половина восьмого, и если люди из муниципалитета и явятся, чтобы забрать вещи из дома, то, вероятно, это случится позднее.

— Как жаль, что сегодня не суббота! — воскликнул Арти.

— Да уж! — ответил ему Рэс. — Нам остаётся лишь надеяться на то, что здесь их сегодня не будет.

— У нас, наверное, есть ещё десять минут, — сказал Арти. — Почему бы нам не слазить туда сейчас?

— Чтобы все эти увидели нас там? — Сиг указал на маленьких ребятишек и на двух матерей, сопровождавших своих чад и ожидавших автобуса, чтобы благополучно посадить детей в него.

Они хмуро согласились, что он прав. Поэтому они использовали свободное время, чтобы Ким повторил им своё приключение, которое вчера рассказал довольно путанно, но и теперь его постоянно перебивали все подряд, внезапно припоминая что-то, что он должен был обязательно в ту же секунду добавить, прерывая на середине чей-нибудь рассказ.

Этот вторник оказался самым длинным школьным днём на памяти Кима — почти такой же длинным, как и день накануне, когда ему хотелось разузнать, что же делали мальчишки в том доме. Часы как будто остановились, каждый урок, казалось, растягивался на целых четыре долгих утомительных часа. И когда он наконец залез в автобус, направлявшийся к дому, он чувствовал себя так, словно

провёл неделю в этих классных комнатах и коридорах.

Три урока вся компания отучилась вместе. А с Рэсом к тому же у них оказался перерыв на обед в одно время, так что им даже удалось сесть за один стол. Но они не рискнули говорить много о том, что занимало все их мысли, боясь, что кто-то их подслушает. Какое было облегчение думать, что они уже едут домой, как хорошо знать, что вскоре они разгадают всю загадку.

Но чем ближе они подъезжали к своей остановке, тем больше беспокоились о том, что могло случиться за время их отсутствия. Что если люди из муниципалитета пришли и забрали всё из дома? Ким уже по-настоящему чувствовал себя в полном отчаянии, когда автобус свернул за угол и они вышли из автобуса.

Как один они повернулись лицом к заросшему саду.

— Во всяком случае никаких самосвалов, — Арти издал вздох облегчения.

— Но это ничего не значит, — подчеркнул Рэс. — Они могли уже уехать. И мы не узнаем, пока не проверим внутри.

— Спокойнее, — предупредил Сиг, — нам лучше пробираться под прикрытием кустов, чтобы никто ничего не увидел. Не стоит, чтобы кто-нибудь заметил нас и начал задавать вопросы. Пошли быстрее в дом!

И они побежали, подчиняясь его указаниям, стараясь держаться так, чтобы между ними и распахнутыми воротами постоянно были какие-нибудь деревья. Вскоре они достигли крыльца с задней стороны дома, и Сиг оказался впереди всех. Он приподнял оконную раму, чтобы проскользнуть внутрь, и Арти поддержал её створку, чтобы он поскорее проделал это.

— Не думаю, что они уже побывали здесь, — обрадовал друзей Сиг, когда мальчики проникли в дом вслед за ним. — Вся кухонная утварь никем не тронута.

Так же обстояло дело и со столовой и гостиной. Им не понадобилось много времени, чтобы добраться до комнаты с головоломкой. Однако на самом пороге Сиг внезапно

остановился, и следовавшие за ним по пятам Арти, Рэс и Ким наскочили на него и кучей ввалились в комнату. А секунду спустя они тоже увидели, что остановило первого.

В комнате по-прежнему стояли только стол и стул. Но столешница оказалась пустой. На ней не было собранной из сверкающих деталек картинки-загадки, не сверкали яркие цвета. Не осталось даже самой шкатулки. Ничего, кроме стула и стола, пыли и огромного числа паутинок.

— Я... я же оставил её вот здесь, — Ким постучал пальцем о столешницу. А затем пристально посмотрел вниз в полном изумлении, как только что перед этим застыл Сиг на пороге комнаты.

— Но теперь её здесь нет, — растерянно пробормотал Сиг. Однако Рэс подошёл к Киму и остановился, внимательно разглядывая его.

— В чём дело, парень? Что это ты там раскопал?

— Пыль! — Ким показал рукой. — Посмотрите только на эту пыль! Видите, вот я касаюсь этого места — и делаю отметину. Но везде на столе — толстый слой пыли! Как... как могла лежать здесь головоломка? Как мы могли складывать все те кусочки и не стряхнуть пыль?

Рэс наклонился поближе.

— Эй, ребята, гляньте-ка сюда — он прав! Действительно сплошной толстый слой пыли. И столько пыли не соберётся в этом старом доме всего за одну лишь ночь. Даже если кто-то и унёс отсюда головоломку, то откуда на этом столе взялось столько пыли? Вот, смотрите, я могу даже написать здесь своё имя!

И кончиком пальца он вывел на поверхности стола «Д-Ж-О-Р-Д-Ж».

— Но ведь, — возразил Арти пронзительным голосом, — я точно знаю, что она была именно здесь — на этом столе! Я видел её тут — а вот здесь был серебристый дракон, которого я сложил, рядом с синим и красным, а ещё оставалось множество жёлтых кусочков — и шкатулка — и всё именно здесь! — он в свою очередь опустил вниз палец, ещё больше растровожив пыль.

— И я видел её, — Сиг медленно кивнул головой, — как и ты, Рэс. Как и Ким после нас, ведь он сложил последнего дракона. Я знаю, что он не придумал свою историю, — всё сходится. Другой дракон, но его история похожа на наши. И мы все знаем, что уж наши-то — правдивы. Однако — головоломки-то нет — как и шкатулки... да ещё и вся эта пыль... Во всём этом нет никакого смысла!

— Возможно, — согласился Ким. С той самой минуты, как он оказался возле пустого стола, он пытался начать здраво мыслить. — Возможно, и не предполагалось, что мы будем владеть этой головоломкой. Возможно, она предназначалась лишь для того, чтобы её сложить один раз.

— Но почему? — задал Арти вопрос, на который никто из мальчиков не смог ответить.

— Кто знает? — ничего лучше Рэс не мог сказать. — Только это... я знаю, что я видел, хотя теперь этой вещи нет. И я знаю, что я делал, когда был Шеркарером из Мерое. Даже если картинки-загадки больше не существует, я всегда буду помнить о ней.

— Да, и возможно, Ким прав, — подтвердил Сиг. — Скорее всего, у каждого из нас была только одна-единственная возможность сложить эту головоломку, и мы этим хорошо воспользовались.

— Но эта пыль... откуда же она взялась?

— Откуда нам знать? Этот старик — тот, что когда-то жил здесь — у него были разные странные штуковины, собранные со всего света. Может быть, в этой головоломке есть что-то ещё, куда более странное...

— Ты имеешь в виду магию? — спросил Арти. — Магия... какая чепуха, никто не верит в неё, кроме маленьких детей.

— Что-то вроде магии, — твёрдо возразил Ким. — Вы ведь слышали о чтении мыслей и тому подобных вещах. Как раз в прошлом месяце по телевизору показывали одну программу о людях, которые узнают о том, что случится, задолго до того, как эти вещи происходят. Даже не нужно, чтобы это было волшебство, которое описывается в сказ-

ках, это может быть какой-то особой магией, даже нечто вроде какой-то науки, о которой мы ещё не знаем. И смотрите: я китаец, поэтому моё приключение происходило в прошлом Китая. А ты, Сиг — из какой страны прибыли твои предки?

— Мой прадед был немцем.

— Вот поэтому-то ты и попал в Германию. И Рэс... его предки некогда, давным-давно, жили в Африке, ну, а ты, Арти... разве твой род не происходит из Англии?

— Из Уэльса.

— Точно, Уэльс — ведь это часть Британии. Так что мы просто пережили разные события, которые случались с нашими пра-пра-пра... и ещё тысячи раз прадедушками. Вот в этом-то есть смысл, не так ли? Во всяком случае головоломка исчезла... однако Рэс прав, мы не забудем ничего из того, что с нами приключилось. Может быть, именно это и должно было с нами случиться — чтобы мы запомнили это!

Арти уже направился к двери.

— Бессмысленно больше оставаться здесь, — сказал он несколько громко. — Мне как-то не по себе от этого места.

Он только облёк в слова то, что ощущали другие. Комната, которая когда-то радостно приглашала их к себе, теперь изгоняла их, дом хотел избавиться от ребят. Они торопливо пересекли комнаты, повинаясь этому странному приказу, который они ощущали, хотя и не слышали.

— И всё-таки интересно, куда она делась — эта головоломка? — задумался Сиг.

— Мы никогда не узнаем это, — ответил Рэс. — Впрочем, я думаю, Ким в чём-то прав — возможно, и в самом деле все эти знаменитые предки, которые совершали свои великие деяния, когда-то действительно жили, и мы вовремя оказались рядом с ними. И... Я-то, во всяком случае, рад, что у меня была возможность сложить Сирруш-Ло.

Арти мог в ответ на это кивнуть только «да». Он не сомневался в словах Кима. Впрочем — ему очень хотелось, чтобы это было так, — ему очень хотелось верить, что

Артос, сын Мариуса, названный так в честь Верховного Короля, в самом деле был его предком, некогда жившим на Земле. Артос был настоящим!

Сиг сжал ладонь в кулак. Его пальцы не были похожи ни на какие клешни. Но он не мог забыть, какой она была некогда — рукой Сига-Клешнерукого — Сига Дортмунда — и между ними существовала связь, он знал это.

А Ким слушал шуршание сорванных ветром листьев, по котором они шли. Но он шагал маршем и в другой ситуации — под барабаны солдат маленькой попавшей в окружение армии Чуко Янга. Он принялся размахивать своим портфелем и на какое-то мгновение почти поверил, что в руках у него не кожаная сумка, а меч в красных ножнах.

Содержание

ОПЕРАЦИЯ «ПОИСК ВО ВРЕМЕНИ» 3

Перевод Д. Арсеньева

ДРАКОНОВА МАГИЯ 207

Перевод Д. Арсеньева

Андрэ Нортон

Драконова магия

Литературно-художественное издание

Ответственный редактор *Голованёв М. В.*

Редактор *Прилипко К. В.*

Художник *Аввакумов Д. И.*

Вёрстка *Фирсов В. Н.*

Сдано в набор 17.12.94 г. Подписано в печать 06.02.95 г.

Формат 84х108 1/32. Бумага офсетная.

Печать высокая. Гарнитура «Таймс». Уч. изд. л. 18,6.

Физ. п. л. 12. Тираж 25 000 экз. Заказ № 2915.

ЛР № 070157 от 02.10.91 г.

Издательство «Зеленоградская книга».

103478, Москва, г. Зеленоград, корп. 448, к. 1.

Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»

Роскомпечати.

127018, Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

